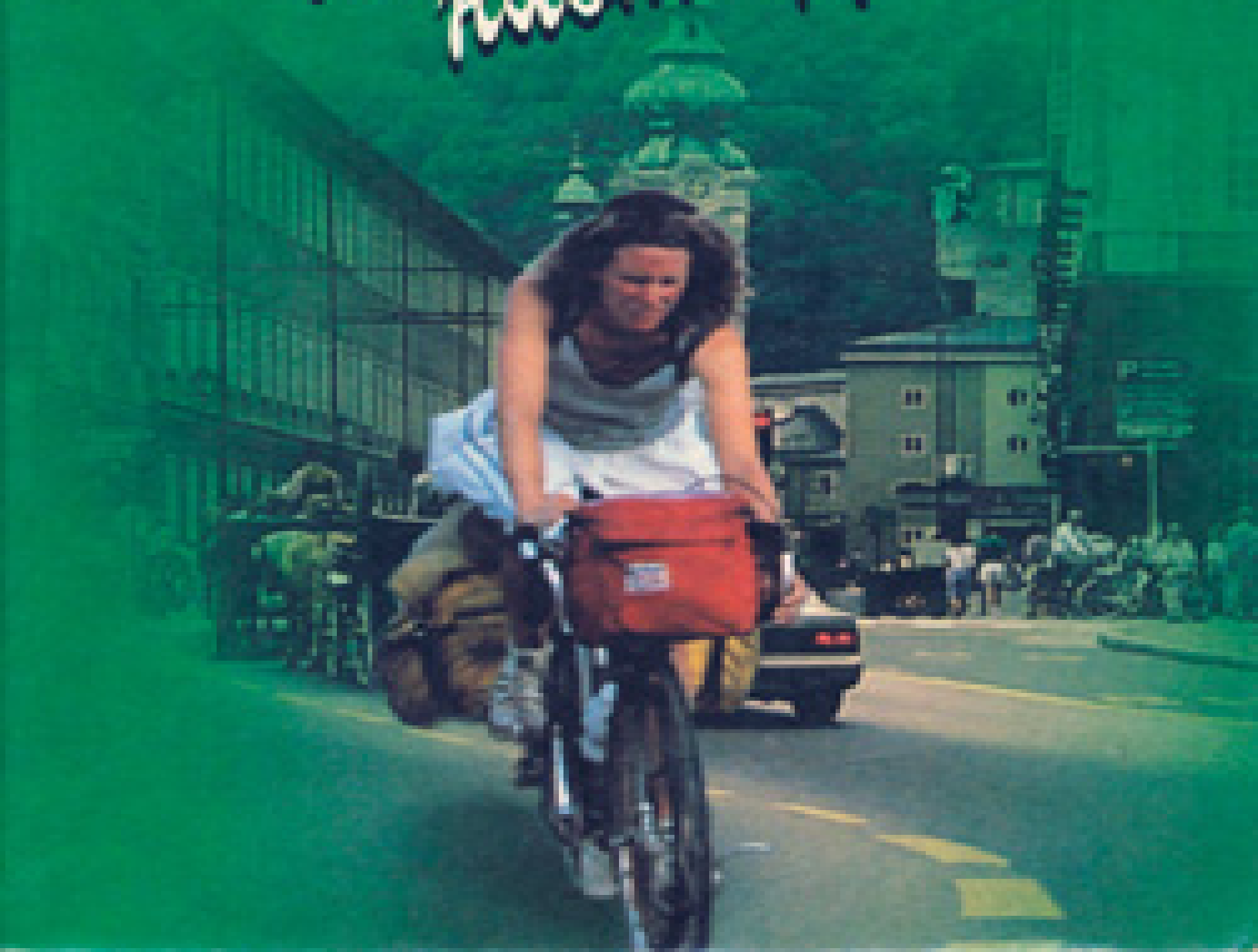

БАРБАРА
СЭВИЛЖ
*Мини
хочында*

Annotation

Автор книги — молодая американка, решившая в один прекрасный день бросить вызов судьбе и вместе с мужем совершить кругосветное путешествие на велосипеде. Проехав двадцать три тысячи миль и повидав двадцать стран за два года путешествия, они пережили массу приключений, временами опасных, временами забавных, получили незабываемые впечатления, о которых рассказывает Барбара Сэвидж в своей книге «Мили ниоткуда».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

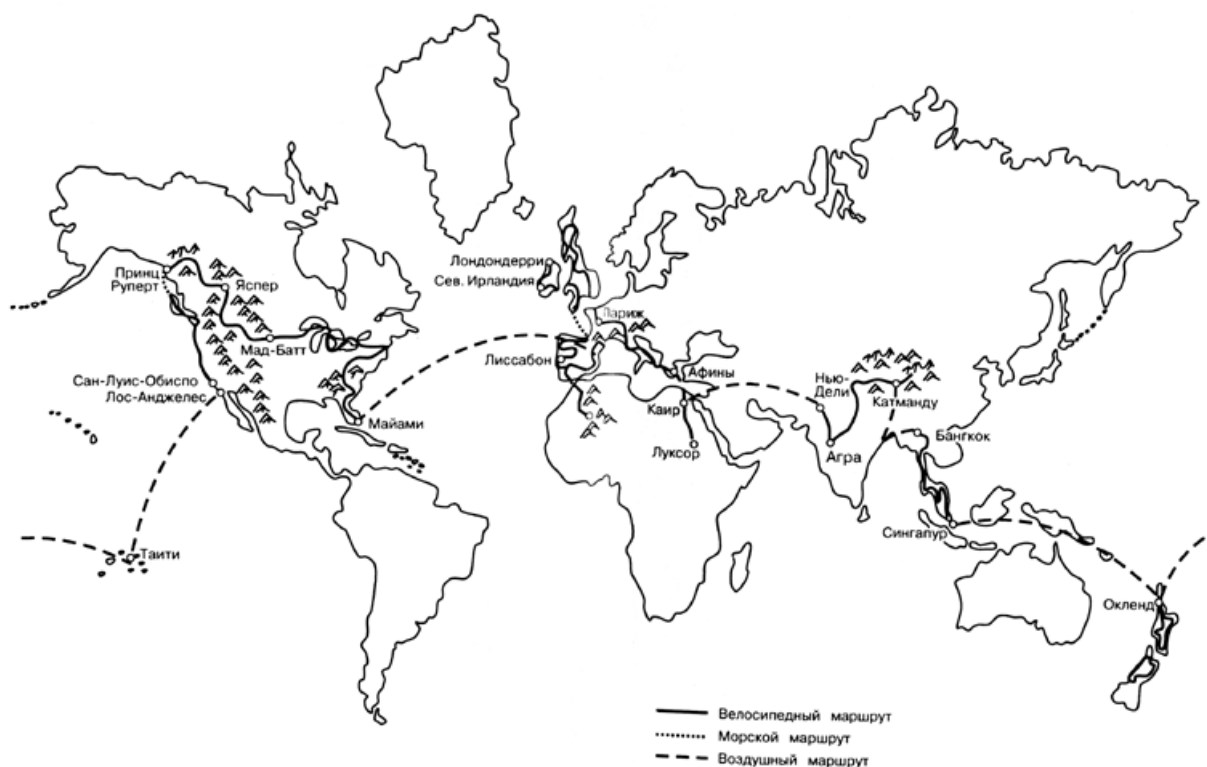
-
- [Барбара Сэвидж](#)
    -
    -
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)

- [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ](#)
- [В ПАМЯТЬ](#)
- [ТАБЛИЦА ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ](#)

- [notes](#)

- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—
- *
—

Барбара Сэвидж МИЛИ НИОТКУДА (Кругосветное путешествие на велосипеде)

МОЕМУ МУЖУ ЛАРРИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЛЯДИ В ОБА

НЬЮ-ДЕЛИ (Ассошиэйтед Пресс) — Вчера, в 200 милях юго-восточнее индийской столицы, огромной дикой обезьяной была заживо съедена американская велосипедистка.

Сообщения о моей кончине стали бы безусловным украшением заголовков всех крупных газет дома, в США, если бы Ларри поведал эту историю как надо, придав ей сенсационность и трагическое звучание, вызывая в воображении читателя ужасающую смертельную схватку невинной велосипедистки с обезьяной, способной проглотить представителя рода человеческого целиком, со всеми потрохами. Расскажи он всё должным образом, вы бы смогли представить себе, как я, путешествуя на велосипеде по отсталой и голодной стране, кишасей тиграми, кобрами и бандами головорезов, подверглась нападению примата, который, свалившись мне на голову с дерева, служившего ему убежищем, загнал меня до потери сил и прикончил чудовищной силой своих челюстей и конечностей.

Видя прямо перед собой раскачивающуюся обезьяну, я молилась, чтобы при изложении этой истории Ларри из сострадания умолчал о том, как всё было на самом деле.

В конце ноября 1979 года мы втроём ехали на велосипедах по Индии. Во время стоянки в Нью-Дели, спустя несколько дней после нашего с Ларри прибытия в Индию, мы повстречали новозеландца Джеффа Торпа, голубоглазого блондина лет двадцати. Джефф тоже направлялся в Непал, и мы договорились путешествовать вместе. Все мы немного нервничали, как

пройдёт наше «велосипедное мероприятие» в столь удивительной и экзотической стране.

При выезде из Нью-Дели я предложила двигаться по сельским дорогам, подальше от тяжёлых грузовиков на хайвэях. За пять дней весьма извилистым маршрутом мы добрались до городка Майнпури, расположенного в ста восьмидесяти трёх милях к юго-востоку от Нью-Дели, и всё это время собирали вокруг себя толпы зевак. В Майнпури мы вызвали самое большое скопление народа, возможно как раз потому, что оказались вдали от магистральных шоссе.

Уже при въезде в город стало ясно: Майнпури не похож на те индийские города, где нам приходилось останавливаться. Улочки были такими узкими, что двум машинам ни за что бы не разъехаться; но машин там и в помине не было — только люди, велосипеды, рикши, мотороллеры да ещё несколько круживших вокруг священных коров. Вдоль улочек выстроились дощатые киоски, способные вместить одного-двух взрослых. Эти киоски оказались магазинчиками, в которых продавалось всё — от пищи до текстиля и драгоценностей. В магазинчиках никто по-английски не говорил, а люди в городе разглядывали нас скорее с недоверием, чем с любопытством. В конце концов удалось разыскать местного врача, который нас понял и отвёл в единственную местную гостиницу-пансион. Ларри с доктором поднялись по лестнице «добывать» комнату, а мы с Джеффом остались ждать на грязной, обильно унавоженной улице.

За две недели, проведённые в этой густонаселённой стране темнокожих людей с белозубыми улыбками и пронизывающими взглядами, постоянно искавшими на наших лицах ответ на свои безмолвные вопросы (Кто вы? Почему вы здесь? Куда направляетесь? Откуда явились?), мы с Джеффом привыкли к столпотворению.

Но мы совсем не ожидали того, что приключилось дальше.

Известие о нашем появлении распространилось с быстротой молнии, и по узким улочкам к нам устремились толпы индийцев, сметая любые препятствия на своём пути. Своим иноземным обличьем, а также заслуженными пятнадцатискоростными велосипедами мы привлекали к себе внимание не меньше, чем НЛО. Теснимые со всех сторон напором людских тел, мы с Джеффом вцепились в свои велосипеды и, прислонившись друг к другу, дружно гнули спины, пытаясь удержать равновесие. Индийцы, оказавшиеся на периферии толпы, продирались вперёд, стремясь занять удобную для обзора позицию, но ближайšie к нам стояли насмерть, неистово отстаивая выгоды своего положения. Отдельные смельчаки попытались было взобраться на соседние киоски, чтобы лучше видеть, но хозяева согнали их оттуда длинными бамбуковыми шестами, которыми обычно гоняют священных коров, ворующих продукты в магазинах.

Через пять минут, как собралась толпа, над неистовством масс раздался умоляющий и безнадёжный вопль, подобный крику тонущего в бурунах ребёнка. Мы с Джеффом нервно заозирались; сила давления со всех сторон была так велика, что удавалось шевельнуть только головой. Я оглянулась и заметила рикшетакси, опрокинутое и растоптанное людскими толпами, валившими с боковых улиц. Двое его пассажиров, мужчина и женщина, оказались в ловушке, зажатыми внизу, в то время как толпа уже карабкалась по поверженному экипажу, не обращая внимания на его вопящих «обитателей». Велорикша, тянувший коляску, освободился, но и он махнул рукой на попавшую в ловушку парочку ради участия во всеобщем сумасшествии.

Разглядывая калейдоскоп качавшихся вокруг лиц и прислушиваясь к взрывам воплей и визга, я услышала, как Джефф что-то бормочет за моей спиной.

— О, Б-барб...— Он заикался.— Мне нужно идти.

Мы оба почти задыхались и были готовы идти прямо по головам своих зрителей, но, похоже, Джеффа мучило что-то ещё.

— Барб, я больше не удержу,— прошептал он.

Подхватив дизентерию где-то в Иране или Пакистане, он больше не мог придерживаться изящных манер, и я, представив, как он прямо здесь, посреди сотен ничего не подозревавших индийских зевак, утратит контроль над своими кишками, принялась истерично хохотать.

Чем больше я смеялась, тем тише становилось вокруг, мужчины же стали протискиваться поближе, чтобы лучше рассмотреть это странное явление — хохочущую женщину. Майнпурские мужчины видели иностранку на велосипеде, видимо, впервые в жизни, но, похоже, ещё больше их привлекала возможность услышать, как она смеётся. Казалось, они не подозревали, что я — вообще человек, способный разговаривать или смеяться.

— О'кей, вы двое, у нас есть комната! — прокричал Ларри из окна второго этажа. Его слова моментально положили конец моему хихиканью и страданиям Джеффа, и мы оба ринулись прокладывать себе путь через море людей, отделявшее нас от гостиницы. По дороге пришлось смести множество остолбеневших мужчин в белых туниках и мешковатых брюках. Требовался хороший пинок, чтобы они очнулись от транса.

Как только вместе с велосипедом я оказалась в гостинице и поднялась наверх, то захлопнула ставни, чтобы не слышать гвалта внизу. Полы, стены и пять коек в нашей комнате по американским стандартам были

мерзостно-грязными. По полу сновала крыса, периодически исчезая, а затем вновь появляясь в щели под дверью. После одного из её исчезновений я заткнула щель грязными носками. В комнате под потолком имелся работающий вентилятор, мы запустили его на всю мощность и повалились на койки. Хотелось выжать из вентилятора всё возможное: через несколько часов всё электричество в городе должны были перебросить в сельскую местность, чтобы запустить водокачки на фермах. В тот год Индия переживала жестокую засуху.

Какое-то время спустя я поинтересовалась у Ларри, где туалеты. Он нахмурился, затем округлил глаза и указал вверх. Двумя этажами выше, на крыше, я обнаружила единственный гостиничный сортир — бадью. Сперва я не могла заставить себя приблизиться к ней, но, посоветовавшись сама с собой, решилась разместиться на этом открытом всем ветрам троне и уставилась на окрестные крыши. Бадья была наполовину полна и испускала ужасное зловоние.

Заметив животное, я сначала понадеялась, что либо мне померещилось, либо оно на привязи. Не хотелось всерьёз размышлять о том, что я вижу, сидя на корточках над бадьёй, но моё сознание так этого не оставило. Пришлось признать весь ужас сложившегося положения — в тот самый момент лишь несколько окрестных крыш отделяли меня и «мою» бадью от совершенно не привязанной шустрой четырехфутовой обезьяны, которая, раскачиваясь вдоль улочек и цепляясь за цементные крыши, направлялась прямо ко мне.

Вот, оказывается, как я умру, подумалось мне. С того самого дня, как нам с Ларри пришла в голову идея отправиться на велосипедах вокруг света, где-то в глубине души я всегда знала, что этот номер у меня не пройдёт. Обезьяна была теперь так близко, что можно было не сомневаться — ей удастся сграбастать меня,

прежде чем я успею удрать с крыши. Всё, о чём я могла мечтать, так это чтобы ни Ларри, ни Джефф никогда не рассказывали о том, что же случилось на самом деле: как я была атакована и убита обезьяной в тот самый момент, когда облегчалась в бадью на индийской крыше.

Открыв было рот, чтобы завизжать, я услышала, как ору: «Вниз! Спускайся вниз!» Моё рациональное мышление включилось наконец, и, чисто рефлекторно вскочив на ноги, я помчалась прочь от обезьяны, побив, без сомнения, все индийские рекорды по пятидесятиярдовому броску по крыше и вниз по ступенькам. Я влетела в комнату и захлопнула за собой дверь.

— Знаете,— пробормотала я, обращаясь к Ларри и Джеффу после того, как улеглось сердцебиение,— кончится тем, что от первого в мире велопробега останется чёрт знает что!

Думаю, приключись это со мной в самом начале нашего похода, я бы всё бросила и в тот же вечер вернулась домой. Но к тому времени, за восемнадцать месяцев дороги, мы с Ларри пришли к обоюдному соглашению (и временами ему успешно следовали) относительно разнообразных экзотических и невозможных ситуаций нашего путешествия. В тот вечер, в Майнпури, сидя на своей койке, я размышляла о том, почему, несмотря на физические и душевные тяготы нашего путешествия, чем дальше мы едем, тем больше жаждем испытывать свои недавно приобретённые силы, выносливость и уверенность в себе. Невзирая на все потрясения того вечера в Индии, я продолжала радоваться, что мы затеяли наше путешествие.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПОКА НЕ ПОЗДНО

На велосипеде вокруг света? Идея возникла под влиянием минуты, и, поскольку мы не стали подробно перебирать всевозможные опасности, у неё был шанс выжить. Всё началось в начале 1977-го, когда мы с Ларри обедали в своей квартирке в Санта-Барбаре.

— Ты замечала, как часто люди говорят: «Я мечтал совершить что-нибудь захватывающее и выдающееся, пока был моложе, но теперь я слишком стар и у меня нет сил к этому вернуться»? — мычал Ларри, жуя картошку.

Я кивнула.

— Так вот, довольно скоро денег у нас будет достаточно для взноса за дом. Но, как только мы его внесём, нас свяжут последующие ежемесячные платежи. Опять же, если вместо этого мы потратим деньги на что-нибудь ещё, вроде путешествия, то по возвращении обнаружим, что у нас ни кола ни двора.

Я снова кивнула, и Ларри продолжил:

— Но, с другой стороны, как раз сейчас мы оба в хорошей физической форме, а кто знает, что случится лет через десять. Один из нас может получить травму, и тогда нам уже не пересечь Америку на велосипедах, как тем ребятам, о которых ты недавно рассказывала. Что касается остального мира, то всё меняется, и неизвестно, что от него останется спустя годы.

Повисла глубокомысленная тишина. Исход его размышлений был ясен нам обоим. Это зрело в нас месяцами. Мы устали от своей монотонной, унылой «безопасности, надёжности и уверенности в завтрашнем дне» и были вполне готовы устроить себе перемену.

После окончания Калифорнийского университета в Санта-Барбаре в 1973-м, женитьбы, года работы в

Испании и летнего путешествия по Европе мы с Ларри вернулись в Санта-Барбару, чтобы осесть, заняться карьерой и скопить денег на дом. И сразу началась неделя «с восьми до пяти»: у Ларри — в качестве инженера-механика, а у меня — как у работника социальной сферы со знанием испанского языка. Вскоре нас окутало приятное ощущение безопасности, обусловленное постоянной работой, прибылями компании и регулярными чеками. На велосипедах мы каждый день ездили на работу. По выходным играли в пляжный волейбол, раз в несколько месяцев отправлялись в Сан-Диего навестить моих родителей или в Сан-Хосе — родителей Ларри.

Но к 1977 году наше терпение иссякло. У меня развился традиционный для соцработника синдром «поджигателя»; исчезла способность справляться с горами бумажной работы, ворохом вечно меняющихся правительственных циркуляров и форм, форм и опять форм и воевать с ящиком, перегруженным запросами от ста тридцати клиентов. А Ларри лез на стену от каждодневного высиживания за рабочим столом и бесконечного дизайна компьютеров. Неужели большую часть своей жизни мы проведём в стерильных офисах, занимаясь утомительной и нескончаемой работой? Общество отвечает: конечно, продолжайте трудиться, покупайте дом, обзаводитесь семьёй, берегите силы к отставке, а по дороге, будьте уверены, получите цветной телевизор, микроволновую печь, стерео, новую машину и электроточилку для ножей.

А где приключения и что вокруг? Незадолго до этого я попала на презентацию одной пары из Санта-Барбары, проходившую с показом слайдов. На велосипедах они пересекли Америку. Если бы кто-нибудь спросил меня накануне, сколько потребуется времени, чтобы пересечь континент, я бы уверенно ответила, что годы. Но теперь

я знала: на это уйдёт не более трёх месяцев и сотни людей проделывают это ежегодно.

Мне захотелось проехать на велосипеде сначала Штаты, потом, после перелёта,— Испанию. Ларри был целиком «за» и даже более. Он мечтал о Египте.

— Ладно, но зачем останавливаться? — заявила я.— Мне давно хотелось побывать в Непале и посмотреть Гималаи. Может, после поездки по долине Нила полетим туда?

И тут нас понесло. Мы оба согласились, что уж если доберёмся до Непала, то почему заодно не побывать и в Новой Зеландии. Мы слышали о Новой Зеландии много хорошего и время от времени подумывали туда отправиться. И потом, там ведь рядом Таити — волшебный соблазн островного рая Южного моря. Путешествие вокруг света? А почему, собственно, нет? Если уж мы собираемся бросить работу, отказаться от дома и избавиться от своих пожитков, то надо выжать максимум удовольствия из своей свободы и продолжить путешествовать после Испании. Если будем экономить больше года, остаток 1977-го и первую половину 1978 года, то сможем себе позволить двухгодичное дешёвенькое путешествие.

— О'кей, так и решим. Через год оставим работу и отправимся вокруг света,— заявила я в конце обсуждения.— И поскольку мы собрались начать с велопробега, почему бы его не продлить и не проделать весь путь на велосипедах? Вот это будет настоящим приключением!

Я была потрясена словами, сорвавшимися с моего языка. Что же это я, чёрт подери, ляпнула? Мне, существу в пять с лишним футов ростом и в сто пятнадцать фунтов весом, объехать весь мир на велосипеде за два года? Я так громко прыснула, что проглотила остатки завтрака. Это была совершенно нелепая идея.

Однако Ларри не засмеялся, и я увидела, как на его губах заиграла самодовольная ухмылка. От этой улыбки меня прошиб озноб. «О Господи! — подумала я.— Эта затея пришлась ему по вкусу».

— Уверен, мы это сможем! — Ларри загорелся.— Если нам удастся пересечь Штаты, то тем же способом мы сумеем проделать и остальной путь. Это великолепная идея! В ней есть всё: вызов, приключение, достижение. Ты сама её обозначила. Забудь о перелётах с места на место и комфорте каких-нибудь «супер-дупер» туристических автобусов, которые останавливаются во всех примечательных для туристов местах. Мы увидим мир с велосипеда и будем устраивать стоянки где угодно. Будем бороться до седьмого пота, встречаться с людьми и узнаем мир таким, какой он есть. Научимся независимости и стойкости. Это будет бесценный опыт на всю оставшуюся жизнь.

«Рехнулся,— подумала я,— мы же погибнем. Настоящей и простой смертью». Честно говоря, весь замысел был грандиозно-абсурдным.

Тем не менее энтузиазм Ларри начал заражать и меня. Он искренне верил, что мы на это способны, и чем больше рассуждал на эту тему, тем сильнее мне передавалось его возбуждение. Убрав тарелки со стола, он разложил наши атласы мира. Мы были как два ребёнка, увлечённые новой рождественской игрушкой. Каждый пытался проложить маршрут так, чтобы увидеть как можно больше. Соединённые Штаты, Канада и Европа представлялись нам изученными, но с продвижением на Восток посыпались вопросы. Можно ли женщине ездить на велосипеде в исламских странах? Должна ли я носить на себе ворох одежды и чадру, преодолевая пески Среднего Востока?

Сильнее всего Ларри беспокоила Индия — из-за «голодающих масс». Его занимало, как поступить, если толпы «недоедающих индийцев» будут нас повсюду

преследовать. Со своим аппетитом Гаргантюа он, естественно, переживал по поводу возможного недостатка еды. По нашим сведениям, дорога от индийской границы в Катманду, в Непал представляла собой двухсотмильную череду немощёных «американских горок», без пищи и воды. Для велосипедиста — невозможно, представляла я. Но Ларри был настроен оптимистично.

— Договоримся с водителями автобусов на границе, и они будут сбрасывать нам еду и воду, проезжая мимо каждый день. Что-нибудь сообразим. К тому времени, как доберёмся до Непала, мы должны поднатореть в разрешении подобных проблем,— заключил он.

Дойдя до Юго-Восточной Азии, мы потерпели неудачу. Наши знания о Таиланде, Малайзии и Индонезии равнялись почти нулю. По моим представлениям, страны эти были примитивными. А что, если, оказавшись там, мы не найдём ничего, кроме кишаших змеями и тиграми джунглей? Стало забавно. Я никогда не была почитательницей змей.

Следовало беспокоиться ещё множеством неразрешённых вопросов, но и Ларри и я предпочли от них отмахнуться. Если бы мы взялись раздумывать над тем, какие неприятности могут нас подстергать, то наше предприятие вряд ли бы состоялось, не выдержав груза сомнений. Вместо этого мы говорили о том, как будем нырять с маской и трубкой на коралловых рифах Таити, взбираться на гробницу Тутанхамона и покорять Скалистые горы, Альпы и Гималаи. В глубине души жила уверенность, что это путешествие меня прикончит, зато гибель теперь представлялась прекрасной.

Спустя месяцы после принятия нашего «судьбоносного» решения я сочла, что следует проявить благоразумие и провести испытание на длинной дистанции. Подобного опыта, ко всему прочему, у меня не было. Весь мой энтузиазм по поводу велотура

основывался на одной слайдовой презентации и малоубедительном заявлении Ларри, который имел в своём запасе единственный трехсотпятидесятимильный четырёхдневный велопробег от Юрики до Сан-Хосе, Калифорния, а также на том, что «в общем чёрт знает сколько удовольствия несмотря на жуткие телесные страдания в первые два дня». Самая длинная дистанция, которую я проезжала когда-либо за день, составляла двадцать пять миль; а Ларри рассчитывал, что в США на безлюдных участках трассы мы будем преодолевать расстояние в три раза большее. Так что весной 1977 года в одну из суббот я решила вскочить на свой велосипед и выжать восемьдесят миль, чтобы узнать, на что это похоже. Мы с Ларри поехали на юго-восток от Санта-Барбары, преодолели несколько хребтов по пути к Охай, свернули на юг к Вентуре, потом — на север и вернулись домой вдоль побережья.

Поездка проходила без осложнений, пока на полпути между Охай и Вентурой у Ларри не спустила шина. Такую шину невозможно правильно установить, пока она не накачана до ста десяти фунтов, а наш ручной насос для этого не годился. Ларри помчался в Вентуру. Воздушных насосов не оказалось ни на одной из городских бензоколонок, но один служащий посоветовал нам обратиться в магазин по продаже мотоциклов «Харлей-Дэвидсон» на окраине города.

Мы воспользовались советом. Закатив свои велосипеды в помещение магазина, мы оказались лицом к лицу с семью мужчинами, на каждом из которых лежал отпечаток явной принадлежности к «Чёртовым Ангелам»: на руках и груди у них были вытатуированы голые женщины, тяжёлые цепи и «МОМ». Не берусь судить, кто из нас больше огорчился: семеро мужиков при виде двух «интелеев», ввалившихся со своими легковесными колёсами в пристанище для их скакунов из храма и стали, или мы, наткнувшись на семерых

свирепо разглядывавших нас амбалов. Физиономии байкеров при нашем вторжении в их святилище имели приблизительно то же выражение, какое можно вообразить на лицах надменных французских судей при появлении на старте гонок «Тур де Франс» кого-нибудь из участников с колодой карт на спицах, а также со свисающими с руля разноцветными ленточками и гудком-пищалкой.

Ларри заговорил первым. Я хорошо знала этот его беспечный тон, призванный скрыть нервное напряжение:

— Привет. Как дела? Сколько здесь превосходных машин!

Его слова были встречены ледяным молчанием.

— Скажите, мы с женой никак не можем отыскать воздушный насос в городе, не могли бы вы одолжить свой, чтобы я подкачал и установил шину.

Кто-то сплюнул на пол табачную жвачку, а я начала пятиться к двери. Но прежде, чем я до неё добралась, самый здоровый из них нарушил молчание, показывая нам, чтобы мы следовали за ним. Мы с Ларри буквально на цыпочках пронесли свои худосочные велосипеды мимо рядов гнусных машин к центру помещения.

— Вот насос, мужик. Теперь разуй глаза на шкалу,— прорычал детина.— Шиз, эта шина рассчитана не больше чем на тридцать фунтов, и обрати внимание, я не любитель бесшумных взрывов, а ты, похоже, этого добьёшься, пробуя вот этот могучий насос на своей бесполезной резинке.

Остальные ржали и качали головами. Они-то знали, что шину непременно разнесёт на части, и ставили на тридцать фунтов и ниже. Правда, один чудака дал тридцать пять. Ларри присоединил насос к шине, нажал на клапан, а здоровяк стал следить за шкалой и оглашать показания.

— Пятнадцать — двадцать — двадцать пять — тридцать — тридцать пять.

Широкие улыбки знатоков стали вянуть.

— Сорок — сорок пять — пятьдесят.

Нахмуренные брови выражали явное замешательство.

— Пятьдесят пять — шестьдесят — шестьдесят пять — семьдесят.

Диктор заткнул уши и скосил глаза. Несколько человек отошли в дальний конец помещения.

— Семьдесят пять — восемьдесят.

Я взглянула на здоровяка. Его глаза так расширились, что занимали теперь треть лица.

— Шизнутый, ты же взорвёшь меня вместе с шиной! — заорал он, отбегая подальше. Ларри стал отсчитывать показания сам, и в его голосе слышалось злорадное удовлетворение.

— Девяносто — девяносто пять — сто — сто десять. Всё, готово.

Ларри и я осмотрелись. За толстыми хромированными спицами можно было обнаружить маленькие блестящие глазки, тускнеющие от недоумения. Ларри отсоединил насос и прокричал, не обращаясь ни к кому персонально:

— Спасибо! Удачная у вас вышла шутка. Подкачаю ещё, когда буду дома. Не хочу больше отнимать у вас время.

Ни один из байкеров не двинулся из своего укрытия, когда мы выкатывались из помещения. Вывеска из бамперной наклейки на входной двери гласила: «ГОСПОДЬ ЕЗДИТ НА ХАРЛЕЕ».

Первым по-настоящему суровым испытанием в моей жизни стал тридцатимильный переход от Вентуры до Санта-Барбары, сопровождавшийся жестоким встречным ветром. Боль появилась почти сразу. В течение часа мышцы рук, ног, плеч пронзительно агонизировали. За

десять миль до Санта-Барары слёзы начали застилать глаза. Из-за наползающего тумана температура упала, началась дрожь. Болело всё тело, я чувствовала, что брежу.

В полумиле от дома, у подножия холма, на котором мы жили, я вышла из игры. Капитуляция была шумной. Мои причитающие рыдания подняли на ноги обитателей всех ближайших домов.

— О Господи, я сейчас умру! — вопила я.

Произошло самое худшее, что только можно вообразить. Когда я наконец признала своё поражение, то утешала мысль: как только слезу со своего гнусного велосипеда, мои страдания уменьшатся. Но случилось обратное: едва я соскользнула с велосипеда, всё стало гораздо хуже. Мышцы стянуло так, словно их заморозили, и я вскоре обнаружила, что не могу ни согнуться, ни разогнуться. Стоя посреди дороги и балансируя с велосипедом, я несла чепуху. Мне не хватало воздуха.

— Забери меня домой! Я умираю! Помоги же мне! Помоги! Я сей-час у-умру! — кричала я.

— Жди меня здесь. Я отправлюсь домой и пригоню фургон. Приеду прямо сюда и отвезу тебя домой вместе с велосипедом,— сказал Ларри.

— Велосипед? Забудь о нём! Глаза б мои не смотрели на это кошмарное орудие пыток. Только МЕНЯ забери домой. Пожалуйста, помоги!

К счастью, никто не вызвал «скорую помощь», пока я унижалась посреди улицы, бешено мешая мольбы с проклятиями. Вернулся Ларри быстро. Я слишком одеревенела, чтобы самой забраться в фургон, он подхватил и перенёс меня на переднее сиденье. Короткая, но ухабистая дорога до дома меня доконала. Я продолжала стенать: «Пожалуйста, не дай мне умереть!» Комичным Ларри показался лишь мой страх

смерти, но он достаточно хорошо понимал меня, чтобы не смеяться.

«Приму горячий душ, и всё будет в порядке»,— думала я, с трудом бредя к нашей квартире. Ванны у нас не было, поэтому вся надежда была на душ. Но напор воды вызвал такое ощущение, будто по моим больным мышцам ударили кувалдой.

— Этого не может быть. Просто не может быть,— вздыхала я.— Даже от душа больно!

Вся дрожа, в потёках вонючей грязи, я отправилась в спальню. Ларри вытер меня полотенцем, пока я ковыляла по квартире, потом я свернулась калачиком на кровати, словно защищаясь от любых новых ударов.

Было уже половина восьмого. Мы ничего не ели с самого полудня, а холодильник был пуст.

— Не беспокойся. Я сбегая за пиццей,— прокричал Ларри, выскакивая за дверь.

Пока он отсутствовал, я молилась, чтобы поскорее вернулась нормальная жизнь. Сколько это может продолжаться и когда же смогу снова сесть и встать как обычно? Недели? Месяцы? Годы? — спрашивала я себя.

Запах пиццы, донёсшийся от двери, облегчил мои страдания. Ларри пришлось кормить меня, потому что я и руки не могла протянуть за кусочком; при всём при том ничего более вкусного я не пробовала за всю свою жизнь.

К утру я чувствовала себя прекрасно. Однако теперь у меня возникли серьёзные опасения относительно восьмидесяти миль в день. Если без груза они дались мне с таким трудом, то что же произойдёт, когда к велосипеду во время путешествия будет приторочено сорок — пятьдесят фунтов? Я решила, что было бы лучше начать с часовых ежевечерних тренировок после работы, чтобы войти в нужную форму. Ларри, работавший на окраине Санта-Барбары, уже проезжал по тридцать миль в день по дороге на работу и обратно.

Правда, оба мы знали, что реальный тренинг и надлежащую форму мы получим в первые, полные мучений недели путешествия.

Когда 1977 год подходил к концу, мы занялись поисками снаряжения, изучением карт и уточнением маршрута. Мы написали в посольства тех стран, о которых не знали почти ничего, разъясняя свои намерения, с просьбами прислать информацию. То, что нам прислали из посольств Таиланда и Малайзии, несколько умерило наши опасения: в брошюрах были фотографии современных дорог и зданий. Беспокоил Непал. Из непальского посольства не пришло ничего.

Несколько месяцев мы изучали и сравнивали снаряжение, прежде чем перейти к приобретению всего необходимого. Ларри выбрал лёгкую разборную палатку, в которой я могла выпрямиться в полный рост, достаточно вместительную для нас обоих вместе со всем грузом, кроме велосипедов. Походная плита, которую мы купили, работала на чистом газе, но при регулярной чистке форсунок годился и обычный бензин; к ней прилагался кухонный набор из двух мисок и крышки, превращающейся в сковородку.

У обоих из нас уже имелись пуховые куртки и спальные мешки, каждому были куплены также водонепроницаемый коврик и нейлоновая непромокаемая куртка. Следующими на очереди стали выючники — велосипедные сумки, куда нужно было поместить минимум одежды для четырёх сезонов, плиту, кухонный набор, канистры с горючим, продукты, запас бутылок с водой, инструменты, запасные части, туалетные принадлежности, карты, фонарь, книги и камеру — палатки, спальные мешки и коврики мы решили прикрепить сзади к своим алюминиевым багажным сеткам. Мы остановились на самых вместительных выючниках и рулевых ранцах «Кертланд».

Ещё пару недель мы занимались оснащением велосипедных рам. У Ларри был американский вариант «Эйзентрот», а у меня — французский «Фолли». Ларри определили на должность путевого фотографа, а я должна была вести журнал и сообщать родителям домой, что всё в порядке.

Когда до отъезда осталось несколько месяцев, пришлось заняться паспортами, депонированием денег в банке, счетами. В иммунологическом центре Санта-Барбары медсестра, узнав о наших планах, вытащила целые пригоршни пузырьков с препаратами против тифа, столбняка, малярии и оспы. Поскольку прививки от холеры эффективны лишь в течение года, следовало их сделать прямо во время путешествия.

Друзья и знакомые, убедившись к этому времени в серьёзности наших намерений, спешили выразить своё отношение.

— Ни за что на свете я бы не отказалась от вечернего душа. Я бы просто не уснула, ощущая запах и грязь собственного тела,— заявила миссис Хазард, владелица местного магазина велосипедов.

— Да вы этого просто не сможете! — сказал добрый друг.— Вы никогда этого не сделаете. Слишком много неизвестного. Серьёзно, откуда вы знаете, что где-нибудь вас не прикончат неугомонные туземцы? К тому же осуществить это на велосипеде физически невозможно.

— Грандиозная идея. Валяйте. Приветствую ваше мужество.

— Вы оба психи.

— Сейчас это выглядит как какая-нибудь типично школярская затея. Вы что, оба не можете успокоиться, проявить ответственность и зарабатывать на жизнь? Лучше бы обзавелись детьми и занялись их воспитанием. Вы просто избалованы! — В голосе этого мужчины звучало презрение. Он работал в той же

компании, что и Ларри, считал его ничего не знающим инженером-молокососом, которому слишком много платят, готовым пустить свои лёгкие денежки на ветер и растратить два года жизни ради прихоти странствовать по миру. В том, к чему мы готовились, он не увидел ничего, кроме глупости: ни приключений, ни перемен, ни побед, ни тяжёлой работы, ни чувства достижения. Ему невозможно было объяснить нашу потребность узнать и понять остальной мир, раскрыть и развить в себе изобретательность, выносливость, уверенность в себе — дух первопроходцев, погребённый в комфорте современной цивилизации.

— И ты не возненавидела всё это, когда твоему мужу пришла в голову эта противоестественная для женщины идея? — прошептала пожилая приятельница, узнав о наших планах.— Надо же вообразить — на велосипеде вокруг света! Совершенно ненормальное желание для женщины.

Однако мнение, которое мы слышали чаще прочих, особенно в начале путешествия, пока ехали по Западу Соединённых Штатов, было таково: «Я всегда хотел сделать что-то вроде этого, попутешествовать по миру, увидеть дальние страны. Но так никогда этого и не сделал. Только занимаюсь рутинной работой и приобретаю вещи. А теперь слишком поздно. Мне плохо от этого. И то, что вы делаете, по-настоящему важно. Не забывайте об этом». В тяжёлые моменты путешествия эти слова помогали нам двигаться дальше.

Когда настал май 1977-го и мы решили выехать четырнадцатого числа, оставалось лишь одно посещавшее нас обоих сомнение. Можно двадцать тысяч миль крутить педали, терпеть грязь и любопытство посторонних, возможно даже погибнуть или подхватить какую-нибудь экзотическую болезнь, но хотелось бы знать, как повлияет постоянное присутствие друг друга на наш брак (который последние три года время от

времени лихорадило, поскольку мы оба с Ларри крайне независимы). Ко всему прочему, совместное, день за днём, пребывание наедине со своим супругом, часто в тяжёлых, как физически, так и психологически, ситуациях, можно, безусловно, рассматривать как мотив к убийству или разводу.

Стоит сказать: за два года путешествия бывали моменты, когда нам хотелось надеть друг другу на шею велосипедные рамы. На асфальте, грунтовках и мощённых булыжником дорогах яростно оглашались для разнообразия сопровождаемые угрозами дезертирства и неизбежным чертыханьем самые кошмарные заявления друг о друге, которые мы когда-либо делали или, возможно, сделаем. Но где-то посреди нашей авантюры, сидя в испанской канаве после одной из таких стычек, нередко возникавших, когда физическое и эмоциональное истощение или тоска по дому брали верх, мы обнаружили, что постоянное товарищество изменило наши чувства друг к другу так, как мы не могли и предположить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МЫШЕЧНЫЕ СТРАДАНИЯ

Ни Ларри, ни я почти не спали в ночь перед отъездом. Нервничали мы жутко. Желудки стали комками обнажённых нервов, и у обоих появилась роскошная возможность полностью облегчиться. Руки и ноги влажнели от пота. В горле застрял ком.

Лёжа в спальном мешке на полу единственной жилой комнаты, я уставилась в темноту. Кроме велосипедов и груды пожитков, которые будут сопровождать и поддерживать нас в путешествии ближайшие два года, в квартире не осталось ничего. От пустоты вокруг стало не по себе. Внутренний голос снова и снова шептал: ни работы, ни зарплаты, ни дома. Утром всё привычное придётся оставить позади и шагнуть в неизвестность. И вот теперь, когда этот день, к которому мы так тщательно готовились и которого без конца, больше года, ждали, почти настал, я испугалась. В конце концов, может, и не стоит никуда ехать.

В шесть утра 14 мая 1978 года Ларри и я вытащили себя из постелей и начали укладывать вьючники. Пока паковались, говорили мало. Мы были не в состоянии заниматься трёпом. Как всегда случается с неопытными велосипедистами, вещей оказалось чересчур много, и мы их просто запихивали. Но это продлится не долго: вскоре мы начнём выкидывать и отсылать домой большую часть одежды, чтобы снизить вес и объём вьючников. После двух месяцев дороги каждый из нас облегчит свой гардероб до двух пар шорт, пары брюк, тёплой рубашки, непромокаемой куртки, пуховика, нескольких пар носков, футболок и белья.

Как только мы закончили паковаться и прикрепили вьючники к велосипедам вместе со спальными мешками,

матами и палаткой, то поехали, точнее поплелись, вилля из стороны в сторону, в город, чтобы сесть на поезд до Сан-Луис-Обиспо, город в ста милях севернее Санта-Барбары, откуда наше путешествие должно было начаться официально. Один из наших юных друзей, Джон Уоррен, убедил нас, что Сан-Луис будет отличным местом для старта.

— Хочу проехать с вами весь ваш первый день полностью,— сказал он в начале месяца.— Мне давно хотелось проехаться от Сан-Луиса до побережья и на север, так что предлагаю объединиться. К тому же вокруг Санта-Барбары давно всё изъезжено. Давайте начнём из какого-нибудь нового места.

Короткая поездка от дома до станции стала первым испытанием движения с полной нагрузкой. За несколько дней до этого мы с Ларри, привязав часть пожитков к велосипедам, проехали для пробы круговым маршрутом двадцать миль до Карпинтерии и обратно. «Ничего страшного! — посмеивался Ларри по дороге.— Тяжело в ученье, легко в бою!» Но теперь, когда его велосипед весил девяносто фунтов, а мой семьдесят, потребовались все наши усилия и внимание, чтобы, отчаянно вилля, придерживаться некоего направления. Пока мы сражались за каждый сантиметр своего пути к станции, мне пришло в голову, что с такой скоростью за два года мы сможем доползти лишь до границы Орегона.

На станции нас ждала компания друзей — провожающих. При нашем появлении Кэри Хольст, который собирался присоединиться к нам позднее, в Шотландии, открыл бутылку шампанского; все смеялись, шутили, щёлкали фотоаппаратами. Наконец пришло время отъезда, и я затосковала по дому. При прощании я ничего не видела сквозь слёзы. Поднявшись на ступеньку вагона, я шагнула обратно и схватила подругу за руку.

— Энн, я боюсь,— выпалила я.— Чувствую себя так одиноко, так неуверенно без — не знаю, как выразить,— без какой-либо поддержки и корней, наверное. Не думаю, что смогу пройти через это.

И я попятилась прочь от поезда. Но Энн улыбнулась и подтолкнула меня обратно.

— Ты сможешь,— сказала она.— Только вспомни, ты всегда добивалась всего, что по-настоящему засело у тебя в голове, всего. И ты сделаешь это отлично. Я знаю, сделаешь.

Я стиснула Энн руку и поднялась по ступенькам.

Пока поезд двигался на север, мы с Ларри сидели вместе, держа друг друга за руки и безучастно уставившись в окно. Мы были слишком взволнованы, чтобы болтать, так что Джон развлекал себя сам, беседуя с остальными пассажирами.

Между Сан-Луис-Обиспо и кемпингом в Морро-Бей — двенадцать миль пологих холмов. На этой короткой дистанции я узнала, что различие в манёвренности моего велосипеда с пятьюдесятью фунтами груза и без приблизительно такое же, как разница в управлении тяжёлым грузовиком и «порше». В первый же раз, когда я повернула руль, пытаясь объехать камень на дороге, то обнаружила, что велосипед всё ещё продолжает двигаться прямо вперёд, тогда как переднее колесо наезжает на камень. От удара я чуть не осталась без зубов.

Ладно, пробормотала я себе после восстановления равновесия, в другой раз поверну резче. И когда снова передо мной возник камень, я буквально рванула руль. К несчастью, от этого мой велосипед пошёл вкось, а я оказалась на мостовой. Но после продолжительного экспериментирования мне удалось установить, что если всем телом наклониться в направлении нужного поворота и поворачивать руль круче, чем на велосипеде без нагрузки, но не слишком сильно, то влияние

уменьшается и мне удаётся объезжать большинство палок и камней на дороге.

Когда час или полтора спустя, покинув Сан-Луис, мы добрались до кемпинга в Морро-Бей, служители у ворот сообщили нам приятные новости. В соответствии с программой штата «Велосипедные и пешие путешествия по Калифорнии» каждый, кто прибыл в кемпинг на своих двоих или на велосипеде, платит за стоянку всего пятьдесят центов, а не четыре доллара, как обычно. Служители выделили нам просторное уединённое место среди сосен.

Джон был в восторге.

— Здесь замечательно! — воскликнул он после того, как мы разбили лагерь.— Везде сосны и свежий воздух, и до темноты мы ещё успеем объехать залив и наловить рыбы к обеду. Вот это жизнь! Вы, умники, отлично проведёте время в эти два года.

Возможно, подумала я. Но я была ещё слишком взволнована, чтобы расслабиться и получить удовольствие от окружающего. И когда забралась в нашу палатку после обеда — уснуть не удалось. Земля казалась жёсткой, а мой тонкий спальный матрас — едва набитым. Я принялась думать о следующем дне. Он должен стать нашим первым целиком «велосипедным» днём. Мы с Ларри планировали пройти весь путь до кемпинга в Пласскетт-Крик вдоль побережья, что составляло более шестидесяти миль на север от Морро-Бей. Последние двадцать из них мы должны будем преодолевать по предательским подъёмам береговой линии южного Биг-Сура. Шестьдесят миль через множество горok — вот это путь для начала.

Все втроём мы встали рано утром. Зажарили яичницу и заварили котелок чая на завтрак. К восьми часам мы были в дороге, держа путь на север по хайвэю № 1. Проехав несколько миль, я обнаружила, что дно моего рулевого ранца начало скрести о верхнюю часть

переднего колеса: наша плитка и кухонный набор оказались чересчур тяжёлыми для кронштейна, поддерживающего ранец. Я остановилась и переупаковала вещи, переместив плиту и набор в один из моих спинных вьючников, а лёгкую одежду — в переднюю сумку. В течение следующего месяца мне неоднократно придётся заниматься такими реорганизациями, пока я не научусь наконец уравнивать груз и размещать вещи так, чтобы быстро находить самое необходимое.

Утро 15 мая было ясным, бодрящим и солнечным, одним словом, идеальным для велосипедиста, и Джон проехал около часа, прежде чем отправился обратно в Сан-Луис, чтобы успеть к поезду домой.

Мы с Ларри стояли у края дороги и смотрели, как Джон движется обратно вниз вдоль берега, возвращаясь назад к своему дому, семье и друзьям. После того как он исчез за последним поворотом дороги, мы обнялись, тесно прильнув друг к другу.

— Теперь только ты и я,— прошептал Ларри.— Вот так.

Теперь, оставшись наконец вдвоём, мы начали свою «авантюру». И вскоре тоска и дурные предчувствия исчезли, сменившись невероятным душевным подъёмом. В небесах сияло солнце. Тихий океан искрился, воздух пах свежестью и чистотой, шумел прибой, птицы пели, коровы мычали, а змеи, ящерицы и белки разбегались позади нас по обочинам. Не звонили телефоны, не строчили пишущие машинки, не вопили клиенты. Два года не будет ренты и обязательных платежей в начале каждого месяца, форм и циркуляров, никаких «с-восьмидо-пяти» за столом в комнате с повисшими клубами сигаретного дыма. Теперь нас окружали деревья, ручьи и дикая природа, и мы могли отправиться куда угодно. Ощущение свободы было поразительным, и Ларри запел.

Всю тридцатимильную дорогу на север от Морро-Бей до Сан-Симеона мы заливались оба, но, когда остановились там закусить, все восторги закончились. Сан-Симеон в середине дня превратился в место, где зарождаются безжалостные встречные береговые ветры, и, сев на велосипеды после завтрака, мы оказались в их власти на протяжении тринадцати миль по относительно ровной местности. Ларри шёл впереди, «блокируя» ветер. Я держалась за ним, пригнув голову, мои глаза буквально прилипли к крылу его заднего колеса. Мы ползли на самой низкой скорости.

Два часа мы преодолевали эти тринадцать миль. А пока мы сражались с ветром, солнце, проникая через защитные козырьки, требовало остановиться. Я съезжала с дороги и ложилась плашмя на спину на обочине. Я окунала свою головную повязку в бутылку с водой и прикладывала её к обожжённому лицу, потом пять или десять минут пыталась унять боль, пронизывавшую мышцы, прежде чем снова собраться с силами и ещё двадцать минут крутить педали. В конце второго часа мы подъехали к скалам.

Когда впервые я их увидела — вереницу скал, обрывающихся в океан, то не могла себе представить, каким образом мы ухитримся вскарабкаться на них, да ещё и при ветре, если только что с трудом преодолели равнину. Вскоре я узнала как.

Горные хребты тянулись с востока на запад, образуя между собой бухты или заливы. Как только мы достигли первой горы, дорога повернула от моря и пошла вокруг широкого глубокого залива, затем поднялась вверх по горному склону, возвращаясь обратно к океану и концу хребта. Пока мы поднимались по крутому склону, гора прикрывала нас от ветра с севера, и мы обнаружили, что подъём намного легче движения по равнине против встречного ветра. Это было замечательно — спрятаться от ветра, замечательно — всю дорогу вверх вплоть до

места, где гора обрывалась в океан и дорога, изгибаясь вокруг отвесной скалистой грани, поворачивала к новому заливу. Логика подсказывала, что, описывая кривую, мы выйдем из-под горного прикрытия и встретимся с сильным ветром.

Как раз перед прохождением поворота я «приложилась» к скале, и мне намертво заклинило руль. Ветер набросился на меня в тот момент, когда я чересчур отдалилась от горного склона, чтобы разглядеть нескончаемые ряды хребтов и заливов, тянувшихся впереди вдоль берега. Налетевший ветер поднял меня вместе с велосипедом в воздух и сбросил с дороги прямо на скалу. Правая сторона моего обожжённого тела проехала по камням и гравию, ветер забросал лицо песком и землёй, а все семьдесят фунтов моего велосипеда с грузом рухнули на ноги.

Сражаясь с порывами ветра, я с трудом поднялась на ноги, поставила велосипед и вскарабкалась на него. В этот момент ветер налетел на меня с противоположной стороны. Я дёрнула руль вправо, но колёса несло к грунтовой обочине влево от дороги, что грозило двухсотфутовым падением на камни и в грохочущие подо мной буруны. Прежде чем съехать с мостовой, я спрыгнула с велосипеда и грохнулась на асфальт. На этот раз мой велосипед приземлился мне на бёдра.

Почти сразу, как оказалась на мостовой, я услышала шум приближающейся машины. Она тарахтела вверх по склону со стороны соседнего залива и, судя по звуку, была ужасно близко. Ларри, в отличие от меня, удалось устоять на повороте, поскольку он со своим велосипедом весил больше, чем я со своим. Он тоже услышал машину и выбежал на середину дороги, размахивая руками и пытаясь её остановить.

— Вставай! — закричал он.— Я не уверен, что он меня заметит!

Я ещё выползала из-под велосипеда, когда завизжали тормоза. Шофёр успел остановиться в пятнадцати футах от меня, а я быстренько перетащила себя вместе с велосипедом через дорогу и привалилась к скале.

Весь остаток поворота и часть пути под уклон я боролась с велосипедом, прежде чем вскарабкаться на него и попытаться ехать снова. Дорога вдоль нового залива шла всё время под горку, но из-за ветра я продолжала двигаться с большим трудом. Только достигнув «спинки» залива, мне удалось уйти от порывистого ветра.

На протяжении четырёх часов, до кемпинга в Пласкетт-Крик, мы боролись с двадцатью милями гористого побережья, со скрипом преодолевая подъёмы, волоком волоча велосипеды на поворотах и борясь с ветром на спусках. Каждые полчаса мне приходилось останавливаться, смачивать лицо и губы водой, полоскать пересохшее горло и ложиться на спину, чтобы успокоить стонущие мышцы. За первые два часа в горах я физически измоталась, а на теле почти не осталось живого места. В мышцу левого плеча словно всадили мясницкий нож, медленно вращая лезвие туда-сюда. «Пульсирующая» «пятая точка» отказывалась расслабиться. Я устала от недосыпа в последние две ночи и чувствовала, как во мне сгорает каждая калория ленча, съеденного четыре часа назад. Мысль о ещё двух часах ветра и горных хребтах была почти невыносима, и я попыталась себя подбодрить:

— Давай, малыш! Ты сможешь. Ну, давай. Держись. Осталось немного. Только жми на педали. Скоро будем в Горде.

Горда была точкой на нашей карте, где мы планировали купить продуктов на обед и завтрак и подзаправиться, чтобы хватило сил пройти последние пять миль до кемпинга. Прошло уже больше часа с тех

пор, как я завела свои бодрящие разговорчики, прежде чем мы добрались до Горды. Последние несколько миль стали каким-то миражом. Ларри всё время говорил мне, что Горда будет вон за тем поворотом, и я жала на педали, проходя поворот за поворотом, и вновь забиралась на велосипед, после того как ветер сбрасывал меня оттуда.

В шесть часов мы доползли до Горды. Продовольственный магазин закрылся в пять тридцать. Хотелось рыдать, но я слишком устала. Вместо этого я свернула на дорогу и изготовилась повысить верхние пределы своей выносливости. Когда мы выезжали из Горды, я согнула под ветром плечи и почти исступлённо запела: «Давай, Барб. Давай, Барб. Давай, Барб». Милей севернее Горды шоссе неожиданно сменилось заброшенной грунтовой дорогой, усеянной камнями.

Как только мы попали на грунтовку и обгонявшие машины стали обдавать нас тучами пыли и гравия, мне стало уже не до пения.

— Я это ненавижу,— вопила я.— Мои плечи отваливаются, мышцы болят, лицо стянуло, а губы в волдырях. Я смертельно устала, и меня трясёт, так как я не ела больше шести часов! Я вся исцарапана, так как этот чёртов торнадо всё время скидывал меня с велосипеда, а теперь ещё и дороги нет! И не смей мне говорить, что кемпинг «вон за тем углом», я знаю, его там, чёрт подери, нет!

Из-за клубов пыли Ларри меня не видел, но мог слышать каждое моё слово. Он знал, что я исчерпала свой лимит, и ему нечего было сказать мне в поддержку. Он молчал и молился, чтобы я продолжала двигаться. Я продолжала, а через милю или чуть больше вновь появилось шоссе.

Было семь, когда мы приехали в кемпинг. Мы пробыли в дороге одиннадцать часов, плетясь на минимальной скорости под палящим солнцем.

На первой же незанятой стоянке я «причалила» к ближайшему столу для пикника, освободилась от велосипеда и растянулась поперёк столешницы. Пока я возлежала на столе, бездумно уставившись в небо и поражаясь тому, как болит каждая клеточка тела, Ларри ставил палатку. Интересно, почему, испытав недавно такие мучения во время путешествия из Санта-Барбары в Охай и обратно, я не усвоила урока и не рассталась с идеей велопробега навсегда.

Как только палатка была поставлена, я устремилась к ней по траве. Ноги продолжали двигаться так, словно крутили педали, а торс никак не мог разогнуться. Я «пропедалировала» в палатку, свернулась на своём спальнике и полностью отключилась. Если бы приблизительно через час Ларри не закатил истерику, я бы, наверное, проспала до утра. Отмахав милю до продуктового магазина в Пасифик-Гров, двухэтажном городке, и вернувшись только с банкой говяжьей тушёнки и пакетом супа, он обнаружил, что плиту нельзя включить, так как пропал сальник. Наверное, сальник выпал и потерялся, когда он чистил плитку после завтрака в Морро-Бей.

— Что случилось? — спросила я, вылезая из палатки. Короткий сон помог. В левом плече ещё ощущался мясницкий нож. Но я уже не чувствовала себя такой разбитой. Ларри объяснил про плиту, я пожалала правым плечом.

— Ты хоть понимаешь, что это значит? — вопрошал он. Для меня сие означало, что мы не будем заниматься готовкой и мытьём посуды и сможем пораньше отправиться на боковую. К мысли, что останусь голодной, я пришла ещё до того, как мы добрались до кемпинга.

— Это означает, что я умру от голода прямо здесь, у тебя на глазах! — закричал он.— Я уже восемь часов как

ничего не ел! Я разбит и голоден как волк! Мне нужно съесть хоть что-нибудь сию же минуту — или я кончусь!

Мне хотелось сказать Ларри, что ему только кажется, будто он собрался помирать: ещё никто, при весе в сто шестьдесят фунтов, находясь на пике физической формы, не отдавал концы за ночь, пропустив обед, но решила, что вряд ли разумно говорить об этом сейчас. По его глазам и тону я поняла: он не способен больше разумно мыслить, изнурение и голод наконец взяли своё. Ларри мог выдержать намного больше физических мучений, чем я, но когда доходило до голода — тут дело другое. Я попыталась его успокоить.

— Слушай, я схожу позаимствую плиту у кого-нибудь,— сказала я.— Это минутное дело.

Плиту с двумя горелками я заметила на столе на соседней стоянке, и владельцы мне её радостно одолжили. Когда я притащила её, Ларри сидел, раскачиваясь из стороны в сторону на одной из скамеек, и тихо поскуливал. Я зажгла обе горелки, подогрела суп и тушёнку. С первыми ложками горячего паника в глазах Ларри начала мало-помалу улетучиваться. К концу трапезы она исчезла совсем.

Перебив посуду и вернув плиту, мы забрались в палатку. Какое-то время нам пришлось покрутиться на матрасах в поисках приемлемого положения для своих измученных тел, что было не так-то просто.

— Знаешь,— пробормотал Ларри перед тем, как захрапеть,— это был совершенно адский день. Мы откололи по-настоящему громкий старт.

Первые лучи солнца проникли сквозь сосны в палатку и разбудили нас рано утром. Мы лежали, обнявшись, смотрели на голубых соек и белок и слушали, как бриз танцует в соснах. Утренняя прохлада освежила наши обгоревшие лица. Тело ещё ломило, но мы чувствовали себя отдохнувшими, и настроение

поднялось. Мы собрались поспать ещё, но за стенками палатки послышался чей-то голос.

— Вы там спите ещё? — спросил мужской голос с южным акцентом. Это был мистер Марстон, пятидесятилетний добряк из Хьюстона, которого мы встретили ночью до того, как приковыляли в лагерь. Их с женой грузовичок был припаркован на стоянке, чуть ниже нас по склону.

— Нет, мы проснулись,— ответил Ларри.— А что?

— Завтрак. Столько яиц, сосисок, тостов с черничным джемом и кофе, сколько способны вместить ваши желудки. Всё будет скоро готово, так что приходите сразу, как встанете.

Мысль о еде буквально вымела нас из палатки. Мы с Ларри уселись за столом Марстонов, и миссис Марстон поставила каждому из нас по огромной тарелке, наполненной доверху горячей пищей. Как только тарелки опустели, миссис Марстон наполнила их снова. К тому времени, как мы покончили с третьей порцией, ни один из нас не мог пошевелиться, и мы почувствовали себя в огромном долгу перед новыми друзьями. Мы проговорили вчетвером почти три часа — в основном о национальных парках, которые Марстоны советовали нам посетить во время путешествия по Америке,— прежде чем мы с Ларри вернулись к себе на стоянку, чтобы упаковаться и ехать дальше. Встречные ветры улеглись, но мы были слишком измучены, чтобы сегодня значительно продвинуться вперёд. Было решено проехать не дальше, чем до кемпинга в Лаймкилме, в семи милях на север по дороге.

Когда мы начали складывать палатку, один из обитателей лагеря, Пит Ольсен, среднего возраста пожарный из Лос-Анджелеса, подошёл посмотреть, чем мы занимаемся. Пит встал около стола, обзревая груды одежды и утвари, наваленной сверху. При отъезде из Санта-Барбары упаковались мы скверно, сложив вещи не

первой необходимости поверх действительно нужных, и пришлось всё вытащить из рюкзаков, чтобы раскопать их после приезда.

— Бьюсь об заклад, вам не удастся затолкать обратно в мешки всё то, что вы оттуда вытряхнули,— сказал Пит, озирая гору из фотоаппаратов, книг, одежды, сумок с туалетными принадлежностями, инструментов, запчастей, ложек-вилок, фонаря и двух бутылок шампанского, подаренных друзьями на станции в Санта-Барбаре.— Вы, должно быть, в этом новички. Куда вы собрались?

— Вокруг света,— ответила я, сонно зевая и пытаюсь стоять прямо, не морщась от боли.— Вчера был наш первый день.

Пит ничего не сказал, но я буквально слышала, что он думает.

— И вы, два жалких, бестолковых и неорганизованных цыплёнка, едва доковылявших вчера ночью до лагеря — один из которых рухнул в палатку, а другой — рыдал над плитой оттого, что не мог её зажечь, а сегодня после всего одного дня дороги не способные проехать больше семи миль, намерены пройти на велосипедах вокруг света? Вокруг света — с неработающей плитой и двумя бутылками шампанского? Ладно, удачи вам обоим. Она вам понадобится, да ещё как!

Пит ещё раз внимательно осмотрел всё, что было на столе, и ушёл.

Прежде чем отправиться в Лаймкилм, мы с Ларри приобрели в магазине в Пасифик-Гров горелку для плиты и продукты для ленча и обеда. Там, поставив палатку среди сосен и папоротника, мы провели целый день, гуляя по пляжу, холмам и вдоль ручья, протекавшего около кемпинга. В Лаймкилме имелись душевые, и в конце дня нам удалось облегчить страдания наших мышц и смыть грязь и пот

предыдущего дня горячей водой. На обед были приготовлены макароны с сыром и откупорена бутылка шампанского. К восьми часам мы уже крепко спали.

Сто тридцать пять миль от Лаймкилма до дома родителей Ларри в Сан-Хосе мы проехали за три дня. Каждое утро стартовала я медленно — мучаясь и деревенея от предыдущего дня — и к полудню, после прохождения тридцати миль, почти ползла, так как все мышцы страдали от болей, а «нож» в левом плече погружался всё глубже.

Ежедневно к полудню мои силы истощались полностью. Каждый подъём казался Эверестом, и я без конца проверяла, не спустились ли шины, видимо полагая, что именно поэтому я еду так медленно. Приходилось напрягаться даже на спусках. В конце дня последние десять миль становились для меня сущим наказанием, а ночью я теряла остатки мужества. За обедом я вытаскивала свою карту и определяла крошечное расстояние, пройденное за день, сопоставляя его с нашим запланированным маршрутом через Северную Америку и изумляясь тому, как же мы сможем одолеть эти шесть тысяч миль до Восточного побережья.

— Не надо так сокрушаться. Пройдёт время, и ты войдёшь в норму,— говорил мне Ларри по ночам.— Просто ты привыкла проезжать на велосипеде не больше пятнадцати миль в день, да и груз создаёт дополнительные трудности. Дай себе шанс. Прошло всего несколько дней. Возможно, через месяц или раньше ты будешь в нужной форме, чтобы со свистом пролетать сорок — пятьдесят миль в день, а на спор — и восемьдесят. И кроме того, по-моему, ты мало ешь. Ты сейчас сжигаешь массу калорий и наращиваешь мышцы, так что тебе нужно съедать гораздо больше, чем ты привыкла обычно. Я думаю, твоё переутомление просто вызвано тем, что ты теряешь много «горючего».

Когда мы прибыли в Сан-Хосе, я весила всего сто семь фунтов, на восемь фунтов меньше моего обычного веса и на три меньше по сравнению с тем, что был 14 мая. Я чувствовала слабость, и первые несколько дней, проведённых у родителей Ларри, я в основном ела и спала. К концу недели я ожила и даже с нетерпением ждала отправления.

Двадцать восьмого мая мы покинули Сан-Хосе, продолжая двигаться на север по хайвэю № 1. Родители Ларри беспокоились, во что нам встанет это путешествие, ну и за нас, конечно, тоже переживали.

— Делайте это теперь, пока можете,— прошептал нам отец Ларри в день отъезда.— Конечно, проявляйте осторожность и заботу друг о друге. И звоните как можно чаще, пока будете в Штатах.

Поездка на север по побережью через округа Сонома и Мендосино была напряжённой. В течение пяти дней дорога прыгала вверх-вниз по крутым прибрежным горам. Но линия берега и окрестности были прекрасны, и я вскоре обнаружила, что обращаю меньше внимания на свои боли и страдания и больше интересуюсь тем, что вокруг. Наша дорога извивалась между бесчисленными бухточками и заливами Тихого океана. Лоснящиеся бирюзовые воды были усеяны скалами, на которых гнездились чайки. Временами дорога уходила от океана, и тогда мы неслись по пологим холмам и травянистым равнинам. Побережье было малонаселённым, и мы крутили педали под звуки ветра, волн и крики морских птиц. Люди в немногих посёлках, расположенных вдоль хайвэя, гордились своим живописным, как бы обособленным краем и были полны решимости сохранить его таким же.

— Да,— улыбнулся владелец лавки в Элке — в крохотной точке на карте «не-моргай-а-то-пропустишь», чуть южнее города Мендосино,— народу нравится эта исключительно красивая дорога — изрезанное,

нетронутое побережье, открытое пространство и мало людей. Южнее чересчур многолюдно, и грязно, и шумно. Там, дальше, нет ничего, кроме асфальта, цемента и людей.

Да, несколько лет назад у меня была возможность выбирать. Либо купить магазин в Лос-Анджелесе и жить в бесконечных асфальтовых джунглях, постоянно опасаясь нападения либо ограбления и ежедневно тратя время на автострадах по дороге на работу и обратно, либо приобрести этот «закуток». Тогда я приехал сюда взглянуть, как и что, да так и остался. Теперь я просто сижу здесь и смотрю на океан, дышу свежим воздухом и ужасно веселюсь, когда кто-нибудь из Лос-Анджелеса, заглядывая сюда, спрашивает, какого ангела я живу посередине того, что можно назвать «нигде». Я им сразу задаю встречный вопрос, как, мол, поживает смог в Лос-Анджелесе. А когда они начинают защищаться, я только посмеиваюсь и говорю: ладно, согласен, у нас в Элке тоже бывают проблемы со смогом. Отчего же, стоит только проезжающему туристу закурить сигарету, как наши органы здравоохранения бьют первую тревогу в связи с опасностью смога!

Когда мы покинули Сан-Хосе, я решила последовать совету Ларри и попытаться есть всё больше и больше. Вместо одного перекуса между завтраком и обедом, как это было по пути от Морро-Бей до Сан-Хосе, их стало три. Каждый день начинался с основательного завтрака — мы проглатывали яичницу из шести яиц с сыром, половину буханки хлеба и две миски с зерновыми хлопьями, запивая всё тремя-четырьмя чашками горячего чая. Проехав пару часов, около десяти утра мы подбадривали себя лёгкой утренней закуской — «донатс», пончиками с кремом в шоколадной глазури, карамели или сахарной пудре — или фунтовым кексом с квартой какао. В полдень подкреплялись парой сандвичей с сыром, помидорами и салями, дополняя их

фруктами и булочками. На этом мы держались до трёх-четырёх часов дня, когда заходили в кафе. Если проезжали большой город, то всегда брали в местном баре «A&W» бутылку шипучки, приправленной мускатным маслом, или прохладительного. В обед мы наполняли одну миску тушёной и чипсами либо макаронами с сыром, в другую же опрокидывали консервированную кукурузу или зелёные бобы. Наши так называемые обеды из консервов не могли похвалиться ничем, кроме калорийности, зато готовить их было легко и быстро. Вот так мы и питались в течение первых двух с половиной месяцев, прежде чем постепенно начали переходить к более здоровой пище.

Как Ларри и предполагал, благодаря «подкреплению» через каждые два часа моё самочувствие заметно улучшилось. Исчезли «приступы» полной потери сил, что меня невероятно воодушевило. С каждым днём нашего пути на север по побережью я чувствовала, как укрепляются мышцы и растёт выносливость. Из моего плеча исчез жуткий мясницкий нож, а мягкое место по привычке к жестокому ежедневному испытанию. К тому моменту, как мы приехали в Леггетт, где свернули на хайвэй № 101, на границе лесов вечнозелёной секвойи, я уже могла проезжать по пятьдесят миль ежедневно без сопровождающих мучений.

Оказавшись в лесах секвойи, мы попали на священную территорию легендарных лесовозов северной Калифорнии. О лесовозах нам было известно множество историй; и если верить им, то в здешних лесах почти ежегодно происходит наезд на какого-нибудь велотуриста. Весь путь по побережью я мысленно пыталась подготовиться к тому дню, когда и мы повстречаемся с ними на «узкой дорожке», и всё-таки, услышав характерный оглушительный рёв, приближавшийся ко мне с тыла, обернувшись и увидев

поднимающийся вверх по дороге восьмитонный, шестидесятифутовый лесовоз, я чуть не умерла от страха. Повернув голову обратно, я, как могла, прижалась к обочине, чуть не падая на землю. Стиснув зубы, я уставилась прямо перед собой, стараясь не слышать грохота, и молилась Всемогущему Богу пожалеть меня только единственный раз, обещая, если Он исполнит мою просьбу, больше никогда не ездить на велосипеде по одной дороге с лесовозами.

Тяжёлые машины несколько поумерили сложившееся ощущение безопасности, но, хотя мне так и не удалось избавиться от сердцебиения, заслышав доносящиеся из-за спины выхлопы, через день или два я смирилась с ними. Водители всегда осторожно объезжали нас, за что я им была чрезвычайно признательна.

На следующий день после первого знакомства с лесовозом нам повстречался наш первый обрат-велосипедист. Эрик догнал нас на длинном спуске между Леггеттом и Гарбервиллем. Его велосипед издавал громкие хлопающие звуки, словно в спицах застрял кусок картона.

— Привет! — прокричал он.

Я пригляделась, недоумевая, что вызывает специфический шум. Оказалось — это его бельё.

— Привет! Ты откуда? — спросил Ларри.

— Сан-Диего. Еду в Портленд навестить родичей.

Эрик выглядел как типичный статный любитель сёрфинга из южной Калифорнии, загорелый, с выгоревшими на солнце светлыми волосами и мускулистый. Я прикинула, что ему около девятнадцати.

— А вы куда направляетесь? — спросил он.

— В настоящий момент мы направляемся в Канаду, — ответил Ларри.

— У вас действительно много вещей. А я путешествую налегке. Взял несколько инструментов,

пару шорт, футболку со свитером, миску с ножом, вилкой и ложкой и палатку со спальником.

Он был также обладателем пары трусов, свисавших с велосипедного руля, и, заметив, как я их разглядываю, одарил меня широкой улыбкой.

— Ну да, есть ещё пара дырявых трусов. Я их выстирал прошлой ночью, но, когда встал утром, они оказались ещё мокрыми, поэтому и привязал их к рулю, чтобы проветрились досуха. Идея оказалась что надо, правда, когда слишком быстро катишь под гору, они накручиваются на запястья, что довольно больно.

— А почему бы не привязать их сзади к багажнику? — предложил Ларри. — Тогда они не будут терзать твои руки.

Эрик покачал головой.

— Боюсь, улетят неизвестно куда. И что тогда? Думаю, мне лучше поберечь свои скудные пожитки.

Как и мы, Эрик держал путь к Авеню Гигантов, что к северу от Гарбервилля, и мы двинулись туда все вместе. Не прошло и часа, как мы неожиданно наткнулись на Дитя Копенгагена. В действительности его звали Джон Уинвуд. Он держал курс на юг, но, завидев нашу троицу, нажал на тормоза и прокричал, чтобы мы остановились и поболтали с ним.

Вид Джон имел странноватый. Продублённая кожа давно изнасилась, а лицо говорило о более чем суровых испытаниях. Древняя, утратившая форму кожаная ковбойская шляпа с многолетними пятнами пота и грязи венчала костяк в пять с лишним футов. Одет он был в выцветшую фланелевую рубаху, рваные синие джинсы и видавшие виды ботинки. Едва мы приблизились, он принялся выкладывать всё о себе:

— Привет, ребята! Меня зовут Джон Уинвуд, мне сорок семь, и своих зубов у меня не осталось. Все эти — вставные. Зарегистрирован как сумасшедший. Больше двадцати лет находился в психиатрической клинике. Я

один из настоящих психов и сразу шарахаю в глаз тому, кто мне не нравится. Но вам нечего беспокоиться. Вся ваша троица мне симпатична. Люблю велосипедистов. Они мои друзья.

Его велосипед был переделан из односторонней швинновской модели в десятисторонней, а к педалям были даже приделаны стременные скобки.

— Мешают немного, но если я с ними освоюсь, то смогу засунуть в эти держалки свои ботинки. Как бы там ни было, лечу на телепрограмму Джерри Льюиса «Мышечная дистрофия». Несколько дней назад стартовал в Юрике. Ночую в кустах. Еду до Сан-Франциско, потом — обратно. Обещали вручить пятнадцать сотен, если сумею проделать весь путь. Меня должны показать по ТВ Сан-Франциско! Скажите, ребята, вы там были?

— В Сан-Франциско? Да, мы с Барбарой там проезжали,— ответил Ларри.

— Отлично. А что там за люди? Я слышал, что они препротивные.

— Ехать по городу было тяжело,— сказала я.— Автобусы вынуждали увёртываться, а машины всё время сигналили.

— Ну, со мной им, чертям, придётся быть повежливее,— проворчал Джон. И в подтверждение своих слов вытащил длинный острый нож из единственного своего вещмешка. Не успел он нам разъяснить, что намерен с ним делать, как из мешка раздался громкий голос.

— В Гарбервилле полно медведей,— предупредил он.

Ларри, Эрик и я совершенно остолбенели, уставившись на говорящий мешок. В глазах Джона заплясали бесенята, а в широкой ухмылке, прорезавшей лицо, показались все его вставные зубы.

— Говорю тебе чётко и ясно, Чейн Со,— снова заорал мешок, теперь уже другим голосом.— Десять к четырём!

Джон засмеялся. Полез в мешок и вынул оттуда переговорное устройство размером в половину коробки для яиц.

— На восьми батарейках,— произнёс он гордо, прикрепляя радио к поясному ремню.— Хорошая штука. Через неё болтаю целый день со всеми водителями. Чёрт! Видали бы вы их рожи, когда, проезжая мимо, они обнаруживают, что это я вклиниваюсь в их беседы! Они-то воображали, будто я какой-нибудь ферт в карете, а подъедут и видят перед собой всего лишь индюка на велосипеде — у них такой вид, словно привидение увидали! Но знаете что? Они следят за мной. Я слышал, как шофёры передавали друг другу: надо, мол, следить за велосипедистом на дороге. Да, они только и говорят что о велосипедисте с сорокаканальным Си-би-радио в секвойевых лесах. Будьте уверены! Это я, Дитя Копенгагена. Даю руку на отсечение!

Джон засунул свой нож обратно в мешок, потом полез в один из карманов рубахи и достал стопку визиток.

— Слушайте, мне надо двигаться дальше. Но я вам сначала дам одну из моих карточек. Потом подтвердите, что я был здесь и ехал на программу по мышечной дистрофии. Желаю хорошо провести время на Авеню. Там столько громадных деревьев. Настоящие монстры!

Джон потратил какое-то время на засовывание своей левой ноги в велосипедную клипсу, прежде чем съехать на дорогу. Когда мы пожелали ему доброго пути, он приподнял свою шляпу, потом прокричал что-то в свой передатчик и поспешил вниз по дороге.

На Авеню Гигантов специальная зона для велосипедных стоянок находилась на реке Ил. Она размещалась в уединённом лесу из подпиравших небо исполинов. Когда мы приехали, то нашли там ещё четырёх расположившихся на отдых велосипедистов. Пока мы с Ларри ставили палатку на мягком хвойном

ковре рядом с одним из деревьев-великанов шести футов в диаметре, Эрик собирал вещи для поездки в стационарный кемпинг, находившийся в полумиле,— принять горячий душ.

— Не видел горячей воды несколько дней,— сказал он, роясь в своих пожитках в поисках мыла.— Это будет замечательно! Я всегда моюсь и стираю одежду одновременно. Зайду в душ одетым и как следует намыливаюсь. Потом снимаю одежду, кладу на пол и, пока драю тело, основательно топчу её ногами. Это, знаете ли, хорошо срабатывает. Вся грязь смывается. Потом я одежду полощу и надеваю мокрой, и прямо на теле она отлично высыхает. Конечно, чем теплее и лучше погода, тем быстрее всё сохнет.

Поставив палатку, мы с Ларри отправились на реку искупаться и познакомились там с другими велосипедистами: Майком, Эдом, Крейгом и Томом. Майк был плотником из Флориды — он только что пересёк Штаты, а Эд, преподаватель математики из Британской Колумбии, направлялся на юг по побережью, «туда, где начинается смог и где я сойду с велосипеда и полечу обратно домой». Крейг и Том путешествовали вместе по Северной Калифорнии и Орегону. Они оба были калифорнийцами, из Фресно, и им «действительно нравилась здоровая пища». У каждого в небольшом рюкзаке, привязанном к рулю, имелись проростки люцерны, и они крутили педали под «по-настоящему мягкую, классическую музыку», которая лилась из кассетного плеера в рулевой сумке Крейга.

— Проростки и Моцарт. Знаете, это нужно в первую очередь.— Крейг показал на руль.— Тебе, мужчине, свежие проростки необходимы. Без них совсем не то. Попробуй. Замечательная штука. Великолепная дневная закуска. Попробуй, я положил туда свои проростки.

Крейг протянул миску, из которой ел. Мы разглядели в ней жуткую смесь из люцерновых проростков,

пшеничных зёрен, кусочков цуккини, семечек подсолнуха, а также ряда других неопознаваемых ингредиентов. Ко всему прочему сам вид закуски Крейга вызывал невиданное отвращение.

— Большое спасибо,— сказал Ларри, пятясь от миски так, словно она могла на него наброситься,— но я останусь верен своим пончикам.

— Пончикам? Ни в коем случае. Это же белая смерть, мужик,— пробормотал с отвращением Крейг. Он покачал головой и отправил полную ложку смеси себе в рот, запил её потом нектаром из гуайявы-абрикоса-папайи-банана-персика и вернулся к Моцарту.

Остаток дня мы с Ларри купались в реке, грелись на солнце и обследовали секвойевую рощу. Мышцы, уставшие от велосипеда, отлично отдохнули. Вечером Эрик, Майк, Эд и Ларри скинулись и отправились в продуктовый магазин. Вернувшись, приготовили зелёный салат и наложили полную тарелку свежих фруктов. Все (не исключая Крейга и Тома, скушавших очередную порцию своей смеси) собрались у костра и дружно уничтожили съестное и три бутылки вина, которые Майк охладил в реке.

Ночь стояла ясная; видневшееся сквозь секвойи небо было усыпано звёздами. Ларри и я свернулись рядом на матрасах около костра. Пламя согревало, воздух был насыщен запахами хвои, растений, дымом костра, пением реки и потрескиванием огня. Меня охватило ощущение покоя, и впервые с начала путешествия мои мышцы почти не болели. Я вдруг подумала, что, возможно, пока только — возможно, осилю дорогу до Орегона.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

МЕДВЕДИ

После Авеню Гигантов, вплоть до Южного Орегона, всё складывалось чудесно. Нужные мышцы у меня наконец развились и окрепли. На второй день в Орегоне я впервые смогла проехать за день восемьдесят миль и, между прочим, чувствовала себя отлично. Мне понравилось работать, ежедневно укрепляя мышцы; постоянное упражнение поднимало настроение и даже стало необходимостью. В те дни, когда мы не пользовались велосипедом, мы всегда предпринимали пешие прогулки или бегали трусцой, чтобы избежать приступов раздражения или апатии, которые могли появиться в отсутствие тренинга.

Теперь, когда я набрала форму, велопробег казался мне замечательным способом путешествовать. Мы двигались достаточно медленно, чтобы видеть и слышать всё, что автомобилисту представляется лишь как цветовые мазки и отрывочные звуки. Мы ощущали запах и поверхность почвы и растительности. А поскольку велосипедист не создаёт шума, то дикие животные при нашем приближении не бросались в испуге наутёк. Олени, привыкшие видеть и слышать на дорогах огромные шумные «коробки» из мощной стали, часто подбегали к краю шоссе выяснить, что мы такое. И кроме того, велосипедное путешествие облегчало знакомство с людьми.

Как только мы останавливались в каком-нибудь городке перекусить или прикупить запасов в местных магазинчиках, люди всегда спешили с нами поговорить. Особенно дружелюбными оказались орегонцы; у владельцев магазинов всегда находилось время присесть и поболтать с нами. Во-первых, они хотели

узнать о нашем путешествии и о том, как обстоят наши дела. Потом они рассказывали всё, что, с их точки зрения, нам следовало узнать о них самих, их друзьях, родственниках, об истории городка и интересных местах дальше по дороге.

Как раз в Южном Орегоне мы впервые нашли место для бесплатной стоянки, нечто такое, что придаёт велотуру особую прелесть. В конце первого дня в Орегоне поблизости не оказалось ни одного кемпинга, и мы устроились в укромном лесу где-то между Брукингсом и Голд-Бич, поставив палатку на траве у пляжа. Лесок был окружён и защищён высокими скалами, покрытыми зелёным папоротником, с одного из утёсов к песчаному пляжу сбегал чистый ручей, впадавший в океан. На закате мы с Ларри искупались в ручье и смотрели, как синий океан превращается в ослепительно-оранжевый, а белые чайки прочерчивают в разных направлениях темнеющее небо. Вне кемпинга мы находились впервые, и вместо окружения из средств передвижения с гроыхающими генераторами, орущим стерео и телевизорами, которые отдельные личности любят брать с собой в кемпинг, попали в спокойную умиротворяющую атмосферу, без шума и утомительного раздражения. Потом, начиная с этой ночи, мы всегда старались устроиться «дикарями» и встать за пределами кемпингов, кроме тех случаев, когда хотелось принять горячий душ.

Погода на побережье Калифорнии стояла чудесная; тёплые солнечные дни и свежие прохладные ночи способствовали крепкому сну. Но так как я родилась в Южной Калифорнии, то ничего иного и представить не могла. Покидая Санта-Барбару, я самонадеянно воображала, что ясная тёплая погода будет с нами все последующие четыре месяца. Мне и в голову не могло прийти, что где-нибудь в Северной Америке есть места, где летом бывает дождливо. Поэтому меня здорово

ошеломили слова хозяина продуктового магазина в Смит-Ривер (Калифорния), в последнем поселении перед границей Орегона, где мы заказали напоследок упаковку «донатс» в шоколадной глазури.

— Куда же вы, ребята, едете? — спросил он.

— На север,— ответил Ларри.— Вверх по побережью Орегона.

— Орегон, да? Тот самый Орегон, откуда приходят дожди,— усмехнулся хозяин, показывая на одно из окон. — Так, во всяком случае, гласит местная поговорка. Если дождь не пошёл сегодня, то будет завтра.

Мы с Ларри вышли на улицу и с беспокойством уставились на север. Действительно, там виднелись облака. Меня удивило, как мы их раньше не заметили.

— Люди там мхом поросли,— ухмыльнулся владелец магазина.— И когда наклоняют голову, то с неё капает вода. Видно, вы собрались основательно промокнуть, путешествуя по Орегону. Это точно.

К счастью, вплоть до третьего дня в Орегоне дожди не выпадали. Два первых было пасмурно и холодно, но мы не обращали внимания на надвигавшуюся бурю и наслаждались захватывающим видом линии берега и сосновых лесов вдоль маршрута. 10 июня вечером мы разбили палатку у озера неподалёку от Ридспорта, а наутро проснулись от ужасного шума ливня. Я выглянула из окна палатки и увидела потоки падавшей с неба воды. Дождь шёл такой сильный, что невозможно было разглядеть берег озера.

— Похоже, никуда мы сегодня не поедem,— сказала я, забираясь обратно к себе в мешок.— Как думаешь?

Ни у одного из нас не имелось опыта передвижения на велосипеде под дождём. Южным калифорнийцам никогда не представлялся случай поразмыслить на эту тему. Когда в Южной Калифорнии идёт дождь — что летом большая редкость,— все прячутся под крышу.

Следует признать, мы оба понятия не имели, что произойдёт, если мы всё же вылезем из палатки и поедем под дождём.

— Ладно, но ты же слышала, что сказал мужчина в Смит-Ривер. Если мы останемся здесь, то можем застрять на неделю в ожидании прояснения. Думаю, нам придётся через это пройти. Иначе мы никогда этот штат не проедем,— заключил Ларри.

Но я всё ещё была настроена переждать. Трудно было вообразить, что столь сильный дождь будет продолжаться больше суток. Однако Ларри в конце концов меня убедил, что надо двигаться дальше. Всё, что находилось во вьючниках, мы сначала сложили в большие пластиковые пакеты, а потом надели такие же на вьючники, чтобы одежда и всё самое ценное осталось сухим. Надев непромокаемые куртки, мы выбрались наружу.

Завтрак, мытьё посуды, складывание палатки и пожитков заняли почти два часа. Никаких идей о том, как справиться с дождём, у нас не было. Яичница, которую удалось приготовить, к тому моменту, когда мы к ней приступили, на треть исчезла под водой. Мокрый кухонный набор по ошибке я сунула вместе со своей сухой одеждой. Пока мы свёртывали и засовывали палатку в рюкзак, она сделалась изнутри такой же, как снаружи. Когда же мы наконец тронулись, надев тёплые рубашки, шорты, шерстяные гольфы и куртки, то уже вымокли и дрожали.

Лило отовсюду — но в основном сверху — все следующие пять дней вплоть до границы Вашингтона. А поскольку абсолютно непромокаемых курток не существует в принципе, мы с Ларри большую часть этого времени провели замёрзшими, мокрыми и несчастными. Даже если едва моросило, мы оказывались пропитанными водой — нейлоновые куртки мешали испарению. Обувь не просохла даже после двухчасовой

сушки в прачечной в Гарибальди. Часто возникало ощущение, что руки примёрзли к рулю. В конце нашего второго дня посреди дождя я записала в журнале: «Сегодня единственное тёплое место на моём теле — носоглотка».

Что по-настоящему поддерживало во время свалившихся на нас испытаний, так это дружелюбие людей в Орегоне и красота природы, которую удавалось разглядеть, если небо прояснялось. Как только нам казалось, что дождь не кончится никогда, облака могли вдруг разойтись в каком-нибудь месте, и там вместо серой пелены дождя показывалась лесная чаща со мхом и папоротником или ряд скалистых бухт на краю штормившего Тихого океана.

На третий день дождь с градом загнал нас в Тилламук. Было время ленча, когда по грязи мы пришлёпали в город и, пытаясь согреться, нашли себе прибежище в кафе «Ферн» в центре города. Заказали горячих сосисок и сандвичей с ростбифом, картошкой и соусом. Пока готовили заказ, мы прогулялись в туалет, где сняли обувь, носки и вымыли руки и ноги горячей водой. Потом босиком мы проскользнули в свою кабинку и, спрятав ноги в сухом ковре, проглотили пару кружек горячего чая. Блаженное ощущение тепла постепенно охватило нас, и прошло много времени, прежде чем мы набрались мужества покинуть спасительное чрево кафе «Ферн» и выйти под дождь и на холод снова.

Через час после того, как мы ушли из кафе, дождь перешёл в слабую изморось. Но когда на следующее утро на нас низвергся новый ливень, я стала искать способ избавления от ледяной воды, затоплявшей мои туфли. В магазинчике, где-то к северу от Гарибальди, я купила упаковку небольших пластиковых мешков для мусора и коробку резинок, сунула ноги в пакеты и закрепила их резинками на щиколотках.

Если не считать того, что пакеты имели склонность цепляться за цепь, захватывая комья чёрной смазки, ноги оставались благодаря им сухими. Однако потом я представляла бесподобное зрелище, когда мы, к примеру, заходили в магазинчики по дороге: два блестящих глаза, выглядывающих из-под капюшона свисавшей почти до колен куртки, и пара голых грязных ног в запачканных смазкой пакетах. Пакеты шумно тёрлись друг о друга, когда я шаркала ногами, оставляя дорожку грязной воды.

Дождь лил и в нашу последнюю ночь в Орегоне. Мы встали лагерем чуть севернее Кэннон-Бич и, приготовив под ливнем обед, сразу залезли в палатку, стащили мокрую одежду, завернулись в спальники и до блеска отполировали миски с приготовленной едой — салатом из помидоров и шоколадным молоком. После еды Ларри высунул ноги из мешка и занялся их изучением.

— Посмотрите на это,— проворчал он.— Вы когда-нибудь видели пару таких скрюченных ног? Знаешь, если дождь не прекратится, им никогда не вернуться к норме. Чёрт возьми! Такое впечатление, что им сто лет. Жаловаться, правда, нечего. По крайней мере, мы не заболели. В былые времена такая неделя в холоде и сырости давно бы уж кончилась хорошей пневмонией. Думаю, мы сейчас в отличной форме и нас мало что способно свалить. Ладно, как бы то ни было, надеюсь, в Вашингтоне солнышко нам засветит.

Мы пересекли мост через реку Колумбия в Астории и попали из Орегона в Вашингтон 14 июня. Мы двинулись на северо-восток через Саут-Бенд, Монтесано и Шелтон и, проехав по восточной части полуострова Олимпик до Порт-Анджелеса, оттуда на пароме переправились на остров Ванкувер, Британская Колумбия. Первые два дня, а также в последний из дней, проведённых в Вашингтоне, поливал дождь, но жители Вашингтона

оказались ещё дружелюбнее орегонцев, и их радушие подняло нам настроение. В одном из кемпингов рядом с Чинук, неподалёку от Колумбии, где мы остановились, чтобы принять душ, служитель разрешил нам не платить за стоянку — «поскольку всякий, кто путешествует через Вашингтон на велосипеде, достоин бесплатной стоянки и душа». После того как мы согрели свои напитанные дождём тела под горячим душем, я развесила мокрую одежду и полотенце для просушки в комнате отдыха. К моему удивлению, утром они исчезли. За последний месяц и Ларри, и я неоднократно оставляли свои велосипеды, не запирая, у магазинов, вдоль дорог и хайвэев. И никто не зарился ни на них, ни на наши пожитки. Интересно, кому же понадобилось похищать несвежее полотенце и грязную, вонючую одежду?

Я отправилась обратно, ругая себя за доверчивость, но, когда собралась лезть в палатку, кто-то дотронулся до моего плеча. Это была женщина средних лет, чья стоянка была от нас через парк. В руках она держала наши вещи, чистые, сухие и аккуратно сложенные.

— Я увидела их развешанными в комнате отдыха прошлой ночью, когда ходила в душ, и узнала, что они ваши.— Она улыбнулась.— Как бы там ни было, я собиралась в прачечную-автомат, так что сгребла их и забрала с собой. Мне искренне жаль, что погода такая дождливая. Надеюсь, скоро прояснится и штат наш вам понравится.

Вашингтонцы оказались также самыми деликатными из всех встреченных по пути водителей. Они нам никогда не сигналили, а оказавшись позади нас, вели себя так тихо, что мы часто и не подозревали об их присутствии. На извилистых дорогах они мирно ехали за нами милую за милую до той поры, пока не появлялась возможность безопасного обгона; тогда они проезжали мимо медленно и осторожно, приветствуя нас рукой и

улыбаясь. Езда на велосипеде по штату Вашингтон казалась истинным наслаждением.

Паром, шедший из Порт-Анджелеса через пролив Хуан-де-Фука, высадил нас в Виктории, на южной оконечности острова Ванкувер. На всём пути вверх по побережью США от Морро-Бей мы взяли себе за правило избегать крупных городов. Прошёл почти месяц с тех пор, как мы проехали через Сан-Франциско,— месяц без смога и автомобильных пробок. Но как только мы въехали в деловую часть Виктории, то почувствовали её загрязнённый воздух. Защипало в глазах и запершило в горле. Кругом скрежетали тормоза, сигналили клаксоны, везде клубы машинных выхлопов. Грязь и шум вызывали удушье.

Мы проскочили Викторию и поехали на север через волшебную островную страну с заливами, протяжёнными песчаными пляжами, видами заснеженных прибрежных гор, перемежавшихся проливами, водопадами, озёрами и ледниками вплоть до конца дороги в Келси-Бей. Из Келси-Бей мы проехали на пароме вдоль западного побережья Британской Колумбии, где дорог не было, до Принс-Руперт, который находится чуть ниже южной оконечности Аляски.

Теперь, когда мы проехали около шестнадцати сотен миль на северо-запад от Морро-Бей, пришло время сворачивать на восток. Хайвэй Йеллоухед, двухполосная дорога, ведущая на восток через центральную часть Британской Колумбии, имеет протяжённость шестьсот восемьдесят пять миль — от Принс-Руперта до Джаспера в канадской части Скалистых гор. Нам потребовалось десять дней, чтобы пройти это расстояние. За это время мы узнали массу интересного о канадских медведях, гнусных комарах-людоедах, о езде на велосипеде в наводнение, а также о стомильном путешествии по территории без единого посёлка.

От небольшого приграничного городка Принс-Руперт, откуда паромы отправляются на север, к Аляске, до ближайшего магазина велосипедов в Принс-Джордж было четыреста пятьдесят четыре мили. Чтобы не оказаться на мели в случае аварии, в Виктории мы приобрели запчасти: спицы, подшипники, несколько тормозных и скоростных тросиков, две покрышки и камеры, а также комплект инструментов, куда входили гаечные ключи и отвёртки. Запасную покрышку каждый из нас поместил около втулки заднего колеса, просунув её между спицами.

От Принс-Руперта до ближайшего городка Террас было девяносто пять миль. Поэтому, прежде чем мы 2 июля перебрались в середине дня на Йеллоухед, Ларри заготовил двухдневный запас еды: арахисовое масло (которое из банки я переложила в более лёгкий пластмассовый контейнер), две буханки хлеба, апельсины для ленча и закуски; нашу надежду и опору — пакет макарон с сыром для обеда; шесть штук яиц и коробку хлопьев для завтрака. Последняя вывеска, которую мы миновали, покидая Принс-Руперт и направляясь на восток через мрачное бесплодное плоскогорье, гласила: ПРОВЕРЬ, ЕСТЬ ЛИ У ТЕБЯ БЕНЗИН, — СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ЧЕРЕЗ 90 МИЛЬ. Думать, что в течение полутора дней мы не встретим по дороге ни города, ни даже дома, было не только непривычно, но и страшновато. Ларри остановился и перепроверил наш запас еды, убеждаясь, что всё необходимое имеется.

После шести миль на восток, дойдя до конца плоскогорья, дорога спускалась вниз, в долину реки Скина. С вершины плато мы рассматривали то, что представлялось бесконечным пространством совершенно нетронутой дикой природы. Кроме дороги и железнодорожного полотна по соседству нигде не ощущалось присутствия человека. Нерубленные сосняки

расстилались в долине вокруг озёр и водопадов, подобно мягким зелёным шарфам. Изрезанные горы, увенчанные снегом, в кружеве водопадов, вырастали в долине, образуя лужайки и ущелья, которые с расстояния казались панорамой из лесов, озёр и водопадов.

Мы спустились с плато и двинулись к Скине для дневного отдыха. Движения почти не было. Звуки, которые мы слышали, скользя на велосипедах в этом великолепии, принадлежали только птицам, водопадам, ветру и реке.

В конце дня мы заехали в лес и нашли ровную полянку, покрытую сосновой хвоей, рядом с неглубоким ручьём. Идеальное место для лагеря — так нам казалось. Сосны защитят от ветра, в ручье можно набрать воды, помыть посуду и искупаться. Ларри приступил к установке палатки, а я, прислонив велосипед к дереву, умылась в ручье и отправилась по нужде.

Не успела я присесть, как они набросились на меня. Показалось, что я села на куст крапивы. Но вскоре некоторые из них добрались до моего лица. Комары, застонала я. Глянула на свои тылы: белая кожа скрылась под тёмным скопищем насекомых, деловито сосавших мою тёплую кровь. Тут-то я и вспомнила, что говорил мужчина в продуктовой давке в Принс-Руперте.

— В местности, расположенной между нами и Террасом, полно комаров,— предостерёг он нас. — Если вы отправитесь через Террас, всё будет в порядке до тех пор, пока вы не окажетесь в Скалистых горах. Позвольте вас предупредить. Это не наши обычные комары, к которым мы привыкли в центре Британской Колумбии. Их следует называть настоящими Горными Канадскими Королевскими Комарами. Они крупнее и гнуснее всех тех, что вы встречали раньше, и они летают огромными, с дом, стаями. Да, сэр, наших «Канадцев» называют

комариным поясом первой линии наземной защиты от Советов.

Я натянула шорты и попыталась спастись бегством, но облако перемещалось за мной. Мне не хотелось приводить их на стоянку, и я метнулась на дорогу и обратно, пытаюсь оторваться. Бесполезно. Эти твари были не только крупнее и гнуснее всего, что я когда-либо видела, они, ко всему прочему, ещё чертовски больно кусались. Они держались рядом вне зависимости от развиваемой мной скорости. Когда я вернулась обратно к ручью, то нашла там Ларри, который сражался со своей собственной стаей. Мы оба ввалились в палатку, едва она была поставлена. Через несколько секунд сотни комаров бились в затянутые сеткой окна палатки, пытаюсь пролезть внутрь.

Мы натянули гольфы, брюки, шерстяные рубашки и накинули капюшоны, оставив открытыми только лица и руки, их мы намазали толстым слоем репеллента. Только после этого мы выбрались наружу готовить обед. Запах пищи мгновенно привлёк всех кровососов в радиусе одной мили. От мельтешающих тел так потемнело, что мы с трудом видели, что готовим. Во время еды насекомые лезли в глаза и рот, вцеплялись в веки и губы.

К утру мой зад покрылся волдырями. Когда я села на велосипед и поехала, он зудел и горел, но, к счастью, как и говорил человек из Принс-Руперта, за Террасом число комаров сразу уменьшилось. После они нас особо не беспокоили, разве что ещё несколько раз в Скалистых горах и на границе Айдахо.

Первые четыре дня по Йеллоухед, двести шестьдесят миль от Принс-Руперта до Хьюстона, мы двигались в окружении строевого леса, озёр, рек, заснеженных гор и ледников. Дорога шла вдоль рек Скина и Балкли, поэтому ехать было легко. Здесь не было крутых подъёмов, и попутный ветер сопровождал нас всю дорогу. Ежедневно с десяти утра до семи вечера

мы проходили по восемьдесят миль. Останавливались часто, чтобы наполнить бутылки водой из ледяных ручьёв или обследовать индейские стоянки в лесах. Несколько раз, попав в город, мы заходили в местные кафе ради молочного коктейля и местных сплетен.

За эти четыре дня случилось несколько мелких происшествий. На третий день, во время девяностомильного пробега от Терраса до Хейзелтона, просчитавшись в своих запасах, мы остались без еды. Ко времени приезда в Хейзелтон нас обоих била жуткая дрожь, так как в течение семи часов во рту не было ни крошки. После подобного эксперимента пришлось увеличить запас арахисового масла и брать дополнительную коробку макарон с сыром.

Когда мы выбрались из Хейзелтона на следующий день, у Ларри на велосипеде сломалась металлическая рейка, державшая рулевой ранец. Ларри привязал ранец с рейкой к рулю двумя нейлоновыми стропами, которыми привязывал спальник к багажнику. Сооружение продержалось двадцать миль, пока мы не добрались до Смитерса, где рейку приварили. В тот же день, днём, двигаясь по краю дороги, где нет покрытия, Ларри не справился с управлением и наехал на камень, погнув переднее колесо.

Но, если не считать этих проблем, поездка от Принс-Руперта до Хьюстона прошла идеально. Погода стояла жаркая и солнечная, движение транспорта почти отсутствовало. К вечеру, после прохождения восьмидесяти миль, в мышцах скапливалась усталость, но это мало напоминало прежние наши мучения. Для полноты испытанных за день ощущений чувство усталости стало необходимым.

Каждый вечер мы устраивали лагерь в лесу, у реки или ручья. Ставили палатку на пружинящей подстилке из папоротников, сосновой хвои и свежей травы, а вокруг нас суеились дятлы, серые сойки и поползни.

Поставив палатку, готовили обед, купали друг друга в холодной воде, которая обычно текла с соседнего ледника. Запах готовящейся еды восхитительно сочетался с ощущением свежести. Темнело не раньше одиннадцати, и после еды мы вытягивались на папоротниках, болтая в воде ногами, читали или вспоминали прошедший день. На протяжении этих четырёх дней я всегда ждала наших вечеров — чувствовалась удивительная близость, возникшая между нами и дикой природой.

После Хьюстона ручьи и водопады исчезли, деревья стали приземистей, а горы и долины сменились холмами. Как раз около Хьюстона мы познакомились с канадцем Крисом, единственным велосипедистом, встреченным на Йеллоухед. Крис был высоким худым парнем лет за двадцать. Он ехал через Канаду в Ньюфаундленд; из Принс-Руперта стартовал около недели назад.

— Похоже, вы тоже направляетесь в Скалистые горы, — улыбнулся он. — Не возражаете, если поеду с вами? Мне неохота путешествовать в одиночку. Большую часть времени приходится скучать.

— Нисколько, — кивнул в ответ Ларри. — Мы будем рады составить тебе компанию.

Около часа Крис ехал и болтал с нами (объясняя, как взял на лето отпуск, чтобы проехаться по стране), прежде чем понял, что не выдерживает нашего темпа, и предложил нам двигаться вперёд.

— Слушайте, вы едете гораздо быстрее меня, так что, может, обгоните? Ехать с моей скоростью вам вряд ли в удовольствие, это точно. Я остановлюсь в кемпинге в Бёрнс-Лейк, может, и вы там встанете, тогда и поговорим, когда я подъеду.

Мы с Ларри попали в Бёрнс-Лейк около шести вечера. Крис притащился тремя часами позже. Его было жаль. Он напомнил мне, как я выглядела первую неделю

путешествия в конце каждого дня: изнурённая и сгорбленная от мучений. Я попыталась выразить ему своё сочувствие, когда он опустился за наш стол на стоянке, но признать, что измучен или озабочен болями в мышцах, он отказался. Вместо этого он спросил, не можем ли мы поделиться с ним харчами. К тому времени, как он прибыл в Бёрнс-Лейк, все продуктовые магазины были уже закрыты, и он остался без провизии.

— Мне просто надо заморить червячка, и всё,— сказал он, обращаясь к Ларри.— Если съем что-нибудь, то приду в норму.

Ларри протянул Крису корзинку со всем нашим провиантом и предложил угощаться. Вскоре мы обнаружили, что совершили большую ошибку. Крис угостился на славу — из всего, что у нас было, осталось полдюжины яиц и пакетики с чаем. Почти уничтожив наши запасы, Крис раскатал свой спальник рядом с нашей палаткой, забрался внутрь и завернулся в водонепроницаемый мешок. Ему и в голову не пришло поблагодарить нас за еду или предложить разделить взнос за стоянку.

Утром Крис попросил кусок яичницы. Сам же оттяпал добрую половину и большую часть нашего чая. Я пыталась врубиться в ситуацию. В конце концов, уговаривала себя я, он меньше недели в пути и страдает от болей и изнурения в сочетании с подавленностью и постоянным голодом.

— Сегодня я попытаюсь продержаться с вами весь день,— заявил Крис, когда мы выехали на хайвэй после завтрака. Но не прошло и часа, как он стал отставать, и мы не видели его до позднего вечера, когда он с трудом дополз до стоянки в Вандерхуфе. Страдание и усталость проступали на его лице ещё явственней. Он прислонил свой велосипед к нашему столу и рухнул на одну из скамеек, опустив руки и лицо на стол. Присев рядом, я снова попыталась утешить и приободрить его:

— Крис, не стоит так переживать. Сначала трудно. Я знаю. Мне тоже понадобилось время, чтобы набрать форму. Поначалу я, как и ты, отставала, и каждую ночь мне казалось, будто сил не осталось. Но что тебе нужно, так это попытаться и...

Крис вскинул голову, и от его взгляда слова застряли у меня в глотке. Я подумала, что он сейчас закричит.

— Послушай,— почти прошептал он.— Меня абсолютно не угнетают ни боль, ни смертельная усталость, которые я испытываю всё время. Переживу. Я знаю, постепенно это пройдёт. Вот что действительно меня гложет, так это то, что ты, женщина, можешь работать педалями дольше и быстрее меня, мужчины. Не важно, что я только начал, а ты уже к этому привыкла. Я — мужчина; я должен превосходить любую женщину вне зависимости от того, в какой я форме. Но знаешь что? Весь ужас в том, что ты способна ехать в два раза быстрее меня. Можешь ты понять, как это меня подавляет? Можешь? Говорю тебе, моё эго никогда не смирится с тем, что женщина может быть лучшим велосипедистом, чем я. Я этого не приму. Чёрт, сегодня утром я принялся крутить педали так быстро, как только мог, а ты обошла меня, как столб.

Крис обхватил голову руками и опять уткнулся в стол. Совершенно не помню, что я испытывала к нему после этого. Может, пожалела, а может, и нет. В его голосе совсем не было раздражения, только сожаление и подавленность. За остаток вечера мы не сказали друг другу ни слова.

Ночью похолодало и пошёл дождь, и утром, когда Крис высунулся из своего кокона, то напоминал мокрую крысу. Волосы спутались, одежда намокла, под глазами легли тени, губы посинели. Но он был слишком горд, чтобы признать, что его кокон со своими обязанностями не справился.

— Похоже, ты на грани замерзания. Давай сюда и выпей горячего чая. Это поможет тебе оттаять,— сказал Ларри, ставя чашку на стол.

— Я в-в п-порядке.— Крис заикался, не в силах удержать дрожь.

— Мне так не кажется,— ответил Ларри — Давай, прими это питьё.

Крис протянул руку к пластиковой чашке. Кожа у него на руках была ярко-розовой, а пальцы окоченели и не гнулись. Ларри подошёл, согнул ему ладонь, вставил чашку и помог обхватить её пальцами. Рука Криса так тряслась, что, едва Ларри отпустил чашку, как горячий чай выплеснулся им обоим в лицо. Когда мы покидали после завтрака лагерь, Крис всё пытался поднять себе температуру тела. Пролетело два дня прежде чем он нас нагнал.

Десятого июля, за день до того, как мы достигли Скалистых гор, на нас обрушился потоп. Время для этого выдалось не самое удачное. В тот день мы уже преодолели семьдесят миль, чтобы добраться до городка Мак-Брайд, нужно было пройти ещё двадцать. Последний город мы проехали полтора дня назад, и наши запасы подходили к концу.

В четыре часа мы встали у ручья отдохнуть и перекусить, прежде чем отматывать последние двадцать миль до Мак-Брайда. Это была наша первая попытка пройти за день более восьмидесяти миль. Уже чувствовалось утомление, но, так как в запасе оставалось ещё семь часов светлого времени, казалось, мы с лёгкостью одолеем оставшиеся мили. Напрасно казалось.

Проехав четыре мили, мы увидели стену. Облака, висевшие над нами целый день, не проливая ни капли, слились впереди с деревьями и дорогой, образовав тёмную преграду.

— Там что-то наваливается,— простонал Ларри.— Придётся получить свою порцию дождя. Мы на это напросились.

Я натянула куртку, шерстяные носки и въехала во тьму. Когда тучи вокруг сгустились, из них начали хлестать мощные потоки воды. Температура упала, и, проехав милю, мы уже с трудом удерживали окоченевшими руками руль. Дорога местами скрылась под водой, и тормоза перестали работать. Обувь наполнилась водой, и ноги превратились в тяжёлые глыбы. Машины и грузовики, шедшие мимо, обдавали нас водой и грязью; грязная вода заливала рот и проникала в любую прореху в одежде.

Через пятнадцать-двадцать минут мы окончательно промокли, замёрзли и совершенно изнемогли, чтобы двигаться дальше. Холод забирал все силы и сковывал суставы.

— Давай поставим палатку и переждём бурю,— прокричала я в рёве ливня.

— Следуй за мной,— проорал в ответ Ларри.— Съезжай с дороги, мы укроемся в лесу.

Но, когда я свернула на обочину, мой велосипед застрял — половина переднего колеса оказалась в воде. Я спустилась с велосипеда и побрела в сторону леса в надежде, что нам удастся отыскать сухое место. Но даже под деревьями стояла вода.

— Получили,— проворчала я.— У меня нет сил на двенадцать, тринадцать или сколько там миль до Мак-Брайда.

— У меня тоже. Но придётся,— пожал плечами Ларри. — Здесь лагерь утонет.

Я знала, что больше ничего не остаётся, а потому вернулась к дороге и нажала на педали. Ежесекундно я содрогалась под порывами арктического ветра и чувствовала, как коченеют ноги. Крутить педали и удерживать руль стало мучительной работой.

Совершенно отчаявшись, я принялась петь. Это была долгая бессвязная песня, которую я сложила, понуждая конечности шевелиться. Я назвала её «Дорога в Мак-Брайд», и в ней говорилось много всего об идиотах, которые не остановились и не устроили лагерь, завидев надвигавшуюся бурю; о кварте ледяной воды в моих кроссовках; о струившихся по моему мокрому лицу слезах.

Пока буря изливала на нас свою ярость, у нас с Ларри не было времени хоть что-нибудь видеть и слышать. Если я хотела что-то ему сказать, то должна была подъехать вплотную и орать на ухо. Но и тогда он с трудом разбирал мои слова. Поэтому меня так озадачило, когда после получасового пения я услышала слабый шорох. Повернув голову вправо, к обочине, откуда мне послышался шум, в тридцати футах от нас я увидела огромного чёрного медведя. Какое-то мгновение спустя после того, как я заметила массивную тушу, у меня в голове пронеслось: кто-то как-то однажды говорил мне, будто медведи развивают скорость до тридцати миль в час. Я открыла рот и оглушительно завопила леденящим кровь голосом.

Медведь замер. Теперь он находился в пятнадцати футах от дороги, почти перед нами. Казался он выше и крупнее, чем можно было вообразить. Он поднял голову и насторожился, глядя на разделявшие нас потоки воды. И неожиданно я поняла, что он не собирается нас преследовать,— вероятно, он всего лишь намеревался пересечь хайвэй до того, как пройдёт машина. А поскольку фар и шумных моторов у нас не было, он не заметил нашего приближения.

Зверь увидел наши очертания, и ему было достаточно одного взгляда на этих странных созданий — полулюдей-полумашин,— чтобы поднять в воздух свои пятьсот фунтов веса. Ещё в воздухе его тело развернулось на сто восемьдесят градусов и

приземлилось мордой к лесу. Ноги задвигались, ещё не коснувшись земли, после чего животное на полной скорости исчезло в лесу. Сквозь шум дождя мы слышали, как оно ломится сквозь чащу.

Пятьдесят минут спустя, промокшие и беспрестанно дрожащие, мы приползли в Мак-Брайд. Мы догадывались, что местный кемпинг скорее всего затопило, поэтому вместе со своими велосипедами ввалились в выдавший виды отель «Мак-Брайд». В вестибюле никого не было, но, пока я освобождалась от куртки и наблюдала за гигантской лужей, растекавшейся у моих ног, из столовой доносился разговор.

— Да, могу сказать вам одну несомненную вещь. Это самая кошмарная буря, какую я видел,— сказал один из голосов в столовой.— Даже старый Эванс утверждает то же самое.

— Это точно. Слышали новости? Затопило Эдмонтон. У них там сейчас полный кавардак.

— Да, я думаю. Хорошо ещё, всё быстро кончилось, а то и здесь была бы беда. Мой двор больше чем на фут под водой.

За стойкой появился управляющий. Он быстро оглядел нас вместе с велосипедами и покачал головой.

— Захватило по дороге, не так ли? Похоже, вам досталось. Непонятно, как это вы вынесли. Что до меня, то более кошмарного дождя я никогда не видел. Думаю, вас обоих могло смыть с дороги. Так что считайте — повезло. Слева у меня есть одна комната, и она ваша. Комната двадцать. Ванная — через холл.

Взвалив велосипеды на плечи, мы поднялись по скрипучей лестнице к себе на второй этаж, вытащили кой-какую сухую и чистую одежду и отправились через холл в ванную комнату.

Никогда не забуду ванну в отеле «Мак-Брайд». Она оказалась достаточно длинной и глубокой, чтобы

вместить нас обоих. Я наполнила её горячей водой, а потом медленно, очень медленно мы опустили туда свои промёрзшие тела. Казалось, что-то хлестнуло по рукам и ногам, когда их коснулась горячая вода.

— Небеса,— простонал Ларри.

Пар и горячая вода подействовали на окоченевшие мышцы и скованные суставы умиротворяюще, и мучения остались позади. Через пять — десять минут дрожь прошла. Было замечательно снова ощутить тепло. Мы мечтательно улыбались друг другу, пока с нас смывались грязь, пот и смазка, а вода окрашивалась в серо-бурый цвет. Это было величайшее купание в моей жизни.

К утру большинство улиц и тротуаров оказались под водой, но дождь прекратился. Мы отправились в местную прачечную постирать и высушить одежду. Кроме того, в продуктовом магазинчике мы закупили двухдневный запас еды, чтобы добраться до Джаспера, который находился отсюда в ста четырёх милях. Мы уже заканчивали укладывать провизию во вьючники, когда в город пришлёпал Крис. Было очевидно, вместе со своим коконом он получил от бури всё, что следовало, и при взгляде на него у меня всё внутри сжалось.

— Н-не спрашивайте м-меня о п-последней ночи.— Он заикался.— Я не хочу это обсуждать. О'кей? Могу только с-сказать, ч-что спал в с-своём коконе на столе на п-последней стоянке.

Крис, однако, упомянул, что незадолго до бури на стоянку приехала пара в фургоне; они бросили ему пару кусков, что помогло ему пережить ночь.

— Д-думаю, з-залезу в с-сушилку и останусь там до конца дня,— сказал он, запинаясь и двигаясь в направлении прачечной. Ларри пожелал ему удачи.

Во время путешествия нас с Ларри бросало от сверхподъёмов настроения до суперспадов. Пока мы

сражались с бурей, я была убеждена, что велотуризм — вершина мазохизма. Но, когда на следующий день мы забрались в Скалистые горы и испытали благоговейный трепет от зрелища Маунт-Робсон, высочайшей вершины Канадских Скалистых, я пришла в восторг. От последующих полутора недель, проведённых в горах, за исключением дня, когда мы ехали к ледяному полю Колумбия, в моей памяти остались стоянки среди ледников, с лосями, сурками и бурундуками. Несколько раз нам пришлось преодолевать в горах крутые подъёмы, но наши мышцы были достаточно сильны, чтобы мы могли ежедневно с двумя-тремя остановками проходить по шестьдесят — восемьдесят миль.

Было 14 июля, когда мы прибыли в Джаспер. В этот день исполнялось пять лет со дня нашей свадьбы и три месяца — с начала путешествия. Чтобы отметить, мы решили остановиться на ночь в мотеле. Наша комната выходила на настоящую кухню, и как только мы заняли днём номер, то сходили и купили гарнир к мясному обеду — нечто, о чём мы мечтали на протяжении всего пути по Британской Колумбии, питаясь арахисовым маслом и макаронами с сыром. В городе мы наткнулись на Криса. Он выглядел вполне оправившимся от своей ночи под водой.

— Привет, а я и не думал, что вы в Джаспере. На бесплатной стоянке за городом я вас не нашёл. Где же вы остановились? — спросил он.

— Сегодня годовщина нашей свадьбы, так что мы шикуюем, Остановились в мотеле,— ответил Ларри, не упоминая названия мотеля.

— О, вижу. Да. О'кей! Хорошо, ещё увидимся. Я здесь буду несколько дней и поброжу пешком. Вы тоже?

— Мы, наверное, съездим на юг побродить. В Джаспере слишком многолюдно,— сказала я.

— Да. Ну, ладно, возможно, присоединюсь к вам на юге. Я собираюсь забраться не дальше Банфа, прежде

чем сверну на восток.

С тех пор как мы с Ларри купались последний раз, прошло три дня, и, вернувшись к себе, мы вымыли друг друга в ванне. Я разожгла огонь в камине, мы вытянулись рядом на толстом ковре и открыли бутылку. Лёжа у огня, долго говорили — больше о том, как сблизились с начала нашего путешествия.

— Конечно, временами мы злимся друг на друга,— сказал Ларри,— в особенности раздражаемся, когда дождь: похоже, мы всегда, если дождь, кричим друг на друга от усталости или голода. Правда, кто не ссорится? Но знаешь, чем больше нам выпадает испытаний и чем больше лишений мы преодолеваем вместе, тем ты мне ближе и тем больше я тебя уважаю. Как в ту ночь, когда мы приехали в Мак-Брайд. После бури, медведя и всего, что мы пережили вместе, я почувствовал, как окрепла связь между нами. И мы научились поддерживать друг друга. И теперь друг друга дополняем: твои усилия компенсируют мои слабости, а я помогаю тебе преодолевать твои.

Мы говорили, а потом весь день занимались любовью. Вечером устроили себе пир из бифштекса, жареной картошки, зелёного салата и шоколадного пудинга. Столько времени прошло с тех пор, как мы ели нечто подобное, что я почти позабыла вкус такой пищи. Ларри расставил всё на ковре перед камином, но едва мы устроились рядом на подушке, как кто-то постучал в дверь. Я открыла — на пороге стоял Крис.

Первое, что пришло мне в голову,— кто-то стащил его велосипед или все деньги, и поэтому он нас разыскал. Я решила, что случилось что-то непредвиденное.

Зачем бы ещё он озаботился проверкой нескольких дюжин отелей и мотелей в Джаспере, чтобы найти нас. Да и вряд ли он стал бы нас беспокоить, зная, что сегодня годовщина нашей свадьбы и мы хотим побыть

одни. Я отошла в сторону, пропуская его, в ожидании плохих известий.

— Хорошее местечко,— пробормотал Крис, проходя и усаживаясь на стул рядом с камином и нашими яствами.

Я уселась обратно на подушку рядом с Ларри. Мы наблюдали, как внимательно разглядывает Крис стоявшую перед ним еду. Пока он говорил, его глаза не могли оторваться от куска мяса на моей тарелке.

— Да. В общем, я тут решил навестить вас и сказать привет. Мой велосипед внизу. Решил прогуляться сегодня днём. Было бы неплохо. Но вы ведь знаете, на бесплатных стоянках негде помыться — что ужасно, ведь я привык принимать душ. Н-да, во всяком случае, вы действительно чудесно устроились. И похоже, успели приготовить нечто совершенно феерическое.

Крис искоса посмотрел на нас и ухмыльнулся.

— С тобой всё в порядке? — спросила я.

— Да, конечно. Всё замечательно. Как я и сказал, просто решил заглянуть и сказать привет.

«Ну да, поприветствовать в надежде, что мы пригласим для горячего душа и даровой еды»,— подумала я про себя. Ларри почувствовал, что я сейчас скажу Крису нечто ужасное, и постарался меня опередить:

— Знаешь, Крис, где-то там внизу есть горячий душ рядом с бассейном. Почему бы тебе не зайти туда? А я заверну немного этого мяса с гарниром, и ты поешь в лагере. Прости, что выпроваживаем тебя, но нам с Барбарой как раз сегодня хочется побыть наедине. Надеюсь, ты понимаешь?

— Внизу есть горячий душ? Великолепно! — Крис лучезарно улыбался, пока Ларри складывал часть нашей еды в пару пластиковых пакетов.— Да, возможно, я присоединюсь к вам в конце недели, когда отправлюсь на юг.

Но так сложилось, что мы больше не встречались с Крисом или кем-то похожим на него, хотя многим велосипедистам попадаются любители большой халявы.

Мы с Ларри покинули Джаспер на следующее утро и отправились на юг по дороге № 93, через самую центральную часть Скалистых гор, к ледовому полю Колумбия. На полдороге начался туман. Поскольку курток мы не надели, то добрались до ближайшего укрытия, коим оказался сортир на дорожной стоянке. Мы прислонили велосипеды к односторонней деревянной кабинке, вынули куртки, немного хлеба, масла, апельсины и разместились внутри. Дверь я приоткрыла, чтобы проветрить. Усевшись на единственное сиденье, мы прижались друг к другу и занялись ленчем. Время от времени на стоянку по нужде заворачивал кто-нибудь из водителей, выходил из машины и совершал стремительный бросок к сортиру. Но не дойдя десяти ярдов, замечал снаружи два велосипеда и двух жующих бутерброды личностей — внутри. Каждый из них спешил обратно к машине и мчался к другой ближайшей стоянке.

Когда мы поехали снова, температура воздуха упала и посыпал дождь со снегом. Через четверть часа я осознала, что, хотя работаю изо всех сил, преодолевая подъёмы, тело никак не может согреться. Я прокричала Ларри, что хочу съехать с дороги, надеть тёплую рубашку и шерстяные перчатки, купленные в Джаспере. Ларри тоже было холодно, но ему и в голову не приходило останавливаться. Он терпеть не мог остановок под дождём. Не важно, насколько он промок и замёрз, он категорически не желал остановиться и сменить одежду, как это всегда делала я. До ледяного поля предстояло пройти ещё сорок миль, и перспектива провести всю вторую половину дня под холодным дождём привела к тому, что мы начали спорить.

— Почему ты не надела свои митенки и тёплую рубашку, когда мы были в сортире? — заорал на меня Ларри.

— Я не думала, что они понадобятся. Откуда мне было знать, что так похолодает?

— Ты ещё больше замёрзнешь и промокнешь, если остановишься,— кричал Ларри.— Все твои вещи вымокнут, когда ты раскроешь вьючник, чтоб вытянуть рубашку. Лучше двигаться. Тогда согреешься.

— Нет, не хочу! — запротестовала я.— Я ещё больше замёрзну, а не согреюсь!

— Тогда езжай быстрее. Это тебя согреет.

— Быстрее? Я не могу быстрее! Я замерзаю!

Ну и так далее, пока Ларри не сдался. Но к этому моменту я окончательно взбесилась и не захотела останавливаться, неизвестно почему. Просто продолжала жать на педали, ругаясь про себя. Я буду крутить педали без этих перчаток с рубашкой и очень скоро, назло ему, замёрзну и околею!

— Ни за что не остановлюсь! — орала я.— Я докажу тебе, что тоже могу быть упрямой!

— Забудь, Барб. Не надо жалоб; надевай что хочешь.

— Я не жалуясь и ни за что не остановлюсь!

Теперь меня трясло не только от холода, но и от злости. Руки и ноги окоченели, и вода уже просочилась сквозь куртку. Потом неожиданно, как раз когда я посылала Ларри к чёрту, на мою рулевую сумку брызнула кровь. Некоторое время я таращилась на неё, пытаюсь сообразить, что же произошло. В ужасе я смотрела, как кровь заливает всё больше и больше перёд куртки, льётся на ноги и велосипед. Казалось, она вся из меня вытечет. Дотронулась до лица — рот и подбородок покрылись тёплой красной жидкостью. Должно быть, я закричала, когда почувствовала кровь, потому что Ларри уже был рядом, когда я отвела руку от лица. В его глазах был ужас.

— Быстро! Съезжай с дороги! — пронзительно закричал он, начиная сворачивать сам.

— Нет! Мне наплевать, лучше умру! Я не останавлиюсь! — продолжала я автоматически огрызаться. Но кровь напугала, и, проехав несколько ярдов, я свернула в грязь на краю дороги.

У меня в носу лопнул сосуд, и из правой ноздри струился поток крови. Я села прямо в слякоть, запрокинула голову и зажала нос. Проезжавший транспорт заливал меня грязью и водой. Пока я ждала, чтобы остановилось кровотечение, Ларри вытащил мою рубашку и перчатки и помог их надеть. Потом обнял меня, прикрывая от дождя.

— Ну почему, когда дождь, я всегда забываю, как сильно тебя люблю? — прошептал он.— Тебе не кажется, что придётся нам как-то выучиться контролировать свои эмоции, когда погода портится? Знаешь, похоже, в ту же минуту, как начинает накрапывать, у меня портится настроение. Я ведь знаю, тебе нужно было остановиться и переодеться, а ты знаешь, что я буду настаивать ехать быстрее, и прямым ходом мы вступаем в противоречие. Как же трудно сохранить выдержку во время дождя, но мы стараемся. И возможно, в один прекрасный день нам это удастся.

После того как кровотечение прекратилось, ещё три часа мы ехали под дождём, прежде чем достигли перевала Санвапта, который находится на высоте шесть тысяч шестьсот семьдесят шесть футов всего в трёх милях от ледяного поля. Движение на подъёме шло с черепашьей скоростью, и водители выходили и кричали нам, что для велосипедистов здесь чересчур круто. Ещё не начав, мы уже боялись поражения; мышцы утомились, и нас трясло от холода. Мы встали у края дороги и слопали по сандвичу с маслом, припрятанному в скудных пожитках, сжали покрепче руль и налегли на педали.

Дорога забиралась в облака, и с каждым движением ног из тела уходила энергия. Раз-два, раз-два. Сначала, как гиря, падает одна нога, потом — вторая. Раз-два, раз-два. Мы двигались вверх в облаках, и хотя рядом были ледники и продолжался холодный дождь, я покрылась испариной. Сняла куртку и тёплую рубашку, оставив на себе только футболку, шорты и шерстяные носки. Казалось, целую вечность мы дюйм за дюймом движемся вверх. Потребовалось собрать все силы и сосредоточиться, чтобы поддержать ритм и не остановиться.

Когда мы добрались до вершины перевала, меня охватило ощущение триумфа и облегчения. Это были длинные семьдесят миль. Мы установили палатку у края ледяного поля, почти целиком окутанного низко лежащими облаками. Стоянка вблизи глетчера^[*] похожа на кемпинг в морозильнике. Я забралась в палатку, стянула всю мокрую одежду и надела всё, что было сухого — две футболки, пуховку, тёплые брюки, две пары носков и вязаную шапку,— на себя, потную и грязную. Затем влезла в спальный мешок, застегнула его со всех сторон и пребывала в таком виде до утра.

К утру дождь перешёл в изморось — «канадский плевок», как его называют местные жители, и горы покрылись тонким слоем свежевыпавшего снега. Когда мы поднялись, слегка прояснилось. Через пару часов ледники засияли в лучах солнца. Зрелище было захватывающее, и мы живо оправились от упаднических настроений предыдущего дождливого дня. Полдня мы бродили вокруг ледового поля, наслаждаясь солнечным теплом и великолепием. Во второй половине дня мы проехали сорок пять миль до кемпинга у озера Уотерфоул. На этот раз, в полдень, облака не скрывали от нас горные цепи, возвышавшиеся с обеих сторон дороги.

Кемпинг в Уотерфоул располагался в лесу у чистого озера бирюзового цвета, в котором отражались окрестные ледники. Так как мы прибыли на велосипедах, нам разрешили остановиться бесплатно. Смотрительница предоставила нам место рядом с ещё одной парой, путешествовавшей в Скалистых горах, и предупредила насчёт медведей, забредающих время от времени в лагерь в поисках еды. Поэтому до отхода ко сну Ларри сложил всю нашу провизию в корзинку и повесил её на верёвку, которую натянул между двух деревьев на высоте десяти футов.

В три часа ночи я в испуге очнулась от глубокого сна. Пока глаза привыкали к темноте, я прислушивалась к разбудившему меня шуму. Сначала казалось, что это шорох, но было что-то ещё. Я повернулась и посмотрела на Ларри. Глаза его были широко раскрыты. Он сидел прямо и неподвижно, к чему-то напряжённо прислушиваясь.

— Что случилось? — спросила я.

— Ш-ш-ш,— прошептал он еле слышно.— Слушай.

Но я не услышала ничего особенного. Ларри просидел без движения несколько минут, вслушиваясь, потом подался вперёд к окну палатки. Внимательно изучив внешний мир, он снова уселся прямо, напрягая слух ещё несколько минут. Шума больше не было.

— Незадолго до того, как ты очнулась, я услышал какое-то движение рядом с палаткой,— прошептал он.— Словно что-то коснулось тента, тогда я перевернулся и выглянул в окно. Я увидел прямо перед своим носом медведя, уткнувшегося в москитную сетку, и почувствовал, как он дышит прямо мне в лицо! Я совершенно обалдел, сердце так билось, что казалось, задохнусь. Слава Богу, увидев меня, тот перепугался не меньше. Он отскочил от окна и убежал. При этом он произвёл столько шума, что ты проснулась.

Ларри замолчал, прислушался к окружающей тишине и выглянул в каждое из четырёх окон. А я от страха не могла даже пошевелиться.

— Еда,— прошептала я.— Ты уверен, что мы всю еду отсюда убрали? Что, если здесь где-нибудь осталась конфетная бумажка или фрукты?

— Думаю, что всё вынес, но лучше проверить. Если придёт новый медведь, менее пугливый, и учует здесь что-нибудь, мы окажемся в настоящей опасности.

Наши поиски кончились ничем, но прошло не меньше часа прежде чем мы снова уснули. Лёжа в своих мешках, мы насторожённо ловили каждый шорох извне в полной готовности выскочить наружу.

Утром Ларри осмотрел палатку. Когда на одном из оконных клапанов он обнаружил множество дырок, то убедился, что прошлой ночью медведь в самом деле ему не привиделся.

— Наверное, он собирался здесь пролезть,— вздрогнула я.— Хорошо, что ты проснулся и выглянул.

Ларри взялся готовить завтрак, а я сняла с велосипедов пластиковые бутылки для воды и пошла их наполнять к ближайшему крану. Когда вода начала набираться в первую бутылку, стало ясно, что она превратилась в разбрызгиватель; чем быстрее наполнялась бутылка, тем основательнее вода заливала мои ноги и кроссовки, выливаясь через полдюжины отверстий. Медведь оставил следы своих когтей не только на нашей палатке, но и на бутылках.

Когда я вернулась на стоянку, Ларри беседовал с Карен и Дэйвом, велосипедистами из Сан-Диего, которые были нашими соседями. Говорил в основном Дэйв. Он непрерывно двигался и размахивал руками. Карен стояла рядом и, уставившись в землю, нервно и тяжело вздыхала.

— Я узнал, что произошло, когда медведь ушёл от нас прошлой ночью,— обратился ко мне Ларри.— Моя

жуткая рожа так его перепугала, что, удирая, он даже не успел сообразить, куда бежит.

— Ты прав,— кивнул Дэйв.— Он выбрал наихудший вариант. Думаю, наша палатка оказалась точно на его пути к дому. Он споткнулся об одну из растяжек и приземлился на нашу крышу. Надо тебе сказать — проснуться внутри рухнувшей палатки с медведем на крыше — не самое приятное ощущение. Я понял, что это медведь, когда одна из его лап проехала мне по лицу, насколько я знаю, только у медведей такие здоровые лапы. Мягкая такая лапища — как бы и вовсе без когтей. Но я знал, что они появятся. Лежал в холодной испарине в ожидании этих чёртовых когтей. «Всего лишь несколько секунд,— говорил я себе.— Ещё немного, Дэйв, и эти когти разделяют твою физиономию на части».

Потом, совершенно неожиданно, я услышал, как Карен что-то мне шепчет. Она не шевелилась, но шептала: «Дэйв, на нас — медведь. Надо что-то делать, Дэйв. Дэйв, на нас — медведь! Сделай что-нибудь!» А какого чёрта можно было сделать? Говорить я не мог — не с лапой же на лице. Когда когти так и не показались, я ощутил, какая лапа мягкая и безобидная. Надо полагать, как затишье перед бурей. Знаешь, кажется, полночи прошло, прежде чем эта лапа нашла себе более твёрдую опору. Потом медвежья туша начала с нас приподыматься. Но когда он встал наконец, то сразу свалил в лес.

Здесь Дэйв выдержал паузу, достаточную, чтобы отвести правую руку и закрыть ею лицо. Он поворачивал глазами и потупился.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ШОССЕ 212: БЕСКОНЕЧНАЯ ДОРОГА

От Канадских Скалистых мы двигались по юго-западу Британской Колумбии и в конце июля оказались в Айдахо. Мои родители выросли в Айдахо, и до сих пор здесь живёт много родственников. Сколько себя помню, отец рассказывал охотничьи и рыбацкие истории об Айдахо, массу разного — о пустыне и меньше о гремучих змеях. Он объяснял это так: «В первый же раз, как услышишь гремучку на воле, сразу поймёшь, кто это. Никто не скажет, что это просто трещотка».

Правда, мы с Ларри больше, чем гремучих змей, опасались в Айдахо ковбоев и фермеров — благодаря вестернам. Мы договорились никому не говорить в Айдахо или Вайоминге, что сами из Калифорнии — этой упадочной, кишасей наркоманами, извращенцами и пройдохами управленцами полоске Америки. И мы опасались, что длинные волосы Ларри не останутся не замеченными.

В первый же раз, когда один из бесчисленных двухтонных пикапов с неизменным штативом для ружья в заднем окне обогнал нас, а затем остановился перед нами, я была убеждена, что находившийся в машине мужчина в ковбойской шляпе либо решил сократить численность калифорнийцев за счёт двух путешествующих чудиков, либо по меньшей мере продырявить наши пожитки, прежде чем послать к чёрту. Я умирала от страха, пока мы приближались к грузовику и его могучему, бандитского вида водителю, вышедшему из машины.

— Здесь начинается крутой подъём,— улыбнулся нам ранчмен, когда мы замедлили ход, останавливаясь.— Подъёмник нужен?

— Большое спасибо,— в ответ улыбнулась я,— мы сами должны справиться.

— Приятно встретить любителей приключений. Ну ладно, счастливого пути!

После ещё нескольких встреч с «деревенщиной» Айдахо мы поняли всю нелепость своих предубеждений. Людей совершенно не занимало, откуда мы или почему волосы у Ларри длиннее, чем положено; их больше интересовало, чем мы занимаемся, нежели как выглядим. Где бы мы ни были в Айдахо, везде нам предлагали помощь. В Восточном Айдахо одна женщина, миссис Тербер из Сан-Вэлли, ехавшая в своём новеньком фургоне, заметив нас отдыхающими у дороги, свернула на обочину. Вместе с двумя дочками-подростками она поднесла нам две коробки орехов в сахаре и банку холодного виноградного сока. В Айдахо такие вещи происходили постоянно. Великодушие и добросердечие людей, а также просторы национального парка — Национального Леса (он занимает 60 процентов территории Айдахо) — сделали этот штат самым лучшим из всех остальных в нашем велосипедном путешествии. Движение на дорогах было небольшим (численность населения всего штата меньше, чем в городе Сан-Диего), ни одного знака «СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА» и множество грунтовых и гравийных дорог, по которым мы обследовали изолированные пустынные районы на севере и в центре штата.

В Айдахо изменились мои представления не только о фермерах и ковбоях, но и о здоровой пище. Совершенно не помню почему, где-то в Северном Айдахо я решила попробовать йогурт — это отвратительное варево из перебродившего молока, которое предпочитает большинство истинных почитателей сыроедения. Я была

потрясена тем, что мне это понравилось; спустя неделю у меня возникла потребность в нём.

Появление привычки к йогурту стало первым шагом в полной трансформации моего питания. Довольно скоро я занялась созданием всевозможных полезных и невероятных смесей. Я смешивала йогурт с хлопьями. Нарезала банан на бутерброд с арахисовым маслом, посыпая его сверху семечками и изюмом. Теперь я стала предпочитать фруктовые бары шоколадным, а свежий сок апельсина — прохладительным напиткам и шоколадному молоку. Единственным отрицательным результатом резкой смены диеты стало то, что мне пришлось намного чаще бегать в сортир. Желудок никак не мог решить, что делать со всей этой необычной пищей, которую я поглощала. Первые десять миль после еды в животе что-то толкалось и булькало, а потом срочно требовалось десантироваться. Тем не менее я упорствовала, и через несколько недель желудок перестал сопротивляться.

Поначалу Ларри отвергал моё «необъяснимое пристрастие к несъедобному». Однако постепенно он тоже изменил диету, и на обед кроме консервов мы стали потреблять всякую всячину. Мы жарили овощи, посыпая их сыром и смешивая с семечками; тушили, добавляя в спагетти. Самой удобной едой всё ещё оставались консервы, но потребление более питательной пищи улучшало наше самочувствие и работу желудков. Когда мы добрались до Флориды, то уже не пробавлялись конфетами, фунтовыми кексами, пирожными, мороженым, но и тогда, как и сейчас, мы продолжали изредка баловать себя тем, что на языке наших диетологов именуется «мусорной едой».

Дядя Билл и тётя Мардж, брат моего отца и его жена, были владельцами коттеджа рядом с Каскадным водохранилищем, недалеко от городка Мак-Колл в

Центральном Айдахо. Мы прибыли туда 29 июля и планировали остаться на неделю, чтобы наши зады наконец как следует отдохнули.

Где-то в полночь, на второй день нашего пребывания, тётя Марж вторглась в нашу комнату, громогласно требуя, чтобы мы поднимались. Потом я услышала ещё один знакомый голос, который что-то говорил мне, и, открыв глаза, я узнала отца, стоявшего в ногах кровати.

— Просыпайся! Тебе приснился дурной сон! — смеялся он.

Это было совершенно замечательно — увидеть здесь Па с его широкой озорной улыбкой. Он решил под влиянием минуты прилететь из Сан-Диего и провести с нами неделю. Мама осталась дома, чтобы продолжить работу в своём магазине подарков, но в мае они оба собирались прилететь к нам в Испанию.

Первые несколько дней, сидя на крыльце, выходявшем к озеру, мы с Ларри потчевали отца своими походными историями, а также занимались приведением в порядок велосипедов. Трижды в день тётя Мардж готовила грандиозный пиршественный стол, и к концу недели я поправилась на десять фунтов. В конце недели прибыло шестнадцать человек моих тёток, дядьёв и племянников, и два дня мы купались, плавали на лодках, катались на водных лыжах, бродили и вели бесконечные разговоры.

Утром в понедельник мы проснулись в наступившей вокруг и внутри нас тишине. Исчезло ощущение праздника и спокойствия. Все разъехались по домам. После завтрака мы сложили свои пожитки, но нами овладела такая тоска, что не было сил взобраться на велосипеды. Вместо этого мы спустились к озеру, уселись на берегу, размышляя о том, не пришло ли и наше время отправляться домой. Мы сидели и смотрели на пустое каноэ в воде, прислушиваясь к эху голосов

нашей семьи. Теперь снова мы остались только вдвоём, и этот день казался ужасно длинным от одиночества.

Мы уехали из коттеджа ранним утром следующего дня. Через два часа тоска по дому ушла, мы снова радовались дороге, извивавшейся среди гор, мимо водопадов и лугов, на юго-восток по направлению к Сотутс, Гранд-Тетонс и Йеллоустону.

В конце дня 10 августа мы с Ларри оказались в безлюдной части центрального Айдахо, чуть южнее городка Челлис. Теперь, за три месяца, проведённых в дороге и на стоянках, мы научились многому, вплоть до распознавания надвигающегося дождя по запаху и обнаружения воды по окружающей растительности. В тот день мы особенно вспотели, пропылились и нуждались в помывке; пристально вглядываясь в бесплодный пейзаж, мы высматривали полосу деревьев или кустов, указывающую на наличие ручья.

Я обнаружила речушку в овраге, в пятидесяти ярдах от дороги, где рядом оказалась площадка, достаточная для палатки. Чтобы туда добраться, нам пришлось перелезть через шестифутовую деревянную изгородь, перепрыгнуть через ручей и вскарабкаться вверх на пятнадцать ярдов по склону. Мы перенесли сюда палатку, спальные мешки, матрасы и рулевые сумки. Потом, пока Ларри ставил палатку, я занялась перетаскиванием наших велосипедов и остального груза. Когда в третий раз я двигалась по проторённому маршруту, держа по вьючнику в каждой руке, в паре ярдов от речки меня заставил остановиться странный шум, раздавшийся под ногами. Никто не говорил мне, что это. Па был прав; мне было и так ясно — под ногами гремучая змея.

Знала я это совершенно точно. Но не смогла себя заставить с этим согласиться; вместо этого я решила уверить себя, что рядом со мной скользит безобидный садовый уж. Моё заключение было совершенно

безосновательным, но успокаивало, иначе я бы не смогла посмотреть вниз. В шести дюймах от моей правой ноги лежала гремучая змея. Около трёх футов длиной, с частой коричневой чешуёй, тёмным рисунком и скромной клиновидной головой. Пока она меня разглядывала, у меня возникло явственное ощущение, будто по моим ногам заползают змеи.

Наконец я бросилась бежать. Выронив из рук оба вьючника, помчалась к дороге. Добежав до изгороди, я перемахнула через неё в мгновение ока. Ларри оторвался от своей работы как раз вовремя, чтобы увидеть, как вьючники взлетают в воздух, а я парю над забором. Он подбежал к краю площадки и начал спускаться к ручью, а я отчаянно закричала с дороги:

— Не спускайся там! Там змея!

— Ты и змеи,— засмеялся он.— Мы так давно в пути, что я думал, ты к ним привыкла уже.

— Это гремучка!

— Гремучка, ха? — Секунду Ларри колебался, но потом продолжил спуск. Когда дело касается змей, я теряю всякое чувство меры, и он решил, что бояться нечего. Спустившись, он преспокойно шагнул через речку.

Ларри заметил гремучку — теперь она наполовину спряталась в кустарнике — до того, как она свернулась. Когда раздалось угрожающее шипение, он заорал что-то неразборчивое, схватил и метнул камень. Тот достиг цели, и змея вылетела из-под куста. Потом Ларри отломал ветку и, когда змея свернулась снова, издал очередной пронзительный вопль и занёс ветку. На этот раз он промахнулся. Змея скользнула вправо на несколько футов и приготовилась атаковать. Ларри вновь издал клич и ударил веткой. На четвёртый раз он попал змее по голове. Концом ветки Ларри поднял убитую змею и оттащил прочь от тропинки и палатки.

Потребовалось определённое усилие, чтобы уговорить себя вернуться на тропинку. Ларри дал мне палку, и, прокладывая себе дорогу к палатке, я шарила ею в кустах, а мои ноги выплясывали джигу.

После обеда Ларри отправился фотографировать змею, но её не оказалось там, где он её оставил.

— Когда я увидел, что её нет,— рассказывал он потом,— то на какое-то мгновение подумал, что она ожила, находится как раз позади меня и сейчас набросится. Это было кошмарное ощущение. Но потом я нашёл её неподалёку от того места, где бросил. И она была совершенно мёртвая. Возможно, отползла туда в предсмертных конвульсиях.

После случая со змеей больше недели я не посещала кусты и деревья вдоль дороги. Приходилось терпеть до приезда в какой-нибудь городок или на бензоколонку, чтобы воспользоваться общественным туалетом. Временами, если туалеты попадались нечасто, казалось, что мочевого пузыря лопнет,— но от визитов в кусты я отказывалась.

Когда мы выехали из Айдахо и оказались в Йеллоустонском национальном парке, случилась удивительная вещь — его занесло снегом. Толпы туристов, наводнявшие парк в пик туристического сезона, исчезли. Двигаться на велосипеде было ужасно холодно. Горы были покрыты снегом, снег засыпал нас на всём пути. Но почти полностью в нашем распоряжении оказались грязевые ванны, гейзеры, горячие ручьи, каньоны, олени, лоси и вся природа. Едва ли можно было желать большего.

По перевалу Силван-Пасс, который находится на высоте восемь тысяч пятьсот тридцать футов, почти час мы добирались до восточного выхода из Йеллоустона. Спустившись с перевала и выехав за пределы Скалистых гор, мы поняли, что нам предстоит длинный и

сравнительно монотонный путь к Восточному побережью. Насколько нам было известно, никаких горных цепей вдоль нашего экспериментального маршрута через Вайоминг, Южную Дакоту, Миннесоту, Висконсин, Мичиган, южный Онтарио и Нью-Йорк не было — только равнины и пологие холмы вплоть до Аппалачей. Никто ни словом не обмолвился нам о горах Бигхорн в Вайоминге, а на своих картах мы их проглядели. Первым о них упомянул владелец магазина спортивных товаров в Коди, где мы покупали газ для плиты.

— Так вы направляетесь на восток, да? И каким же перевалом решили идти? — спросил он.

— Перевалом? Каким ещё перевалом? Мы собираемся на восток, а не на запад,— ответил Ларри.

— Надо, ребята, вам кое-что сообщить. Если вы отсюда двинете прямо на восток, то попадёте как раз в горы Бигхорн. Они отсюда приблизительно в восьми милях, а перевалы там одни из самых опасных. Будьте уверены, гораздо хуже, чем в той части Скалистых гор, откуда вы прибыли. Советую вам свернуть на юг и направиться в Грейбулл, спуститься до Уэрленда, а потом через перевал Паудер-Ривер-Пасс попасть в Баффало. Если же попытаетесь пересечь горы в районе Грейбулла, то вам придётся ехать через Грэнит-Пасс в Шеридан по самой худшей из здешних дорог. Паудер-Ривер выше, но эта дорога лучше.

Во всём нашем путешествии перевал Паудер-Ривер — девять тысяч шестьсот шестьдесят шесть футов — оказался самым высоким. От Уэрленда до высшей точки — пятьдесят пять миль, за которые дорога подымается на пятьдесят шесть сотен футов, причём на последних пятнадцати — двадцати милях она представляет собой почти сплошные «американские горки».

Мы начали взбираться по ней днём 24 августа, отменив правку. Три часа мы крутили педали по

грейдеру. Подъём шёл медленно и утомительно, было жарко, мы проехали мимо двух заглохших машин. С высшей точки мы промчались в Баффало, а потом отправились через восточный Вайоминг.

Спустя два дня мы достигли Южной Дакоты. От других велосипедистов мы слышали множество историй о Южной Дакоте.

— Ничего, кроме плоской или холмистой прерии,— сообщил один из них.— Вы умрёте от скуки.

— Ни разу не слышал, чтобы у велосипедиста в Южной Дакоте был попутный ветер. В каком бы направлении вы ни ехали — ветер всегда встречный,— сказал другой.

— Южная Дакота? Проверите свою способность не свихнуться, а заодно и прочность брачных уз,— успокаивал ещё один.— Ветер в лицо, и смотреть не на что. Будучи там, прочёл в газете, что, по мнению одного русского учёного, посетившего Южную Дакоту, она похожа на Сибирь! И там тоже полно комаров. Они являются главными «пернатыми» штата.

Мы попали в Южную Дакоту через Белль-Фурше и проехали по шоссе № 212 — живописному маршруту, как его охарактеризовали в городке, четыреста миль напрямик до Миннесоты. Первые двадцать пять миль, от Белль-Фурше до Ньюэлла, было ещё ничего; попало несколько ферм. Но следующие тридцать пять, от Ньюэлла до Мад-Батт, полностью соответствовали тому, что нам об этом штате рассказывали. Всю дорогу ветер был встречным, нас окружали пологие холмы, скучная монотонность пейзажа не нарушалась ни единым деревом. Я ещё не видела столь пустынной местности. Здесь не было ни посевов, ни скота и повсюду росла низкая желтоватая трава. Насколько можно было увидеть, пустынные холмы накатывались один за другим. С вершины каждого из них я обычно могла насчитать впереди ещё одиннадцать таких же. И так

продолжалось весь день — вверх и вниз, вверх-вниз, вверх-вниз; скучно-прескучно, свихнёшься в конце концов.

Было бы чудесно остановиться, дать отдых мышцам, поесть или перекусить, почитать немного, чтобы нарушить утомительное однообразие пустынного ландшафта, но такой возможности из-за комаров у нас не было. Они роились над нами при любой остановке и вынуждали придерживаться определённой скорости, так как, если мы ехали медленнее десяти миль в час, они безжалостно набрасывались на нас.

Мы ехали три длинных, полных мучений часа без остановки против сильного ветра по низким, но крутым горкам. Чтобы сохранить скорость и нарушить утомительную монотонность, я попыталась мечтать об островах Южного моря. Но через час я устала и от этого и снова тупо уставилась на пустынную местность вокруг, ленту асфальта, тянущуюся всё вперёд и вперёд до горизонта, без единого поворота, дерева, кустарника или животного на обочинах. Приехав в Мад-Батт, мы оба после трёх часов, проведённых в прерии, сомневались, сумеем ли, окончательно не свихнувшись, преодолеть ещё триста сорок миль безжизненного ландшафта против встречного ветра и в сопровождении комаров.

Шумный деловой центр в Мад-Батт, Южная Дакота (численность населения — два человека), был представлен одним сельским кафе-магазином с одной стороны шоссе № 212 и помещением добровольческой пожарной станции — с другой; если бы в кафе случился пожар, то Мак-Гилвары, средних лет пара, державшая магазин и жившая в примыкавшем к нему коттедже, думаю, должны были бы рвануть через дорогу, прыгнуть в пожарную машину, подъехать на ней к кафе и потушить огонь. Когда мы с Ларри шагнули через порог магазинчика, то Мак-Гилвары, бросив взгляд на наши

вытянувшиеся лица и тяжёлые велосипеды, понимающе закачали головами.

— Последний велосипедист, прикативший сюда, уехал автостопом,— пожала плечами миссис Мак-Гилвар, шлёпая наш чай со льдом на стойку и оправляя своё хлопчатобумажное платье.— Он притащился сюда в полдень несколько месяцев назад и выглядел совершеннейшей развалиной. Эта длинная пустошь от Ньюэлла к нам, похоже, доконала бедного парня. Всё-таки он был очень милый мальчик. Ехал откуда-то с Западного побережья к себе домой на Восточное побережье. По-моему, в Бостон; во всяком случае, в какой-то крупный город. Всю дорогу ему удалось проехать на велосипеде, пока он не попал в Южную Дакоту.

Когда он дотащился сюда, то хотел знать, как далеко тянется местность, по которой он ехал, и я сказала ему, что при его скорости он будет видеть перед собой пустоши ещё дней семь. Я имела в виду, ему понадобится семь дней, чтобы выбраться из Южной Дакоты и попасть в Миннесоту, где много ферм, городов и зелёной травы. Но, когда я сказала ему, что к востоку от Мад-Батт местность ещё более скучная, так как там и холмов-то нет, мне показалось, он закричит.

Из того, что я слыхала, там на востоке настоящее столпотворение — везде народ и дома, и, думаю, людям оттуда трудно на протяжении многих дней не видеть ничего, кроме пологих холмов и равнины. В Южной Дакоте большое здание или дерево можно увидеть, только если вы попадаете в город, а в остальных случаях ничего подобного вокруг нет. Но я к этому привыкла. И мне здесь нравится. Нет, сэр, я бы не хотела жить на крайнем востоке, где кругом люди и всё такое. Мне нужно много места, чтобы чувствовать себя в своей тарелке.

Как бы то ни было, мы с мужем долго беседовали с парнем. Но он рвал и метал. Не хотел снова возвращаться в это «пустынное одиночество», как он говорил. Но он в то же время не хотел занять денег и проголосовать. Сидел и говорил сам с собой часами. Немного спустя сюда завернул перекусить фермер, откуда-то из Уотертауна, ехавший почти до самой границы Миннесоты. Он возвращался на своём пикапе домой из Вайоминга и предложил захватить с собой парня вместе с велосипедом. Ладно, я согласился, а этот мальчишка хмыкнул и что-то долго бормотал про себя, но всё же принял приглашение и уехал. Месяц спустя мы получили от него письмо. Он уже был дома в Бостоне или где там. Писал, что, добравшись до Уотертауна, весь остаток пути до Восточного побережья проделал на велосипеде. После Южной Дакоты не голосовал ни разу. Помнится, говорится там что-то и о нашем штате, вроде как «здесь самый замечательный народ».

— Да, я думаю,— проворчал Ларри, уставясь в окно.

В тот вечер мы с Ларри поставили палатку за магазинчиком, на единственном лоскуте зелёной травы, встреченном за семьдесят пять миль от Ньюэлла до Фейта и на сорок миль далее по дороге. Комаров было так много, что мы обедали в палатке. Мы обессилели от борьбы со встречным ветром, продолжавшейся весь день, и уснули рано.

В два часа ночи начали раздаваться странные звуки. Я проснулась первой и прислушалась. Рип-чомп, чомп, чомп, чомп-рип-чомп, чомп, чомп, чомп, рип, рип-чомп, чомп — раздалось некоторое время, пока земля не задрожала от тяжёлой поступи и не послышалось фыркание. Я выглянула в окно.

Нас окружили шесть бычков, у каждого была пара двухфутовых рогов. Животные щипали траву вокруг палатки. Пока я за ними наблюдала, один из бычков потянулся за чем-то и едва не проткнул палатку рогами.

В этот момент чавканье разбудило Ларри, и мы решили, что лучше отогнать бычков, пока они случайно не влезли в палатку. Мы их шуганули ярдов на пятьдесят, а потом забрались обратно, перебили полдюжины залетевших комаров и уснули.

Десять минут спустя чавканье возобновилось. И снова мы отогнали бычков, и снова они вернулись обратно. Четыре раза мы их прогоняли, и четыре раза они возвращались. На пятый Ларри выскочил наружу без ничего, схватил палку и погнал их гуртом по прерии. Если бы Мак-Гилвары проснулись и выглянули в этот момент из окон своей спальни, то могли бы наблюдать незабываемое зрелище абсолютно голый мужской фигуры, сияющей в лунном свете, которая рысью гонит перед собой группу длиннорогих созданий. Я проследила, как они скрылись вдаль. Через какое-то время Ларри вернулся без бычков.

— Бычки для родео! — На лице Ларри появилась гримаса, когда миссис Мак-Гилвар сообщила ему утренние новости.— Вы имеете в виду породу, с которой ковбои бьются на родео?

— Вот именно,— кивнула она.— Бандитское стадо, эти шестеро. К тому же настоящие, призовые. В толк не возьму, какого чёрта они выбрались из загона прошлой ночью. Правда, беспокоиться нечего. Муж поймает их. В этой стране спрятаться негде.

Мистер Мак-Гилвар всё ещё занимался поисками своих бычков, когда мы покидали Мад-Батт, и Ларри был совершенно счастлив.

На второй день в Южной Дакоте мы проехали восемьдесят миль, и все они выглядели абсолютно одинаково. Казалось, что мы не движемся, а стоим на одном месте. Окружение не менялось, скука раздражающе нервировала. Возникло ощущение ловушки. Весь день мы спорили и выражали недовольство по пустякам.

На следующее утро мы договорились предпринять рывок, чтобы вырваться из Южной Дакоты, иначе ещё немного — и у обоих крыша поедет. Мы стартовали из Игл-Батта в семь тридцать. Через сто десять миль спустя четырнадцать часов мы рухнули в пустынном кемпинге недалеко от Фолктона. Так много за один день мы ещё не проходили, но, кроме реки Миссури, которую пересекли в середине дня, никаких изменений в монотонном ландшафте за два дня не произошло. Весь день мы боролись со встречным ветром, и к вечеру у меня разболелось всё тело. Двигаться быстрее, чтобы обогнать комаров, я не могла и так измучилась, что мне было всё равно.

Когда в девять тридцать мы съехали с дороги, наши колени вконец ослабли. Стоять было мучением, а уж сесть на корточки — вообще невыносимо, так что мы ставили палатку просто сидя на земле. Из-за мучительных болей в теле заснуть было невозможно.

Утром я встала с кошмарным осознанием того, что всё ещё нахожусь в Южной Дакоте, а острая боль в коленях так и не прошла. Раньше за ночь боли в ногах всегда проходили, и утром я чувствовала себя прекрасно. Мы питали надежду преодолеть за этот день ещё более ста миль и добраться до Уотертауна, чтобы на следующее утро выбраться за пределы штата. Но при таком состоянии моих коленок рассчитывать на подобную дистанцию не приходилось.

Мы приехали в Фолктон после завтрака и купили себе запас еды на день. Фолктон показался нам оазисом. В отличие от других городков, которые мы проезжали за последние три дня, это было очаровательное местечко с обилием зелени: аккуратные, ухоженные дома, газоны, цветочные клумбы и ни одного комара в городском парке. Мы оставили велосипеды рядом с продуктовым магазином и час гуляли по городу, глядя на траву, стоя в

тени деревьев и воображая, что находимся где-то вдали от Южной Дакоты и её пустынных равнин.

Это был наш четвёртый день в Южной Дакоте. 30 августа — день, который нас почти добил. Мы ехали шесть часов, но в итоге продвинулись всего на сорок одну милю из-за завывающего встречного ветра, поджидавшего нас на окраине Фолктона. Ларри ехал впереди, блокируя ветер и проклиная его, целых два часа, которые нам потребовались, чтобы пройти двенадцать миль от Фолктона до такой достопримечательности Южной Дакоты, как дорожный поворот.

На повороте мы остановились и съели свой ленч. В местности отсутствовали деревья или кустарник, которые могли бы защитить от ветра, и мне уже было трудно представить, как бывает, когда не слышишь ветра целый день. Подавленно и безнадёжно вглядывались мы в пустынную местность. Нам предстояло ещё сто двадцать пять миль по дороге № 212 и, похоже, предстояло бороться за каждый метр этого пути. Ларри заговорил о том, чтобы проголосовать до Миннесоты, но, невзирая на то, что нас уже тошнило от встречного ветра и однообразия равнин, мы не могли признать своё поражение.

После поворота угол ветра слегка изменился, но, несмотря на это, легче почти не стало. За следующие два часа нам удалось справиться лишь с четырнадцатью милями. Ларри не приходило в голову, что мы едем слишком быстро, а я думала, что коленки мои отвалятся. Смотреть здесь было не на что, кроме как друг на друга, — так было все последние три дня, и выносить друг друга стало трудно. Стремясь избежать взаимного угнетения, мы стали разъезжаться всё дальше и дальше. Два часа спустя после поворота мы въехали в Целл — первый островок цивилизации после Фолктона — почти копия Мад-Батта, но без пожарной станции. Мы не

общались больше часа. Тем не менее оба зашли в единственный в Целле магазинчик-кафе с одной и той же мыслью: как можно быстрее напиться.

Рядом с магазинчиком стояли две деревянные скамейки, по одной с каждой стороны от входной двери. Я плюхнулась на одну из них с тремя своими банками пива, а Ларри — на другую, как можно дальше от меня. С шумом я открыла первую банку и посмотрела налево, прямо на восток, на длинную прямую и ровную ленту шоссе, прорезавшего плоскую безжизненную равнину. Ветром сорвало крышку и унесло неизвестно куда. Сорок минут я пила пиво и смотрела на дорогу, позволяя ветру засыпать меня пылью. Боль из коленей не уходила. Все три банки опустели, и я взобралась обратно на велосипед. Ничего не изменилось.

Почти два часа мы ехали до городка Редфилд. К тому моменту, как я увидела цементные здания Редфилда, мои губы растрескались от ветра и сухости, в горле першило. Мы остановились у киоска с гамбургерами на краю города и сделали заказ, а Ларри попросил ещё две чашки холодной воды, чтобы выпить хоть что-нибудь, пока готовили заказ.

— Извините, но за воду вам придётся заплатить как за прохладительное,— проворчал мужчина за стойкой.

Ларри аннулировал заказ, и мы поехали в поисках городского продуктового магазина.

Редфилд произвёл неприятное впечатление. Люди на тротуарах смотрели в сторону, когда мы проезжали мимо, никто не отвечал на приветствия. Выпив освежающего в магазине, мы сразу направились в кемпинг, находившийся в восьми милях к востоку.

Сразу за Редфилдом Ларри остановился у мотеля «Уилсон», который соседствовал со стоянкой для путешественников. И впервые за всю первую половину дня обратился ко мне целой фразой:

— Как насчёт того, чтобы прекратить огонь? Может, простишь мои слова о том, что ты — самый медлительный велосипедист в мире, и скажешь, что не думаешь всерьёз, будто тебе всё равно, хоть бы я провалился, и ты не хочешь меня больше видеть, потому что тебе никогда не было вместе со мной хорошо. О'кей?

— Слушай, я знаю, что делать. Уже три дня прошло, как мы мылись в последний раз. Мы оба полностью дошли. Давай зайдём и спросим управляющего, есть ли душ в кемпинге «Фишер Гроув». Ведь если его там нет, то возможно, ещё одну ночь придётся спать с потными, слипшимися руками и ногами. Если управляющий скажет, что никакого душа там нет, может, он разрешит нам вымыться здесь. Думаю, холодный душ поднимет нам дух. Как ты думаешь?

Владелец мотеля уверил нас, что в «Фишер Гроув» душа нет.

— Я обычно не разрешаю тем, кто у нас не останавливается, пользоваться нашими удобствами, но поскольку палаточная стоянка здесь не предусмотрена, а вам, как я вижу, действительно сегодня нужен душ после такого жаркого дня, то сделаю для вас исключение и разрешу воспользоваться нашими ванными за два доллара за обоих. Идёт?

Как Ларри и предсказывал, наш взгляд на жизнь круто изменился к лучшему, когда мы отдышались и вымыли холодной водой свои измученные потные тела.

Территория кемпинга в «Фишер Гроув» была, слава Богу, покрыта настоящими зелёными деревьями, травой и кустарником, и мы предпочли встать там, а не на бесплатной стоянке в прерии. Ветер дул слишком сильно, чтобы ставить палатку, не имея укрытия, а здесь мы могли натянуть её за кустами.

Когда мы приползли в кемпинг, служитель сообщил нам, что в комнатах отдыха есть душевые.

— Очень плохо, что человек из «мотеля Уилсон» не знает об этом.— Я удивлённо пожала плечами.— Он сказал, что никакого душа тут нет, так что пришлось заплатить ему два доллара, чтобы воспользоваться тамошней душевой.

Служитель покачал головой.

— Нет, всё он прекрасно знает. Он с семьёй останавливается здесь каждый год. Просто увидел, что можно за просто так заработать два бакса. Вы же знаете, некоторые так поступают. Но, пожалуй, всё же трудно представить, чтобы кто-то решил подзаработать на паре измученных велосипедистов.

Эта новость была последней каплей за этот день. Всю ночь ветер, прорываясь сквозь кусты и деревья, пытался снести нашу палатку и завывал так громко, что мы не могли уснуть. Было такое ощущение, что палатку рвёт на куски.

— Если ветер не изменится, нам потребуется три или четыре дня, чтобы выбраться из штата,— проворчал Ларри.— Три-четыре дня брести со скоростью шесть миль в час, а вокруг ничего, кроме обжигающего солнца да завыванья ветра.

Всю ночь эта отрезвляющая мысль не давала мне покоя. Но к утру ветер почти стих, а направление его переменялось, так что дул он теперь больше сбоку, а не в лицо. В любом другом месте мы бы сочли такой расклад не лучшим для поездки, но не в Южной Дакоте, где отсутствие мощного встречного ветра можно считать счастьем. Где-то в середине дня ветер снова переменялся и дул теперь почти в спину. Мы воспользовались полученным преимуществом и ехали так быстро, как только могли. Двигались до самой темноты, остановившись приблизительно в пятнадцати милях от границы Миннесоты.

Первого сентября попутный ветер подхватил нас на границе Миннесоты и сопровождал половину дороги по

штату. Температура — сто градусов, а влажность составляла девяносто восемь процентов, но мы с Ларри были на небесах: мы удрали из Южной Дакоты. Две недели спустя, оставив позади Миннесоту и Висконсин, мы прибыли в Мичиган, где, похоже, практически каждый ждал нас, чтобы пригласить к себе в гости.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЕВЕРНОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Впервые нас взяли в плен в конце первого дня в Мичигане, рядом с магазином велосипедов в Эсканобе на озере Мичиган. Мы успели только въехать в город, стояли перед магазином, который закрылся часом раньше, и искали на своих картах ближайший кемпинг с горячим душем. Мы замёрзли и порядком вывозились, проводя весь день под дождём.

Прежде чем я успела убрать карту, к нам с противоположных сторон подошли мужчина и женщина. Женщина приблизилась первой. Пухленькая, немного за тридцать, с короткими тёмными волосами и широкой улыбкой.

— Увидела, как вы стоите тут перед надписью «ЗАКРЫТО», и решила спросить, не нужна ли помощь,— сказала она.— Я могу достать кое-какие запчасти из подвала, если что-нибудь нужно.

— Спасибо большое, мы только собирались купить пару запасных покрышек, но срочности никакой. Мы можем это сделать в Бей-Сити, мы туда собираемся и купим запаски там. Но спасибо, что остановились,— ответил Ларри.

— И откуда же вы едете?

— Из Калифорнии.

— Из Калифорнии?! Я-то думала, что вы из Висконсина. Как же далеко вы собрались?

— Надеемся, вокруг света.

— Вокруг света! Это надо поддержать. Оставайтесь на ночь у нас. Мне надо сейчас забрать сына из детского сада, но мой дом совсем рядом. Идите до угла и поверните направо. Пройдёте три квартала, и на углу

будет коричневый дом. Не успеете на город взглянуть, и через пять минут я буду на месте.

И женщина поспешила к машине.

— Подождите минутку,— прокричала я ей вслед.— Как вас зовут?

— Цинда,— крикнула в ответ она, забираясь в свою машину.— Я быстро, так что буду дома, когда вы подойдёте!

— Я — Барб, а это — Ларри,— орала я, но она уже не слышала.

Теперь к нам обратился мужчина, подошедший чуть позже:

— Ладно, думаю, она меня обошла — и я уже не смогу пригласить вас к себе на ночь. Но если собираетесь искать крыши, то в автомагазине в пяти кварталах ниже по улице есть велосипедные шины, и там открыто до шести.

— Спасибо! Мы зайдём туда.

— Без проблем. Счастливого провести время в Мичигане.

Цинде Элзрот и её мужу, Элмору, ужасно хотелось всё о нас узнать, и мы вчетвером проболтали полночи. Цинда и Элмор сделали всё, чтобы мы чувствовали себя как дома в их просторном двухэтажном жилище, и к концу вечера нам с Ларри казалось, что мы знаем их много лет.

— А что вы думаете, столько повидав, о Мичигане? — Цинде хотелось выяснить это досконально.

— Замечательный народ,— ответила я.— Когда мы перебрались через границу Висконсина сегодня, то во время ленча остановились на автозаправочной станции в окрестностях Спэлдинга, чтобы узнать, где ближайший продуктовый магазин. Владелец станции уволок нас с дождя, усадил перед обогревателем в своём офисе и заставил рассказать всё о путешествии. Он задал нам

множество вопросов, а потом показал дорогу к супермаркету. Едва мы туда зашли и занялись покупками, как местная, из Эсканобы, репортёрша «Дейли пресс» подошла к нам с камерой и блокнотом. Оказывается, мужчина с автостанции позвонил ей и рассказал о нашем путешествии. И так с тех пор весь день и продолжается. Все, кого встречаем, проявляют искренний интерес к нам и нашему «предприятию». Удивительно, сегодня всё время дождь, а у меня внутри тепло, потому что люди весь день нами занимаются. Здесь по-настоящему чудесный народ.

— Всего лишь обычное мичиганское гостеприимство, надо думать,— улыбнулась Цинда.

На следующее утро, после того как Элмор, геолог по профессии, отправился на службу, мы с Ларри проговорили с Циндой до одиннадцати часов. Когда мы уезжали, Цинда сказала нам, чтобы мы без колебаний давали их адрес любому велосипедисту, который захочет остановиться на ночь в Эсканобе.

Из Эсканобы мы поехали на восток вдоль озера Мичиган по шоссе № 2. Весь день шёл дождь, а к четырём часам ветер так усилился, что озеро вспенилось. Мы нашли брошенную площадку для кемпинга рядом с мотелем у озера около микроскопического городка Томпсон, что неподалёку от Манистика, и поставили палатку за зданием мотеля. Оно прикрывало нас от ветра, а трава служила превосходным матрасом. Едва мы разбили палатку, я залезла внутрь расстелить матрасы и наши спальные мешки. Уже заканчивая, я услышала, как Ларри с кем-то разговаривает.

— О, п-привет.— Ларри запинаясь. В его голосе звучало раздражение.— А, Барб. А... Я думаю, что, наверное, тебе лучше всего вылезти.

— Но я согрелась и устроилась здесь. Какие проблемы?

В этот момент у входа в палатку возникла пара чёрных ботинок, а внутрь просунулась мужская физиономия. Я подалась вперёд и уставилась на незнакомца. В правой руке он держал «пушку».

— Всё в порядке, мэ. Почему бы вам не выйти сейчас наружу? — сказал он сурово.

Почему? «Да потому, что пусть лучше разнесут меня на кусочки прямо здесь, в тепле и уюте моей собственной палатки, чем снаружи, на холоде,— проворчала я про себя, осторожно вылезая из палатки.— Стоило за этим ехать через всю Америку,— вздохнула я.— И вот— на тебе — конец».

— Теперь всё в порядке. Пожалуйста, покажите что-нибудь из ваших документов,— услышала я, подняв на него глаза.

Это был офицер полиции штата. Но я так и не поняла, можно ли считать себя свободной. «Пушка» меня нервировала.

Офицер пробежал глазами наши водительские права и занёс данные в блокнот. Потом, быстро осмотрев Ларри, меня и палатку с велосипедами и выслушав наше объяснение про путешествие вокруг света, он засунул свой пистолет в кобуру. Одарив нас слабой улыбкой, он тяжело вздохнул. Похоже, он понятия не имел, что делать дальше.

— Некоторые прохожие видели, как вы заглядывали здесь в окна, и решили, что вы — взломщики.— Должно быть, они не заметили ваших велосипедов — и позвонили в полицию,— сказал он наконец.— Мне ясно, вы абсолютно чисты и не собираетесь ничего тащить, но я не могу разрешить вам здесь остаться,— продолжал офицер.

Был он молод, должно быть, около двадцати пяти, и, похоже, раздражителен. Его звали Майк Суини.

— Это частное владение,— сказал он,— и кто-нибудь подаст жалобу. Правда, вы мне симпатичны,—

продолжил он после короткой паузы.— Вам, должно быть, неохота собирать палатку и искать новое место для стоянки при такой-то погоде. Ближайший открытый кемпинг — это автостоянка. Всего в трёх милях, но отсюда туда дороги нет, что плохо.— Но не печальтесь, выход я нашёл. Остановитесь на ночь у меня. Мой дом в полумиле отсюда. Позвоню Тони — это моя жена, чтоб она знала, что придёте. Мне придётся закончить кое-какую бумажную работу, перед тем как отправиться домой, но это займёт не больше часа. Что скажете?

— Чудесно,— сказал Ларри,— если не учитывать, какотреагирует ваша жена, когда вы ей сообщите по телефону, что пригласили двух совершенно незнакомых людей, которых подозревают во взломе, остановиться у вас на ночь, и что они сейчас подойдут, а вы задержитесь? Вы уверены, что она с этим согласится?

— Да ладно, не так уж много людей бывает в мичиганском захолустье. Мы сюда совсем недавно переехали с крайнего юга — из Каламазу,— и Тони очень одиноко и тоскливо последнее время. Мы оба будем рады, если вы на ночь у нас остановитесь. Не каждый день выпадает возможность поговорить с теми, кто собрался вокруг света.

— Хорошо, мы очень признательны за приглашение. Только мы поставим палатку у вас во дворе.

— Вот уж не выйдет. У нас в доме полно комнат. К вашим услугам свободная спальня. Ко всему прочему, есть ещё одна причина, почему вам не захочется устроиться во дворе, но об этом поговорим потом. Прямо сейчас я должен вернуться на пост. Увижу вас дома примерно так через час.

Наши опасения, что вряд ли Тони согласится с идеей Майка, оказались совершенно напрасными. К нашему прибытию она приготовила две чашки горячего шоколада и горячую ванну. Как Майк и предсказывал, она обрадовалась возможности пообщаться с

«городскими типами» своего возраста. В джинсах и ярко-зелёной кофточке, Тони встретила нас у дверей.

Через полчаса явился проголодавшийся Майк. Ларри убеждал его, что мы уже пообедали салатом и спагетти, которые приготовили ещё у мотеля. Но Майк заявил, что наши желудки выдержат добавку.

— Терпеть не могу есть один, а Тони вечно на диете, поэтому вам просто придётся составить мне компанию. К тому же я всегда готовлю больше, чем могу съесть. И здесь от вас будет польза. Занятие велосипедом развивает зверский аппетит, так что съесть вам придётся всё!

И я и Ларри были совершенно сыты, и у меня возникло забавное ощущение, что мы влипнем, но Майк был твёрд. Сначала он извлёк из холодильника и разогрел две пиццы. От них он отрезал четыре маленьких кусочка; а потом проследил, чтобы мы с Ларри съели всё остальное. Пока мы сражались с сыром, пепперони, томатной пастой, луком и тестом, Майк приступил к приготовлению груды поп-корна. Тут даже Тони была привлечена к его уничтожению. Они с Майком успели отполировать две среднего размера миски, пока Ларри и я медленно справлялись ещё с первым блюдом, и поставили перед каждым из нас по огромной и глубокой миске с поп-корном. К счастью, поп-корн нам нравился, и мы занялись своими порциями, пока Майк и Тони рассказывали о работе Майка, о разнице между «сумасшедшей городской жизнью» в Каламазу и медлительным темпом слабонаселённого Верхнего Полуострова, о невероятно суровых зимах в Томпсоне. Их рассказ завершился к тому моменту, как мы с Ларри начали доедать оставшуюся четверть порции.

— О'кей. Ну а теперь вы расскажете нам всё о своём путешествии и дальнейших планах,— сказал Майк.— А я приготовлю немного рисового пудинга. Только не вздумайте говорить, что уже сыты. Я знаю: пара

проголодавшихся велосипедистов может съесть гораздо больше, чем вы успели. Ведь я-то ещё могу добавить, не так ли? Но я же не проехал за день сорока миль на велосипеде.

— Но, Майк, я же тебе говорил, что мы успели пообедать до того, как поставили палатку. И между прочим, ты наложил нам еды гораздо больше, чем себе, — запротестовал Ларри.

— Всё правильно. Вам полезно питаться. Но ведь вы не оставите меня в одиночестве только потому, что я дал вам фору, правда?

В глазах Майка появился огонёк, и я поняла — спорить бесполезно. Следом за поп-корном наши миски наполнились рисовым пудингом, и каким-то образом нам удалось его впихнуть в себя во время разговора. Но едва мы закончили пудинг и свои рассказы, Майк вскочил и включил телевизор.

— Последние вечерние новости! Точно по расписанию! Вы покончили с поп-корном и пудингом как раз вовремя! Отлично.

Майк рванул на кухню.

Я откинулась на кушетку и похлопала себя по животу, мечтая, чтобы желудок ночью не вышел из строя. Ну ладно, свой долг я выполнила, сказала я себе. И Майк без компании не остался. Думаю, завтрак придётся пропустить. Я закрыла глаза и начала глубже дышать, чтобы протолкнуть пищу в желудок. Когда Майк вернулся в комнату, я чуть не свалилась в ужасе с дивана.

— Да, ничего я так не люблю, как пару бутербродов с тунцом, пока слушаю новости,— улыбался он, ставя две тарелки перед кушеткой.— Ещё бы. Тунец и новости. Предлагаю вам эту замечательную комбинацию!

Я бросила единственный взгляд на тарелку передо мной, и к горлу подкатило. У Ларри был такой вид, будто он сейчас потеряет сознание. К счастью, Тони поняла

наши муки и пришла на помощь. Если бы этого не произошло, сомневаюсь, что смогла бы пережить бутерброд с тунцом.

— Майк, многие не выносят тунца. Может, Барб и Ларри тоже его не любят,— заметила она.

— Правда, у нас обоих аллергия на тунца. И мы всерьёз заболеем, если его отведаем,— подтвердил Ларри, изо всех сил стараясь избежать очередного заталкивания пищи в желудок.— И кроме того, мы очень устали за день, а утром хотелось бы уехать пораньше; думаю, что поставим палатку и отправимся спать,— добавил он, поднимаясь.

— Ни в коем случае,— возмутилась Тони.— Вы будете спать в спальне для гостей. Майк, разве ты не сказал им, что у нас во дворе происходит?

— Я было начал, но торопился вернуться в участок, поэтому недосказал,— ответил Майк, подвигая поближе к себе тарелку с рыбой.— Понимаете,— сказал он, поворачиваясь к нам,— где-то с неделю я начал прикармливать там медведя. Оставляю понемногу сырого мяса в саду каждую ночь, чтобы медведь привык приходить сюда каждый раз за даровой едой. На следующей неделе начнётся охотничий сезон, и в первую же ночь я намерен взять этого медведя.

Во всяком случае, учитывая мои достижения, если вы поставите на ночь палатку, то, когда медведь заявится, он может просто перепутать вас с приманкой. Так что выбирайте: либо вы спите здесь в чудесных тёплых постелях, а не под дождём и в холоде — сегодня ночью ожидается гроза,— либо вы поставите палатку и проведёте ночь в страхе быть съеденными заживо. На ваш выбор.

Майк одарил нас широченной улыбкой, и сандвич с тунцом исчез у него во рту.

Мы с Ларри обнаружили, что потратить деньги в Мичигане чрезвычайно трудно. Несколько раз мы заворачивали в кемпинги, чтобы помыться, но служители отказывались от платы. Если мы заезжали по дороге за фруктами или овощами, нам всегда давали больше, чем просили, и ни разу не взяли денег. В прачечной Вассара, небольшого городка к юго-востоку от Бей-Сити, работавшая там Бонни Вагнер настояла на том, чтобы бесплатно постирать и высушить нашу одежду.

— Отправляйтесь в магазин и перекусите, а я моментально разберусь с вашими вещами,— сказала она.

Когда мы вернулись обратно в прачечную, Бонни припасла для нас приглашение.

— Синоптики предупредили, что скоро разразится гроза с градом, и я не думаю, что вам следует сегодня ехать дальше. Мне будет приятно, если на ночь вы остановитесь у меня. Я приготовлю настоящий сытный обед, а вы примете горячий душ и поспите в нормальных кроватях. Уже шесть лет, как ушёл муж; сын недавно перебрался в собственную квартиру; так что теперь живу для себя, являюсь обладательницей множества комнат и буду ужасно рада вашей компании. Но в основном мне просто хочется что-нибудь для вас сделать, потому как, мне кажется, то, что вы делаете,— замечательно, и я бы хотела в этом поучаствовать хоть как-то. Оставшееся сегодня время погостите у меня, а утром, когда погода улучшится, поедете.

Энтузиазм Бонни и её добродушная весёлость вместе с добротой и заботливостью нас совершенно покорили. Втроём мы болтали и шутили весь день и весь вечер. Бонни поведала нам о своей жизни, своих размышлениях и переживаниях и заставила рассказать о себе.

Бонни умела делать людей счастливыми. У неё хватало времени позаботиться о других, проявить к ним искренний интерес и помочь. Прощаясь утром, я чувствовала, что она стала для меня таким же близким человеком, как друзья дома. Во время путешествия она регулярно нам писала, а мы писали ей.

В последующие девятнадцать месяцев мы встретили много таких людей, как Бонни. Они распахивали нам свои двери и сердца, помогали избавиться от приступов тоски и одиночества. Вдали от дома мы получали приют и семейное участие.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ МОРОЗЫ, ИЛИ ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ ПО- САМОАНСКИ

Мы чуяли: надвигаются морозы — на днях гуси улетели на юг,— хотя и знать не знали, какие сюрпризы они нам преподнесут. А потому здесь, на Востоке, мы с той же тревогой ожидали осеннего ненастья, как в своё время прихода дождей на Северо-Западном побережье.

Конец сентября. Мы уже пересекли Мичиган и юг канадской провинции Онтарио и славно проводили время, выписывая вензеля от одного винного заводика к другому в озёрном краю Фингер-Лейкс штата Нью-Йорк. На склоне дня, 25 сентября, изрядно согревшись и осоловелые после часа основательной дегустации вин, мы покинули Видмарский винный завод в Нейплсе, у берегов озера Канандейгуа, и покатили на восток в направлении гор, что раскинулись между Нейплсом и озером Кейюга. Теперь мы «нацелились» на винные заводики в Хаммондспорте.

Пока мы взбирались в горы, температура воздуха вдруг резко упала, и нам пришлось остановиться и натянуть на себя куртки, спортивные брюки и перчатки. На полпути к озеру Кейюга мы завернули в небольшой городок Праттсбург купить еды к обеду. В местном бакалейном магазинчике только и было разговоров что о резком похолодании. И все соглашались друг с другом, что сегодня, должно быть, выдастся ночь так ночь — первые настоящие осенние заморозки. Пришла пора перетаскивать комнатные цветы с улицы обратно в дома.

Мы с Ларри разбили палатку в лесу на краю города. В воздухе чувствовался ледяной холод, и я не рассталась с шерстяными носками и вязаной спортивной шапочкой даже в спальном мешке. Утром воздух показался ещё холоднее, пар от первых слов так и завис в воздухе внутри палатки. Одевшись прямо в спальнике, я выбралась из палатки проверить, оправдались ли худшие опасения праттсбуржцев.

Трава и велосипеды побелели от инея. Алюминиевые кружки намертво «приварились» к походному столику, вода в бутылках превратилась в твёрдые глыбки льда, та же участь постигла и молоко в картонной упаковке. Ларри откинул полог палатки, и покрывавшая его тонкая корочка льда раскололась и, заскользив вниз, ссыпалась на землю. Четверть часа мы трудились, уговаривая нашу плитку проявить хоть какие-то признаки жизни. На холоде пальцы отказывались сгибаться, и я не снимала митенок, пока возилась с готовкой и поглощала завтрак. Потом Ларри, наполнив один из котелков кусочками «бутылочного» льда, согрел его на плитке, чтобы было чем помыть посуду. Когда же под лучами солнца иней поплыл, над землёй встал туман, затопив траву и деревья.

Тронувшись в путь, мы какое-то время с трудом поворачивали рули, выжимали рукоятки и педали. Так, со скрипом, мы ползли часа два, пока велосипеды не оттаяли и «тугой ход» окончательно не исчез. Следующие полтора месяца, до самой Джорджии, едва ли не каждое утро неизменно встречало нас инеем. Случалось, стенки нашей палатки «дубели» уже к семи вечера.

Спустя четыре с половиной месяца с начала нашего странствия, отмотав шесть тысяч четыреста пятьдесят миль, мы прибыли на Восточное побережье. 2 октября мы с Ларри въехали в Сторрс, что в двенадцати милях к востоку от Хартфорда, Коннектикут, где прогостили три

недели у Фритци Батчелор, нашей приятельницы, несколько лет назад перекочевавшей в Коннектикут из Санта-Барбары. В своё время, ещё будучи школьницей, я помогала Фритци в университетской библиотеке. Теперь она работала в Коннектикутском университете. В доме, со всех сторон окружённом деревьями, Фритци обитала совсем одна, не считая кошки с собакой.

Добравшись до Коннектикута, мы с Ларри вполне заслужили передышку от каждодневной работы педалями и «вечного» движения. Впихнув велосипеды в гараж Фритци, мы заперли их и поклялись не заглядывать к ним по крайней мере пару недель.

У Фритци нам жилось без забот. Всё в её доме доставляло нам райское блаженство — четырехконфорочная плита, духовка, холодильник, стиральная машина и сушилка для обуви, полы, устланные коврами, а также подушки и чистые простыни на идеально ровной поверхности кровати. Я-то почти уже и забыла, как жизнь может баловать человека. Теперь, если я подсакивала среди ночи от острого желания «выйти», мне не нужно было ни стараться изо всех сил попасть в кроссовки, ни с мучениями натягивать на себя сорок одежек, ни ощупью отыскивать рулон туалетной бумаги, а после вслепую нашаривать рукой выход из палатки и полог, спотыкаться о камни и папоротники, жаться на корточках на холоде или под проливным дождём, а затем пробираться обратно в палатку, выслеживать и забивать залетевших со мной кровососов.

Каждое утро Ларри налегал на блинчики и бекон, и, если сыпал дождь или поднимался ветер, мы весь день просиживали дома, слушая стерео и подрёмывая у камина. Если же погода удавалась, мы отправлялись пробежаться трусцой либо бродили по лесу. Вечерами мы втроём усаживались возле камина и болтали, дружно налегая на поп-корн. По выходным Фритци катала нас на

машине по всему Коннектикуту, чтобы мы могли вдоволь насладиться красками осени, полюбоваться озёрами и «покрутить носами» в местных антикварных лавочках.

Словом, первые две недели, проведённые в Сторрсе, подарили нам тихий, расслабляющий конец велопробега по Штатам. Убивало одно — теперь я едва втискивалась в свои единственные брюки. В тот момент во мне было сто тридцать пять фунтов, на двадцать восемь больше, чем перед стартом. Какую-то часть «привеса», скажем фунтов десять, можно было бы «списать» за счёт накачанных мною мышц, но остальное явно относилось к разряду самого обычного старого доброго жирка. И вот впервые в жизни я выглядела далеко не худышкой.

К тому времени, когда мы достигли восточной части Британской Колумбии, у меня заметно окрепли и поздоровели спина и плечи, всё оттого, что приходилось «выжимать» и на себе перетаскивать через пески и густые заросли кустарника шестидесятипятифунтовый велосипед. Переходы через перевалы в Скалистых горах подарили рельефность мышцам ног. Когда же мы спустились с гор в Айдахо, меня можно было без натяжки назвать мускулистой — но, разумеется, без лишних «прослоек». Затем настал черёд стряпни тётушки Марджи — девять дней безостановочной кормёжки, как на убой, и никакой работы педалями. Покидая коттедж, я тянула на все сто тридцать фунтов, набрав за время «откорма» почти пятнадцать.

Мне представлялось, что все эти лишние фунты как-то сами собой исчезнут за пару недель дороги, но как же я заблуждалась. Ко времени приезда в Миннесоту мой вес дополз до ста тридцати пяти.

То, что я нисколько не сбросила за дорогу между Айдахо и Миннесотой, хотя изо дня в день исправно крутила педали, объяснялось довольно просто. Когда мы распрощались с горами, моё тело уже привыкло к ежедневной нагрузке, мускулы налились, и мне больше

не требовалось того огромного количества пищи, которое я уничтожала в первые месяцы похода. Пересекая Вайоминг и Южную Дакоту, мне следовало бы ограничить себя в еде, но, увы, мой аппетитище ничуть не уменьшился, и я продолжала поглощать так же много, как раньше.

До самой Миннесоты я никак не могла взять в толк, что пора сесть на диету. Затем пришлось полностью отказаться от хлеба, сладостей и молока. Весь следующий месяц мой ленч состоял лишь из маленького стаканчика йогурта и горстки зерновых хлопьев. Хотя диета и держала вес в узде, но всё же я не только не худела, но и терзалась вечным голодом.

Ларри, однако же, так и не прибавил ни фунта. Не важно, сколько бы он ни ел — всё сжигалось без остатка.

В начале третьей недели житья у Фритци мы наконец вывели велосипеды из заточения на свет Божий и учинили им тщательный техосмотр. Ларри сменил обод у заднего колеса и спицы у переднего. Мы заново покрыли смазкой втулки колёс и подшипники беговых роликов, вычистили и смазали жидким маслом цепи, все шариковые подшипники и тросы приводов тормозов, заменив при этом трос ручного тормоза и гибкий тросик привода переключения передач. Покончив с велосипедами, мы своими руками сшили себе водонепроницаемые нейлоновые «бахилы», доходившие нам почти до колен, чтобы в случае дождя натягивать их поверх кроссовок и шерстяных гетр, и несколько пар непромокаемых перчаток, надеваемых сверху на обычные, а также «попонки», закрывающие поясницу. 23 октября мы вновь навьючили наши велосипеды, распростились с Фритци и тронулись в путь во Флориду.

Из Сторрса мы направились на юго-восток, обратно в штат Нью-Йорк. Севернее Нью-Йорка мы переправились через Гудзон у Пикскилла и пересекли северо-западную

часть Нью-Джерси, держа курс на Пенсильванию. Мы проследовали на северо-запад по 443-му шоссе до самого Гаррисбурга, вдоль хребтов Блу-Маунтинс, а затем повернули строго на юг и бодро покатали в Вашингтон — поглазеть на его достопримечательности. После двух последних недель бесцельного кочевья по дорогам «глубинки» людские толпы и транспорт на улицах столицы неприятно действовали на нервы, вызывая клаустрофобию. С нас хватило и пары дней, после чего мы двинулись на запад, в Фронт-Ройал, Вирджиния, где поднялись на хребет Аппалачей. Мы проследовали по знаменитым горным дорогам Скайлайн-Драйв и Блу-Ридж-Паркуэй через Вирджинию, в Ашвилл, Северная Каролина.

В Фронт-Ройале все, с кем бы мы ни заговаривали, одинаково выражали опасения, узнав, что мы держим путь на Драйв или Паркуэй. «В эту пору слишком холодно карабкаться туда на велосипедах. Ясное дело, на дворе ноябрь. Да и первый снег не за горами. Вот и листья облетели, а все туристские кемпинги на Паркуэй уже закрылись на зиму. На любой лагерной стоянке вы не найдёте ничего, кроме пары холодных сортиров да водопроводного крана».

Большинство велосипедистов, встреченных нами по пути к Новой Англии, также предостерегали нас насчёт Драйв и Паркуэй. Все, как один, утверждали, что из-за долгих крутых подъёмов дорога трудна даже для «старичка», не отягощённого вьюками.

И всё же, несмотря на все эти предостережения, нам с Ларри очень хотелось подняться на Аппалачи. И Драйв и Паркуэй, как известно, закрыты для грузового транспорта, теперь же, с приходом осени, там вряд ли будет много автотуристов. Мы надеялись, что из-за столь слабого движения дорога, вероятно, покажется нам сплошной шестисотмильной велотрассой.

После малонаселённых, бескрайних просторов Запада мы с трудом приспосабливались к запруженным машинами дорогам Среднеатлантического района Штатов. Едва ли не все восточные автомобилисты имели гадкую привычку отчаянно сигналить, стремясь оповестить нас о своём приближении. Кроме того, на Востоке большинство дорог напрочь лишено удобных для велосипедистов обочин, вот почему, вместо того чтобы двигаться «своей колеёй», мы только и делали, что увёртывались от автомобилей и полуприцепов. Дикое желание увильнуть от напряжённого лавирования в потоке «четырёхколёсных», от необходимости день-деньской и изо дня в день «наслаждаться» рёвом гудков заметно пересиливало всякое беспокойство по поводу холодов и крутизны подъёмов.

Эти двенадцать дней, понадобившихся на то, чтобы осилить путь по хребту Аппалачей из Фронт-Ройала в Ашвилл, стали для нас, пожалуй, одними из самых каторжных за всё время путешествия. Лишь изредка попадались участки пути, где шоссе более часа сохраняло свою строгую горизонтальность. Большую же часть времени мы старательно форсировали подъёмы, требовавшие, в зависимости от крутизны и протяжённости, от четверти часа до двух часов напряжённого внимания. Стоило нам только достичь вершины восхождения, как всего за пару минут мы с ветерком неслись вниз только затем, чтобы вновь предстать перед очередной кручей.

На спусках ноги просто сводило от холода. У подножия каждой новой «горы» приходилось сползать с велосипедов и некоторое время топтать на своих двоих, чтобы размять мышцы, прежде чем приступить к новому восхождению. К концу дня нестерпимо ломило колени. К тому времени, когда мы добрались до Ашвилла, у нас окончательно созрело решение: во Флориде во что бы то ни стало модифицировать многоступенчатые передачи

наших велосипедов в пятнадцатискоростные, чтобы не так сильно натруживать колени. Нам нужна была дополнительная первая передача — низшая передача — с тем чтобы на крутых подъёмах ноги могли бы крутить педали значительно быстрее.

«Горки» оказались не единственным бедствием. Вдоль Паркуэй днём с огнём не сыщешь и захудалой лавочки, поэтому, когда иссякали запасы, приходилось спускаться с хребта в долины, где приютились городки, закупать провиант, а затем вновь взбираться на Паркуэй. Порой одна только операция «спуск-подъём» отнимала никак не меньше часа. Всякий раз, попадая в бакалейную лавку, мы набирали столько всякой всячины, сколько могли впихнуть во вьючники,— обычно трёхдневный резерв, а потом всячески растягивали провизию, ежедневно ограничиваясь минимальным пайком. «Лишний» вес продуктовой ноши, точнее карабканье с ним назад, на шоссе, ещё больше осложнял наше путешествие. Однако после двенадцатидневной «разгрузки», когда мой ленч состоял из крохотного ломтика сыра и горстки подсолнечных семечек, а обед — из сваренных на пару овощей и горстки хлопьев, вкупе с тяжёлыми восхождениями, требующими большой затраты калорий, я наконец-то рассталась с жирком, моим неизменным спутником от самого Айдахо.

Как мы и надеялись, шоссе и в самом деле оказалось почти необитаемым, если не считать оленей, скунсов, медведей, енотов и лис, в изобилии встречающихся в этих местах. Когда же мы располагались на ночлег, то нам составляли компанию совы. Мы наслаждались тихим уединением Аппалачей, рассчитывая добраться по Паркуэй до самого национального парка Грейт-Смоки-Маунтинс, но за день до Ашвилла погода предательски испортилась. В Ашвилле нас «обрадовали», что прогноз грозился тремя-четырьмя днями ледяных ливней, а

возможно, и снега, вот тогда мы поняли: пора поворачивать на юг.

За третью неделю ноября мы пересекли северо-западную часть Южной Каролины и направились в Джорджию. После двух месяцев морозов деньки, когда воздух прогревался до семидесяти по Фаренгейту, казались нам замечательными. Чего никак не скажешь о самих джорджийских «аборигенах».

И я, и Ларри, и велосипеды, равно как и само наше предприятие, вызывали стойкое раздражение почти у всех обитателей небольших городишек, раскиданных вдоль захолустных дорог Джорджии. Нас встречали такими пристальными взглядами, от которых стушевался бы любой, а в те дни, когда наше исподнее полоскалось на ветру, свисая с притороченных к велосипедам вьючников,— и насторожённо-испуганным выражением лиц. Бывало, стоило только обмолвиться, что мы из Калифорнии и едем на юг, во Флориду, как обыватели начинали таращиться на нас как на сумасшедших. Сам факт, что кто-то вдруг отважился на столь «явное безумие», был выше их понимания, и мы избегали рассказывать кому бы то ни было о наших планах совершить кругосветное путешествие на велосипедах из опасения быть запертыми в психушку. Всякий раз, когда мы покидали с покупками небольшой магазинчик, его хозяин обычно натянуто справлялся: «Вы ведь ещё заглянете к нам, а?» — и в его голосе было всё что угодно, кроме искренности.

Пока мы катили из Ройстона через такие «дыры», как Лексингтон, Кроуфордвилл, Суэйнсборо, Рейдсвилл (что к западу от Клакстона, места ежегодного скопления «гремучек», и строго на север от растянувшихся на мили вдоль 23-го шоссе киосков, торгующих жареным арахисом) и Льюдовичи, меня всё больше угнетала перспектива провести День благодарения — этот большой семейный праздник — в какой-нибудь

«глухомани», где едва ли не каждый встречный видел бы во мне подозрительную личность. Ко времени нашего приезда в Брансуик, 22 ноября, в канун Дня благодарения, былая гнетущая тоска по родным местам проснулась во мне с новой силой. Мы завернули в кемпинг «Уетеринг Оукс» как раз до темноты, чтобы помыться и привести себя в порядок к завтрашнему дню. Впервые за много дней мы собирались пойти в ресторан и отобедать индейкой.

В конторе «Уетеринг Оукс» мы нос к носу столкнулись с двухсотфунтовым самоанцем, одетым в броню из мускулов, чудом втиснутую в цветастую рубашку с коротким рукавом и джинсовые шорты. В ту же секунду, как только мы перевалили через порог конторы, его лицо расплылось в могучей улыбке. Вот уж кого никак не ожидала встретить в Джорджии, так это самоа; но это был именно он, добродушно-весёлый, простосердечный островитянин, уроженец Южных морей, которого совсем недавно занесло на крайний юг Штатов.

— Привет, ребятки! Меня зовут Ананас. Похоже, вы оба немало исколесили на своих велосипедах. Не против, если я взгляну?

— Нисколько,— согласно кивнула я.

— Откуда вы?

— Из Калифорнии.

— Хм-м-м. Неужели Джорджия заманила вас в такую даль? Бывает, скучаете по дому?

— Конечно, частенько.

— Бьюсь об заклад, что теперь, накануне Дня благодарения вы и вовсе затосковали, ведь правда?

— Похоже, так.

— Ну, тогда — внимание. Завтра — большой праздник. Поэтому как насчёт того, чтобы отобедать в День благодарения в компании со мной, моей жёнушкой Шарон, пятью моими ребяташками и нашими друзьями

из местных? Мы устраиваем обед прямо здесь, в лагере, и будем очень вам рады, если сумеете выкроить время. По сему поводу я приготовил уйму сочных отбивных по-самоански. Но не беспокойтесь, если вам не вкусу отбивные, то обещаю до отвала накормить вас индейкой с приправой. Ещё будет ямс, фруктовый салат, клюква, желе, булочки и вдобавок ко всему прочему сладкий пирог с тыквой.

Мы с Ларри с ходу приняли приглашение Ананаса. А следующий день, когда его друзья, чада и домочадцы, а также мы с Ларри все вместе сидели за праздничным обедом по случаю Дня благодарения, Шарон обняла меня и со смешком сказала:

— Да, держу пари, в начале путешествия вы и не гадали, что вам выпадет встречать День благодарения в кемпинге где-то в Джорджии, с отбивными и с Ананасом, который читает благодарственную молитву по-самоански, а, разве не так?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ХОЧЕШЬ ЖИТЬ — УМЕЙ НЫРЯТЬ

Когда охранник парка во Флорида-Кис поведал нам, как однажды, во время его путешествия на велосипеде по Центральной Флориде, на дороге с ним поравнялась машина, и дамочка за баранкой кинула ему в лицо грязную салфетку, мы знали: он не врёт. И мы ничуть не удивились, услышав, как в Южной Флориде один водитель швырнул ему в глаза полный стаканчик колотого льда.

Проехав из конца в конец почти весь Болотный штат, мы с Ларри до дна испили чашу того, что можно было бы назвать «горьким опытом выживания велотуриста в условиях Центральной и Южной Флориды». И нам самим тоже было что порассказать.

Северная Флорида — совсем другое дело. С побережья Джорджии мы бодро покатали на юго-запад, в район Окефеноки-Суомп, где пару дней странствовали по болотам, плывя в каноэ бок о бок с аллигаторами. Затем, вновь оседлав велосипеды, с мучениями и приключениями пробирались по глухим дорогам Северной Флориды, держа курс в Нью-Порт-Ричи, что на берегу Мексиканского залива, в окрестностях Тампа.

Теперь нас одолевала жара. Столбик термометра замер где-то в районе восьмидесяти, а влажность была такой высокой, что мы буквально проквасились от пота, а то небольшое из одежды, что было на нас, всё время промокало до нитки. Как и в Джорджии, движение на второстепенных дорогах Флориды было редким, а водители — внимательны к другим. Настал и на нашей улице праздник. Нам больше не угрожала

надвигающаяся зима, и, в отличие от джорджийцев, жители городков, которые мы проезжали по дороге, не заставляли нас постоянно чувствовать себя «не в своей тарелке» и не собирались мешать нашему путешествию. Ежедневно во время привала на ленч мы покупали газету и просиживали в парке пару часов, закусывая или мирно клюя носом.

Мы направлялись в Нью-Порт-Ричи провести моего двоюродного дедушку с супругой. Для своих восьмидесяти дедушка Кларенс был ещё хоть куда. В ноябре, бывало, он суетился вокруг своей крепкой машины-фургона, приводя её в божеский вид, а затем отправлялся со своей дражайшей Эвелин за восьмьюсот миль от дома в Хантингтон, Западная Виргиния, в «Голубую Лагуну», стоянку мобильных домов в Нью-Порт-Ричи — на «зимние квартиры».

После смерти первой супруги, когда дедуле уже перевалило за семьдесят, он обнаружил, что жить одному ох как тоскливо. Чтобы поправить незавидное положение, он доверился «электронной свахе», изложив в анкете всю свою подноготную и упомянув об интересах.

— В то время я только-только обзавёлся домом-фургоном, правда, внутри ещё было пустовато. Когда же компьютер выдал мне имя и «координаты» Эвелин и мы с ней познакомились, то оказалось, у неё есть всё, кроме «дома на колёсах», и вот тогда-то мы решили объединить хозяйство и поженились. Вот что значит умный компьютер!

Накануне нашего приезда в Нью-Порт-Ричи я позвонила Кларенсу и Эвелин и сообщила, когда примерно нас следует ждать. На следующий день, когда мы въехали на территорию «городка-стоянки», состоящего из пяти так называемых жилищных массивов, дядюшка Кларенс вместе со своим двухколёсным другом уже поджидал нас на обочине

хайвэя № 19. Давненько мы с ним не виделись, но стоило мне только завидеть маячившего у перекрёстка мужчину, как я без труда узнала в нём Кларенса. Он высился прямой, как мачта, щеголяя тщательно отутюженными голубыми бермудами и белоснежной трикотажной тенниской, в кедах и кепке-бейсболке.

При виде Кларенса я тихонько хихикнула себе под нос: похоже, он не растерял прежней живости и был готов хоть сейчас крутить педали вместе с нами. Лет двадцать назад, когда Кларенс как-то раз собрался к нам в Сан-Диего погостить на лето, Па специально для дядюшки соорудил перила у парадного входа в дом. Однако Кларенс, полностью проигнорировав эту «мелочь», перепрыгивая через две ступеньки, лихо взлетел по лестнице поприветствовать нас. Вот и сейчас дядюшка Кларенс пребывал в достаточно хорошей форме, чтобы позволить себе велосипедную прогулку в бакалейную лавку, прачечную-автомат или на пляж.

Видно было, как гордится Кларенс своей внучатой племянницей, отмахавшей на велосипеде восемь с половиной тысяч миль через всю Америку; но и я ничуть не меньше гордилась дедом-дядюшкой. Разменяв девятый десяток, Кларенс, по счастью, не утратил интереса к жизни, не в пример большинству из нас, теряющих его задолго до того, как нам перевалит за сорок.

— Эй, Кларенс, я сейчас ноги протяну. Как насчёт того, чтобы дотащить за меня мои узлы? — подначивал Ларри.

— А по-моему, что для тебя ещё каких-то пять кварталов. Да и дорога отсюда до стоянки — ровнее не бывает; это вам не в гору,— расхохотался Кларенс.

Держась в седле всё так же прямо с блаженной улыбкой на лице, он сопровождал нас до стоянки. Благодаря ему и Эвелин все обитатели городка уже

знали о нашей затее, и нас восторженно приветствовало около сотни старичков и старушек.

Мы с Ларри прожили в Нью-Порт-Ричи неделю. Это были семь хлопотливых дней. Поскольку мы пообносились в походе, день ушёл на покупку шорт, белья, носков и футболок. На следующее утро мы вручную постирали вкладыши спальников и куртки, предоставив сушилке-автомату довершить нашу работу, целый день щедро потчуя её десятицентовиками.

Ещё день ушёл на поход по бюро путешествий. До сих пор мы ещё не решили, что предпринять в ближайшие зимние месяцы: выбрать ли круиз по Карибскому морю, поколесить ли по Юкатану либо лететь напрямик в Испанию.

Наведя всевозможные справки в турагентствах и выяснив всё о недорогих авиарейсах как в Европу, так и на Юкатан, мы приступили к закупке запчастей к велосипедам в окрестных магазинчиках. Ларри удалось разжиться столь необходимыми нам звёздочками и цепями, однако всего достать так и не удалось. В итоге, пробившись по телефону в магазин велосипедов в Пало-Альто, в Калифорнии, он заказал переслать по почте все нужные нам детали для замены передач с десяти на пятнадцать.

В дни, свободные от беготни по магазинам и суеты и маеты с велосипедами и пожитками, Кларенс и Эвелин познакомили нас с местными достопримечательностями. Кроме того, мы почти все вечера проводили у Кларенса, засиживаясь за разговором едва ли не до полуночи. «Век бы слушал ваши истории,— так по обыкновению говаривал он.— А ещё люблю наблюдать, как вы возитесь со своими велосипедами. Правда, вот уж удовольствие так удовольствие!» Прежде чем нам наконец удавалось отправиться на боковую, Кларенс ещё долго прогуливал нас по улице, кругов этак пять вокруг парка.

Почти все обитатели городка автоприцепов постоянно жили в Новой Англии или на Среднем Западе, откочёвывая во Флориду, чтобы избежать суровых зимних морозов. Весьма любопытно, что были среди них и жители тех самых негостеприимных городишек, через которые мы проезжали и где останавливались по пути, и вот эти люди стремились не просто пообщаться с нами, но и взять нас под своё крылышко. Пока мы трудились над нашими велосипедами, устанавливая новые звёздочки и меняя рычаги, вокруг нас постоянно сустились старички, без устали предлагая свои гаечные ключи, иногда они тихо присаживались понаблюдать за нашей работой.

За два дня до отъезда из Нью-Порт-Ричи мы с Ларри устроили для всех обитателей городка маленькую презентацию с показом слайдов. Пересекая Америку, мы отсылали моим родителям отснятые плёнки, надеясь на то, что они будут проявлены и дождутся нас в целости и сохранности; поэтому когда Кларенс сказал мне, что жители мобильных домов горят желанием послушать наш рассказ, я позвонила родителям и попросила выслать нам готовые слайды. За день до показа Энн Тернбулл, старожилка стоянки, заглянула в фургон Кларенса и протянула мне какой-то конверт.

— Что сказать, вы оба и в самом деле вернули к жизни всех нас, всё местное старичье,— улыбнулась она. — Все только и говорят о вашем путешествии. А как же, благодаря вам все мы получили крепкий заряд бодрости, ну а мечты о том, что вы сделаете это за нас, скрасят унылые минуты нашей жизни. Вот, пожалуйста, примите конверт. Здесь немножко денег. Хотим хоть чем-то вам помочь, по-своему поучаствовать в вашем путешествии, что ли. А ещё это — наша благодарность вам за то, что вы внесли немного света и радости в нашу жизнь, подарив нам всем нечто такое, о чём мы будем теперь ещё долго с восторгом думать и говорить.

Весь остаток дня люди шли к нам проститься и пожелать удачи. Супруги Зиглерс из Мичигана преподнесли мне ожерелье в качестве талисмана, другая чета вручила рождественскую открытку с вложенным внутрь банковским счётом на двадцать долларов на праздничный обед — куда бы в ту пору ни занесла нас нелёгкая.

Утром 9 декабря, прежде чем покинуть «городок на колёсах», мы целый час благодарили всех и каждого за помощь, доброту и подарки. Особенно нелегко мне было прощаться с Кларенсом. Когда я потянулась обнять его, он обвил рукой мои плечи и прочувствованно произнёс, как гордится он нами и нашим делом и что он никогда, покуда жив, не забудет неделю, которую мы провели все вместе. У выезда со стоянки я остановилась и оглянулась назад. Стараясь не сутулиться, Кларенс стоял рядом со своим велосипедом и со слезами на глазах махал нам рукой. Это была наша последняя с ним встреча.

Из Нью-Порт-Ричи мы с Ларри устремились на восток по 54-му шоссе, дабы обогнуть Тампа, прежде чем повернуть на юг, в сторону Кис. Первые признаки того, что дела в Центральной Флориде примут совершенно иной, то есть скверный, оборот, проявились уже в пятнадцати милях от Нью-Порт-Ричи. Дамочка в расцвете лет в гигантском «поглотителе бензина» во весь опор неслась вперёд. Нацелившись прямо нам в спину, она всё больше разгонялась, непрерывно терзая гудок. Казалось, машина вот-вот нас накроет, поэтому мы оба шарахнулись с проезжей части. Дорога не имела обочины — за кромкой асфальта шины с ходу зарылись в песок, от резкой остановки велосипеда подбросило так, что каждый из нас буквально воспарил над рулём. Приземлившись с глухим шлепком на песок перед велосипедом, я подняла глаза, чтобы рассмотреть дамочку, теперь уже неторопливо проплывавшую мимо

меня по асфальту. Рядом с ней сидел мальчуган лет семи-восьюми, она прыскала, указывая на нас, чтобы и он мог как следует оценить результат её «шутки». Оба они расхохотались. Когда же мы с Ларри, вскочив на ноги, рванулись к машине, злодейка выжала акселератор и с хохотом умчалась прочь.

— Вот вам и первая роковая женщина. Будем надеяться, второй такой не найдётся во всей округе,— пожала плечами я. О, если бы я только знала!

Весь остаток дня, да и на следующий день, машин было хоть отбавляй, хотя, если верить нашим картам, мы всё время придерживались второстепенных дорог. Мы проследовали по 54-му шоссе до Зефирхиллс, затем двинулись по 39-му к югу. Обе дороги были напрочь лишены обочин, и ни один из проезжавших мимо водителей не утруждал себя заботой аккуратно обогнать нас. Впервые за всё время нашего путешествия автомобили со свистом проносились мимо нас, не уступая ни дюйма, и мы лишний раз убедились, как важно не съезжать с узкой полоски проезжей части, отделявшей бока мчавшихся автомобилей от песка, грозящего нам очередной встряской.

На второй день пути, после того как мы покинули Нью-Порт-Ричи и проделали часть пути по 39-му шоссе, где-то чуть севернее жалкой кучки домов, претендующих на гордое имя Форт-Лонсом, мы заскочили в небольшой бакалейный магазинчик купить еды к обеду. Стоило нам перешагнуть порог лавки, как стоявшая за прилавком тучная продавщица уставилась на нас с явным любопытством.

— Чужие сюда редко заглядывают. Откуда, ребята?
— спросила она.

— Из Калифорнии,— ответила я.

— Калифорния! Так вы из Калифорнии?

— Да.

— «Чёртовы Ангелы». И это всё, чем славится ваша Калифорния, надо же, «Чёртовы Ангелы». Вы тоже — из этих? — Тётка беспокойно скользнула взглядом по велосипедам.

— Да нет,— ответила я.— Вообще-то не все калифорнийцы — «Ангелы». Да и «Чёртовых», если честно, не так уж много, особенно за пределами Окленда.

— А вот этого — не надо! — взорвалась толстуха.— Моя соседка как-то съездила в Калифорнию. Так вот она рассказывала, что там эти типы на мотоциклах торчат повсюду, куда ни плюнь!

— Но поймите же, ведь это не значит, что каждый калифорнийский мотоциклист непременно и есть этот самый «Чёртов Ангел». Они...

— Ну уж мы-то здесь знаем! — отбрила она меня.— Будьте спокойны. Мы тут на дух не выносим всяких там мотоциклистов. Наши ребята любят палить по ним, когда те мимо проезжают.

Женщина на минуту закрыла рот, снова вперившись в наши велосипеды. Коротышка лет сорока, она прятала свои телеса под складками необъятного домашнего платья из набивного ситца. Её тёмные волосы были коротко острижены.

— Но мы же путешествуем на велосипедах, а не на мотоциклах,— успокаивал её Ларри.

— Ну, не знаю. Местные могут пухнуть и в вас. Захотят и турнут вас отсюда.

Пока она продолжала с подозрением разглядывать наши велосипеды и скарб, мы с Ларри одновременно подумали об одном и том же. Почему никто не предостерёг нас? Нам приходилось слышать немало историй о неотёсанных обывателях Техаса, Алабамы и Миссисипи, мягко говоря, недолюбливающих велосипедистов. Один из велотуристов рассказывал, что, когда он путешествовал по Техасу, один лихой ранчмен,

проезжавший мимо в своём пикапе, буквально изрешетил пулями выючника у него за спиной. А вот о Флориде даже и речи не было.

После недолгого молчания женщину вновь прорвало:

— А скажите-ка всё-таки, что заставляет леди тащиться на велосипеде в такую даль — от самой Калифорнии до Флориды? Ясно ведь, женщина, будь она в здравом уме, никогда не станет делать ничего подобного. Ты, что ли, заставил её проделать этакое? — Она свирепо взглянула на Ларри.

— Да что вы! Это была её идея,— хихикнул Ларри, прежде чем я успела раскрыть рот.

— Опять заливаешь. Да только посмотри на неё, ну разве ей могло прийти в голову такое. Вот беда-то: тощая — кожа да кости, ей ли крутить педали этакой громадины. Ты её вынудил это сделать, хоть бы постыдился! Ладно, скажу вам одно — не зевайте. Помните, что я вам говорила! Не любим мы всяких там байкеров.

Подгоняемые душевным напутствием, мы с Ларри вынырнули из магазинчика и вновь покатали на юг по 39-му шоссе, держась своей узкой «ленточки» асфальта, в то время как грузовики, пикапы и легковушки с лязгом и фырканием проносились мимо. К концу дня, когда пришло время остановиться, мы не заметили, как оказались в окружении болот, изгородей из колючей проволоки и знаков: «ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ», исключающих всякую возможность свободно расположиться на ночлег. Здесь, в Центральной Флориде, нам обоим как-то особенно не хотелось форсировать изгороди и уж тем более ставить палатку в частных владениях. Мы уже усвоили, что даже если и не достанемся аллигаторам, то какой-нибудь разгневанный ранчмен непременно начинит нас пулями. И мы продолжали катить вперёд в надежде добраться до сухого, не опутанного проволокой пятачка.

К тому времени, когда мы свернули на 62-е шоссе и вкатили в крошечное «пятнышко», обозначенное на нашей карте как Дьюэтт, уже почти стемнело. Этот флоридский «Дуэт» состоял из двух зданий: школы с одной классной комнатой и со знаком «Частные владения» на краю школьного двора и церкви баптистской общины Сухих прерий. Сразу за церковью раскинулся необъятный простор лужайки — самое место для палатки. Воскресный вечер. Если верить объявлению на церковном фасаде, служба должна была начаться в восемь часов. Однажды, ещё до путешествия, нам случилось просить разрешения поставить палатку на церковных землях — во владениях Епископальной церкви в селении Оксфорд, Коннектикут. Члены общины не только пригласили нас к себе переночевать, но и накормили обедом и завтраком, снабдив нас «сухим пайком» на дорогу.

Мы приготовили и съели обед, после чего уселись на ступеньках церкви ждать, когда начнут собираться прихожане. Первым появился преподобный отец Макс Дюранс, классический тип пастора-южанина. Был он сдобен и дороден, брюшко нависало над поясом, а речь отличалась южной медлительностью. Держа в правой руке Библию, толстую и чёрную, он ел нас глазками, недоверчиво щурясь. Ларри заговорил первым:

— Здравствуйте, я — Ларри Сэвидж, а это моя жена Барбара.

Я улыбнулась и кивнула преподобному. Он искоса с подозрением взглянул на меня, а затем опять перевёл взгляд на Ларри.

— Мы с Западного побережья, путешествуем на велосипедах и едем на Кис.

«Умница,— подумала я.— Не упоминай о Калифорнии, во всяком случае при этом малом».

— Мы ночуем в палатке, а потому интересуемся, нельзя ли нам расположиться где-нибудь здесь, где

посуше.

Преподобный отец тянул с ответом, а неприязненное выражение, которое приняла его физиономия, когда он только нас заметил, так и не смягчилось.

— Значит, вам нужно местечко для лагеря, так, что ли? Так вот, здесь нет ничего подходящего и уж тем более — никаких удобств,— выдавил он наконец.

Я упёрлась взглядом в то, что, очевидно, было гостевой, пристроенной к зданию церкви, но святой отец по-прежнему упорно смотрел на Ларри.

— Но уж если вам так нужно место для ночлега, есть здесь клочок земли под деревьями, где-то в трёх четвертях мили отсюда, по правой стороне дороги, за перекрёстком с шоссе.

Тут его преподобие сделал паузу, пока на его физиономию напознала улыбочка.

— Правда, по хайвэю и ночью снуют тяжёлые грузовозы. Что ж, вам в вашей палатке, пожалуй, придётся смириться с шумом и светом фар, но, кроме этого, вас вряд ли побеспокоит что-то ещё. Если кто спросит, какого чёрта вы там остановились, только скажите, что Макс Дюранс разрешил вам разбить лагерь. Знаете, все земли в округе — мои. Я сдаю их в аренду, поэтому всем местным хорошо известно, кто такой Макс Дюранс.

Я посмотрела вдаль, за 62-е шоссе, стараясь понять, о каком шоссе идёт речь, однако к этому времени уже слишком стемнело, чтобы разглядеть что-либо на расстоянии.

Между тем, наблюдая, как напряжённо мы всматриваемся во тьму за асфальтом, отец Макс расплылся в ликующей улыбке, и я почувствовала: оно неспроста. Ларри как-то умудрился изобразить ответную улыбочку и вежливо выдать «большое спасибо».

Паства и пастор молча пронаблюдали, как мы подхватили с земли велосипеды и покатали через улицу.

Через несколько ярдов по 62-му шоссе мы действительно наткнулись на какую-то дорогу, но стоило нам свернуть на неё, как колёса тут же увязли в песке. Пастор заслал нас в пески. Почти целую милю мы то несли, то волоком тащили наши велосипеды через песок, не отрывая взгляда от изгороди, бесконечно тянувшейся вдоль правой стороны дороги. Мы упорно искали прогалину в колючей проволоке, которая, по заверениям Дюранса, должна была быть где-то совсем рядом. Именно от неё вела тропинка к желанному «островку» для ночёвки. Целых сорок минут мы плелись по песку, а затем были вынуждены признать: то, о чём мы лишь смутно догадывались, отъезжая от церкви, оказалось истинной правдой: преподобный послал нас к чёрту на кулички — в никуда.

Нам ничего не оставалось, как тащить велосипеды обратно в Дьюэтт. На полпути назад мчавшийся мимо грузовик обдал нас песком. Водитель не остановился и не притормозил узнать, что заставило ночью пару велосипедистов под грузом вьючников тянуть свои велосипеды по песку в забытом Богом уголке Флориды. Не сомневаюсь — ему было плевать.

Когда мы вернулись в Дьюэтт, из церкви всё ещё слышалось пение. Мы натянули палатку за деревом рядом со школой. Темень и кусты скрывали нас от прихожан, которые после службы расселись по малолитражкам и пикапам и направились по домам. Утром мы поспешили убрать палатку и навьючить велосипеды ещё до рассвета; затем мы уныло побрели к столам для пикников за церковью и соорудили себе завтрак. Когда мы подкреплялись, подкатил мужчина в пикапе. Он выпрыгнул из кабины и напрямик двинулся к нам.

— Доброе утро,— улыбнулся он.

— Здравствуйте,— улыбаясь, ответила я.

— Откуда вы и куда?

— Из Калифорнии, на Кис.

Какое-то время все трое молчали. Незнакомец изучающе посмотрел на нас с Ларри, затем потупился и опять поднял глаза.

— А скажите-ка, где вы вчера ночевали? — спросил он.

Его глаза обшаривали лужайку за церковью, однако там не было и следа ночного пребывания палатки.

— Отсюда — на север по дороге, в точности там, куда послал нас преподобный. Знаете, на том сухом бугре с деревьями в трёх четвертях мили.— Мой ответ был столь же невинен, как и его вопрос.

— Ох ты!

Незнакомец снова опустил голову. Он быстро зашагал от нас прочь, заглянул в церковь, поискал в гостевой. Наконец, вынырнув наружу, он вернулся в свой пикап и уже на ходу прокричал:

— Всего вам доброго, слышите?

Мы с Ларри собрали вещи и тронулись в путь, в Форт-Мейерс, лежавший в восьмидесяти девяти милях от Дьюэтта. Мы продолжали двигаться на восток по 62-му шоссе, потом повернули на юг, через Ваучулу и Аркадию, следуя по шоссе № 17 и 31. На 17-м и 31-м, с их интенсивным движением, водители, похоже, относились к особой человеческой породе. Мы только и ждали что скорой гибели под колёсами. Основная философия, которой они придерживались, была весьма проста: раз все дороги построены исключительно для автотранспорта, то велосипедисты не имеют абсолютно никакого права пользоваться ими. Когда водители замечали нас, катящих впереди по самому краю «их» трассы, подавляющее большинство поступало одним из трёх способов. Они либо тащились за нами и сигналили, казалось, целую вечность, прежде чем взреветь мотором возле самого уха; либо держались с нами наравне, наполняя воздух яростной бранью; либо выбирали

вариант тихого наступления, норовя нанести удар в спину. Что касается последней категории, то они всегда действовали без предупреждения. Они никогда не сигналили и не вопили; они просто летели во весь опор прямо на нас. К счастью, мы всегда вовремя различали шум моторов и «вспархивали» с дороги перед самым их носом. Разочарованные водители, как правило, обычно потрясали кулаками или крыли нас почём зря.

К сожалению, шоссе № 31 оказалось тридцатисемимильной трассой промышленных грузоперевозок, и лишь немногие дальнобойщики, мчавшиеся мимо нас один за другим, слегка сдавали влево и объезжали нас. Большинство же не утруждало себя этим даже при отсутствии встречного движения, поэтому мы спешно выработали свою тактику выживания. Ларри держался строго за мной и всякий раз, заметив надвигающуюся на нас машину, выкрикивал то, что, по его мнению, следовало делать. Двигаясь «во главе», я высматривала на дороге выбоины и камни, прислушиваясь к командам Ларри. Всякий раз при приближении тяжёлого грузовика у меня начинало сосать под ложечкой; и я ещё крепче впивалась в руль и молилась о том, чтобы Ларри верно оценил намерения водителя.

Если грузовик, казалось, забирал влево, идя на обгон, Ларри обычно кричал мне не съезжать с асфальта, при этом мы оба как можно ближе жались к бордюру дороги, надеясь на лучшее. Если же грузовик «нацеливался» на нас, Ларри истошно вопил: «Ныряй!» Потом, в зависимости от близости момента возможного столкновения, за «Ныряй!» следовало или «Живо!», или «Есть время». «Ныряй! Живо!» — означало «без промедления сворачивай на песок», ну а «Ныряй! Есть время» — «сперва притормози и уже потом поворачивай руль». Если у нас оказывалось достаточно времени для торможения, то при «нырянии» нам обычно удавалось

сохранить равновесие, частенько мы даже умудрялись вырулить назад на асфальт ещё до того, как песок тормозил нас до полной остановки. Но порой, когда нам приходилось «нырять» в грязь на полном ходу, мы неизменно превращались в живые метательные снаряды.

Иногда Ларри истолковывал намерения водителя превратно. Случалось, оглянувшись назад и решив, что грузовик вроде бы идёт на обгон, он командовал мне не дёргаться. Когда же он мельком озирался назад во второй раз и замечал: монстр вернулся на прежнюю линию и опять дышит нам в затылок, а мы как никогда близки к тому, чтобы облобызать его шасси, Ларри вопил своё: «Ныряй! Живо!» — таким истерическим тоном, что я молниеносно слетала с велосипеда ещё до того, как переднее колесо утыкалось в песок.

К концу дня, когда мы въехали в Форт-Мейерс после шестидесяти миль сплошного маневрирования и почти непрерывного потока изливаемой на нас брани, нам потребовался целый час, чтобы успокоиться и унять дрожь во всём теле. Ночью нас терзали кошмары. На следующий день того хуже: ещё больше криков, гудков, ревущих моторов, счастливых «осечек» и сокрушительных приземлений в песок. Так мы прорывались на юг в Эверглейдс по 41-му шоссе. В одном месте за каких-нибудь полчаса нам пришлось прыгать в песок раз пять. Только на следующий день, четвёртый после отъезда из Нью-Порт-Ричи, нашим издёрганным нервам выпала передышка. Мы добрались до Эверглейдс, поток движения поиссяк до тонкого ручейка, автомобилисты же согласились на «мирное сосуществование». Впервые со времени отъезда из Нью-Порт-Ричи можно было оторвать взгляд от дороги и обозреть окрестности. Мы с удовольствием наблюдали за серыми и белыми цаплями, канадскими журавлями, змеешейками, канюками, ястребами, орлами и

крокодилами в болотах, с обеих сторон окаймлявших дорогу. Не слыша нашего приближения, они частенько подпускали нас на расстояние всего нескольких футов, прежде чем в испуге сорваться с места.

В конце первого дня в Эверглейдс мы на хорошей скорости въехали в Монро-Стейшен, один из двух посёлков на болотах, вдоль 41-го шоссе. Монро-Стейшен оказался островком суши, на котором ютилось кафе и горстка из двадцати индейцев племени семинолов. В кафе я спросила, не найдётся ли здесь места и для нашей палатки, и официантка направила нас в сторону лесничества, что расположилось в четверти мили в глубь болот, по дороге, на фут скрытой тёмной мутной водой, кишасей крокодилами и водяными щитомордниками.

В усадьбе лесничества не было ни души, зато из-за соседнего забора с вывеской «ОХОТНИЧИЙ КЛУБ ЭВЕРГЛЕЙДС» доносились какие-то голоса. Постучавшись в калитку, Ларри спросил у открывшего ему мужчины, можно ли нам поставить палатку на территории заказника.

— Конечно. Но послушайте, какой смысл ночевать там, под открытым небом, когда можно разместиться и здесь,— приветливо сказал незнакомец.— После езды по жаре вам наверняка захочется принять душ, у нас-то он есть, а вот в заказнике — увы. Ах да, я не представился. Батч, Батч Демпси, а это — моя жена Элли. Присматриваем здесь за клубом. Давайте к нам, ставьте вашу палатку на траве возле дома. Когда закончите, приглашаем глотнуть чего-нибудь прохладительного — и на экскурсию по окрестностям.

Пропуская мимо ушей наши благодарности, Батч решительно повёл нас к сухому пяточку, который, на его взгляд, как нельзя лучше подходил для разбивки палатки. Ему и Элли на вид было чуть больше тридцати; оба в джинсах и форменных рубашках.

— Ну а теперь — об одном правиле, которое надо знать и соблюдать: остерегайтесь змей, особенно в траве,— предупредил нас Батч.— Вы, вероятно, и без того слышаны о всяких там восьмифутовых ромбических ужах, что встречаются на юге Кис, и о карликовых гремучниках, и о щитомордниках, и о коралловых змеях. Но, сказать по правде, у нас во Флориде встречаются змеи всего четырёх видов, что значительно упрощает дело.

— Четыре, ничего себе. И какие же? — спросила я.

— Крупные, мелкие, живые и мёртвые! — И Батч расхохотался басовито и заразительно.

— Нет, правда, насчёт змей — я серьёзно. В темноте не стоит выходить из палатки без большого фонарика. Должен вас предупредить и ещё кое о чём — о пантере. Она иногда забредает сюда где-то в середине ночи и устраивает настоящий «кошачий концерт». От её воплей всю душу переворачивает, но не бойтесь, наша немецкая овчарка её отпугнёт.

Пока не стемнело, Батч и Элли показали нам территорию клуба. Здесь был зал для встреч, кемпинг и площадка для приготовления мяса барбекю, а также гараж — загон для скутеров.

— Члены клуба ездят на них охотиться на дикого кабана, случается, машины ломаются где-то в гуще болот,— пояснил Батч.— Все они снабжены радиопередатчиками, поэтому, чуть что, охотники вызывают меня, и я спешу к ним на выручку. Правда, однажды я сам вывез группу на одном из болотоходов, так вот — двигатель заглох, а на мои сигналы отвечать было некому. Поэтому мне вместе с одним малым пришлось тащиться назад за новой машиной. По дороге нас не донимали ни змеи, ни крокодилы, поэтому обошлось без приключений.

На другое утро, часов в семь, Элли прильнула лицом к окошку палатки.

— Эй, вы, там,— зашептала она,— не против позавтракать с нами? Завтрак почти готов, я приготовила массу всякой всячины, надеюсь, вы придёте и поможете нам со всем этим справиться.

Батч уже сидел за кухонным столом, прислушиваясь к тревожным сигналам своего радио, перед ним горой возвышалась полная тарелка плюшек, миска с овсянкой, печёные яйца, бекон и свежее испечённый домашний хлеб. Пока мы с Ларри безостановочно поглощали всё, что в свою очередь непрерывно подкладывала нам на тарелки Элли, супруги Демпси наперебой рассказывали нам об индейцах племени семинолов, тех самых, что жили в болотной глуши; о том, как случилось, что именно это единственное племя всё-таки заключило мир с правительством Соединённых Штатов, и о том, что некоторые из семинолов до сих пор никогда не выбирались за пределы своего «особого района» флоридских болот.

После завтрака Элли сунула в наш выюк бумажный пакет с буханкой хлеба и пачку печенья, вручив затем нам то, что называлось «рождественским подарком от меня и Батча» — коробочку сахарного печенья, упакованную в рождественскую подарочную бумагу.

Пятнадцатого декабря мы с Ларри оставили позади Эверглейдс и бодро приветствовали острова Флорида-Кис. Наш путь лежал на Ки-Уэст, в самый конец протянувшейся стошестнадцатимильной гряды островов и мостов, дабы попытаться попасть на борт парусной шлюпки, выходящей в Карибское море.

Мы старались следовать велосипедной дорожке, которая бежала вдоль противоположной стороны дороги, но нашли её столь замусоренной камнями, песком, битыми бутылками, изуродованной рытвинами и перегороженной вывороченным из земли бордюрным камнем и беспорядочно припаркованными авто, что казалось, по ней ехать ещё опаснее, чем по самой

дороге. Проехав лишь четыре мили в направлении кемпинга, на Ки-Ларго, мы решили вырुлить обратно на трассу. В полумиле от въезда в лагерь флоридская супружеская чета в огромном сияющем своей новизной автофургоне замедлила ход сбоку от Ларри и жестами заставила его притормозить.

— Эй, приятель! — прокричал парень, пока Ларри по инерции катился до полной остановки велосипеда. Парень был, похоже, одного с нами возраста, на нём была надета ковбойская рубашка и шляпа а-ля Джон Дир.— Глянь-ка, вот она — велосипедная дорожка, которой ты вроде как должен бы пользоваться. Мои кровные доллары, отданные на уплату налогов, пошли на строительство этой штуковины, лишь бы очистить дороги от вашего брата велосипедиста, поэтому, чёрт тебя возьми, будь добр — пользуйся!

К моему удивлению, Ларри, который обычно выходил из себя в подобных ситуациях, сохранял спокойствие. Он вежливо объяснил, что мы уже пытались ехать по дорожке, но это причинило нам массу неприятностей; как нам пришлось спешиться и на руках переносить велосипеда через препятствия из вывороченного из земли бордюрного камня и как автомобилисты съезжали с трассы, облюбовав место для парковки прямо под нашим носом.

— Мы вернулись на проезжую часть, так как нам приходилось двигаться крайне медленно, объезжая все препятствия на велодорожке, а нам хотелось как можно скорее добраться до кемпинга, чтобы наверняка обеспечить себе место для стоянки, прежде чем его утром заполнят автотуристы,— растолковывал Ларри.

— Скажи-ка, откуда вы? — требовательно спросил парень, проигнорировав все объяснения Ларри.

— Из Калифорнии.

— Если хотите знать, у нас здесь, во Флориде, не любят тех, кто мешает движению транспорта. Вам ясно,

о чём я? Наши дороги — для авто и грузовиков; поэтому если вам так хочется колесить по проезжей части, то катитесь подальше из этого штата вместе с велосипедами! Убирайтесь назад, в вашу Калифорнию! Ведут себя здесь как хозяева, ждали вас, велосипедистов, как же!

— Точно! — вступила в разговор его «половина». — Если немедленно не уберётесь на дорожку, которой мы пользуемся, затратив на её строительство тысячи долларов, то ноги вашей больше не будет во Флориде! Поэтому лучше убирайтесь отсюда!

И прежде чем Ларри собрался ответить, «ковбой» нажал на газ, стрельнул из выхлопной трубы и с сердитым рёвом умчался прочь.

В кемпинге в Кис-Ларго было полно народу и шумно, и мы на следующий же день укатали из него в Лонг-Ки, что лежит в тридцати милях дальше по дороге. В воскресный день мы не встретили на дороге ни единого грузовоза, и легковушек было немного, поэтому ехать было легко и свободно. Национальный парк в Лонг-Ки оказался уединённым и тихим уголком. Место, отведённое для стоянки, располагалось у самой кромки воды, и его целый день затеняли от солнца кроны высоких сосен. В Лонг-Ки мы провели три дня, отдыхая, читая, купаясь в чистейшей бирюзовой воде и наблюдая за крупными белыми цаплями, спокойно разгуливающими возле самой палатки.

В один из будней мы распрощались с Лонг-Ки, повернув наших «коньков» на Ки-Уэст. Когда мы выезжали за ворота кемпинга, нас остановил смотритель парка, желая поболтать с нами.

— Куда вы направляетесь? — поинтересовался он.

— В Ки-Уэст.

— Дорога — хуже некуда, — поморщился он, качая головой. — На всём пути — узкие мосты с двусторонним движением и прорва машин. Однажды я проделал этот

путь, однако я ни в жизнь не отважусь ещё раз повторить такое. Семимильный мост, что по дороге отсюда, минуя Маратон — сущий кошмар! Он действительно очень узок. Единственный раз, когда я проезжал по нему на велосипеде, я очень скоро обнаружил, что там и впрямь негде разминуться двум автомобилям и велосипедисту, оказавшимся бок о бок друг с другом. В первый раз я был «зажат» между двух автомобилей, обгоняющих друг друга, меня едва не вдавили в перила, и я на полном ходу чуть не вылетел в залив. После этого я ехал строго посередине полосы, так чтобы автомобили могли обойти меня лишь в случае, когда не было никакого встречного транспорта.

Нет, я бы посоветовал вам махнуть рукой на поездку в Ки-Уэст. Это слишком опасно. Люди не просто отделываются травмами, они погибают. Совсем недавно сбили велосипедистов. Лично меня больше никогда и ни за что не заманишь с велосипедом на юг Флориды. Когда-то я частенько путешествовал в этих краях, однако горького опыта у меня предостаточно. Мне кажется, жители Центральной и Южной Флориды могли бы составить величайшую и богатейшую в мире коллекцию «велоненавистников». Если уж вас потянуло в велопоход по Флориде, держитесь её севера. Правда.

К несчастью, мы с Ларри оказались слишком упрямыми, чтобы принять во внимание совет умудрённого опытом зрителя, и, несмотря ни на что, отправились-таки в Ки-Уэст. На протяжении первых 37 из 68 миль, разделяющих Лонг-Ки и конечный пункт нашего следования, водители были вполне сдержанны, и никто криком не приказывал нам держаться исключительно велодорожки, которая местами внезапно вырастала как из-под земли перед нами на самых крупных островах. Это было чудное путешествие. Мы шустро проскакивали крохотные островки, густо покрытые сочно-зелёными мангровыми зарослями и

окаймлённые белыми песчаными пляжами. Мосты, связывающие острова, были выстроены так низко над водой, что порой нам казалось, будто мы скользили по глади самого залива, и нам удавалось заметить косяки рыб, «парящих» над океаническим дном.

Более того, мы ухитрились благополучно миновать семимильный мост, следуя совету зрителя держаться центра своей полосы. Но лишь после Биг-Пайн-Ки на нас посыпались настоящие неприятности.

Где-то в пределах последних 25 миль, оставшихся до Ки-Уэст, кипела большая стройка, причём огромные мусоровозы-контейнеры, обслуживающие её, непрерывно сновали туда-сюда по дороге, не уступая места никому другому. Первые полчаса, пока мы лавировали между ними, нам удавалось оставаться «на поле». Затем, на одном из мостов, пара гигантов, один за другим, устремилась на нас с тыла, в то время как огромный фургон стремительно нёсся на нас с противоположной стороны. Видимо, водитель первого мусоровоза рассчитывал, что у него в запасе достаточно времени, чтобы обогнуть нас, прежде чем приблизится «Уиннебаго», поэтому он увеличил скорость и выехал на полосу встречного движения, идя на обгон. На беду, он просчитался: едва миновав Ларри и поравнявшись со мной, он понял, что ему остаётся либо вернуться назад в свой ряд, подавшись вправо, либо в лоб столкнуться с гигантом.

По мере того как он пристраивался ко мне сзади, я пристально следила за «Уиннебаго», однако и так знала, что он собирается делать. Урчание и грохот обоих мусоровозов (одного у меня за спиной, другого — конвоирующего Ларри) были оглушительны. Я ощутила, как слабеют мои колени и лодыжки, затем их пронизала столь сильная крупная дрожь, что мне с превеликим трудом удавалось выжимать педали. Я жадно хватала ртом воздух, но мне не пришлось долго ждать. Почти

сразу же, как я впервые слева мельком заметила его краешком глаза, мусоровоз вильнул прямо в мою сторону. Я судорожно схватилась за ручные тормоза и в ужасе смотрела, как восемь тонн стали вписались в пространство, которое через пару секунд должна была бы занять я, не вцепись я вовремя мёртвой хваткой в рукоятки тормозов. Я почти было остановилась, когда услышала истошный крик Ларри у себя за спиной.

— Вперёд! — вопил он.— Живо!

Я попыталась тронуться с места, но мои дрожащие ноги отказывались слушаться.

— Давай же! Вперёд! Он не собирается останавливаться!

А я-то забыла, что второй монстр всё ещё висит у нас на хвосте. Я призвала всю свою силу воли и принялась отчаянно крутить педали. Ларри продолжал истерически взывать ко мне, умоляя усиленно жать на педали, и я заставила ноги шевелиться быстрее, чем когда-либо прежде. Я что было сил рванулась к концу моста и, резко крутанув руль вправо, свернула на обочину. Ларри последовал за мной. Как только наши машины уткнулись в песок, мы дружно совершили кульбит через руль — дело, ставшее привычным для нас во Флориде. Удары сердца глухо отдавались у меня в висках, когда мусоровоз с лязгом и скрипом пропылил мимо.

— Чёрт возьми, Барб! — кипел Ларри.— Никогда больше не хватайся за тормоза, когда ты находишься на мосту, а грузовик дышит нам в затылок! Когда ты принялась тормозить, это чудовище едва не вмяло нас в асфальт. Клянусь, он наверняка расплющил бы нас, если бы ты не заработала ногами в самый нужный момент, да ещё так быстро, как сумела. Эти водители-«мусорщики» — законченные придурки. Они «запахали» бы нас и никогда даже не вспомнили об этом. Безумие какое-то!

— Но мне пришлось затормозить! — орала я в ответ.
— Ближайший грузовик настиг бы меня, не сделай я этого. Что же мне ещё оставалось делать?

Ларри сокрушённо покачал головой, и мы бросились собирать и крепить к рулям свой нехитрый багаж, рассыпавшийся при падении, и выехали обратно на дорогу. Мои ноги дрожали, и лишь спустя несколько миль мне удалось вновь набрать скорость.

На мосту, в восьми милях от Ки-Уэст, спустя ещё час лавирования между мусоровозами, фургон, едущий нам навстречу, разогнался, чтобы обогнать впереди идущую легковую машину. И опять я катила первой, и снова оказалась перед выбором: тормозить или погибнуть под колёсами. По мере того как передок фургона всё больше заслонял собой мне поле зрения, я крепче стискивала тормозные рукоятки. На этот раз позади нас не было никаких грузовиков, а фургон вильнул обратно на свою полосу, проскочив в каком-то футе от меня, проскользив возле моего руля на скорости 50 миль в час. Ларри яростно погрозил кулаком вслед водителю.

На следующей миле дороги легковой автомобиль с силой боднул слева заднюю багажную корзину Ларри, отшвырнув его на бордюрный камень. Острые зазубренные края камня глубоко поранили ему правую руку и бедро, попутно расплющив велосипедный насос. Когда он поднялся на ноги, правая сторона его тела была в крови, и я почти физически ощущала, как гнев и разочарование кипят в его жилах. Едва он собрался излить поток брани на головы проезжавших мимо автомобилистов, фургон, который едва не ударил нас «в лоб» на последнем мосту, затормозил у обочины рядом с нами, из кабины выскочил водитель — он развернулся и вернулся назад, чтобы найти нас.

— Привет, я тот, кому вы грозили кулаком на последнем мосту,— прокричал он.— В чём же я провинился? Я же ничего вам не сделал!

На вид ему можно было дать за пятьдесят, его сияющий новый фургончик имел мичиганские номера. Вот здорово, подумала я; теперь ещё и туристы орут на нас. Этот тип объяснил, что он профессор-социолог из Мичигана и что он проводит отпуск во Флориде, добавив, что он не испытывает особой симпатии к людям, потрясающим ему вслед кулаками.

— О, так вы и есть тот самый идиот, который едва не угробил нас совсем недавно! — выпалил Ларри в ответ. — Разве вы не замечали знака «обгон запрещён» перед въездом на все эти мосты?

— Потише, не смейте повышать на меня голос! У меня было предостаточно времени, для того чтобы обогнать эту машину и вновь занять свой ряд, прежде чем я поравнялся бы с вами. Уж мне ли этого не знать. Я вожу машину аккуратно. Я знал, что делаю. Мне вполне хватило бы времени!

— Вовсе нет, — криком возразила я. — Не затормози я вовремя, вы непременно врезались бы в нас. Вы недооценили свою скорость и наше местоположение. Чёрт, вы едва не зацепили нас, даже после того, как мы остановились!

— Вы сами не понимаете, о чём говорите! У меня был запас времени. Послушайте, не надо учить меня, что делать за рулём. Все вы, велосипедисты, думаете лишь о себе, вы ждёте, что все водители на дорогах будут расшаркиваться перед вами. Знайте, дороги — для автомобилей. Автомобили во все времена пользовались преимущественным правом проезда, а вам, велосипедистам, следует уступать дорогу, когда бы водителю ни потребовалось место. Меня бесит, когда вы не сворачиваете к обочине и не пропускаете нас. Чёрт побери, если бы это было не так, то зачем тогда устраивать специальные дорожки для вас!

— Итак, что же нам оставалось тогда делать? Очистить мост? То есть — сигануть в океан, так чтобы вы

могли свободно ехать без всяких правил и не особенно беспокоясь о нас! — выпалил Ларри в лицо типа. Но едва слова успели слететь с губ Ларри, как тип резко выбросил кулак в сторону лица Ларри, послав его ударом наземь рядом с поверженным велосипедом.

То, что случилось дальше, стало полной неожиданностью для всех троих, поскольку никто из нас в словесной перепалке не заметил, как подкатил ещё один фургон. Водитель видел, как Ларри был сбит с дороги, подъезжая поближе, и встал в сторонке, слушая и наблюдая нашу словесную баталию. Когда же мужчина кулаком сбил Ларри с ног, Сьюзан, красотка с длинными белокурыми волосами и горящими гневом тёмными глазами, сгребла мужчину сзади, обхватив руками за шею, с криком: «Если вы затеваете драку, то вам придётся потягаться и со мной тоже!» После чего она ещё крепче сжала тиски своих рук на его шее. Когда же лицо его начало багроветь, он судорожными жестами дал нам понять, что впредь не станет размахивать кулаками. Сьюзан сняла захват, одарив «героя» победным взглядом, затем обернулась к нам.

— Я путешествовала по Флориде — здесь, на Кис — две недели тому назад, в первый и последний раз, когда я отважилась на велопоход по этим местам, я не могла понять повадок здешних водителей. Уму непостижимо. Они неслись прямо на меня, словно я — пустое место. Я пробыла здесь всего две недели, но мне довелось видеть, как какой-то гнусный тип задавил ребёнка. Тому негодяю не составило бы труда объехать мальчишку, но он и в самом деле не постарался сделать этого. Вероятно, он думал, что у него довольно времени, чтобы проскочить мимо, также, как этот малый полагал, что ему удастся обогнуть вас. Знаете, меня воротит от этих мест, где водители относятся с полным пренебрежением к человеческой жизни.

Ларри поднялся на ноги и решительно двинулся на обидчика, который в этот момент, похоже, решил, что теперь самое время облегчить душу, скоренько выплеснув «наболевшее». Слова сыпались с его языка, как стреляные гильзы из пулемёта.

— Дайте же мне высказаться,— брызгал он слюной.— Мне пятьдесят три, сам я профессор социологии из Мичигана, мне не хотелось бы никому принести несчастья. Я считаю себя интеллигентным и разумным человеком. Я всегда предельно внимателен, и — повторяю вам, что я прав,— у меня было достаточно времени, чтобы обогнать машину и не задеть ни одного из вас. Я вполне могу понять, почему вас приводят в ужас отчаянные автомобилисты Флориды. Тут я с вами совершенно согласен. Но ведь все эти безрассудные, не задумывающиеся о последствиях люди — желторотые юнцы, одурманенные наркотиками. Я не имею ничего общего с тем, кто сбил вас.

— О, так теперь вы стараетесь доказать нам, что все водители-дальнобойщики, добропорядочные граждане средних лет, они же так называемая неотёсанная деревенщина, в своих пикапах, фургонах и малолитражках вынуждавшие нас нырять в кювет и оглушавшие бранными воплями всю дорогу от центра до юга Флориды, и водители мусоровозов здесь, на Кис,— все, вместе взятые, представляют собой букетик юных непредсказуемых наркоманов с одурманенными мозгами? — саркастически заметил Ларри.

Тип предпочёл проигнорировать замечание Ларри, вместо этого принялся раздавать нам советы о безопасном вождении велосипеда.

— У вас, вероятно, мало опыта, вот почему вы так нервничаете,— начал он.— Поэтому я дам вам несколько рекомендаций. Сам-то я никогда не путешествовал на велосипеде, потому как у меня нет ни свободного времени, ни денег на такой, как у вас, велосипед, ни на

снаряжение. Но позвольте мне высказать ряд соображений. Например, не ездите по ночам, уступайте дорогу машинам и остерегайтесь юнцов, курящих за рулём травку. Тем самым вы обезопасите себя и получите гораздо больше удовольствия от путешествия. Я желаю вам всех благ и впредь не кричать на таких, как я, не грозить кулаками.

Я с трудом верила своим ушам. Однако прежде чем я открыла рот, чтобы ответить этому типу тем же на его оскорбительный выпад, к нам подкатил автомобиль шерифа, и я решила сохранять спокойствие.

— Что здесь случилось? — спросил представитель власти, не покидая машины.— Мне позвонили парни с ближайшей бензоколонки и сообщили, будто здесь завязалась какая-то потасовка.

Профессор помотал головой, мы с Ларри хранили глубокое молчание. Мы оба понимали, что шансы того, что южанин, облечённый правами шерифа, примет в споре сторону чужаков — каких-то заезжих бродяг-велосипедистов, против законопослушного гражданина, к тому же готового внести свой потенциальный вклад в индустрию туризма, имеющую первостепенную важность для штата, явно не дотягивали даже до нулевой отметки.

— Что ж, раз здесь всё в порядке, то у меня довольно работы и в других местах,— проворчал блюститель порядка уже на ходу.

Профессор петушком запрыгнул в свой фургон и столь же быстро испарился, а Сьюзан присела на землю и беседовала с нами, пока я смывала кровь с рук и ног Ларри.

После того как Сьюзан уехала, мы вновь вывели велосипеды на дорогу, мысленно настроив себя, несмотря ни на что, одолеть оставшиеся на сегодня восемь миль. Выежая на трассу, я обещала себе, что если мы всё-таки доберёмся до Ки-Уэст живыми и

невредимыми, то эти последние восемь миль станут также моими последними милями во Флориде. Никогда и ни за что я не согласилась бы проделать обратный путь по Кис. В случае, если нам не удастся наняться ни на одну из яхт, уходящих в море с Ки-Уэст, я собиралась доехать скоростным автобусом-экспрессом до Майами.

Те восемь миль слились в одну сплошную расплывшуюся полосу шума и балансирования на грани возможных столкновений, и к моменту, когда мы вкатили в кемпинг Ки-Уэст и буквально валились с ног, мои душа и тело, похоже, тряслись как кусочек желе. Страх, злость, физическое и моральное утомление, зной и обволакивающая влажность взяли своё; казалось, красotka Флорида вышла победительницей в нашем поединке. Она вбила в нас чувство покорности — нам больше никогда не катить по её дорогам. И в то же время нас не покидало лёгкое чувство победы от сознания того, что мы прошли огонь и воду, исколесив её, Флориду, из конца в конец; чувства, которые лучше всего умещались в нехитрых словах: «Ха! В конце концов, мы не достались тебе».

Утром мы исколесили все причалы Ки-Уэст, но кого бы мы ни расспрашивали, от всех получали один и тот же совет: «Попытайте удачи в Майами и Форт-Лаудердейл. Именно там владельцы судов набирают себе команды». Поэтому мы вернулись в кемпинг и собрали свои немудрёные пожитки. Вместо того чтобы приступить к хлопотной разборке велосипедов и упаковке их в картонные багажные коробки для перевозки в автобусе-экспрессе, мы решились добираться до Майами автостопом. В час дня мы выбрали остановку на краю Ки-Уэст и принялись «голосовать». Принимая в расчёт мнение жителей Кис о велосипедистах, мы понимали, что нам придётся поскучать в ожидании попутной машины.

Когда пятичасовой автобус пролетел мимо, мы вместе с нашими велосипедами всё ещё торчали у дороги. Лишь два пикапа предложили подбросить нас, но ни один из них не собирался покидать Ки-Уэст. В 5.45 возле нас остановился третий пикап.

— Велосипеды поедут с вами? — поинтересовался молоденький водитель. Он назвался Тедом.

— Ну да, конечно. Далеко ли направляетесь?

— В Массачусетс. Я еду туда провести Рождество с родными.

— Не подбросите в Майами?

— Идёт.

— Это как раз то, что нам нужно.

— Отлично, полезайте назад со своими велосипедами, и через несколько часов вы уже будете на месте.

Ещё на Лонг-Ки мы познакомились с молодой медсестрой, Джоан Ауэрбах, которая предложила нам остановиться у неё в Корал-Гейблс. Тед весьма любезно согласился подождать, пока мы дозвонимся до неё, и столь же любезно высадил нас почти возле самого её крыльца.

На следующий день, 22 декабря, Джоан провезла нас в своём автомобиле по всем причалам Майами, но, как оказалось, большинство судовладельцев не решались набирать экипаж из незнакомцев.

— Всё дело в пиратах,— объяснил один из них.— Всякие тёмные личности нанимаются в судовую команду, а после, выйдя в море, расправляются с владельцем и присваивают судно, чтобы использовать его для перевозки наркотиков из Южной Америки. Подождите, возможно, в конце концов вас кто-нибудь и наймёт. Вдруг кому-нибудь и потребуется пара лишних рук. Хотя на это может уйти пара недель. Я бы лучше направился в Форт-Лаудердейл. Возможно, там вам повезёт больше.

Перспектива несколько недель болтаться без пользы в окрестностях Форт-Лаудердейл нам не улыбалась. Нам не терпелось удрать из Флориды. Когда же Ларри заметил, что сбился со счёта, считая причалы, и предложил начать наводить справки об авиарейсах в Испанию, я поспешила с ним согласиться. Я с нетерпением ждала встречи с нашими испанскими друзьями в Барселоне. Днём возвратившись к Джоан, я сделала несколько звонков и определила, что наиболее приемлемый путь в Испанию — лететь на Багамы, там взять билет на рейс «Эйр Багамос» до Люксембурга и уже затем поездом добраться до Барселоны. Все расходы на это путешествие должны были обойтись нам в 580 долларов на двоих, и я сделала за сутки заказ билетов через «Эйр Багамос», потратив ещё 26 долларов.

Чудесно было сознавать, что мы наконец вот-вот отбудем из Флориды.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЖАРКИЙ УГОЛЁК И БРЕНДИ

В аэропорту Люксембурга после того, как наши пожитки проплыли по багажному транспортёру, мы ещё около часа ждали, когда же появятся велосипеды. И только когда все наши попутчики разобрали багаж, двери подсобки широко распахнулись, оттуда тяжёлой походкой вышли двое дюжих носильщиков и со всего размаха метнули коробки с велосипедами через всё багажное отделение. Громоздкие картонные контейнеры пронеслись по воздуху, с налёту врезались в перила в конце комнаты, с грохотом отскочили от пола и шустро проскользили вдоль стены к лестнице, ведущей в холл нижнего этажа. Разом перемахнув через транспортёр, мы с Ларри чудом успели схватить коробки в тот момент, когда они уже были готовы всей тяжестью обрушиться вниз.

С трудом взломав коробки, мы осмотрели велосипеды, чтобы убедиться, не пострадали ли они во время полёта и от «доставки по воздуху» в багажном отделении. Лишь небольшие царапины на рамах, ничего серьёзного. Мы насадили педали и передние колёса, подняли сиденья, привернули рули, навьючили пожитки и выкатили велосипеды на улицу.

После влажной флоридской жары пронзительный холод, встретивший нас за дверью аэровокзала, показался нам полярным морозом. Прежде чем двинуться в город, мы натянули свитеры и ветровки. Три часа позже мы отправились в Испанию — в двадцатичасовое путешествие по железной дороге с тремя пересадками. Скарб всю дорогу оставался при нас, велосипеды мы сдали в багаж, теперь уже без контейнеров.

Добравшись до Барселоны, после трансатлантического перелёта и суток тряски в вагоне, мы чувствовали себя как зомби. На вокзале я, пошатываясь, доковыляла до багажного отделения и предъявила корешки квитанций служащему.

— Велосипеды? Ещё нет. Маньяна, завтра,— отмахиваясь, прокричал он.

Когда на другой день мы наведались снова, велосипедов всё ещё не было, и мы сникли.

— Пора бы им уже быть,— пробормотал Ларри.— Похоже, потерялись или увели.

Мы заглянули справиться и на следующий день, и снова: «Маньяна, маньяна». Но на четвёртый день при нашем появлении охранник багажного отделения просиял. Он слетал в подсобку и вернулся с нашими верными спутниками. Они пережили путешествие из Люксембурга без единой царапинки.

Первые две недели в Испании мы провели у Долли, моей ровесницы. Мы подружились пять лет назад, работая в одной фирме в Барселоне. Теперь она жила в Барселоне в собственной квартире с мужем Санти и двухлетней дочуркой Алисией. Две недели Долли потчевала нас до отвала пряными испанскими кушаньями: паэллой, чечевичной похлёбкой, цыплятами в томате, черносливом и кедровыми орешками в меду, тушёными артишоками с колбасой. В придачу ко всему река вина и бренди. Санти и Долли было о чём порассказать. Теперь, когда не стало Франко, Испания упивалась свободой слова, и все без умолку говорили о политике, гражданской войне и Католической церкви — на темы, которые большинство испанцев не могло откровенно обсуждать в течение десятилетий. Мы болтали, шутили и постоянно ходили по гостям.

Замечательно было снова оказаться среди друзей, однако к концу второй недели нас потянуло бежать

прочь из большого города. После семи месяцев бивачной жизни, моря свежего воздуха и физической нагрузки торчать в трёхмиллионном, заполонённом толпой городе было невыносимо до удушья. Сплошные пробки, шум, сажа и пыль. Улицы были настолько запружены транспортом и окутаны смогом, что нам ни разу не удалось как следует поработать педалями или пробежаться для сохранения формы. При обильной еде, изрядных возлияниях и отсутствии ежедневных тренировок серьёзная физическая нагрузка вызывала тошноту. Мы поняли: пора «по коням» — и в путь, в «глубинку».

В то утро, когда мы уезжали из Барселоны, шёл дождь. Долли и Санти уговаривали нас остаться ещё на денёк и переждать, но нам что — мы люди привычные. Нас звала дорога. Только вот пугали испанские водители. Я молилась о том, чтобы не повторился «флоридский вариант». Нам и так придётся хлебнуть лиха на однополосных захолустных дорогах, сплошь в выбоинах и ухабах; для полного счастья не хватало только маньяков за баранками.

Несмотря на дождь, было здорово опять почувствовать волю и лететь вперёд, прочь от толп, вдыхая свежий воздух и чувствуя, как согреваются в работе мышцы. Мы двинулись вдоль взморья в Кадагес — крохотный, не тронутый цивилизацией рыбацкий посёлок, расположенный в сотне миль к северу от Барселоны, где собирались провести около месяца, коротая остаток зимы. Узкие дороги побережья были круты и извилисты. Скалистые прибрежные горы местами поросли соснами. По дорогам бродили стада коз. Песчаные пляжи обвивали подножия отвесных скал, а бирюзовые с переходом в глубокую синь воды Средиземного моря были усеяны рыбацкими судёнышками.

Машин почти не было. Орды туристов хлынут сюда только месяца через три-четыре. Промышленный транспорт придерживался *autopistas*^[*], удалённых от моря. Случайные грузовики и легковые авто, проезжавшие мимо нас, только прибавляли нам бодрости уже воспрянувшего духа. Не было случая, чтобы водители нетерпеливо сигналили или норовили «размазать». Сбросив скорость, они, как вашингтонцы, ползли за нами, повторяя изгибы дороги до тех пор, пока не находили совершенно безопасного места для обгона. Обходя нас, они всегда отчаянно махали руками, выкрикивая слова поддержки.

В Каталонии, северо-восточной провинции Испании, нас приветствовали не только водители. Стоило каталонским крестьянам завидеть нас на дороге, как они мигом бросали работу и принимались вопить: «Estupendo! Fabuloso! Que coraje!» или «Vaga con Dios»^[*]. Я ехала в чёрных коротких велосипедных шортах, но никого, похоже, не смущал вид моих голых ног. Все были в таком восторге от встречи с иностранцами, путешествующими по Испании на велосипедах, что совсем не обращали внимания на амуницию.

По пути в Кадагес мы не пропускали ни пляжей, ни пуэбло^[*] и останавливались поболтать с прохожими. Ежедневно перед ленчем мы заворачивали в какой-нибудь городок или посёлок и напрямик устремлялись на рынок за апельсинами, помидорами и сыром, затем — в пекарню за батоном белого хлеба с хрустящей корочкой, а напоследок заглядывали в одну из многочисленных бакалейных лавочек за йогуртом.

Рыночные площади вечно кишели чёрными свитерами и юбками. Проталкивающиеся от прилавка к прилавку в поисках выгоднейших цен хозяйки тащили тележки для покупок, нейлоновые прямоугольные корзинки на колёсах. Испанки громко торговались и азартно спорили, не забывая обсудить утренние

местные новости у каждого прилавка, чем превращали обычный «продрейс» в процесс приятного времяпрепровождения. Многие женщины, за которыми хвостиками тянулись их «ниньос»^[*], ежедневно убивали более часа, странствуя по рынку и рассеянными по городу мелким лавчонкам.

Когда мы въезжали на рыночную площадь, женщины тучей обступали нас, любопытствуя, чем любят подзакусить иностранцы. Испанцы гордятся своими фруктами и сырами, и им было всегда приятно, когда мы спрашивали валенсийские апельсины и козий сыр. Обнаружив, что мы говорим по-испански, они принимались выуживать из нас всё, что им хотелось знать. Расспрашивали вплотную притиснутые к нам дамы, ответы передавались из уст в уста, расходясь кругами до самого края толпы. Женщины неизменно осведомлялись, есть ли у нас дети, а мой ответ заставлял их хмуриться и качать головой.

— Нет деток? Какая жалость,— тихо ворковали они. После чего кто-нибудь сочувственно похлопывал меня по плечу, уговаривая не переживать, мол, ещё не всё потеряно.

Обычно мы расправлялись с ленчем где-нибудь на скамейке на одной из обсаженных деревьями городских площадей, в окружении стариков каталонцев в традиционно чёрных беретах, брюках и свитерах. Стоило нам с Ларри вырулить на площадь, как старички непременно ковыляли обследовать наши велосипеды и выпытать, кто мы и откуда. Они всегда спрашивали, не французы ли мы, поскольку французы — страстные велосипедисты. Узнав, что мы американцы, они ударялись в воспоминания о том, как дядюшка или кузен такой-то отправился в Новый Свет попытать счастья где-нибудь в Чикаго, Майами или Нью-Йорке.

Старики рассказывали о гражданской войне и жестоких страданиях, которые принёс Каталонии

Франко, тогда как молодёжь обсуждала инфляцию, безработицу и происки баскских террористов, интересуясь всем — от ЦРУ до «Плейбоя».

Ближе к ночи мы ставили палатку на каком-нибудь пустынном пляже и, забившись в тёплые коконы, засыпали под шёпот и плеск прибоя. По утрам, ещё до рассвета, приглушённое «пут-пут-пут» рыбачьих лодок ласково уговаривало нас проснуться. Обычно мы выбирались из палатки и наблюдали, как огни больших керосиновых фонарей на судёнышках всё дальше уносит в море, как мокрое солнце встаёт из-за горизонта. После зарядки и завтрака мы зачищали тарелки песком и ополаскивали их в море, солёный бриз обдавал нас тончайшим мокрым туманом. Рыбаки, ещё не отплывшие далеко от берега, приветливо махали, желая нам доброго утра, а жадные чайки слетались прибрать остатки нашей трапезы.

Флоридский кошмар остался где-то в прошлом, нас больше не связывали самолёты, поезда и большие города. Мы вновь обрели свободу и поверили в себя.

Двадцать шестого января, перевалив через крутой хребет близ французской границы, мы плавно скатились в Кадагес. Мы бывали там в 1974 году, когда работали в Барселоне, и понимали, что лучшего места нам не найти. Селение окружали горы с террасированными склонами и мили изрезанного, нетронутого побережья, как нельзя лучше подходящего для велопрогулок. Его суровые, гордые рыбаки боролись за спасение своей крохотной «ниши» Средиземноморского побережья, против строительства уродливых гостиничных многоэтажек, заполонивших Коста-Брава от французской границы до Барселоны. Кадагес — «колыбель» художника-сюрреалиста Сальвадора Дали. Художники со всего света стекались сюда пожить и поработать.

Кадагес приютился между узкой глубокой бухтой и холмистыми предгорьями, встававшими едва ли не от

самой кромки воды. За холмами, обнимая и защищая селение, вздымались горы с террасированными склонами. Раньше их покрывали виноградники. Когда болезнь свела лозу, террасы засадили маслинами. Потом, в 1956 году, разразился мороз и загубил маслины. Теперь же террасы большей частью были заброшены.

Вкатив в Кадагес, вместо того чтобы встать лагерем где-нибудь на задворках, мы решили поискать недорогой пансион, поскольку рассчитывали на недели холода и дождей. Оставив велосипеды на берегу, мы зашагали в город вверх по крутым, узким, вымощенным булыжником улочкам, бежавшим от бухты в гору. По обеим сторонам улиц тянулись одно-, двухэтажные выбеленные домики; перед ними на деревянных стульях сидели женщины за шитьём или штопкой. Проходя мимо, я остановилась спросить, не знают ли они какой-нибудь частный пансион; и в первый раз со времени приезда в Испанию нас одарили подозрительными взглядами. Не улыбнувшись, женщины молча покачали головами и отвели глаза. После двадцати минут бесплодных поисков мы повернули назад к велосипедам. Когда мы были уже у цели, нас заметила одна из уже знакомых нам испанок, спускаясь по мощёной дорожке в лавку. При виде наших велосипедов сердитая мина исчезла, и женщина заспешила к нам.

— Так, значит, вы велосипедисты,— разулыбалась она.— Вот почему вы среди зимы щеголяете в шортах! А мы-то не поняли. Приняли вас за чокнутых. Кто же ещё станет разгуливать зимой в коротких штанишках. Сюда столько этих тронутых хиппарей-художников съезжается, и все норовят устроиться в наших пансионах. Изведут все деньги на наркотики, а потом не могут расплатиться; вот никто и не хочет их пускать. Мы подумали, вдруг вы из них будете. Поняла-поняла, вы — велотуристы, значит, всё в порядке. Послушайте, я знаю

одно место — лучше не придумаешь,— закивала она, жестами приглашая следовать за собой.— В испанских пансионах, знаете ли, всегда такой гвалт, что не уснёшь. Постояльцы-испанцы встают поздно, болтают громко и включают телевизор на всю катушку. Но там — совсем другое дело. Дом небольшой, зато тихо и чисто. В самый раз для вас, увидите.

И она повела нас вверх по булыжной дорожке, в мощёный внутренний дворик, окаймлённый исполинскими цветочными горшками. Обступившие дворик выбеленные извёсткой дома щеголяли лакированными дверьми и чугунными балконами, сплошь уставленными цветущей зеленью и кактусами.

Женщина забарабанила в одну из дверей, на стук высунулась кругленькая низкорослая каталонская дама в чёрной юбке и тёмно-зелёной блузке. Обе они затараторили на каталонском диалекте, через пару минут наша провожатая представила нас сеньоре Нададь.

— У моей подруги есть свободные комнаты, она вам покажет. Тороплюсь за покупками, ещё увидимся. Мой дом через переулок, налево. Ах да, меня зовут сеньора Казаньяс. Adios! [\[*\]](#)

Мы проследовали за сеньорой Нададь в дом, вплотную примыкавший к её собственному, вверх по лестнице, в гостиную, заставленную старинной мебелью, с балконом во внутренний дворик. Пол, выложенный крупной плиткой, и белые стены. Из гостиной длинный коридор вёл, минуя три спальни и ванную, в обширную кухню. Спальни были свободны, и я выбрала самую дальнюю, с видом на мощёный переулок за пансионом. За все пять недель житья у сеньоры Нададь только однажды одна из спален приняла постоялицу-барселонку, да и та на другой день упорхнула. Сеньора Казаньяс оказалась права: пансион служил нам идеальным пристанищем. Наша комнатка была хоть и

мала, но уютна с её обилием старинных бюро и стульев. К тому же сеньора Надаль снабдила нас небольшим газовым обогревателем.

Пока разгружали велосипеды и устраивались, оба жутко проголодались. Время сиесты, которая в небольших испанских городках вроде Кадагеса длится с часу-двух до пяти-шести, ещё не кончилось, и все бакалейные лавки были закрыты. Поэтому мы направились в «Маритимо» — местный бар-кафе на набережной в центре городка, ради пары пива, яичницы и сэндвича с картошкой.

«Маритимо» мог похвастаться огромным единственным залом, забитым деревянными столами и стульями. Западными окнами он глядел на скопище цементно-деревянных скамеек и «пук» голых деревьев, всё это, вместе взятое, являло собой центральную площадь Кадагеса. Восточные окна выходили на море. На длинной, от стены до стены, стойке бара надрывался один из вездесущих, горластых испанских телевизоров. Из-за сиесты в «Маритимо» было пустынно, не считая горстки отдохавших рыбаков, мирно посапывающих за двумя столиками, головы их соседствовали с пустыми винными бутылками.

Мы с Ларри предпочли перекусить в патио — внутреннем дворике, обращённом к морю, а затем отправились осматривать городок.

Перед «Маритимо» протянулась полоска песчаного пляжа. Мы побрели вдоль него, разглядывая скучающие на берегу пёстрые рыбацьи лодки. Все они были завалены сетями, на корме — керосиновый фонарь. Дошагав до края отмели, мы снова выбрались на дорогу, тянущуюся вдоль берега. Прямо по ходу какой-то парень споро белил один из домов; он был похож на американца.

— Привет,— прокричал Ларри, остановившись у подножия приставной лестницы.

— Приветствую обоих! — донеслось сверху.

— Откуда ты? — спросил Ларри.

— Из Санта-Барбары.

Его звали Том Бишоп. Тримя месяцами раньше Том распрощался с работой дизайнера в электромеханической фирме в Санта-Барбаре и на крыльях любви устремился в Испанию, чтобы быть рядом со своей подружкой Марией-Хосе, с которой познакомился пару лет назад. Мария-Хосе постигала науки в Барселонском университете, тогда как Том, не выносивший затянутого смогом города, жил в Кадагесе. Дама сердца наезжала к нему на выходные.

Как и большинство иностранцев, вскоре Том оказался гораздо ближе к краху, чем хотелось бы. Прилетев в Испанию с суммой, по его мнению, вполне достаточной, чтобы протянуть лето, Том слишком скоро обнаружил, что в Испании инфляция бьёт по карману куда больней, чем он думал. Не прошло и трёх месяцев, как он почти исчерпал свои ресурсы. Чтобы хоть как-то продержаться, Том малярничал и молился за удачный уик-энд в «Ла Галерия Сирена», местной картинной галерее, которой он владел с немцем Роландом. По крайней мере раз в месяц Том непременно срывался в Барселону, чтобы забрать с собою Марию-Хосе ради жаркой ночи любви. Он вынужден был укладываться в двадцать пять долларов, ровно столько платили на донорском пункте в Барселоне за пол-литра сданной крови.

— Эй, послушайте,— сказал Том, после того как мы почти час протрепались у лестницы.— Ничего не поделаешь — должен вернуться к своей работёнке, но сегодня у нас будет вечеринка. Все мы, иностранцы, собираемся попеть-потанцевать, ну и, само собой, поесть-попить. Встречаемся в семь в «Маритимо» и вместе стартуем оттуда.

Остаток дня мы с Ларри петляли по узеньким улочкам, пересекавшим Кадагес. Прошвырнувшись по магазинам, мы зашагали из города вдоль берега в самый конец бухты. Ко времени, когда мы достигли её края, спустились сумерки, море и белые домики уже не сияли в закатных лучах. Краски померкли. Отражения огней, лившихся с площади и из окон домов, змеились на тёмной, зеркальной глади моря, а фонари, испещрявшие старинные, источенные временем здания, превращали Кадагес в лоскутное одеяльце, уютно разостланное в колыбели между горами и морем. Сидя и любуясь нашим новым пристанищем, мы слышали, как где-то под нашими ногами плещется море, ударяясь о скалы. Издали до нас доносилось уже знакомое «пут-пут-пут» ранних вечерних рыбаков.

Припоздав на полчаса, Том всё же появился в «Маритимо» — высокий, худощавый, с коротко стриженными курчавыми каштановыми волосами. На вид — около сорока. Его выцветшие, обветренные губы растянулись в широкой улыбке, в ухе болталась серьга. От бара мы двинулись к собору, высившемуся на вершине самого внушительного холма. Не доходя до собора, мы остановились возле трёхэтажного дома, а затем поднялись по лестнице наверх.

Единственная комната под самой крышей. И она была битком набита людьми — «тронутыми художниками-хиппарями», как сказала бы сеньора Казаньяс. Том представил нас каждому. Колумбиец-гей Карлос, художник, натурщик и протеже Дали, в длиннополом чёрном одеянии. Австралийцы Фил и Карен Кларк. Фил всю готовился к приближающейся персональной выставке акварелей в «Ла Галерия Сирена». Роланд, компаньон Тома, который, по слухам, не утруждал себя работой, однако постоянно был при деньгах, и немалых, сидел рядом с англичанкой Колетт, когда-то застрявшей в Кадагесе без гроша за душой — в

этом состоянии она пребывала и поныне. Колетт подседа на ЛСД ещё в Англии, теперь же силилась прокормиться, продавая свою домашнюю стряпню. Напротив Колетт маячили «английские близнецы» — скульпторы, всегда облачённые в чёрное, они жили в старинном доме в центре города. Приютив Колетт у себя, близнецы приглядывали за ней. Живописец Чико Хансен «выставлялся» в галерее. Чико, потомок от брака кубинки с норвежцем — экзотично-красивый здоровяк лет пятидесяти, выглядевший на тридцать пять. В фланелевой рубаше, а-ля канадский лесоруб, в новёхоньких джинсах, Чико казался самым крепким и стойким компонентом этого странного коктейля.

— Я действительно поверил в «эст»^[*]. «Эст» пробудил моё самосознание, благодаря ему мне наконец удалось сконцентрироваться.

Чико и правда всегда казался собранным, особенно по сравнению с другими иностранцами.

Пока все пили вино и обсуждали, кто чем занимается, когда в городок приедет Дали, где можно недорого снять комнату, как идут дела в галерее, гитарист-югослав наигрывал американские негритянские спиричуэлы и пел с сильным хорватским акцентом. Двое одуревших от наркотиков музыкантов из состава британской рок-группы, обитавшей в автобусе где-то в горах за городом, аккомпанировали ему на банджо и расчёске, обёрнутой папиросной бумагой. На балконе, возвышающемся над бухтой, отрешённо танцевал Карлос.

К полуночи все изрядно набрались, а кое-кто и вовсе полёг. Мы с Ларри с грехом пополам, спотыкаясь и оступаясь, одолели три пролёта вниз и заковыляли узкими каменистыми тропками к пляжу, через площадь, опять в гору, по «пьяному» переулку к своему пансиону.

Мы провели в Кадагесе месяц и неделю, приводя в порядок велосипеды и пожитки, лазая по горам и побережью, читая и поглощая литры кислого до оскомины сорокадвухцентового вина на площадях у моря. Мы отыскивали уютные площади, укрытые от свежих морских бризов. В полуденные часы солнечные лучи, отражаясь от белой извести стен, одаривали нас теплом. Старики, завсегдатаи каких-нибудь двух-трёх скамеек, притулившихся у стены, охотно знакомились с нами.

Базарными днями в Кадагесе были понедельники. Часов в семь утра с гор громыхали грузовики и парковались на центральной площади у «Маритимо». Быстро возводились прилавки, превращая площадь в запутанный лабиринт из фруктов и овощей, орехов, сладостей, одежды, обуви, тканей и всевозможной кухонной утвари. В свой первый поход за пару сотен песет (около четырёх долларов) мы унесли с базара два фунта апельсинов, столько же бананов, по полдюжины помидоров, картошин и яиц, три луковицы, картонную коробку брюссельской капусты, пакет стручковой фасоли, необъятный цуккини, сумку артишоков и баклажан.

По утрам мы совершали пробежки по берегу до края бухты. В первое утро местные рыбаки, снаряжавшие свои лодки и сети к выходу в море, глазели на нас в недоумении. Мы помахали им с улыбкой, они тоже помахали нам, пока ещё робко и нерешительно. На другой день мы снова махали, желая удачи; они отвечали уже с большим энтузиазмом. Через день они махали и кричали нам первыми. С тех пор рыбаки каждое утро приветствовали нас одобрительными возгласами и обязательно останавливались поговорить, когда встречали нас в городе. После пробежки, пока Ларри на кухне сооружал омлет с сыром и луком и заваривал чай, я покупала у булочника пару горячих,

свежеиспечённых французских булок. За неспешным завтраком следовал долгий горячий душ вдвоём. Ближе к вечеру мы обычно собирались в галерее выпить, попеть и просто потрепаться. Во время одного из таких «междусобойчиков» Том объявил, что через два дня улетает домой.

— За последний месяц я выдохся кое-как сводить концы с концами. Решил вернуться к своей прежней работе в Санта-Барбаре и скопить денег.

Гитарист-югослав мотнул головой.

— Выдохся? А я не первый год так живу. Играю, пою. Если удаётся собрать немного песен у Эль'Хосталь, тогда я ем. Если же никто не подаёт, значит — не судьба. По мне — нормально. Я привык так жить. Когда дело уж совсем плохо, что-нибудь непременно изменится к лучшему.

— Я так не могу,— возразил Том.— Хотелось бы большей уверенности в будущем, что ли.

Однако почти все согласились с югославом. Они так долго жили «на краю», что отвыкли беспокоиться, где раздобыть деньги на оплату жилья за месяц вперёд.

— Слушай,— вдруг прошептал Карлос,— твой отъезд совпадает с открытием выставки Фила. О, как чудненько! Мы объединим твой прощальный вечер с открытием выставки в одну грандиозную, прекрасную феерию. О, как я люблю вечеринки!

Карлос затанцевал в предвкушении, Колетт мечтательно закивала, пообещав напечь пирожных, а Чико, единственный из всей компании счастливый обладатель собственного авто, предложил подкинуть Тома до Барселоны.

В тот вечер, когда мы с Ларри возвращались в пансион, во внутреннем дворике нас окликнула сеньора Надаль. В первые недели она почти не говорила с нами, хотя всегда махала нам рукой, когда мы выходили на утреннюю пробежку. Сегодня, однако, она завела

разговор первой, ей хотелось расспросить, нравится ли нам в Кадагесе и как прошли вылазки по побережью.

— Слыхала, посиживаете на площадях со стариками, беседуете с ними. Мне это по душе. Рыбакам вы тоже нравитесь. Загляните ко мне, посидим.

Сеньора Нададь провела нас в гостиную, которая, как и наша комната, дышала стариной. Мы с Ларри уселись за массивный деревянный стол в центре комнаты и, вертя головами, разглядывали семейные фото, украшавшие стены.

— Я никогда не была замужем,— продолжала она.— Разменяла шестой десяток, вот так и живу одна в этом огромном доме. Чтобы скоротать время, шью и расшиваю одежду, скатерти и портьеры с подругами. Мы продаём своё рукоделие здесь и в Барселоне. В тёплые и солнечные дни мы работаем на улице, во дворе. В плохую погоду собираемся вот за этим столом.

Соседним домом, где вы остановились, владеет мой брат. Он с семьёй живёт в Барселоне. Его дом построен в тысяча семьсот тридцатом году, мой же пристроен позже — в тысяча восемьсот восемьдесят первом году. Оба дома построены Надалями и всегда принадлежали нашему семейству.

Сеньора Нададь указала на портрет пожилой дамы, висевший на стене возле камина.

— Моя мать родилась здесь, в Кадагесе, и ни разу за всю свою жизнь не выезжала из города. Отец плавал на торговых судах из Испании в Италию. Все эти чудесные, вручную расписанные керамические безделушки, что вы видите вокруг, привезены из Италии. Когда отец плавал, я была ещё совсем девчонкой, а Кадагес был совсем другим. В городке не знали ни электричества, ни парового отопления, ни водопровода. Да и канализация появилась сравнительно недавно.

— Помните, вы обратили внимание на большой глиняный кувшин, за передней дверью? Тот, со слегка

отбитым верхом, с ручкой и носиком? Так вот, когда я была маленькой, все наши девочки обычно набирали воду в такие кувшины из фонтана над источником, почти в самом центре города. Мы наполняли кувшин и, положив себе на макушку свёрнутый в кольцо жгут из одежды и водрузив на него один кувшин, а пару других неся в руках, брели назад домой. Эта вода уходила на готовку, стирку и мытьё посуды. Тогда мы не часто баловали себя ванной. Летом, с наступлением тепла, в жару, мы смывали с себя грязь, купаясь в море. Много лет прошло, но я помню всё, будто это было вчера. А ещё помню гражданскую войну. Да, мы бедствовали в войну здесь, в Кадагесе. Тогда у нас ещё были наши оливы, а значит, было и оливковое масло.

Все жители Кадагеса, как и большинство каталонцев, за исключением разве что полицаяев, ненавидели Франко. Франко пытался уморить нас, каталонцев, голодом; но здесь, в Кадагесе, у нас было оливковое масло, оно-то и спасало. Оно ценилось на вес золота. Когда Франко отсек Каталонию от остальной части Испании, каталонцы лишились источника масла на юге. А вам известно, как любим мы, испанцы, оливковое масло. Мы не можем без него. Вот почему все надеялись только на Кадагес. Мы вывозили масло тайно, спрятав в повозках под сеном, и выменивали на него в Льянсе помидоры, лук, рис, вино — да почти всё что угодно. И ещё, разумеется, нас поддерживала рыба. Благодарение Богу, Франко ни разу не бомбил наши лодки. Мы-то боялись, что он не упустит случая. От бомб досталось другим городкам, нас миновало. Но несмотря на масло и рыбу, к концу войны стало совсем плохо, в конце концов у многих горожан иссякли деньги, а в домах не осталось ни крошки.

В то время вон в том большом, заброшенном доме, через патио, жило очень богатое и влиятельное каталонское семейство. Изнутри и снаружи это был

настоящий дворец. Что ж, теперь, как видите, он заколочен и всеми покинут. Вам, должно быть, небезынтересно узнать, почему такой дом оставлен гнить и разрушаться. Так вот, богач, что жил в нём вместе с семьёй и слугами, начал поддерживать деньгами и едой городскую бедноту. Как будто и в самом деле войне конец. С одной стороны, Франко старался извести нас под корень, с другой — местный богатей из богатеев пытался нас спасти. А потом однажды кто-то донёс о происходящем в полицию. Никто не знает имя предателя, но, ясное дело, все грешили на слуг сеньора. Кто же ещё мог сообщить? Как бы то ни было, как только солдаты пронюхали о продуктах и деньгах, они расстреляли сеньора. Он принял смерть здесь, в стенах своего дома, а его семье удалось бежать в Барселону. Говорят, тело сеньора так и осталось в доме. В конце концов приехали его дети, вывезли всю обстановку, а потом опечатали и заколотили дом, ставший отцовским склепом.

В день отъезда Тома из Кадагеса и открытия выставки Фила в галерее иностранцы закатили двенадцатичасовую вечеринку. Люди, пиво, вино, бренди и всякая снедь начали стекаться в галерею уже около полудня. Фил суетился, развешивая по стенам свои полотна, в то время как Том пытался впихнуть всё, что скопилось у него в «берлоге» за последние четыре месяца, в свой единственный рюкзак. То, что не годилось, он выбрасывал. Колетт продавала пирожные, Карлос танцевал, а югослав всюду шпарил на гитаре вариации на тему «Бонни и Клайда», мешая «Когда святые маршируют» и «Если бы у меня был молот» с ямайскими калипсо, приправляя весь этот винегрет самой малостью гитарной классики.

Под вечер Тому пришло в голову, что для прощального обеда не хватает гамбургеров. Вся

компания гуськом потрусила вниз по вымощенным булыжником узеньким переулочкам к «Маритимо», там кто-то попросил хозяина разогреть мясные пирожки, купленные нами по пути в мясной лавке. Мария-Хосе прикупила в пекарне дюжину небольших батонов, салат-латук и лук у зеленщика, и все мы расселись на пляже и принялись за гамбургеры, которые обильно вспрыскивали пивом, вином и бренди. Пляж был безлюден, если не считать горстки рыбаков, готовящих свои лодки для вечернего лова. Остальные рыбаки отдыхали в «Маритимо», сгрудившись перед телевизором и вперившись взглядом в экран, заворожённые специальным выпуском новостей американского телевидения. После гамбургеров вся стайка иностранцев, кроме нас (у которых не было с собой изысканных туалетов), разлетелась по домам, принарядиться в «последний писк».

В восемь часов галерея вновь распахнула двери, выставив на всеобщее обозрение картины, художников-иностранцев, музыкантов и прочий чудной люд. Столы ломились от чаш с пуншем, сыров и крекеров, овощей и зелени, всевозможных напитков и, разумеется, кулинарных творений Колетт. Фил стоял в дверях, лично приветствуя гостей обоего пола. «Английские близнецы» явились, как всегда, с ног до головы в чёрном. Две живописно размалёванные валенсийки, обитавшие в крохотном домике на окраине городка, проскользили внутрь в длинных, волнообразно колышущихся юбках и плотно облегающих тело шёлковых блузках с умопомрачительными декольте. Единственный преуспевающий художник, американец, писавший исключительно линейные композиции, важно вышагивал, волоча по полу угольно-чёрную мантию, удивительно сочетающуюся с рассыпавшимися по ней длинными чёрными сальными космами. Карлос, в прозрачной белой блузе и чёрных газовых шароварах,

собранных на лодыжках, появился рука об руку с танцовщиком-австралийцем в пурпурно-красном трико. После того как иностранцы запрудили галерею, несколько смелых, опрятно и консервативно одетых испанских семейств отважились заглянуть внутрь посмотреть на полотна и, возможно, приобрести парочку.

Кутёж затих только после полуночи. Фил и хозяйева галереи подсчитали барыши, провозгласив открытие грандиозным коммерческим успехом, что стало благой вестью для Кадагеса, поскольку означало: теперь Том сумеет раздать долги ещё до отъезда. Как бы то ни было, никто не мог припомнить более удачного открытия.

После отъезда Тома из Кадагеса мы с Ларри перестали наведываться на послеобеденные посиделки в галерею. Вместо этого мы больше времени уделяли знакомству с местными. Испанцы легко раскрывались перед нами. Им было приятно, что мы бегло говорим по-испански, немного разбираемся в испанской политике, истории и литературе, к тому же стремимся узнать больше. Наши утренние пробежки ради поддержания спортивной формы вызывали у них уважение, хотя они и считали чистым безумием нашу затею с кругосветным путешествием.

— С чего это вдруг вам, американцам, вздумалось уезжать из Америки? — спрашивали они.— Там, должно быть, своих чудес хватает. Знаем. Сами не раз видели в кино и по телевизору.

Отношение к нам резко изменилось к лучшему, когда испанское общество признало: с головой у нас всё в порядке. Теперь местные гораздо чаще останавливались поболтать с нами, а хозяйева лавочек и магазинчиков стали отпускать нам более дешёвые марки продуктов, из тех, что они держали в подсобках и продавали

исключительно своим: более дорогие сорта выставлялись в витринах для иностранцев и туристов. Средних лет испанка и её престарелая мать, что владели малюсенькой лавкой, футов десять на пятнадцать, где мы брали яйца, сыр, йогурт, изюм, орехи и макароны, делились с нами любимыми кулинарными рецептами и снабжали специями. Ещё у нас завязалась дружба с Эндрю, владельцем одной из двух винных лавок, славившихся разнообразием ликёров. Эндрю любил поговорить. Однажды утром, после того как мы недели три через день заглядывали в лавочку залить пластиковые литровые фляги полюбившимся сорокадвухцентовым напитком, его прорвало. Он был озабочен сообщениями о надвигающемся шторме.

— Я купил эту лавку четырнадцать лет назад,— начал он.— И в первый же год разразился страшный потоп. В одночасье небо заволокли тучи, зарядил дождь и поливал несколько дней. Вода потоком хлынула вниз по улице, мимо двери моей лавчонки, она тащила кучу всякого мусора: сломанных сучьев, палок. И вскоре весь этот хлам осел под маленьким мостиком в конце улицы, запрудив её, и вот тогда вода ринулась вспять, и не успел я опомниться, как поток обрушился в лавку. Тогда здесь внутри мы оказались по пояс в воде.

И что же вы думали? Кругом все только руками разводили, не ожидали, мол. Клялись и божились, что в жизни не видали ничего подобного, поэтому я решил, видно, это была какая-то выдающаяся гроза, и мне уже не придётся второй раз пережить такое. И я ничего не предпринял против нового наводнения. «Да брось»,— отговаривали меня все.

Ну а теперь позвольте мне сказать вам кое-что. За всё четырнадцать лет, что я держу эту лавку, меня заливало ровно девять раз. Девять раз! Когда наводнение приключилось второй раз, все опять

суетились, словно впервые, зато я получил хороший урок. С тех пор я обязательно укрепляю досками нижнюю часть передней двери, при первых же признаках затяжного ливня.

Скажу одно. Не особенно верьте тому, что болтают здешние. Точно. Местное старичьё всю жизнь носа не высовывало из своей дыры, а к старости они и вовсе ослабели мозгами. Я хочу сказать, они и правда отупевают. Берутся судить, как будто разбираются в происходящем, а на самом-то деле больше выдумывают. А потом сами же начинают верить собственным бредням! По-моему, человек должен выглянуть из своей скорлупки, хотя бы немного побродить по свету, чтобы уберечься от отупения. Я-то немного попутешествовал, когда учился в школе, поэтому, быть может, на старости лет не стану таким непроходимым тупицей, как они.

На другой день, когда мы возвращались с маленькой экскурсии к маяку, Лоренцо Риера жестами зазвал нас присесть рядом на оккупированную им деревянную скамейку. Лоренцо был из числа «тупоголовых стариканов» Эндрю, одним из многих древних каталонских «подсолнухов», которые изо дня в день следовали за солнцем с площади на площадь. Раньше мы не были знакомы с Лоренцо, поэтому нам стало любопытно, что же такое он жаждет нам сообщить.

— Из моих окон видна кухня сеньоры Нададь,— пояснил Лоренцо.— Я слышал, как вы оба говорили там по-испански, поэтому сумеете меня понять. Видел, как вы сидите на площадях. Вы правильно выбирали, где расположиться, забыли только об этой маленькой площади. После пяти нужно идти сюда, а не на Торрадет, где вы обычно посиживаете. Но всё равно, я понял, вы толковые и приличные ребята. Не то что вся эта шваль, помешанная на наркотиках. Хотел бы поговорить с вами.

— Отлично,— усмехнулся Ларри,— тогда почему бы вам не начать прямо сейчас, расскажите нам о себе что-нибудь.

Понятно, Лоренцо только того и ждал. Широкая беззубая улыбка пересекла исчерченное морщинами лицо старика. Он поправил берет, подался вперёд, к самому лицу Ларри, желая получше рассмотреть своего собеседника. Зрение Лоренцо было уже не то, что в двадцатые, во времена его молодости.

— Сколько бы вы мне дали? — интригуяюще спросил он.

— Лет шестьдесят,— ответила я. Солгала, зная, что он растает.

— Восемьдесят один,— провозгласил старичок с видом триумфатора.

— Шутите. Вы выглядите значительно моложе! — присвистнул Ларри.

Лоренцо откинулся на спинку скамьи и улыбнулся. Он опять поправил берет, потом вплотную придвинулся к Ларри и продолжал. Он говорил на смеси кастильского наречья с каталонским, но мы умудрялись улавливать большую часть того, что он говорил.

— В молодости я был цирюльником. Очень, очень давно. В те времена работать цирюльником было ужасно, понятное дело — из-за вшей. Как я их ненавидел,— бормотал он, трясая головой от отвращения. — В бороде, в волосах — у каждого. Тридцать сантимов, вот сколько получал я в месяц с каждого оболтуса, наводя глянец на его личико дважды в неделю. Что в наше время тридцать сантимов — тьфу, просто «пшик». В песете сотня сантимов, а что на неё теперь купишь, кроме разве что крошечного леденца.

Я в поте лица трудился, чтобы жить по-человечески. Когда я был моложе, люди трудились не покладая рук, но редко кто выбивался из бедности. В мои годы побаловать себя чашечкой кофе в баре значило

шikanуть. Теперь — другие времена. Люди уже забыли, что значит тяжкий труд и настоящая бедность. Работают меньше, гребут больше, не откладывая «на чёрный день». Сегодня вы сперва закажете лёгкую закуску, затем — бренди, а уж после, конечно, кофе. Народ нынче хилый пошёл. Да ведь если бы им пришлось вкалывать, да ещё почти задарма, как это было заведено раньше, все они быстренько сошли бы с круга и пустили себе пулю в лоб.

Здесь Лоренцо прервался ровно настолько, чтобы передвинуться из тени, напозней на его край скамейки.

— Когда я был молод, Кадагес был гораздо меньше, чем теперь. Но здесь по-прежнему живёт много старинных фамилий. Мои дети здесь живут. Теперь, когда умерла моя жена, они заботятся обо мне. Живу у одной из дочерей, с её семейством, она готовит для меня.— При этих словах Лоренцо беспокойно заёрзал и снова умолк, на сей раз чтобы взглянуть на часы.— Два часа, самое время обедать. Меня ждёт сытный обед: салат, чечевичная похлёбка, рыба, хлеб и вино, а после — сиеста. Я уже старик, и дети ухаживают за мной. Так от века заведено. Дети заботятся о родителях. Так и должно быть. Я заботился о них, теперь они пекутся обо мне... Что ж, мне пора. Дочка не любит, когда я опаздываю, да и обед остывает. Запомните, что я вам сказал об этой маленькой уютной площади. Наведайтесь сюда после пяти. Это единственное местечко в Кадагесе, которое ловит последнее солнце.

Через несколько дней на Кадагес обрушилась буря. Тучи напоззли на коньки крыш, температура резко скакнула вниз, с гор налетел яростный колючий ветер. Он бушевал так сильно, что поднял шторм, со всей силы обрушивая валы на берег. Едва мы собрались на привычную утреннюю пробежку, как поняли, что дело

безнадёжно. Бесполезно было тягаться с ветром, а воздух стал так холоден, что при дыхании обжигал грудь. Городок словно вымер. Какие-то две хозяйки отважились выйти из дома купить свежего утреннего хлеба, но резкий порыв ветра захлестнул и разметал их по дороге, словно лёгкие снопы соломы. Мы повернули назад в пансион. Когда мы пересекали патио, из-за двери высунулась сеньора Нададь и прокричала:

— Это — трамонтана^[*]. Страшный ветер. Сидите дома. Никто не выходит на улицу, когда дует трамонтана, разве только в лавку.

На одном дыханье взлетев вверх по лестнице, мы провели остаток дня, ёжась у обогревателя. Ближе к вечеру пропало электричество. Поскольку читать без света было уже слишком темно, мы натянули куртки и митенки и спустились вниз.

Стоило мне только выглянуть во дворик, как трамонтана, обдав холодом, залепил лицо снежными хлопьями. И снова с противоположной стороны патио нас окликнула сеньора Нададь. Они вдвоём с подругой сидели, нахохлившись, возле обогревателя, вышивая при свете керосиновой лампы. Мы с Ларри опустились на свободные стулья рядом с ними.

— Ветер оборвал провода,— сообщили почтенные дамы.— Придётся ждать, пока починят. А как вам снежок? Говорят, горы покрыты настоящим снеговым одеялом.

Информация в Кадагесе распространялась по каким-то неведомым каналам. И сеньора Нададь, и её подруга целый день не выходили из комнаты, что, впрочем, не мешало им знать всё о повреждениях на линии и о небывалом снегопаде в горах.

— И что, часто здесь идёт снег? — поинтересовался Ларри.

— О, бывают такие вьюги. Но лишь однажды на моей памяти снег лежал на земле достаточно долго,—

ответила сеньора Нададь.— Мы помним мороз пятьдесят шестого, который уничтожил оливковые рощи, а потом в шестьдесят втором «*Pito Helado*».

— «Пито эладо»? — удивлённо пробормотала я.— Почему — «замёрзший Пито»?

Обе сеньоры перемигнулись и рассмеялись.

— Пито — это один кадагесский старик. Очень старенький он был и дряхлый. Когда же в тот февральский вечер шестьдесят второго повалил снег, старина Пито вышел на балкон полюбоваться снегопадом. Сел поглазеть, да так и остался сидеть. В самом деле, он был так поглощён зрелищем, что позабыл обо всём на свете. Ну, в ту ночь снега выпало больше метра, а наутро соседи обнаружили Пито всё так же сидящим на своём балконе. Он так и замёрз до смерти, глядя на снег, вот почему буран шестьдесят второго с тех пор и прозвали «замёрзший Пито». Вот это буран так буран, надо было только видеть.

— Да, Пито, наверное, тоже так думал,— заметил Ларри, а дамы захихикали, соглашаясь.

— И всё же он ушёл легко,— кивнула сеньора Нададь.— Пришла его пора, и он напоследок налюбовался снегом.

Когда беседа подошла к концу, распрощавшись с сеньорами, Ларри предположил завалиться к Чико, к «эст»-художнику. Чико вырос на Гавайях и работал там инженером-строителем, пока несколько лет назад не бросил работу, посвятив всё своё время живописи. Каменистые безлюдные тропинки, бежавшие от нашего пансиона к апартаментам Чико, были темны и скользки, и нам стоило немалых усилий устоять на ногах под ударами ветра. Когда мы явились, Чико как раз направлялся в «Маритимо». Ему «не писалось», и он решил утопить горе в вине; и вот мы втроём заковыляли к пляжу.

С первого взгляда стало ясно: «Маритимо» — то самое место, куда следует идти при трамонтане. Большинство обитателей Кадагеса, иностранцев и рыбаков, облепили столики, все уже успели потребить изрядную дозу спиртного. Чико сразу заказал себе бутылочку кроваво-красного вина тореро — «Сангре де Торос», или «Бычьей крови», — и, сразу «взяв быка за рога», пустился навёрстывать упущенное.

Минут через двадцать в бар забрёл Брукс, известный в городке богатый писатель-американец. На его лице застыло выражение крайней тоски, лишний раз подтверждая грязный слухок о том, что его лучшая половина и в самом деле упорхнула на юг Франции с Максом, привлекательным фотохудожником-французом. К этому времени наш Чико уже перешёл на невразумительное бормотание, глотая не только звуки, но и слова. Он, как мог, старался утешить Брукса, предлагая выход из его незавидного положения в «эст», однако у Брукса не было настроения выслушивать установки Чико, вроде «Ты должен сам управлять своей жизнью, высоко оценивать себя и свои поступки».

— Чёрт возьми, старина! Сейчас, когда мне так паршиво, будь добр, не разводи слюнявых проповедей, — рычал Брукс.

— Но именно сейчас ты, как никогда, нуждаешься в «эст», — убеждал Чико. — И вот что я тебе скажу. Я...

— Чико! — заорал Брукс прямо в открытый рот живописца. — Я сказал: никакой «эст» — значит, никакой «эст»! Прекрати!

Испанцы за соседним столиком, на мгновение повернув головы, мельком взглянули на Брукса и тут же вернулись к фильму с Мэрилин Монро, идущему где-то над головами. Чико начал было громко, с пеной у рта что-то доказывать Бруксу, но вдруг раздумал и двинулся к другому столику, где спиной к окну на море сидела голландская проститутка Каролина. Она увлечённо

строчила письмо и не потрудилась поднять головы, когда мы втроём устроились через стол от неё.

Каролина была дамой высокой и дородной. Прогуливаясь по Кадагесу, она как башня возвышалась над приземистыми рыбаками. Толстые напластования пудры, румян, туши, теней и помады погребли под собой её лицо, а густая копна перекисно-белокурых волос волнами окутывала её голову, ниспадая на плечи и спину.

Сегодня на Каролине была белая шёлковая блуза, открывавшая на всеобщее обозрение добрую порцию её прелестей. Длинную белую шею Каролины украшали алый шарф и тонкие золотые цепочки; ряды дутых, броских браслетов покрывали её руки от запястья до локтя; и, как обычно, её ногти были покрыты пурпурно-красным лаком. Когда Чико заказал Каролине бокал вермута, её излюбленного напитка, она одарила его улыбкой, обнажившей ровные зубы и прокуренные дёсны. Улыбка слиняла также быстро, как появилась, Каролина вновь вернулась к письму и сигарете, игнорируя наше присутствие.

— Каролина, п'мнишь вечеринку прошл'м летом, когда мы всю ночь танцевали? — приставал Чико, буравя взглядом темечко Каролины и тщетно стараясь не глотать звуки.

Каролина не проронила ни слова, не поднимая глаз от письма.

— Я знаю, ты помнишь ту ночь, Каролина. После в городке только о нас и болтали. Задали мы тогда жару, а?

Опять нет ответа.

— Слушай-ка, Каролина. Почему бы нам не воссоединиться? Завалимся в дискотеку и покажем там им всем. Что скажешь?

Дама по-прежнему не отвечала, её молчание всё больше распаляло Чико.

— Чёрт тебя подери, Каролина! Взгляни на меня и скажи хоть что-нибудь! — завопил он на пределе возможностей своего голоса, вскакивая на ноги.— Ты же не глухая, чтоб тебе пусто было, поэтому отвечай!

Каролина не обратила никакого внимания на его выпад, зато Брукс, взглянув на Чико, прокричал:

— Послушай, Чико, старина, судя по тому, как ты сейчас здесь дерёшь горло, я понял, что ты утратил свой «эстовский» самоконтроль. В чём дело? А я-то всегда считал, что ты держишь себя в руках, и вот теперь ты дал мне шанс по достоинству оценить твои разглагольствования насчёт самоконтроля. Боже мой, да не отворачивайся ты, раз уж наглой девки и глотка вина оказалось довольно, чтобы ты мгновенно утратил его, после того как с великим трудом приобрёл.

Чико отказался смиренно принять Бруксов сарказм и продолжал как одержимый орать на Каролину.

— Думаешь, можно плевать на меня, потаскуха? Думаешь, можно прикинуться, будто меня здесь нет, и я так и уйду? Так знай, ты ошибаешься, девка! Не выйдет! Ты ещё обратишь на меня внимание. Я поставлю тебя на место. Я заставлю тебя посмотреть на меня, а заодно и вымою эти грязные окна за твоей спиной!

С этими словами Чико резко крутанулся на месте, схватив сифон с газированной водой, стоявший позади него на стойке бара, занял позицию за столом как раз напротив Каролины, направил горло сифона ей в лицо и нажал на рычажок.

Струя пенной жидкости рассекла воздух и, пролетев в каком-нибудь дюйме от головы Каролины, с плеском ударилась о стекло и ручейками зажурчала вниз. Каролина между тем сохраняла полное спокойствие. Она невозмутимо продолжала трудиться над письмом, словно ничего не произошло, не поднимая глаз и не пытаясь увернуться. А Чико продолжал вести огонь. Он палил-поливал туда и сюда, вокруг её головы и плеч,

целиком залив окно «шипучкой», и всё-таки каким-то поразительным образом он ухитрился ни разу не попасть Каролине в лицо, что казалось почти невероятным, учитывая его опьянение.

Израсходовав жидкость, Чико застыл с пустой бутылкой в руке и очумело таращился на воду, струящуюся по оконному стеклу позади всё ещё склонённой головы Каролины. Всё это время испанцы и иностранцы глядели на Чико, внимательно следя за тем, что он станет делать дальше. Дальше Чико оставалось только признать своё поражение. Он вернул сифон на стойку бара, послал Каролине большой воздушный поцелуй, а затем, пошатываясь, вывалился из заведения навстречу ветру и снегу.

— Всё трамонтана,— ворчали рыбаки, кивая друг другу.— Он сводит людей с ума. Французам тоже хорошо знаком этот ветер. Из-за него Ван-Гог и отрезал себе ухо.

Через два дня ветер затих, опять потеплело, и мы с Ларри возобновили пешие походы и велосипедные экскурсии, отдых за чтением на площадях и прогулки на закате по берегу моря.

В конце февраля мы решили: пора сниматься с насиженного места и двигаться в путь. Погрузив пожитки, мы устремились на юг в глубь страны, назад в Барселону, через Фигерас, Олот и Виш.

Дорога прорезала горы, минуя беспорядочно разбросанные фермы, виноградники и мелкие городишки, прилепившиеся к кручам и утёсам. Стоило нам остановиться и взглянуть на север с вершин холмов, как перед нами открывались живописно-захватывающие виды одетых снегом Пиренеев. В горах ниже Олота воздух был холоден и свеж, а проезжую часть дороги местами покрывали заплатки льда, которые всякий раз, когда мы наезжали на них, посылали наши велосипеды в нокдаун.

Мы собирались пробыть в Барселоне ровно столько, чтобы немного разжиться деньгами на мелкие расходы: Том бегло набросал нам план, как добраться до улицы, где находится донорский пункт. Сам он не помнил точного адреса, но, едва мы выехали на ту самую нужную улицу, нам не составило труда вычислить место — длинный «хвост» из пьянчужек, выстроившийся снаружи, служил лучшим указателем.

Пристегнув велосипеды к столбу, мы двинулись внутрь. Из вестибюля лестница вела вниз в единственную просторную комнату, заставленную койками, занятыми тем, что на поверку оказалось величайшей в мире коллекцией оборванных, лишь слегка протрезвевших, горизонтально распластанных забулдыг. По комнате не спеша двигалась единственная медсестра, вводившая иглы с трубками, торчащими из множества повисших рук. Ларри намекнул, что «чёрта с два мы быстро выберемся отсюда», как нас уже заметил регистратор.

— Не о чём беспокоиться,— прокричал он через палату.— Давайте сюда ваши паспорта и посидите. побыстрее. В чём дело? Что, ноги не идут?

— Вы угадали. Действительно не идут,— нервно усмехнулась я.

Ларри спросил, как долго продлится сама процедура.

— Минут десять. Теперь давайте ваши паспорта и заполните бланки.

Мы кинули наши паспорта на стол регистратора. Заполняя бланк, я старалась не смотреть на мужчин, лежавших на койках. Около часа я просидела, нервно ёрзая и поёживаясь, прежде чем сестра взяла со стола наши бумаги.

Меня вызвали первой, и я заставила себя прошагать двадцать футов до кабинета доктора в конце регистратуры. В кабинете, взвешивая меня, фельдшер

продолжал дожёвывать сандвич, шумно запивая его пивом.

— Пятьдесят пять кило,— пробубнил он сквозь густую, истекавшую соком смесь хлеба, помидоров, салата и ветчины.

Он икнул и жестом приказал сойти с весов.

— Пятьдесят пять,— повторил за ним доктор.— Очень жаль, но для донора вы весите недостаточно. Вы должны весить по меньшей мере шестьдесят пять. Весьма сожалею.

— А, не стоит,— широко улыбнулась я,— сама-то я, разумеется, совсем не жалею.

Затем настал черёд Ларри. Доктор дал «добро», сестра подвела его к свободной койке и ввела иглу в предплечье. Выражение ужаса, напозвшее на лицо Ларри в тот момент, когда сестра вызвала его в кабинет, так и не растворилось, и он, не иначе как с испуга, умудрился накачать пол-литра крови за каких-нибудь пару минут. После этого регистратор небрежно сунул ему в ладонь тысячу шестьсот песет (двадцать пять долларов), и мы повернули «коней» в ближайшую винную лавку.

Испанцы, с которыми мы встречались и разговаривали по дороге из Кадагеса, уверяли нас, будто пара глотков бренди в начале и в конце дня помогут помочь справиться с последними зимними морозами. Ларри расплатился за бутылочку «Карла III» частью «кровавых денег», и мы залили бренди в пустую канистру из-под горючего для плитки. (В Америке мы пользовались чистым газом. В Европе его не найдёшь, и мы приучили «старушку» питаться обычным бензином, и для того, чтобы облегчить багажник, наполняли теперь только одну канистру, поскольку бензоколонки находились не так далеко друг от друга.)

Вооружённые «убойным» запасом бренди, мы с Ларри двинулись к югу от Барселоны, по побережью,

через Валенсию, Аликанте и Альмерию. Мы резко бросили привычку останавливаться в кемпингах ради горячего душа, выработавшуюся у нас в Америке. В большинстве переполненных испанских кемпингов стоял невообразимый гвалт, а за одну ночёвку драли четыре доллара, притом «горячий» душ чаще всего оказывался холодным. А если учесть ещё плату за стоянку велосипедов, то нам пребывание в кемпинге обходилось дороже, чем автотуристам с машиной и трейлером. Обидевшись, мы, изменив привычке, пристрастились ночевать на пляжах, в оливковых и апельсиновых рощах и на крестьянских полях, причём совершенно бесплатно. И только в городах мы, как и раньше, останавливались в кемпингах.

Воздух в Испании почти всегда был пыльным, поэтому к концу дня лица, руки и ноги оказывались в чёрных полосах. Становясь лагерем на пляжах, мы отмывались в море; вдали от моря старались не проглядеть реку или ручей. Если же нам не удавалось найти подходящий водоём, мы мылись на заправочных станциях. Персонал всегда разрешал нам пользоваться туалетами. Как и французы, испанцы — большие поклонники велоспорта, и большинство служащих являлись или, по крайней мере, в прошлом были гонщиками-любителями. Пока мы с Ларри плескались, они осматривали скарб, прикидывая на глаз запасы, которые мы ухитрились компактно упаковать во вьючники и прикрепить к багажникам, и удивлялись, как хитро мы пристроили между спицами колёс запасные покрышки.

До отъезда со станции мы обычно мыли и чистили продукты, купленные к обеду (картофель, помидоры, цуккини, цветную капусту, баклажаны, кочанчики брюссельской капусты — всё то, что нам попадалось на рыночных площадях за день) и наполняли водой полугаллонную пластиковую бутылку. На этой «кухонной»

воде мы готовили, ею же мыли посуду, покупая для питья чистую воду в бутылках.

В Испании мы полюбили обеды из тушёных овощей. Обычно мы доводили до кипения пакетик супового концентрата и заправляли его мелко порезанными свежими овощами. Если овощей под рукой не оказывалось, мы разогревали консервированные томаты, томатную пасту и вливали содержимое в рис, сдобрив его луком, салями и чесноком. Иногда наша пища состояла из картофеля, лука, помидоров и салями, смешанных с банкой консервированной чечевицы или бобов.

Не важно, где мы устраивались на бесплатную стоянку, всякий раз рядом с нами вырастал гвардеец (а то и два) в серо-зелёном джипе, желая взглянуть на нас. *Guardia Civil*^[*], казалось, сновала повсюду, наблюдая. Когда гвардейцы замечали велосипеды, они улыбались и, помахав нам на прощанье, моментально исчезали.

На побережье, чуть севернее Валенсии, мы с Ларри столкнулись с Кристиной и Греггом, единственной четой на всём нашем пути, которая тоже отправилась в кругосветное путешествие на велосипедах. Калифорнийцы, как и мы, они тоже пересекли Соединённые Штаты. Они направлялись в Северную Африку. У нас было много общего: мы были близки по возрасту, увлекались велотуризмом, любили бивачную жизнь, песок и море; а Грегг, как и Ларри, работал инженером.

— Как и вам, ребята, нам с Греггом прежде не доводилось путешествовать на велосипедах,— сказала Кристина.— Поначалу нам было ужасно тяжело, но затем мы втянулись. Это было лучшее время в нашей жизни, мы посмотрели страну, повидали людей. Нам не хотелось останавливаться. Вот почему, добравшись до Восточного побережья, мы решили продолжить.

Следующие два дня мы вчетвером прохлаждались на пляжах с нашим дешёвым вином, ломтями хлеба и козьим сыром, щедро обмениваясь друг с другом путевыми впечатлениями. Затем мы все вместе тронулись в путь по юго-восточной Испании, не расставаясь до самой Гранады. Как приятно было обрести новых компаньонов, путешествовать с ними бок о бок, разговаривать.

На юго-востоке Испании гораздо суше, чем в её северной части. Деревья здесь редки, трава скудна, а толстый слой пыли обнимает крохотные городишки, разбросанные вдоль узких глухих дорог. Сами же городишки представляют собой группки ветхих одно-, двухэтажных цементных домиков и лавчонок. Длинные тонкие занавеси из пластиковых лент болтались в открытых дверных проёмах, служа слабой защитой от мух. На тротуарах, у домов, на стульях сидели хозяйки, поглощённые шитьём, время от времени они поднимали глаза от рукоделья на проносящиеся легковые машины и грузовики.

Южане в общей массе были приземисты и коротконоги, темноволосы и смуглолицы, одевались в чёрное или тёмное. Когда наша четвёрка светловолосых гигантов, в ярко-красных, жёлтых, оранжевых или зелёных костюмах, катила по главной улице пуэбло на велосипедах с оранжевыми и жёлтыми вьючками, испанцы бросали свои занятия и изумлённо глазели на нас. Наше появление в селениях становилось незабываемым событием.

Если каталонцы всегда махали нам, выкрикивая приветствия, когда мы проезжали мимо ферм, и в городах нас буквально душили расспросами о нашем путешествии, то на юге нас встречали молчаливыми подозрительными взглядами. По сравнению со своими соотечественниками с севера южане казались более бедными и отсталыми. У большинства из них был такой

вид, как будто они видели велосипедистов впервые. Владельцы лавочек и хозяйки на рынках никогда не заговаривали с нами, и нигде, ни в городах, ни в деревушках, нам не отвечали на наше *hola*^[*].

Вдобавок ко всему нам с Кристин бесконечно досаждали южные мужики — они не давали прохода ни вместе, ни поодиночке, без того, чтобы не заграбастать нас в свои вечно распахнутые объятия. Если я отправлялась на рынок одна, они всю дорогу тащились за мной по пятам. Даже когда меня сопровождал Ларри, они всё равно вожаделенно пялились и свистели.

Люди были не единственной «проблемой», с которой мы столкнулись на юге. От Валенсии до Гранады нас с Ларри ждала полоса неудач, ударивших по нашему снаряжению: полетел задний алюминиевый багажник, затем отдала концы «молния» полога палатки, мои единственные кроссовки развалились по швам, а дождевик начал пропускать воду.

Сперва — где-то между Аликанте и Альмерия — вышел из строя багажник. В Альмерия мы потащили их к сварщику — лучшему во всей Испании, настоящему виртуозу электродуговой сварки, как уверяли нас все,— для которого сварить багажник — пятиминутное дело. Сначала он взялся чинить мой багажник. Минут за пятнадцать он кое-как заварил разрыв, однако в нашем положении вряд ли имело смысл жаловаться: ведь «мастер» был не только лучшим, но и, как он сам нам сказал, единственным в округе. Затем он, прихватив багажник Ларри, опять исчез в своей мастерской. Прошло полчаса, а он всё сваривал. Ларри нервно вышагивал по комнате, отведённой для приёма заказчиков. После того как минуло ещё полчаса, он решительно двинулся в мастерскую.

— Я не могу больше ждать,— решительно заявил он.
— Пойдём туда и выясним, что случилось.

В закутке мастерской мы обнаружили сварщика, взиравшего на багажник Ларри с недоуменно-растерянной миной. Оказалось, он случайно выварил целый кусок алюминия. Глазея в зияющую пустоту, мы оба думали об одном и том же: испанцы увлекаются велогонками, но они не путешествуют, из чего следовало, что в Испании нам не видать нового багажника. Оставалось во что бы то ни стало спасти старый.

Провозившись ещё час, Ларри со сварщиком удалось восстановить опору, вставив кусок стального прута на место утраченного алюминиевого звена, закрепив его для надёжности в нескольких местах медной проволокой. На опору было больно смотреть, и Ларри заключил, что ей не протянуть и двух дней, однако ничего лучше придумать он не мог. Как оказалось, багажник продержался до Англии, где мы его заменили.

В тот вечер, когда мы расположились на ночёвку рядом с Кристиной и Греггом на окраине Альмерия, неожиданно разъехалась «молния» полога, моментально запустив внутрь целое полчище комаров на вечернее пиршество, разумеется, без нашего на то приглашения. После того как мы обнаружили, что один из замков на сумках подходит к сломанной «молнии», нам удалось её соединить.

На следующее утро мы вчетвером выехали на главное прибрежное шоссе, по которому проследовали на запад по долине до самого Мотрила, въехав напрямик в полосу сущего кошмара: непредсказуемый встречный ветер, незаасфальтированный участок дороги, мощные грузовики, покряхтывающие под тяжестью гравия. На шоссе меняли асфальт. Пока встречный ветер швырял нас в грязь, между камнями и рытвинами, тридцатитонные грузовики обдавали нас волнами пыли и гравия. В течение дня ветер всё больше свирепел, и ближе к вечеру нам потребовалось

мобилизовать всё своё умение, силы и внимание, чтобы сохранять вертикальное положение и продвигаться вперёд по рыхлому, неровному грунту. В конце дня дорога неожиданно повернула под углом к ветру, теперь порывы обрушивались на нас сбоку. Меня, самую лёгкую из нас, ветер смёл к краю дороги. Я приземлилась на кучу гравия, а велосипед всей своей семидесятифунтовой тяжестью сверху обрушился на меня. Одной ногой я застряла в стремях, другой врезалась в камень — от правой кроссовки отлетела подошва, левая превратилась в сущую развалину из расползшейся по швам кожи. К сожалению, в Испании трудно было найти подходящую обувь, вот почему все последующие три месяца, пока я не купила кроссовки в Англии, я всякий раз чертыхалась, вдевая в стремяна свои покалеченные кроссовки.

К утру ветер совсем стих, и мы повернули на север, чтобы начать сорокамильный подъём до Гранады. Через час температура резко упала, зарядил дождь, и я обнаружила, что мой дождевик больше не отталкивает воду. Не то чтобы расползлись двойные швы, с ними-то как раз всё было в порядке, но сама ткань вдруг всей своей поверхностью начала, как губка, вбирать воду. К тому времени, когда мы сделали остановку в пути, чтобы съесть ленч в крохотной деревушке Безнар, я успела изрядно промокнуть.

Большая часть домов и лавочек Безнара выстроилась по обеим сторонам трассы. Двери домов выходили прямо на улицу, лишь узкая полоска тротуара перед фасадом домов отделяла шоссе от жилых комнат. Точно так же, как во многих селениях в Южной Испании, здесь не было ни единого знака, указывающего путешественникам дорогу в бакалейную лавку, или пекарню, или, на худой конец, в бар. Местные и так знали, где и что, туристы вряд ли заглядывали в такую глухомань, как Безнар.

Когда мы въехали в городок, женщина, одетая в традиционный чёрный свитер, блузу и юбку, появилась на пороге одного из домов с пластиковой хозяйственной корзиной на колёсиках. К нашему удивлению, она подарила нам улыбку. А когда мы спросили у неё, как проехать в бакалейную лавку, она провела нас туда, всю дорогу засыпая вопросами. Её дружелюбие позволяло надеяться на окончание власти равнодушных мин и подозрительных взглядов, к которым мы притерпелись на юге.

Главный местный универмаг, сорок футов на двадцать, где продавали продукты, одежду и кухонную утварь, был буквально запружен женщинами, такими же дружелюбными, как и наша провожатая. Нам с Ларри показалось, будто мы снова очутились в Каталонии.

— Вы — американцы? — спросила нас девочка-подросток.— А где вы живёте в Америке?

— В Калифорнии.

— В Калифорнии! Вот это да! Сан-Франциско, Голливуд, солнце и пляжи! Когда-нибудь я обязательно туда поеду.

Старшие дружно рассмеялись.

— Ну и фантазёрка же ты, Линда,— забормотала какая-то брюзга.— Безнарским женщинам нечего делать в Калифорнии. Живи, где родилась, нянчи детей, поднимай семью.

После того как наша четвёрка набрала апельсинов, хлеба, сыра и помидоров для ленча, все дружно посоветовали нам вместе с провизией отправиться в бар, расположенный на противоположной стороне улицы.

Роберто, хозяин безнарского кафе-бара, невысокий мужчина средних лет, передвигался по своему заведению чуть прихрамывая. Он был просто счастлив принять нас, несмотря на то что мы заявили со своими продуктами. Он усадил нас за самый большой из пяти столов, плотно притворив входную дверь — по полу

больше не дуло,— раздал нам тарелки и, побаловав столовым серебром, велел чувствовать себя как дома.

Полутёмный зал с холодным, вымощенным плитами полом и голыми каменными стенами, не знавшими ни штукатурки, ни краски, напоминал пещеру. Он дышал ледяным холодом и сыростью, одинокая лампочка, свисавшая с потолка за стойкой бара, служила единственным источником света. В кафе было тихо — ни телевизора, ни радио, привычно включённых на всю катушку. Трое мужчин средних лет, сидящих за стойкой, приветливо закивали при нашем появлении, а затем вновь вернулись к негромкому спору о политике.

Теперь, когда нам больше не нужно было жать на педали, карабкаясь в гору, да и вообще шевелиться, наши разгорячённые тела начали остывать. Даже бренди, который мы заказали, чтобы впрыснуть внутрь немного тепла, не спасал от озноба. Моя одежда вымокла насквозь и казалась ледяным панцирем, облегавшим кожу. В перерывах между глотками бренди я дышала в ладони, пытаюсь хоть как-то их согреть, чтобы пальцы могли орудовать ножом и ложкой.

Пока мы, поклёвывая еду, боролись с дрожью, Роберто обсуждал с земляками предстоящие выборы. Не прошло и получаса, как он поинтересовался, как наши дела.

— Dios mio! ^[*] — прокричал он через зал.— Почему вы не сказали мне, что до костей промёрзли? В чём дело? Вы что, говорить разучились?

Качая головой и что-то бормоча себе под нос, он нырнул в заднюю комнату. Через несколько минут он появился с громадным плоским медным блюдом, на котором горкой возвышались тлеющие уголья.

— Вот поджарю вас всех. Ведь не пожаловались, что замёрзли. Вижу, вы едва ли не до костей продрогли, особенно эта сеньора,— сказал он, указывая на меня.— Её одежда так промокла, что с неё стекает на пол. Что

ж, не вините меня, если схватите воспаление лёгких. Нет, любезные! Ругайте себя за то, что держали рты на замке!

Покрикивая на нас, Роберто вставил блюдо с угольями в деревянный держатель под столешницей. Закрепив блюдо, он показал нам несколько специальных прорезей в скатерти длиной до пола и жестом приказал каждому из нас вдеть в них ноги по бёдра. Скатерть удерживала тепло углей, и стоило мне сунуть ноги под стол, как нежное, размягчающее тепло разлилось по всему моему телу. Я стянула с себя мокрую ковбойку, положив её на колени. Минут через десять моя одежда полностью высохла. Роберто поднёс каждому из нас ещё по стаканчику бренди, не забыв и себя, и мы впятером произнесли тост за горячие угли, бренди и безнарский бар.

Из Гранады мы с Ларри устремились на северо-восток, в направлении на Кордобу и Севилью, тогда как Кристин и Грег повернули на юго-запад, в Альхесирас, чтобы добраться на пароме до Марокко. Наши друзья собирались пересечь на велосипедах Восточную Африку, достичь Туниса, оттуда морем добраться до Италии, проехать по Греции, после чего лететь в Египет. Мы же планировали растянуть путешествие по Испании и Португалии до конца июня, пару месяцев поколесить по Британским островам, прежде чем пуститься в путь по Центральной Европе, в Грецию. Мы подумывали, не встретиться ли нам в Египте, но Грег и Кристина надеялись достичь Каира к августу, двумя месяцами раньше нас с Ларри. Что ж, была не была, встретимся в Индии, решили мы. Мы будем поддерживать связь друг с другом, отправляя письма «Америкэн экспресс» на протяжении наших походов.

Апрель был уже в разгаре, когда мы с Ларри, изрядно поработав педалями, вкатили в Севилью. На юге

Испании по-прежнему стояла холодная и дождливая погода, так же как, вероятно, и в Португалии. Настроение стойко держалось на нуле. А мы-то мечтали о солнечных недельках, которые собирались посвятить исследованию безлюдных пляжей южного побережья Португалии. Теперь же перед нами открывалась «блестящая» перспектива вернуться к бивачной жизни в холоде и слякоти, не помышляя о морских купаниях. Однако за несколько дней до того, как мы решились проститься с Севильей и ехать в Португалию, в городском кемпинге Ларри случайно познакомился с почтенной австралийской четой, убедившей нас в том, что разработанный нами маршрут никуда не годится.

— Ты сделаешь большую ошибку, пропустив Марокко, приятель,— сказал новый знакомец Ларри.— Экзотический уголок. Такого не увидишь ни в Испании, ни в Португалии. Вы должны отправиться в Марокко сейчас или никогда. Тем более отсюда рукой подать. Советую посмотреть Фес. Всего-то две сотни миль строго на юг от Сеуты, города на северном побережье, куда доставит вас паром. Фес — потрясающий город. Мунне — древнейшей, источенной временем части города — более тысячи лет! И всё, что видишь в Марокко, бесподобно: люди, кухня, музыка, лавочки — я бы сказал, причудливо и странно.

Испанцы, однако, отговаривали нас от путешествия по Северной Африке.

— Марокко — это сплошная грязь, нищета и зараза. Марокканцы кого хочешь начисто ограбят. Они же уведут ваши велосипеды прямо на ходу! Ко всему прочему, женщина-иностранка не может чувствовать себя там в безопасности. Что проку в ваших велосипедах, если от неприятностей можно уберечься, лишь запершись в автомобиле.

Но австралийцы уже распалили наше любопытство.

— Может, двинуть туда и своими глазами убедиться, — предложил Ларри.— До встречи с твоими родителями в Мадриде остаётся целый месяц. Можно провести в Марокко недельку-другую, а потом вернуться и прокатиться по югу Португалии. Сейчас в Марокко должно быть чудесно и тепло, а здесь мы дадим погоде шанс за неделю исправиться. Тогда и Португалия доставит нам больше радости.

Два дня мы пребывали в нерешительности. В Португалии безопаснее, рассуждали мы. Мы никогда не слышали о том, чтобы португальцы грабили и убивали молодых путешественников-иностранцев, ночующих в палатках на пляжах, как это якобы делают марокканцы. Зато Марокко звучало куда заманчивей, с таким вызовом. Вряд ли там так уж опасно, думала я, иначе австралийцы предупредили бы.

Утром, когда нам предстояло проститься с Севильей, мы всё ещё колебались. Мы собрали вьючники и вывели велосипеды за ворота кемпинга, и тут Ларри, прислонив к дереву велосипед, вытащил из рулевого ранца песету.

— Выпадет Франко — значит, в Марокко, гербом вверх — в Португалию,— сказал он, подкидывая монетку в воздух.

Когда песета приземлилась, из пыли на нас таращился единственный глаз Франко, маленький и блестящий, как бусинка.

Всего за пару дней мы добрались до Гибралтара.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МАРОККО

На высоких скалах, окаймляющих южную оконечность Пиренейского полуострова, близ Альхесирас, мы с Ларри остановились под проливным дождём и, прислонив велосипеды друг к другу, вглядывались вдаль через пролив. Впереди неясно вырисовывался мрачный и зловещий африканский берег. Высокие прибрежные скалы, словно гигантские каменные монументы, вставали из волн почерневшего штормового моря. Зрелище было весьма внушительным. Чем дольше и пристальнее мы всматривались в этот незнакомый, чужой материк, тем с большим беспокойством думали о том, какие сюрпризы он нам готовит.

Дождь лил весь день напролёт, он сопровождал нас всю дорогу до самого терминала в Альхесирас. На пароме мы с удовольствием натянули сухую одежду, выжав своё мокрое барахлишко. Мы были единственными велосипедистами на борту.

Сеута, город-порт беспошлинной торговли, до сих пор находящийся под контролем Испании, показался нам шумным и суетным. Докеры-испанцы направили нас в самое дешёвое ночлежное заведение — прямоком под навес станции паромной переправы. Мы провели велосипеды по цементной площадке, позади рядов спящих тел — молодых путешественников из Европы, которые, как и мы, только что прибыли на пароме из Альхесирас либо ожидали отплытия в Испанию первым утренним рейсом. Прислонив велосипед к стене, я живописно развесила свои мокрые вещи на крутых рожках руля и багажных корзинках, пожелав им высохнуть за ночь. Затем мы разостлали маты на

холодном, влажном цементном полу и втиснули в спальники грязные, потные тела. Не мылись уже два дня. Ларри засунул все наши ценности на самое дно спальника, себе под пятки, и мы провалились в сон.

Утром мы первым делом устремились в общественный душ на автостоянке возле станции, затем, разменяв деньги, загрузились провизией: рисом, цветной капустой, хлебом, яйцами, присовокупив ко всему два фунта сыра. Ларри долго рыскал в поисках карты Марокко, но даже самые дешёвые «образчики» стоили никак не меньше пяти долларов; в конце концов он взял и запомнил дорогу в Фес. Всё просто, главное — не съезжать с шоссе, ведущего на юг. Мы-то наивно полагали, что все развилки, как водится, будут отмечены знаками-указателями.

После полудня, 14 апреля, потратив два часа на заполнение анкет и бесполезное «отстаивание» на границе, мы с Ларри въехали на территорию Марокко. Оставив за спиной современную цивилизацию, мы ринулись в объятия прошлого. Пара крепких ног да ишак были здесь самыми обычными средствами передвижения, и не шоссе, а всхолмлённая округа сама по себе служила главной «транзитной магистралью».

Никакого столпотворения экономических малолитражек. Никаких «тойот», «датсунов» или «фиатов», столь обычных для дорог цивилизованного мира. Автомобили были лишь у богатых, причём неизменно «мерседесы». Изредка нас с урчанием и грохотом настигало изрядно спрессованное скопище людей, коробок, живности и корзин, трясущееся в одном из многочисленных в этой стране ветхих, жалобно стенавших общественных автобусов.

Несмотря на то что добрых двадцать пять миль от границы до Тетуана, первого города на южном направлении, были почти пустынные, по всей округе в этой сельской глуши медленно ползли фигурки

кочевников. По склонам холмов в беспорядке рассыпались едва семенившие ножками живые курганы одежд: юбки до земли, блузки, свитера, шарфы и шали, увенчанные гигантскими пляжными полотенцами. При ближайшем рассмотрении ходячие вороха тряпья оказались марокканскими женщинами. Пляжные полотенца, обмотанные вокруг головы и заколотые под подбородком, служили им чем-то вроде чадры. Лишь кисти рук да узкая полоска лица — крохотные островки живой плоти тамошних крестьянок, открытые для постороннего глаза. Марокканские арабки кочевали с необъятными тюками за спиной, вмещавшими едва ли не всё их имущество. Дамы всегда брели пешком, тогда как представители сильного пола частенько трусили на осликах. Женщины лишь изредка искоса бросали на нас робкие взгляды, мужчины же в бурнусах — длинных свободных плащах из плотной шерстяной материи, с капюшоном, в остроносых туфлях-шлёпанцах выглядывали из-под надвинутых на лоб капюшонов и, улыбаясь, приветствовали нас.

По одну сторону дороги раскинулись пустынные песчаные белые пляжи и прозрачно-голубое Средиземное море. По другую — тянулись зелёные холмы с редко стоящими деревьями и одиночными скалами. Поражало полное отсутствие всякого мусора. Сельские жители были слишком бедны, чтобы позволить себе роскошь выбрасывать то, что нам казалось негодным хламом. То немногое, что всё же вышвыривалось за ненадобностью, в основном апельсиновая кожура, немедленно с жадностью подъедали трусившие мимо ишаки.

Полагая, что марокканцы вряд ли уступят в нахальстве испанцам, ещё на подступах к Тетуану я мысленно приготовилась к буре свиста и крика, к похотливым взглядам, которыми так часто встречали меня на юге Испании. Однако я была приятно удивлена.

Местные джентльмены кивали мне с доброжелательной улыбкой, мальчишки-подростки, все как один, выкрикивали вежливое: «Бонжур, мадам! Бонжур, месье». После чего, шустро лопоча на непонятном для нас французском, они жестами выражали свою радость по поводу того, что мы почтили велопробегом их страну.

Мы всё ещё надеялись разжиться картой, но все магазины Тетуана, как назло, оказались закрыты. Полисмен объяснил нам, что в Марокко, точно так же как и в Испании, магазины «отдыхают» с двух до пяти. Он указал нам, как кратчайшим путём выбраться из города через центр и вновь вернуться на шоссе.

В пяти милях от города нам приглянулось абсолютно безлюдное местечко, где можно было спокойно перекусить и облегчиться. Пока мы осторожно съезжали с дороги и пробирались среди камней и кустарников, кругом не было ни души, но едва только я облюбовала укромный уголок в кольце колючих кустарников, едва примостилась на корточках, как окрестные склоны холмов внезапно ожили. До меня донеслись человеческие голоса, перекликающиеся через узкие долинки, и в тот же миг сами люди «материализовались» вокруг нас: мужчины в просторных, длиннополых бурнусах. Уразумев, что я тут делаю, они сохранили почтительную дистанцию, таращась на нас сверху вниз, с макушек невысоких холмов. Но когда мы покатали прочь от того места, они спустились на пяточок, где мы только что отдыхали, и обшарили его в надежде наткнуться на любую оставленную нами мелочь.

В этот день у меня распухли и мучительно ныли колени. Такое со мной уже случалось. Поболят день-другой, а затем утром проснусь — боли как не бывало, а колени — как новенькие весь следующий месяц. Именно из-за моих коленей мы и начали переход через Риф, строго на юг от Тетуана, на малой скорости —

достаточно малой, чтобы стать объектом нападения. Надо сказать, что на горных склонах то тут, то там мелькали стайки арабчат, пасущих овец, коз и стерегущих посевы, и эти ребятишки были, несомненно, самыми большими шустриками и лучшими бегунами на свете. Стоило им заметить нас, медленно штурмующих кручи, как в тот же миг, побросав все дела, они срывались с места и устремлялись к нам. Воздух взрывался визгом восторга, пока детвора, прыгая вверх и вниз по склонам, лавиной неслась по полям, через камни, на дорогу. Мальчишки в мешковатых штанишках и развевающихся рубашонках, девчонки в длинных юбках, просторных блузках, шарфах, увешанные побрякушками.

Каждый из шкуры вон лез, стараясь добраться до нас первым, чтобы, опередив остальных, ломающимся голоском поклянчить вожделенную сигарету. Сигареты — вот что им всем было нужно. «Сигарету! Сигарету! Сигарету!» — монотонное скандирование добежавших первыми перерастало в оглушительный рёв по мере того, как прибывали остальные.

Когда же маленькие попрошайки обнаруживали, что сигарет у нас нет, они вели себя, что называется, сообразно обстоятельствам. Если мы медленно ползли в гору, они, окружив нас плотной толпой, возбуждённо молотили ладошками по велосипедам. Обычно одного строгого громкого «нет» хватало, чтобы заставить их броситься врассыпную. Если же мы на хорошей скорости неслись под гору и нам удавалось всё время оставаться за пределами досягаемости, неутомимые детки либо гурьбой преследовали нас не менее полумили, прежде чем бросить это бесполезное занятие, либо швыряли в нас всем, что было под рукой, точнее, тем, что могла удержать и метнуть детская ручонка — камнями, палками, мотыгами или топориками — когда мы со свистом проносились мимо. Они никогда не метили

прямо в нас, и все «снаряды» заведомо посылались «в молоко». Правда, иногда кто-нибудь заходил уж слишком далеко.

Как-то раз один малец на ходу выхватил бутыль для воды прямо из-за спины Ларри. Остановившись, Ларри спешился и с грозным видом двинулся назад к приотставшему было мальчишке. Почуввав, что дело принимает скверный оборот, старший брат виновного вырвал бутыль из рук воришки и вернул её Ларри, попутно отвесив братцу звонкую оплеуху, после чего вся ватага, в молчании застыв на месте, проводила нас смиренными взглядами.

Но не прошло и десяти минут, как нас толпой облепили подростки, когда мы медленно, дюйм за дюймом, ползли в гору, преодолевая особенно крутой подъём. Когда вся шайка сгрудилась вокруг нас, самые отчаянные схватили нас за руки и за ноги, в то время как остальные пытались выдернуть из-под нас велосипеды. Мы с Ларри раздали несколько тумачков, надеясь охолодить разбойников, но тщетно: они продолжали нас держать. В тот самый миг, когда мы уже приготовились расцеловаться с асфальтом, из-за вершины горы вывернул новёхонький сияющий «мерседес». С одного взгляда оценив происходящее, водитель рванул машину прямо на нас. Заскрежетали тормоза, из салона выскочили двое марокканцев в европейских костюмах. Разогнав юных бандитов, они жестом скомандовали нам поскорее уносить ноги, однако в трёх милях от злополучного места мы опять угодили в окружение.

Так уж вышло, что весь день, через каждые три-четыре мили, всю дорогу в Фес, нас неотступно преследовали ватаги маленьких попрошайек, невероятно охочих до сигарет. И если юные горцы жаждали сигарет, то взрослые мужчины стремились сбыть нам гашиш. В горах Риф марокканцы выращивают коноплю, а благодатная нива, как водится, щедро дарит их

гашишем. Всякий раз, когда нам случалось проезжать мимо скопления домов из плитняка, местные коммерсанты пулей вылетали на улицу и гнались за нами с внушительными брусками гашиша в руках.

«Твоя гашиш хочет,— надрывались они.— Твоя здесь стоять. Гашиш и душ».— Горцы уже хорошо знали маленькие слабости иностранцев.

«Твоя-моя дистрибьютор,— приставал один торговец.— Твоя-моя гашиш дешёво покупать, твоя страна продавать. Доллары много-много».

К закату дня мы всё ещё были в горах, то взбираясь на кручи, то с ветерком спускаясь в глубокие узкие долины. На склонах гор вдали то тут, то там маячили группки глинобитных хижин. К этим глухим деревушкам не было никаких подъездных дорог, туда вели лишь редкие пешие тропы. Мы слышали, как люди перекрикиваются друг с другом через горы и долины. Если взрослый прохожий, оказавшись поблизости от дороги, замечал нас, он немедленно передавал новость выше, своим соплеменникам в скалах, и тотчас же отовсюду: из-за деревьев и камней, из домов — высывались головы в капюшонах. Одни безмолвные «капюшононосцы» обзревали нас издали, другие спускались вниз по склонам, чтобы поглазеть с более близкого расстояния. Детвора никогда не досаждала нам, если рядом были взрослые.

Между тем незаметно подкрались сумерки, а в наших усталых головах не было ни одной дельной мысли насчёт предстоящей ночёвки. Склоны гор были слишком круты, да и мы боялись, как бы дети не забросали палатку камнями. Не имея под рукой карты, мы не знали, приближаемся ли мы к городу или, напротив, удаляемся от него, хотя впереди уже маячило нечто похожее на перевал. Мы продолжали давить на педали, при этом мои колени нестерпимо болели. Я молила о

том, чтобы найти на вершине хоть какое-нибудь поселение.

Небольшие марокканские посёлки, рассеянные вдоль дороги от Сеуты до Феса, обычно состояли из глинобитных хижин, крытых соломой, чайной, где из уважения к мусульманскому закону, запрещающему потреблять спиртное, подавали только чай и безалкогольные напитки, общественного колодца или источника, стаи бродящих по улицам куриц, канализации и водопровода.

Деревушка, что приветствовала нас на перевале, полностью соответствовала вышеприведённому описанию, за исключением разве того, что она могла похвастать двумя чайными вместо одной. Она располагалась в самом центре узкого болотистого плато.

Эту ночь, впервые за всё путешествие, нам предстояло провести среди людей, родного языка которых — арабского — мы не знали. Прислонив велосипеды к стене одной из двух чайных, мы гадали, какими жестами воспользоваться, чтобы попросить разрешения поставить палатку в сущей хляби рядом с заведением. Мы немного волновались насчёт того, как отреагируют местные на наше появление и просьбу.

При входе в чайную, на грязном деревянном столе, покоился толстый кусок волокнистого, протухающего и изрядно обсиженного мухами мяса. Позади мясного обрубка помещались примитивные весы, состоящие из рычага, пары чашек и малого набора круглых гирек. Мясной нож был покрыт густым слоем запёкшейся крови и пыли.

Обогнув мясо, Ларри решительно двинулся в чайную, я поплелась следом. Я вряд ли представляла свою роль женщины в исламской стране, где до сих пор мне редко приходилось видеть женщин и где мужчины устраивают

чисто мужские посиделки и никогда прежде не лицезрели дам в чайной.

Все столики в чайной были заняты, мужчины курили гашиш, прихлёбывая чай или потягивая лёгкие напитки. При нашем появлении беседа захлебнулась, и безмолвные лица напряжённо изучали нас, не выражая особых эмоций.

— Здравствуйте. Здесь кто-нибудь говорит по-английски? — нерешительно спросил Ларри.

Никто не проронил ни слова. Лишь один марокканец, единственный посетитель чайной, одетый не в длинный бурнус, помотал головой.

— Habla espanol? — допытывался Ларри.

— Si! — отозвался посетитель в помятом костюме, который, как оказалось, служил в министерстве юстиции и заглянул в чайную по дороге на север, в Тетуан из Мекнеса. Звали его Меруан, он говорил по-арабски, по-испански и по-французски. В Марокко образованная молодёжь знала французский в качестве второго языка, люди старшего поколения, чьи школьные годы прошли в те времена, когда Испания владела частью Марокко, ещё не забыли испанский.

Ларри объяснил Меруану, что нам нужно, а он, в свою очередь, растолковал наши намерения посетителям чайной. Когда Меруан кончил говорить, «капюшоны», похоже, крайне воодушевились, предчувствуя нечто любопытное. Меруан жестом пригласил нас следовать за ним, не отставая от нас ни на шаг, из чайной высыпали остальные. К тому времени сельские ребята уже «засекли» наши велосипеды у стены чайной и теперь из кожи вон лезли, разнося весть по своему «беспроволочному телеграфу». Вскоре все мужчины и детвора посёлка сгрудились вокруг нас. И снова ни единой дамы.

— Ставьте палатку где угодно,— разрешил Меруан.— Нам так хочется взглянуть.

Мы с Ларри засуетились в поисках сухого бугорка рядом с чайной и приступили к разбивке палатки. Пока мы трудились, Меруан забрасывал нас вопросами о нас самих и о велопробегах, а затем переводил наши ответы остальным. Когда же вздулся купол нашей яркой жёлто-голубой палатки, все присутствующие, и Меруан в том числе, словно приросли к месту. Самые смелые из ребятишек начали было подбираться ближе, однако их удержали взрослые, буравившие нас вопросительными взглядами. Как только Ларри жестом пригласил всех и каждого приблизиться и обследовать палатку, правоверные опустились на корточки и прилипли к окошечкам палатки, заглядывая внутрь, затем робко ощупывали нейлоновые стенки и обследовали алюминиевые стойки и колышки.

Спустя некоторое время они пристали к Меруану с каким-то вопросом.

— Хотелось бы знать, как вы попадаете внутрь,— пояснил Меруан.

Расстегнув молнию полога, Ларри вполз в палатку, через минуту он уже подмигивал нам из окошка. Это впечатлило всех; когда же я распаковала подушки и спальники, «капюшоны» мгновенно выстроились в очередь, чтобы своими руками потрогать незнакомые предметы. Меруана разобрало любопытство: есть ли у президента Картера палатка вроде нашей?

Едва мы закончили разбирать свой нехитрый скарб, посыпал мелкий дождик. Меруан торопливо простился, сел в машину и был таков. Остальные зрители натянули свои капюшоны и, ссутулившись, торопливо зашлёпали, кто остроносими туфлями, кто босиком, под гостеприимный кров чайной либо разбрелись по домам. Мы с Ларри залезли в палатку, тогда как детвора толкалась возле окон, тараща на нас глазёнки. Дети махали ладошками, прыскавая от смеха.

С отъездом Меруана мы поняли, что потеряли всякую возможность речевого общения с только что освоенной деревушкой. Неожиданно в одном из окон палатки возникло озабоченное лицо хозяина чайной. На жутко ломаном испанском, отчаянно жестикулируя, он втолковал нам, что если ночью дождь разойдётся, то землю вокруг нашей палатки непременно затопит вода. У него было для нас местечко получше, и он пригласил Ларри следовать за ним. Я осталась ждать в палатке, успокаивая свои натруженные колени.

«Местечко получше» оказалось просторным помещением, сложенным из бетонных блоков, начисто лишённым окон, зато с тяжёлой рифлёной стальной дверью. Этому свежестроенному боксу вскоре предстояло стать единственным в посёлке крытым рынком. Хозяин чайной был его гордым владельцем, его физиономия расплылась в широчайшей улыбке, когда мы принялись горячо благодарить его за предложение, согласившись провести ночь внутри «каменного пенала».

Сложив палатку, мы перетащили всё в тёмный бокс, который должен был послужить нам убежищем от дождя, шума и огня проходящего транспорта. Затем мы, подхватив плитку, утварь, рис и овощи, зашагали в чайную, где можно было приготовить и поглотить ужин при свете керосиновых ламп.

К нашему столику подсели двое молодых людей, которые свободно говорили по-французски и немного читали по-английски. Я извлекла журнал «Тайм», который купила в Сеуте, и протянула его юношам. Открыв журнал, они тыкали пальцами в фотографии Картера, Садата и Бегина и улыбались.

— Джимми Картер,— кивнул один из них.— Хорошо. Мир.

Его приятель указал на фото «атомного гриба», а затем, хмурясь, пожал плечами, желая показать, что не

понимает. Взглянув на фото, его друг проронил: «Хиросима», тогда другой закивал, что понял.

Внимательно изучая журнал, они оба покуривали гашиш и тискали друг другу ручки. В исламском Марокко сельские юноши до женитьбы не имеют сексуальных контактов с женщинами, и наши «голубки», подобно многим другим юным мусульманам, с которыми нам довелось познакомиться, разделяли сексуальные желания с другими мужчинами, потому что женщины были для них табу или они просто отдавали предпочтение партнёрам-мужчинам.

Пока мы трапезничали, в чайную заглянул водитель грузовика, привлечённый вечерним шашлыком с чаем. Мы немного поговорили с ним на испанском, и он, прежде чем покинуть заведение, поведал всем присутствующим о наших страданиях без карты. Это сообщение побудило всех завсегдатаев заведения собраться в кружок, голова к голове, и нарисовать для нас план местности, детально изобразив на нём дорогу в Фес. В довершение работы какой-то умник снабдил план подписями на французском. В целом рукотворный набросок получился весьма приблизительным, однако из него легко можно было понять, что дорога имела лишь две развилки: повороты на Шешуан и Мекнес.

Покончив с ужином, мы поблагодарили всех за «карту» и, оставив журнал нашим новым друзьям, направились обратно в бетонный «склеп». Хозяин чайной переживал, как бы мы не замёрзли, но мы уверили его в том, что наше ложе будет достаточно тёплым.

Посёлок погрузился в тишину. Такие современные и обычные для любого захудалого городишка звуки телевизоров, радио и автомобилей, шумы водопровода и водопадов спускаемой в уборных воды здесь отсутствовали начисто. Дети, все как один, мирно посапывали в постелях, лишь редкие «окапюшоненные»

долговязые фигуры маячили в темноте возле уснувших домов. «Капюшоны» приветливо кивали нам, казалось, в воздухе разлилось чувство всеобщего умиротворения. Мы же с Ларри, «поставив территорию» на самом краю селения, нырнули в крошечную тьму нашего бокса и задвинули за собой тяжёлую дверь.

Пока я ощупью отыскивала свой спальник, мне вдруг вспомнились наставления одной немки, с которой я познакомилась ещё в Испании.

«Если вы всё-таки вознамерились посмотреть Марокко,— убеждала она,— то непременно заранее бронируйте себе места в приличном отеле. Требуйте себе номер с надёжным дверным замком. Не будет лишним, зная этих непредсказуемых марокканцев. Очень опасный народ, все без исключения. Не только ограбят, но ещё и горло перережут. Они тащат всё, что плохо лежит».

Улыбнувшись своим мыслям, я скользнула в спальник и погрузилась в сон, преисполненная благодарности к «непредсказуемым и опасным» марокканцам.

Наутро, позавтракав в «пенале» и победив рифлёную дверь, мы зашагали к общинному источнику. Мужчины и дети уже спешили в горы к своим стадам и посевам, но, увидев нас у источника, они сворачивали с курса поглазеть, как мы моем посуду. Двое мужчин упорно допытывались у нас о чём-то, но мы, увы, не понимали вопроса. Наконец один из них сгорбился и, скрестив руки на груди и стиснув пальцами плечи, показательно задрожал, а потом мотнул головой в сторону нашего бетонного убежища.

— Интересуются, не продрогли ли мы ночью,— заключил Ларри.

Мы дружно помотали головами, и все рассмеялись. Прежде чем двинуться дальше на юг, мы заглянули в чайную и поблагодарили хозяина за гостеприимство. С южной оконечности плато, где дорога спускалась вниз с

перевала, открывался вид на вершины высоких гор, протянувшихся на востоке. Воздух был всё ещё влажен и прохладен, и мне впору было влезть в спортивные брюки и свитер, пришедшиеся как нельзя кстати, так как мне уже и самой захотелось прикрыть ноги и руки в знак уважения исламской традиции.

— Оп-па, похоже, впереди затор,— сообщила я Ларри, пока мы, не работая педалями, по инерции катились под уклон к подножию горы.

Впереди, перекрыв дорогу, стояли двое с мотоциклами. Ещё издали было видно, что мотоциклисты вооружены. Как и большинство марокканцев, эти двое были немногим смуглее испанских южан. Оба рослые, крепкого телосложения, черноволосые, с густыми усами. Выражение глаз самое что ни на есть свирепое. Мы с Ларри продолжали катить до полной остановки. На дороге, кроме нас,— ни души.

— Паспорт,— потребовал тот, что пониже.

Это были полисмены. Выудив паспорта из притороченной к рулю багажной сумки, мы протянули их патрульным. Полицейские с любопытством разглядывали наши велосипеды, затем паспорта, в недоумении вперились в корочки.

— Ю-най-тед стейтс оф А-ме-ри-ка? — громко вслух прочёл один из них.

— American? — недоверчиво спросил долговязый.

— Точно,— подтвердил Ларри.

— Но как твоя сюда попал с велосипед? — В отличие от своего франкоговорящего напарника, тот, что пониже, худо-бедно изъяснялся по-английски.

— Мы прилетели из Америки в Испанию вместе с велосипедами. А сюда добрались из Барселоны.

— Далеко-далеко. Куда едешь Марокко?

— Фес.

— American? — переспросил длинный.

Он всё ещё не верил ни глазам, ни ушам, недоумевая, как это американцев занесло в Марокко, да ещё на велосипедах. Спасибо, напарник объяснил.

— Американцы путешествовать только туравтобус! — сказал он. — Вы — нет. Вы ехать велосипед. Это хорошо. Давайте мы поможем.

Сопроводив нас в придорожную чайную, они велели её хозяину принести нам еды. Тот протянул нам карликовую булочку и пригоршню плавленых сырков в фольге. Полисмен немного поторговался.

— Не хватало только добавить ещё чуток сырку к тем двум фунтам, что мы купили в Сеуте, — простонал Ларри. — Но ведь, чёрт возьми, не станешь же спорить с этими ребятами.

Мы рассмеялись и, поблагодарив полисменов и хозяина заведения, покатали дальше на юг.

После нескольких часов езды по поросшим травой холмам дорогу неожиданно наводнили люди — мужчины, женщины, дети двигались на юг кто пешком, кто верхом на ослах с большими корзинами, притороченными по бокам от сёдел. Мы забеспокоились. Казалось, всё горное население совершало некий массовый исход, и мы гадали, не произошла ли здесь или только должна была произойти какая-то крупная катастрофа, о которой мы не имели ни малейшего представления. Однако, несмотря на то, что люди перемещались достаточно быстро, все они не выказывали ни малейшего беспокойства. Какой-то почтенный старец на ослике, ведомом под уздцы женщиной, при виде нас принялся истерически хохотать. Для бесконечных просторов марокканских дорог велосипедисты — зрелище почти небывалое, не встретишь их и в малых городках. Вот почему марокканцам виделось в нас нечто странное и удивительное. Пролавировав около десяти миль в сплошном потоке людей и ослов, мы наконец добрались

до его конца, то есть до крупного селения. Тут мы и обнаружили, что причина массовой миграции — не что иное, как базарный день.

В центре селения возвышалась круглая кирпичная стена с единственными, но широкими воротами. За стеной крестьяне выставляли на продажу свой товар, бродячие торговцы с импровизированных прилавков продавали пляжные полотенца и свечи. Кишевший народом рынок был до того грязен и унавожен, что передвигаться там можно было лишь по сколоченным из досок сухим мосткам. Нам не мешало бы заглянуть на рынок и прикупить продуктов к обеду, но тогда нам пришлось бы оставить велосипеды с наружной стороны стены, вне поля зрения.

— Не знаю, как ты, но я-то давно понял: слухи о том, что марокканцы в общем и целом представляют собой шайку отпетого вора, сильно преувеличены,— заявил Ларри.— Во всяком случае, здесь вряд ли кто позарится на наши велосипеды. Похоже, все они всё же с уважением относятся к тому, что мы делаем. По-моему, можно спокойно оставить велосипеды и здесь, никто их и пальцем не тронет. Как ты думаешь?

Хоть я и слегка покривила душой, но всё же решила, что стоит рискнуть. Используя весь спектр мимики и жестов, Ларри попросил одного из трёх десятков мальцов, столпившихся вокруг нас, присмотреть за велосипедами, пока мы будем делать покупки. Мигом смекнув, что именно ему, достойнейшему из достойных, оказана «высокая честь» охранять имущество двух гостей-иностранцев, он мигом принял крайне важный вид и занял позицию возле велосипедов. Теперь я уже знала наверняка, что беспокоиться не о чём. На базаре, пробравшись через болото грязи и ослиного помёта, мы оглядывали прилавки, выбирая продукты. Торговцы подсовывали нам увесистые пакетики восточных сладостей, приветливо выкрикивая: «Bon jour, madam!

Bon jour, monsieur!»^[*] Араб, говоривший по-испански, продал нам два фунта апельсинов, немного моркови, цуккини, лука и помидор. Всё это, вместе взятое, обошлось нам в неслыханную сумму — в полтора доллара. Стоит ли говорить, что в тот самый миг перед парой небогатых велосипедистов, да к тому же больших любителей поесть, страна предстала в наилучшем свете. Подкинув ко всему прочему лично от себя пакетик сладостей, марокканец пожелал нам доброго пути. К полудню мы добрались до Уаззана, единственного города на всём пути от Тетуана до Феса, и сделали остановку, чтобы загрузиться питьевой водой и хлебом. Бакалейщик посоветовал нам поискать воду в баре туристического отеля, находящегося чуть дальше на той же улице, что и бакалейная лавка. Во внутреннем двореке отеля за столиками отдыхали, потягивая лёгкие напитки, две испанские пары. Завидев нас верхом на велосипедах, одна из испанок разинула рот от изумления.

— Dios mio! Неужели вы проделали весь путь от Сеуты на этих самых штуковинах? — пронзительно верещала она. Дама вместе с друзьями возвращалась из Феса, они любезно предложили нам свои карты.— Впереди развилка,— объяснила туристка.— Мы всё время ехали по главной дороге. Местность довольно ровная, но сама дорога в ужасном состоянии. Такие ямы, что можно ухнуть в них с головой, да и камни попадают сплошь и рядом. Советую вам добираться до Феса горной дорогой. Возможно, она лучше, чем шоссе, по крайней мере, хуже быть не может.

Едва мы распрощались с испанцами, как к отелю подкатил ультрасовременный, снабжённый кондиционером туристический автобус, и мы решили расспросить водителя об обеих дорогах на юг. Прежде чем выбрать узкую горную дорогу, едва различимой линией вьющуюся на картах, которыми снабдили нас

испанцы, нам хотелось услышать мнение хотя бы ещё одного человека. Подходя к автобусу, мы обнаружили, что пассажирами его были американцы. Мы оба отчаянно обрадовались встрече с соотечественниками и ринулись прямо к ним, в надежде завязать разговор.

Выражение дикого испуга, мгновенно застывшее на лицах пассажиров, стоило им лишь взглянуть в нашу сторону, заставило меня резко притормозить. Сначала я никак не могла понять, что, собственно, повергло их в такой ужас. Ну, а затем меня осенило. Вот незадача, мы с Ларри покрылись корой из грязи и пота. Ведь мы уже давно не мылись. Одежда на нас изрядно выгорела и поизносилась; к кроссовкам накрепко пристали грязь и ослиный помёт, сальные волосы висели спутанными космами. Запылённые велосипеды со следами суровых испытаний... Я похолодела. «Они боятся нас,— сказала я себе.— Они боятся нас, потому что для них мы похожи на грязных, мерзких умалишённых, и они намерены держаться от нас как можно дальше». Я взглянула на Ларри. Бедолага изо всех сил трепыхался в безнадёжной попытке начать дружеский разговор с земляками.

— Общий привет! Так вы американцы? — Молчание. — Послушайте, не знает ли кто-нибудь, куда ушёл ваш водитель? Мне бы хотелось, чтобы он подсказал нам кое-что.

Вопрос также остался без ответа, но я точно знала, о чём думали эти люди: «Это вам-то приспичило поговорить с нашим водителем? Как бы не так. Вы ни за что не поедете вместе с нами. Дудки. Мы не пустим каких-то недоумков в этот автобус. У нас хорошо, чисто и весело, а кто знает, чего ожидать от вас, чумазных и чудаковатых бродяжек. Скорее всего, станете навязываться с гашишем или уведёте наши денежки. Вы да марокканцы кого угодно начисто обчистите, дай вам только шанс. Ограбите нас, а денежки спустите на

наркотики. Держи карман шире. Не видать вам нашего водителя. Никогда и ни за что!»

Стоило Ларри подойти к высыпавшим из автобуса пассажирам достаточно близко, чтобы обдать их доброй струёй убийственного запаха своего тела и пованивающих кроссовок, как соотечественники миглом упорхнули в гостиничный бар — все, за исключением одного здоровяка из Сан-Хосе, который нетвёрдой походкой двинулся мне навстречу.

— Шлышь, ты! Ч-что эт-то вы оба здесь дел'те? Собираете материалы для диссертации по географии зарубежных стран? — саркастически вопрошал детина.

Его «капельюшечка для опохмелки» была вставлена в правый карман куртки ярко-оранжевого костюма для отдыха. На волосатой груди, выглядывавшей из-под расстёгнутой «попугайской» рубашки, болтались золотые медальончики. Выпирающее из штанов брюшко опоясывал широкий сияющий белый пластиковый ремень, под стать сияющим белым лёгким кожаным мокасинам.

— Я шкажал «географии» или «порнографии», — продолжал он выплёскивать пьяную кашу слов. — Слышь, знаешь ли ты, что Ватикан владеет богатейшим в мире собранием пор-но-гра-фического искусства? Ага, голые статуи да картинки везде, куда ни плюнь.

Мы с Ларри покачали головами.

— Ладно, теперь знаете. Адамс я, стро-и-тель из Калифорнии. Знаете, где это?

— Да. Мы сами оттуда, — ответил Ларри. Ответ Ларри, похоже, ошеломил мистера Адамса. На цыпочках качнувшись вперёд, он отчаянно скосил глаза, чтобы поймать нас в фокус.

— Вы американцы? — с подозрением спросил он. — Вы не похожи на нас, американцев. Слышь-ка, а это что у тебя на трениках на самой заднице? — приставал с вопросами обнаглевший строитель.

Повернувшись взглянуть на ослика, обнюхивавшего велосипеда, я, к несчастью, предоставила мистеру Адамсу полный обзор своего «тыла». Я совсем забыла об овечьих орешках. Днём раньше, когда мы устроили привал, чтобы перекусить возле самого Тетуана, я не глядя уселась на кучу этих самых «орешков». Тёплые и липкие коричневые катышки размером не крупнее лесных орехов внедрились в зад моих жёлтых треников. Я совсем забыла о затвердевшей массе, украшавшей моё сиденье и испускавшей свой собственный прогорклотухловатый дух, похожий на тот, что исходил от моих кроссовок. Я-то забыла только потому, что марокканцы никогда не обращали на него никакого внимания. В Марокко крестьянская одежда подолгу остаётся грязной и пахучей, прежде чем дождётся стирки.

— Овечье дерьмо,— ляпнула я, обернувшись и одарив мистера Адамса открытой милой улыбкой.

Мистер Адаме уже вытащил фляжку и вливал напиток себе в глотку. При моих словах он резко дёрнулся и вставил фляжку обратно в карман. Затем вперился в меня долгим, тяжёлым и подозрительным взглядом. Я продолжала улыбаться с таким простодушием, на какое только была способна.

— Что ты сказала? — бормотнул он.

— Овечье дерьмо.

— Овцы? Овцы? Не сваливай это на овец! — злобно взвыл мистер Адамс. Потом, после минутного колебания, сориентировавшись в окружающем пространстве, он поплёлся в бар к остальным. То, что он собирался выложить им, должно было лишь подтвердить их уже и без того сложившееся мнение о нас с Ларри.

Оседлав велосипеды, мы были уже готовы отъехать, как из отеля вышел водитель автобуса. Мы расспросили его об обеих дорогах в Фес, и он предостерёг нас от горной дороги. «Местами её просто не существует»,— уточнил он.

Испанцы были правы насчёт рытвин, камней и покорёженного асфальта. Но поскольку на шоссе не было машин, мы могли свободно двигаться по любой полосе, объезжая препятствия, и исхитрялись идти на достаточно высокой скорости, всё время опережая стайку ребятишек, гнавшихся за нами. К концу дня мы спустились с гор и катили меж покатых холмов и ровных, как стол, полей пшеницы. Мы остановились в крохотной деревушке, чтобы наполнить запасную бутылку водой для готовки и мытья посуды.

Пока Ларри отыскивал деревенский колодец, я осталась караулить велосипеды. Ко мне неслись две босоногие девчонки лет двенадцати. Их темноволосые головки были повязаны ярко-красными и голубыми шарфами. Обе в блузках и юбках до пят, бусах и браслетах. Та и другая прятали одну руку за спиной. Футах в шести от меня они, размахнувшись, резко выбросили вперёд спрятанные руки; каждая сжимала огромный, острый, смертоносного вида серп. Размахивая серпами в воздухе, в то же время чиркая по горлу указательным пальцем свободной руки, разбойницы недвусмысленно намекали, что собираются располосовать меня.

Первой мыслью было бросить велосипеды и сломя голову кинуться наутёк. Поразмыслив, я поняла, что девицы всего лишь дразнятся. Кроме того, рассуждала я, старик, сидящий неподалёку, не позволит им нарезать меня ломтиками. И я решила переломить ход игры.

«Bonjour», — выпалила я, разом продемонстрировав всё своё знание французского. Не сводя глаз с серпов и напружинив ноги для спринта, я протянула им руку. Девчонки радостно рассмеялись. Опустив серпы, они по очереди пожали мне руку и робко коснулись непривычно светлых волосков на моём неприкрытом предплечье.

На закате мы с Ларри очутились на голой равнине — кругом ни деревца, ни кустика, не говоря уже о какой-

нибудь придорожной деревушке. Сведя велосипеды с дороги на безлюдную пустошь, мы приступили к устройству лагеря. И, как не раз уже бывало, когда бы и где бы мы ни останавливались в Богом забытой глуши, человеческие фигуры выросли перед нами словно из колеблющегося воздуха. Этакое сверхъестественное явление, к которому мы так вполне и не смогли привыкнуть. Этой ночью первой возникшей ниоткуда персоной оказался полоумный оборванец-пастух, который кругами носился мимо нас, издавая странные булькающие звуки. Всякий раз, когда мы бегло озирались в его сторону, он принимался истерически хохотать и сломя голову мчался прочь, лишь для того, чтобы мигом позже вернуться назад и возобновить своё круговращение и воркотню. Наконец он убежал-таки восвояси и больше не возвращался.

Затем на нас набрели трое парней, изъяснявшихся лишь по-арабски. К счастью, у всех троих рассудок оказался в полном порядке. Присев рядом с нами, они всем своим видом давали понять, что мы можем продолжать возиться с обедом. Один паренёк вытащил из складок своего необъятного бурнуса некий самодельный музыкальный инструмент, с виду отдалённо напоминавший гавайскую гитару. Корпусом ему служила жестяная коробка с отверстием, вырезанным в центре её передней стенки. От торца жестянки отходил длинный плоский брусок. Две металлические струны, закреплённые на верхнем конце бруска, тянулись через отверстие к днищу коробки. Короче говоря, самый настоящий щипковый инструмент.

Пока мы с Ларри тушили на пару цуккини с луком, помидорами и рисом, троица услаждала наш слух серенадами — такими мелодичными стенаниями, сопровождаемыми монотонным «планкити-планк-планкити-планк» на двух струнах. Исчерпав за четверть часа весь свой репертуар, юноши были готовы

приступить к увеселительному мероприятию совсем другого рода: катанию верхом на осле.

— В этом деле я не мастак,— с ходу воспротивился Ларри.— К тому же они указывают именно на тебя. Значит, приглашают прокатиться тебя, а не меня.

— О, была не была,— рассмеялась я.

— Мне-то приходилось ездить верхом на лошади, по сравнению с чем езда на осле, должно быть, сущий пустяк.— И я спокойно взгромоздилась на осла. Однако, усевшись на то самое место, где полагается быть седлу, я не обнаружила ни малейшего намёка на упряжь. Из всего этого вытекало, что мне предстояло совершить прогулку без седла и без вожжей, не имея никакой возможности править моим «скакуном». Оценив ситуацию, я принялась было сползать на землю, но марокканцы решительно водворили меня обратно. Один из парней пронзительно свистнул. Малютка ослик припустил крупной рысью, и мне ничего не оставалось, как изо всей силы вцепиться в его короткую жёсткую гривку. Пока мы вскачь носились по полям, я ежесекундно со всего размаху приземлялась промежностью на торчащий ослиный хребет.

— Тпру! — во всё горло вопила я.

Животное и ухом не вело. «Вот незадача,— вихрем пронеслось в моей голове,— видно, этот осёл, будучи коренным марокканцем, просто не понимает английскую речь». Я пыталась теревить его за гриву, похлопывала по крупу, исторгала душераздирающие вопли — и всё без толку. Я скакала всё дальше и дальше, прочь от моего разлюбезного муженька. Мы летели навстречу одинокому дехканину, который вытаращился на нас с таким видом, как будто воочию наблюдал явление призрака из потустороннего мира: странную светловолосую фемину в немыслимых широких жёлтых брюках, которая, летя во весь опор верхом на осле, во всё горло выкрикивала какую-то тарабарщину. Но

прежде чем я успела что-нибудь крикнуть остолбеневшему дехканину, до меня донёлся высокий пронзительный свист, и в тот же миг дехканин уже исчез из виду. Осёл исполнил молниеносный разворот на сто восемьдесят градусов, и мы поцокали обратно к его хозяину. Нужно ли говорить о том, что ещё до того, как я уселась на этого проклятущего ишака, мои седалище и промежность и без того представляли собой сплошную болячку после дня настоящего галопирования по неровной дороге. Теперь же, когда Ларри стащил меня с хребта скотины, я испытывала на редкость мучительную боль; и всё же я заставила себя лучезарно улыбнуться нашим новым приятелям, которым явно не терпелось узнать, как мне понравилась прогулка. Похоже, я угодила им, попытавшись изобразить полный восторг. Темнело, и парни нехотя поплелись к холмам, во временные шатры на краю поля.

Когда они ушли, мы с Ларри всё-таки разбили палатку, правда, уже при свете луны и высыпавших звёзд. Теперь в поле воцарилась тишина. На дороге — ни души. Лёжа в палатке, я долго не могла сомкнуть глаз, одолеваемая навязчивым беспокойством и мучимая чувством собственной незащищённости. На всякий случай у меня был под рукой баллончик собачьего репеллента — химического аэрозоля, вызывающего временную слепоту у животных и человека. Мне вспомнились предупреждения местных дехкан насчёт странствующих кочевников, которым ничего не стоит забросать нашу палатку камнями, если мы поставим свой «шатёр» в чистом поле, вспомнились также слышанные мной ещё в Испании разные байки о туристах, якобы застигнутых врасплох и убитых марокканскими разбойниками. Этой ночью вокруг нас не было ни цементных стен, ни гостеприимных дехкан, приглядывающих за нами. Ларри, однако, сохранял слоновье спокойствие.

— Что сказать, марокканцы добры и радушны.— Он зевнул.— Детки — вот это проблема, но и они вряд ли отважатся бродить по полям в самую полночь. Не о чём беспокоиться, Барб. Забудь все эти рассказы.

Минут через десять мы услышали приближение людей. Я схватилась за собачий репеллент. Голоса, сопровождавшие шорох шагов, резко стихли возле самой нашей палатки. Затем наступило долгое мучительное молчание. По всему моему телу выступили бисеринки холодного пота. Кто знает, сколько их там, гадала я. Почему они замерли? Почему затаились? Снаружи — ни шороха, молчание казалось бесконечным. И вдруг — знакомые звуки: «планкити-планк, планкити-планк, планкити-планк». Всё моё существо охватило тёплое чувство облегчения. Наши друзья негромко запели-занули, и вскоре мы с Ларри провалились в сон.

Поутру, к завтраку, к нам забрёл марокканский «ковбой» со своей коровой. Чтобы согреть скотинку, юноша первым делом сложил небольшой костерок из принесённого с собой хвороста, затем подсел к нам. Мы предложили ему кусок сыра, который он немедленно насадил на конец длинной тонкой хворостины. Присев на корточки у костра, парень принялся поджаривать сыр. Вскоре сыр превратился в горячий резиноподобный комочек, такой мерзкий на вкус, что даже корова не сразу сообразила, как с ним поступить, когда парень с отвращением запустил в неё плавленым шариком. Жестом попросив ещё кусочек, «ковбой» на этот раз отправил его в карман бурнуса, про запас.

После завтрака Ларри чистил зубы. На физиономию парня напозло выражение полного недоумения. Приблизившись к Ларри нос к носу, он с недоверием наблюдал за тем, как тот орудует щёткой во рту. К полной его неожиданности Ларри вытащил щётку, растянул губы в улыбке и с силой сплюнул сквозь зубы струйку белой вспененной пасты. Наш приятель залился

диким смехом, заскакал вокруг своей коровы, хлопая в ладоши и тыча пальцем в пенистую улыбку моего мужа.

Вскоре после того, как мы двинулись в путь, на дороге показалась развилка, не обозначенная на наших картах. Надписи на указателях были сделаны исключительно на арабском, и мы с Ларри глубокомысленно изучали их.

— Ну и как по-твоему? — спросил наконец Ларри. — Что больше похоже на «Фес»? Каракульки на том, что справа, или на том, что слева?

Пока мы занимались исследованием «каракулек и загогулинок», двое юных козопасов с близлежащих лугов подбежали к нам поглазеть на наши велосипеды.

«Фес?» — спросил Ларри, указывая налево, то бишь в том направлении, где, по его мнению, должен был находиться Фес. Оба они дружно закивали. «Фес?» — переспросил он снова, на сей раз показывая направо. Мы уже хорошо усвоили, что некоторые дети утвердительно кивают в ответ на всё, о чём бы их ни спросили; вот почему для пущей надёжности мы всегда устраивали двойную проверку. Помотав головами, мальчишки снова указали налево.

К полудню до Феса оставалось каких-то двадцать миль. Земля пересохла и пылила, температура перевалила за восемьдесят. Я же упорно катила вперёд в своих трениках, пока наконец не выдержала.

— Придётся снять эти штаны, — на ходу прокричала я Ларри.

— Скрести пальцы. Сейчас проверим, что бывает, если женщина щеголяет в шортах в исламской стране.

Съехав с дороги, я пристроилась за валунами и поспешила переодеться ещё до того, как начали «материализовываться» первые любопытствующие. Я вернулась на трассу в футболке с короткими рукавами и в чёрных «велосипедках», которые всё же были намного длиннее спортивных шорт.

Первые пять миль я не отрывала глаз от дороги. Я действительно стеснялась своей неприкрытой кожи. Убеждённая, что окружающие смотрят на меня с видом крайнего осуждения, я не могла поднять глаз из боязни встретиться с их негодующими взглядами. В конце концов, собравшись с духом, я принялась выискивать на лицах дехкан эти самые осуждающие взгляды. И не нашла... Моя маленькая «метаморфоза» вряд ли вообще кого-нибудь волновала.

Ещё до того, как впереди замаячила окраина Феса, мы увидели Атласские горы; вершины их были одеты снегом. Фес раскинулся на равнине у подножия хребта. Старейший из четырёх городов — традиционных столиц султаната — существовал уже более двенадцати веков. В середине четырнадцатого века Фес считался центром просвещения и торговли. Он и по сей день остаётся центром религии и традиционных ремёсел. В пригороде Феса мы с Ларри притормозили возле вполне современной бензоколонки,— по подобного рода сооружениям мы уже успели соскучиться за последние несколько дней,— и спросили, как добраться до кемпинга. Персонал направил нас в самостоятельный «новый город», основанный в 1916 году.

Новый Фес мог гордиться своими современными магазинами и отелями, почти все горожане и даже некоторые горожанки щеголяли в европейской одежде. Мы были потрясены, увидев женщин в юбках до колена, в туфельках на высоких каблучках и подчёркивающих фигуру блузках. Тем не менее на большинстве женщин были долгополые узкие халаты с капюшонами, скрывающие одежду. Одни не снимали капюшонов и носили чадру, скрывавшую всё лицо целиком, кроме глаз. Другие носили капюшоны или шарфы, но без чадры, тогда как третьи игнорировали и то и другое, ограничившись лишь длинными бурнусами, причём капюшоны просто покоились у них на плечах.

Кемпинг был втиснут в первоклассный жилой район Нового Феса и обнесён высокой кирпичной стеной, у ворот которой дежурили двое вооружённых охранников. За стеной же нас ждал сущий рай с душевыми, туалетами, мойками для посуды и цементными бассейнами для стирки одежды, снабжёнными стиральными досками. Плата за стоянку за двоих равнялась пяти дирхемам, или доллару девяносто, за сутки. Душевые были холодны как лёд, но что может быть приятнее при такой жаре! Мы смыли с себя всю пыль, пот, грязь, ослиный навоз и овечьи орешки, сроднившиеся с нашими телами и одеждой за последние два с половиной дня. В магазине напротив кемпинга я купила апельсины, хлеб и йогурт на ужин, ну а к шести часам мы с Ларри уже залегли на боковую.

На следующее утро, вскочив ни свет ни заря, мы отправились пешком в восьмикилометровый поход в *медину* — обнесённый стеной древнейший центр Феса. Ослепительно сияющее солнце едва пробивалось сквозь дым, пыль и тени, наполнявшие замысловатый лабиринт многолюдных узких улочек. Полчища мух заслоняли собой просачивающиеся сквозь дымную пелену тонкие, как нити, лучики света. Запахи, виды и звуки медины были экзотичны и непривычны. Ароматами курились кипящий мятный чай, гашиш и свежие, ещё тёплые навозные кучи, оставленные ишаками, которые привычно тащили на себе всё что угодно в лабиринт и обратно. Красильные чаны необъятного кожевенного цеха под открытым небом, рассыпающиеся от древности здания, специи, грязь и пыль, свежее испечённые булочки и протухающее мясо в мясных лавочках источали свой собственный особый дух.

В ароматах, приобретших от жары особую остроту, переливаясь, медленно проплывал коллаж из белых турбанов, алых фесок, джинсов, безупречных строгих мужских рубашек, французских юбок, длинных

бурнусов, покрывал, шарфов, пляжных полотенец и бескаблучных кожаных шлёпанцев. Туристки в скупеньких трубочках-топиках и шортах пробирались по узким улочкам бок о бок с мусульманками, оставлявшими неприкрытыми только глаза. Люди неловко жались к стенам лавочек, протянувшихся по обеим сторонам «коридоров», под напором толпы, освобождая дорогу бредущим ослам, навьюченным коробками и корзинами с товаром. Темнокожие проводники, ведущие ослов под уздцы, постоянно взывали к движущейся впереди сплошной стене людских тел, но часто их просьбы освободить дорогу тонули в беспорядке, царившем на суматошных узеньких улочках.

Монотонное визгливо-пронзительное пение, нарушаемое радиопомехами, вырывалось на волю из чайных, и по пять раз на дню с вершины стройных высоких минаретов муэдзины скликали правоверных к молитве. Внизу, под ними, втиснутые в крохотные, состоящие из одной-единственной комнатухи, лавочки-мастерские, дверьми выходящие в переулки, в поте лица трудились плотники, кожевенники, медники, ткачи и портные. Юноши, нанятые в подмастерья к ткачам, стояли в переулке, футах в двадцати от мастерских, держа в руках по три-четыре мотка шерстяной пряжи. Нити тянулись в мастерскую, где стараниями мастера им суждено было превратиться в ткань для бурнуса или костюма. По мере того как продвигалась работа ткача, парни разматывали мотки. Случалось, пробежавшие мимо сорванцы запутывали нити. Тут же поблизости выстроились старики, продавая мяту для чая по пять центов за пучок, в то время как мелкая ребятня добродушно кланчила подавание у интуристов, а мясники вывешивали напоказ отрубленные головы тех животных, чьё мясо продавалось в лавке.

Ковры, всевозможные изделия из металла, обувь, фрукты, овощи, джинсы, ткани, мебель, масляные лампы — едва ли не всё, что только можно себе представить, — выставлялось на продажу или изготовлялось в мастерских медины. Пестроте лавочек как нельзя лучше соответствовало многообразие людей, запахов и звуков. Внутри мечети Карауин, старейшей мечети Северной Африки, и в здании университета, основанного в 859 году, набожные мусульмане стояли на коленях на экзотических ковриках ручной работы и, обратясь в сторону Мекки, отбивали земные поклоны, вознося молитву Аллаху. На автостанции, за стенами медины, слепые, калеки и нищие просили милостыню у пассажиров-мусульман, большинство из которых совало им несколько монеток. Почти неделю изо дня в день мы с Ларри с наслаждением терялись в этом запутанном экзотическом мире, временами напоминавшем картины сюрреалистического видения. Мы смотрели во все глаза, мы слушали и вдыхали его ароматы, а затем, выбравшись наконец из этого сна, снарядились в обратный путь в Сеуту.

Идея вернуться в Сеуту автобусом казалась удачной по двум причинам. Во-первых, нам не пришлось бы впустую потерять целых два дня на то, чтобы вновь проделать уже хорошо знакомые двести миль от Феса до Сеуты. Во-вторых, мы оба сочли, что автобусная «прогулка» позволит нам пережить массу любопытных ощущений.

В половине шестого утра, 22 апреля, мы покатали из кемпинга к автобусной станции. Солнце уже озарило пыльный воздух и тела спящих, сгрудившихся в переулках около станции. За тридцать пять дирхемов (одиннадцать долларов) мы стали счастливыми обладателями двух билетов с местами на шестичасовой автобус. Багаж удалось распахать под сиденья и пристроить в ногах, но велосипеды пришлось

громоздить на крышу, что обошлось нам ещё в десять дирхемов. Велосипеды присоединились к компании вьюков и корзин, которые заносились наверх по лесенке с задней стороны автобуса, клались на крышу, для надёжности сверху на них набрасывалась сетка. На протяжении всего нашего восьмичасового путешествия всякий раз, когда автобус останавливался, чтобы посадить ещё пассажиров с корзинами, Ларри карабкался по лесенке наверх вслед за грузчиком, чтобы лично убедиться в целостности и сохранности наших велосипедов. По причине явного отсутствия у автобуса мягких рессор на ухабистой дороге тюки и прочая кладь с грохотом выплясывали на крыше, сшибаясь друг с другом. Каждый раз, когда автобус ухал в очередную яму шириной от бровки до бровки и тотчас же бодро выпрыгивал из неё, мы ждали, что за окном, того и гляди, пролетят наши механические товарищи по несчастью.

Эх, если бы сейчас меня видела моя мама, только и думала я, пока автобус медленно, но верно выбирался из Феса. Вот они мы, вдавленные в крохотные сиденья, впереди едва хватает места, чтобы поставить колени. Рядом с нами в проходе покачиваются два марокканца. В обеих руках у каждого по живой курице, причём держат они их вверх тормашками, за грязные ноги. Сами несучки обмякли и висят без движения.

Прямо над моей головой находился громкоговоритель, водитель же включил радио на всю катушку. Из него изливались заунывные стенания марокканских «мамок», сопровождаемые главным образом радиопомехами. В нескольких милях от Феса впредисидящий пассажир хорошенько грохнул свой портативный радиокассетник о спинку переднего сиденья, после чего его «ящик на батарейках» внезапно ожил. Этот парень явно предпочитал чисто мужские стенания, хотя и под тот же самый скребущий по нервам

аккомпанемент. В автобусе было тесно и жарко, и я высунула голову в окно, чтобы немного проветриться на пыльном «свежем» воздухе.

В какой-то момент, когда автобус ринулся в очередную рытвину, один из пассажиров в проходе потерял равновесие. Пытаясь устоять на ногах, он схватился правой рукой за спинку сиденья, при этом упустив курицу. Потерянная птица сломя голову пустилась наутёк. Когда же после упорной борьбы кому-то из пассажиров наконец удалось прижать её к полу, на теле беглянки не осталось ни единого пёрышка. «Обнажённую» вернули хозяину. Музыка продолжала визжать.

По графику между Фесом и Сеутой полагалось три остановки — Уазан, Шешуан и Тетуан,— но наш водитель останавливался возле каждого голосующего у дороги. Слепых подсаживал бесплатно. В Уаззане, прежде чем кто-нибудь смог высадиться из автобуса, в салон ввалилась кучка попрошаек и начала свой обход. За нищими устремились дети, предлагая фрукты, сладости и жвачку. В Уазане почти все пассажиры высыпали из автобуса — немного размяться и заглянуть в кафе. Все они оставили свои пожитки без присмотра на сиденьях, заставив меня ещё раз помучиться над вопросом: куда же всё-таки подевались «хвалёные» марокканские воры, которыми нас пугали интуристы? Впередисидящие пассажиры сошли в Тетуане, их места заняли двое с иголочки одетых марокканцев лет двадцати с небольшим. Парни прилично говорили по-английски, но речь их была невнятна и бессвязна, они то и дело принимались хихикать. Вскоре после того, как они расселись по своим местам, один извлёк полупустую бутылку джина и два стакана. Впервые за всё время мы с Ларри видели марокканцев, балующихся спиртным. Остальные пассажиры неодобрительно поглядывали на бутылку, однако эти двое проигнорировали враждебные

взгляды и, решительно приступив к делу, лихо опрокинули по полному стакану неразбавленного джина. Под третий стаканчик оба они заглotalи странного вида пилюли. Через некоторое время парни принялись безудержно хохотать, испытывая явные трудности с сохранением вертикального положения без подпорок, особенно тот, что сидел возле прохода. Пассажиры возмущённо зашикали.

Хи-хи, хи-хи, шлёт. Один из любителей джина со всего размаху грудью обрушился в проход, остальную часть тела удержал от падения подлокотник. Другой выпивоха подался вперёд и, вцепившись в ближайшее к нему безжизненно свисающее плечо друга, приналёг и рывком привёл его тело в вертикальное положение. Смех прекратился, теперь в пьяном ступоре эти двое навязывали свой напиток дехканину в бурнусе, сидящему от них прямо через проход. Доведённый до белого каления крестьянин в панике переметнулся на другое место.

Хи-хи, хи-хи, шлёт. Парень у прохода опять вывалился «за борт», повиснув на подлокотнике. До границы оставалось минут пятнадцать, а испанская полиция снискала себе международную известность кропотливыми, вплоть до полного изнеможения обеих сторон, поисками гашиша. Каждый гость Марокко хорошо знает, что, будучи пойманным при провозе гашиша, он рискует провести добрую половину своей жизни в одном из карцеров испанской тюрьмы. В пятнадцати минутах от границы, при скорости сорок миль в час, двое выпивох раскурили сигарету с марихуаной.

— Ох, чудно,— тяжко вздохнул Ларри.— Теперь их песенка спета. Не удивлюсь, если они предложат таможенникам сделать затяжку-другую. Это будет действительно весёленький переезд через границу!

Автобус урчал и ходил ходуном, а эти двое никак не могли оторваться от сигареты. Они курили и курили, пытаясь угостить других. «Спасибо, спасибо, что-то нам сейчас не до гашиша»,— отбрыкивались мы. Ну а затем показалась граница, и автобус остановился.

«Здорово, ничего не скажешь. От нас от самих разит гашишем»,— ворчал Ларри.

И правда, когда мы вели велосипеды через переезд, наша одежда, кожа и волосы так и благоухали гашишем, но никто нас не унюхал. «Никаких досмотров до Альхесирас»,— прокричал пограничник, сделав нам знак рукой проходить.

Прежде чем двинуться в Сеуту, я оглянулась назад на автобус. Он был пуст, не считая двух пьяниц. Они по-прежнему чудом удерживались в креслах, под собственный истерический хохот передавая друг другу косячок. В тот вечер они так и не добрались до переправы.

В Испании, в Рота, что в девяти милях севернее Альхесирас, расположилась американская военноморская база. Там квартировали Ли Трэни и его жена Шейла, наши знакомые по кемпингу в Гранаде. Ли и Шейла мастерски заманили нас погостить к себе на базу, мы же клюнули на огромную банку превосходной крупитчатой арахисовой пасты, которую они преподнесли нам, вскользь упомянув о том, что в военном продовольственном магазине в Рота можно прикупить и побольше. После трёх месяцев сладковатого, вязкого тестообразного испанского месива, близко не лежавшего к арахисовой пасте, первая же ложка родной «Янки экстра чанки» привела нас в полнейший восторг.

Всего за каких-нибудь двое суток — ровно столько потребовалось нам на то, чтобы добраться из Марокко до Рота, самоуправляющейся маленькой Америки,— мы

словно совершили прыжок из прошлого века в век, скажем, двадцать второй. И хотя Испания с её автомобилями, электричеством, водопроводом в небольших городках, мощными сельскохозяйственными машинами на полях по сравнению с Марокко выглядела вполне современной, Рота бесспорно опережала её на целый исторический шаг. На базе были свой кинотеатр под открытым небом, где смотрят фильмы, не выходя из автомобиля, площадка для игры в гольф, теннисные корты. Перед домами красовались электрические газонокосилки и прогулочные авто, своими размерами превышавшие жалкие марокканские хижины. Дом Трэни мог похвастать стерео, утопающей в коврах ванной и огромнейшим, просто выдающимся матрасом в той комнате, которую отвели для нас.

Мы прожили в Рота три дня. Как славно было опять болтать с кем-то по-английски и предаваться воспоминаниям об Америке вместе с людьми, которые некогда там жили. Как приятно было на какое-то время осесть, когда тебе не надо рыскать в поисках пищи и места для ночлега. Всё это было не просто чудесно, но и пробуждало в нас особые чувства, заставляя думать о доме и удивляться тому, как это мы до сих пор не устали от кочевой жизни. Раньше, когда люди, случалось, приглашали нас погостить к себе в дом, их дружеский порыв обычно придавал нам сил и энергии, подогревая наше желание продолжать путешествие и искать встреч с новыми добрыми и душевными людьми. Но в Рота на нас накатила тоска по дому.

В то утро, когда мы уезжали из Рота, взяв курс на север — напрямик под встречный ветер, Ли и Шейла снабдили нас на дорогу шоколадом, овсяным печеньем и конечно же арахисовой пастой. Местность к северу от Рота была скучной и неинтересной, да и мы уже вдоволь налюбовались ею на пути из Севильи. По сухим покатым склонам холмов тянулись ряды низких сучковатых пней

от срубленных олив, а ветер поднимал пыль с испанских виноградников, швыряя её нам в глаза. Встречный ветер и ностальгия изрядно портили нам настроение.

После трёх часов противоборства с ветром и сильного желания рвануть назад в Рота, мы с Ларри съехали с дороги подкрепиться. После бессонной ночи наши силы были на исходе, а мышцы болели после схватки с ветром. Ветер подхватывал и кружил вокруг нас пыль и сор — испанские дороги часто завалены мусором и отбросами, а реки и речушки настолько засорены, что вода в них, отдающая чем-то тухлым, кажется чернильно-чёрной и мылкой. Проезжавший мимо мотоциклист сбросил скорость ровно настолько, чтобы освистать и облить меня грязью, хотя на мне были скромные треники и свободная футболка. Вдобавок мне вспомнилось, как надменная булочница вздёрнула цену на хлеб, когда мы, «*las turistas*», заглянули в её лавку. Вскоре депрессия, ностальгия, физическая и моральная усталость сделали своё чёрное дело — мы с Ларри принялись спорить.

— Мне так хотелось, чтобы ты одумался и перестал настаивать на нашем отъезде из Рота. Я не была к нему готова,— выпалила я. До меня долетал запах гниющего придорожного мусора.

— Это я-то! Да мне и самому не хотелось уезжать. Я думал, тебя потянуло в дорогу! — в ответ прокричал Ларри.

— Тогда почему ты не сказал мне об этом? Почему ты не сообщаем мне о том, чего тебе хочется или не хочется? Почему ты не сказал мне, что не хочешь уезжать из Рота?

— Да потому, что мы всегда поступаем так, как хочется тебе, вот я и не стал себя особо утруждать.

— Снова-здорово! Мы всегда делаем то, что ты пожелаешь, тебе ли об этом не знать!

Ну а затем, стоя возле велосипедов, то и дело срываясь на крик, мы оба поведали друг другу, до чего нам осточертело это путешествие, мусор и грязь, «неравнодушные» ко мне испанские свистуны и как мы устали друг от друга.

— Вот доберусь до Севильи и сразу же лечу домой! Довольно! С меня хватит! Конеч! Я еду домой! — надрывалась я.— И я не желаю тебя больше видеть!

— Отлично! Взаимно! Мы оба устали!

В гневе Ларри сгрёб мой велосипед и швырнул его в кювет. Я бросилась за велосипедом, подняла его и выволокла на дорогу, вскочила в седло и отчаянно заработала пятками.

Я понятия не имела, едет ли Ларри следом, это как раз меня заботило меньше всего. Минут через десять — пятнадцать Ларри нагнал меня.

— Давай-ка слезем и поговорим,— сказал он удивительно спокойным тоном.

— Нет. Мне нужно успеть на самолёт,— вырвалось у меня.

— Живей, давай успокоимся и всё обсудим.

Не удостоив его ответом, я молча катила себе куда глаза глядят. Ларри держался сзади, он хотел дать мне ещё немного времени, чтобы взять себя в руки.

— Ладно, так и быть,— в конце концов сдалась я.

Мы уселись бок о бок на краю дороги, и Ларри обнял меня за плечи. Что там мусор, ветер, грязь и пролетающие мимо мотоциклисты, мы оба просто перестали их замечать. Мы жалели, очень жалели о том, что успели наговорить друг другу. Ларри сетовал на то, что устал и раскис, я же попыталась приободрить нас обоих.

— Сейчас мы переживаем кризис, только и всего,— вслух рассуждала я.— Нам следовало бы предвидеть, что на протяжении нашего двухгодичного путешествия мы время от времени будем попадать в такие вот «ямы».

Нам было чудесно в Марокко. Рота пробудила в нас ностальгию, и мы приуныли, потому что нам было грустно расставаться с Ли и Шейлой. Да и встречный ветер не прибавил нам бодрости. Но очень скоро должно случиться нечто такое, что непременно изменит дело к лучшему. Так всегда и бывает.

— Послушай, самое главное для нас — это поддерживать друг друга, особенно по мере того, как мы продвигаемся на восток и путешествие становится всё труднее. И если один из нас раздражён или подавлен, вместо того чтобы орать на него, другой должен взять инициативу в свои руки и успокоить взгустнувшего, щадя при этом его чувства. Для того чтобы пережить трудные времена и мрачные настроения, нам нужно поддерживать друг друга. То есть приложить какие-то реальные усилия обоюдно, скажем, не заводить себя, если у другого что-либо не ладится, пусть даже и в самых благоприятных обстоятельствах.

— Я люблю тебя, Ларри. Я вряд ли смогла бы справиться с этим в одиночку. Извини, что я вышла из себя. Теперь я постараюсь быть более чуткой. Всё будет хорошо. Возможно, Португалия окажется райским местом, а если и нет, то не всё ли равно, ведь нас ждёт встреча с моими родителями. Не пройдет и месяца, как они будут в Мадриде.

Ближе к ночи, забившись в спальники, мы тесно прижались друг к другу. Мы по-прежнему тосковали по дому, но вместе с тем уже чувствовали новую близость, зарождающуюся между нами. Сознание того, что нам больше не с кем разделить радости и тяготы нашего путешествия, куда бы ни завела нас дорога, ещё больше укрепляло наши отношения.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ПОРТУГАЛЬСКИЙ РАЙ

Ах, Португалия! Благодарение Богу за прекрасную, гостеприимную, не испорченную цивилизацией, к тому же явно пощадившую наши кошельки Португалию. Хотя дороги в ней — хуже некуда.

Булыжные мостовые, ух! После полного оборота педали и я, и мой велосипед запрыгали и затарахтели вперёд, трясясь по «пьяным» неровным каменным брускам. Время от времени колёса проваливались в огромные щербины на месте отсутствующих булыжников или же в слишком широкие щели между ними. Я как можно крепче впилась в руль, но вопреки всем усилиям моя «пятая точка» всю отплясывала болезненную джигу на прыгающем седле. Пока велосипед не замедлил ход почти до полной остановки, а тряска не прекратилась, я не отважилась нажать на другую педаль. Когда же, робко осмелившись, я сделала это, то «влипла» в ещё более сильную болтанку, дребезжание и крен. Господи! Даже в Марокко не было такой напасти!

Половина утра ушла на то, чтобы одолеть десяток миль булыжных дорог через Лиссабон и его северный пригород. Велопокрышки шириной в дюйм с четвертью и булыжник — вещи явно несовместимые. К тому времени, когда мы добрались до асфальта, втулка заднего колеса на велосипеде Ларри дала трещину, нам же, на пути в Мадрид, оставалось проделать ещё сто сорок миль до испанской границы. Португалия, как мы успели выяснить, не отличалась ровными современными дорогами. Добрая часть нашего маршрута пройдёт по булыжнику и гравию.

Кроме встряски мозгов, барабанной дробы, выбиваемой зубами, тяжёлой скачки и сломанной втулки галоп по неровной дороге вызвал ещё кое-что; нечто такое, что повергло нас в ужас. Когда в первый раз это ещё только начиналось, Ларри и словом не обмолвился. Он продолжал крутить педали ещё около получаса, надеясь, что всё пройдёт, когда же этого не случилось, он съехал с дороги. Мы находились в пустынной, безлюдной местности близ Эворы, в восьмидесяти милях восточнее Лиссабона, когда Ларри уселся на обочину и тупо уставился в пустоту. Взгляд его затуманил ужас, смешанный с недоумением.

— Что случилось? — спросила я.— Похоже, тебя крепко контузило на бесконечном булыжнике.

— Всё, им — хана. Они сдохли,— ответил Ларри.

— Кому — хана?

— Они омертвели,— повторил он. Голос его звучал более чем удручённо.

— Слушай, я понимаю, что омертвели. Ты уже это сказал. Вот бы ещё узнать, кто — они.

— Мои гениталии.

— Ох.

— Сдохли,— заявил он в третий раз.— Они онемели, никуда не годятся, и это продолжается уже целый час. Всё, финиш, Барб. Всё пропало, пропало, пропало.

Мы оба в молчании сидели рядышком на краю дороги в ожидании того, что же произойдёт дальше. Ничего не скажешь, жестокий удар для двадцатидевятилетнего мужчины, когда его половой орган теряет всякую чувствительность. Мучительные полчаса Ларри сидел неподвижно, оплакивая свою невосполнимую потерю. Затем с его лица вдруг неожиданно слиняло выражение безысходности. Он издал долгое, обнадёживающее «а-а-а» и возвёл глаза, благодаря милосердные небеса. Теперь он уже испытывал покалывание в той самой онемевшей части тела. И уже через несколько минут его

«хозяйство» пришло в норму. Позже, пообщавшись с другими велосипедистами, протрясшимися по булыжным мостовым Центральной Европы, он узнал, что «синдром омертвевших гениталий» — обычное дело.

И всё же стоило проехать сотни миль по булыжнику, грунтовке и щербатому асфальту. В Европе осталось не так много по-настоящему уютных уголков Старого Света, и вот она — Португалия. Португалия, где крестьяне, как встарь, перевозили грузы на осликах, пасли коров и коз на улицах крошечных городишек; где женщины на улице стирали бельё в цементных общественных бассейнах, а затем несли его домой, балансируя с корзиной на голове, и где во многих сельских домах не было ни электричества, ни водопровода.

В первый же день в Португалии, в крохотном городке на южном побережье, в маленькой лавочке мы попросили полдюжины яиц и бутылку питьевой воды. Хозяин послал свою дочь на задворки выбеленного домика посмотреть в курятнике.

— Сожалею,— сказал он, когда она вернулась, принеся всего четыре яйца.

Он покачал головой. Даже куры теперь не те — не так несутся, как раньше. А что до бутылочной воды, так он её просто не держит — хотя обождите. Дочь снова была послана с поручением. На сей раз она возвратилась с длинной верёвкой, к концу которой была привязана четырёхлитровая бутылка. Хозяин протянул это хитроумное приспособление Ларри и указал за окно: в двух шагах от лавки находился общественный колодец.

Португалия и Южная Испания разительно отличались друг от друга. Никто не вздёргивал цены лишь потому, что мы были иностранцами. Вместо того чтобы свистеть, смеяться или вожделенно пялить на меня глаза, португальцы хлопали в ладоши, когда я проезжала мимо. И никакого мусора, никаких груд

отбросов, гниющих вдоль дорог. Особое восхищение вызывали кемпинги: плати доллар и пользуйся горячим душем или стирай в цементном бассейне сколько душе угодно. Раз в три-четыре дня мы заруливали в кемпинги помыться и повернуть очередную постирушку. Был уже конец апреля, когда мы катили по жаркому и солнечному побережью Португалии, держа курс на Лиссабон. За исключением нескольких районов сосредоточения туризма и высотных многоэтажек, особенно вокруг Албуфейры и Квартейры, побережье было почти пустынным. Мы пробирались по пыльным дорогам от одной песчаной бухточки к другой, где, разбив лагерь, мы целыми днями загорали, купались, читали, ловили рыбу или лазали по зубчатым прибрежным скалам.

Раз в день мы выезжали на шоссе, чтобы купить продукты в маленьких бакалейных лавочках. Они не отличались большим выбором товаров, зато цены были всегда приемлемые. Яйца и сыр на завтрак, хлеб и шесть — восемь стаканчиков йогурта на ленч, лук, помидоры, копчёная колбаса и рис к обеду обычно обходились где-то в три с половиной доллара. В большинстве магазинчиков, куда мы заглядывали по дороге на север, в Лиссабон, было так мало продуктов, что мы фактически вычищали все полки, покупая себе однодневный запас пропитания.

Дорога от Лиссабона на восток, к испанской границе, потряхивая, вела нас через укреплённые средневековые городки Эвора, Эштремош и Элваш. Зной и сушь были до того тягостны, что в каждом встречном селении мы непременно останавливались у источника или колодца и с ног до головы обливались прохладной водой. Прохожие всегда посмеивались, одобрительно кивая. На закате дня, прежде чем съехать с дороги и устроиться на ночь на какой-нибудь лужайке под оливами или пробковыми деревьями, мы находили «самый

последний» источник, вытаскивали мыло и стирали, а затем соскабливали с себя пот и грязь.

В воскресенье после полудня мы с Ларри вкатились в Эштремош, в двадцати пяти милях от испанской границы. Почти все лавки были закрыты, большинство горожан либо разбрелись по домам полдничать, либо подрёмывали на скамейках в тенистых парках и на площадях. Несмотря на это, Ларри отыскал работающую кондитерскую, где нам посчастливилось купить свой обычный «джентльменский набор» для ленча. Затем мы облюбовали затенённый кусочек тротуара и расселись у самого порога закрытой сапожной мастерской. Едва только мы разложили снесь и принялись жевать, как из дверей ресторанчика напротив показался официант, приглашая внутрь, где прохладнее и намного удобнее. После нескольких недель странствия по стране нам удалось несколько поднаторметь в португальском — «испорченном» испанском, когда слова произносятся на пределе скорости, и мы не замедлили принять приглашение. Собрав еду, мы двинулись за Пауло — так звали официанта. Ресторан мог похвастаться гостеприимно распахнутой массивной деревянной дверью, зато маленькие окошечки по обеим сторонам от неё были плотно закрыты ставнями. Внутри было темно и влажно, уже с порога на нас дохнуло прохладой. Некрашенные стены и голый цементный пол. На стойке бара в дальнем конце зала примостился телевизор, передавали воскресную мессу из Фатимы. Телевизор и открытый дверной проём служили в заведении единственными источниками света. За одним из шести столиков восседали угрюмые супруги в чёрном. Не отрываясь от телевизора, они поглощали жареную рыбу с салатом, мирно «уговаривая» большую бутылку красного вина.

Мы с Ларри примостились за столиком у двери и снова «раскинули» свой ленч. Пауло принёс нам

салфетки, приборы и бокалы и, пока мы работали челюстями, дежурил в дверях, присматривая за велосипедами. Приятно было укрыться здесь от жары, между тем Пауло предупредил нас о чередѣ жарких и сухих дней, которые предстояли нам от Эштремоша до границы.

— Вас же жажда замучит,— причитал он, сокрушѣнно качая головой.— В этой части Португалии после полудня слишком жарко путешествовать на велосипеде. Того, что в бутылках, вряд ли будет достаточно. Так вы не продержитесь.

Ларри продемонстрировал Пауло нашу резервную квартовую флягу и заверил его, что нам с избытком хватит воды для двадцатипятимильного броска до границы.

— Нет. Не хватит. Не хватит,— ворчал Пауло. Он продолжал качать головой и выглядел крайне озабоченным.

Минутой позже Пауло просиял, а затем припустил по улице в сторону расположенного на углу современного ресторана, взятого в полукольцо туристическими автобусами. Спустя четверть часа Пауло прибрѣл назад с гигантским пронзительно-жѣлтым пластиковым пятилитровым кувшином воды в руках и улыбкой от уха до уха.

— Боже правый! Да эта бочка, пожалуй, на всё пятнадцать фунтов! А какая здоровая! Хотел бы я знать, как приторочить её к велосипеду,— ужасался Ларри себе под нос, благодарно улыбаясь Пауло.

Мы оба понимали: делать нечего, придѣтся прихватить бутылъ с собой, сколько бы она ни весила. По выражению крайнего ликования на лице Пауло можно было догадаться: откажись мы от подарка, его лучшие чувства и гордость за содеянное будут безжалостно попораны. Пауло вручил кувшин Ларри.

— Это фильтрованная вода со льдом. Очень-очень хорошая,— объяснил он.— В ресторане нет воды в бутылках, но я отыскал в подсобке эту бутылку, отмыл и наполнил очищенной водой со льдом.

«Вода со льдом» — при португальской жаре это звучало совсем как «манна небесная», однако по физиономии Ларри, который в этот момент протаскивал один из ремней, удерживающих его спальник на заднем багажнике, через ручку кувшина, а затем подтягивал и закреплял его, было видно, что бутылка непомерно тяжела. Но Ларри умолчал о её весе. Мы горячо поблагодарили Пауло и до изнеможения трясли руки в дружеском прощальном рукопожатии.

На краю города цыгане раскинули под открытым небом рынок, где продавали, среди всего прочего, одежду, полотенца, бельё, обувь и ткани. Я решила остановиться и поискать себе юбку, на случай, когда мы вместе с моими родителями отправимся осматривать мадридские достопримечательности. Цыганские семейства, заправлявшие на рынке, представляли собой компанию бесцеремонную и скандальную. Дети щеголяли в немыслимых лохмотьях, а взрослые могли гордиться своим умением мастерски облапошить любого.

Мне приглянулась юбка из несминаемого джерси, которую можно было скомкать и упрятать на самое дно выючника. Взамен я предложила цыгану «Levi's». В 1979 году любой европеец жаждал заиметь настоящие американские джинсы «Levi's», поэтому я изумилась, когда цыган заартачился.

— Юбка стоит триста эскудо. На что мне джинсы? Давай деньги,— сказал он.

— Но это же самый что ни на есть настоящий «Levi's». Понимаете, штатовский «Levi's». В Лиссабоне они стоят уйму денег.

Цыган склонил голову набок и прищурился. Похоже, он сомневался.

— В наших краях крестьянки не носят джинсы. Может, американки и носят, но португалки — нет. У меня их и даром не возьмут, не то что за деньги.

«Потрясающе,— заметила я про себя,— вот уж не думала, что наступят времена, когда европеец отвергнет американский «Levi's». Но ведь это же неиспорченная Португалия». Мы с цыганом сошлись на двухстах эскудо, около четырёх долларов, и оба остались довольны.

Пауло оказался прав: мы с Ларри с жадностью втянули всё пять литров талой воды раньше, чем добрались до границы. Это была не езда, а сущая пытка. Тащась в гору под палящим солнцем, окутанные неподвижным воздухом, мы готовы были поклясться, что жара одолеет нас прежде, чем мы сумеем добраться до вершины. Талая вода снимала тяжесть с распухшей головы, увлажняла пересохший, словно набитый ватой рот.

Опорожнив кувшин, мы всё же решили не выбрасывать его, пусть себе болтается, и это была дельная мысль. Он сопровождал нас до самой Англии. Весь день Ларри возил его порожняком, затем ближе к ночи мы наполняли его, поэтому нам с избытком хватало воды на готовку и умывание. Ну а избыток уходил на оттирание слоя сажи, которую сгоравший бензин, питавший теперь нашу плитку, щедро оставлял на дне и стенках кастрюль.

Всю дорогу до Мадрида, то есть почти двести пятьдесят миль, нас преследовала стопятиградусная жарница. Возвращение на юг Испании принесло полное разочарование. Воскресным вечером мы пересекли её границу и отобедали в кафе в небольшом посёлке восточнее Бадахоса — у нас кончилась провизия, а все лавки, как на грех, оказались закрыты. Когда же

официант попытался содрать с нас побольше, мы почувствовали себя снова в Испании.

На следующий день после нашего приезда в Мадрид прилетели мои родители. Пока они отсыпались после самолёта, мы с Ларри возились с велосипедами: чистили, смазывали, капали масло, регулировали... Ларри посчастливилось купить новую втулку к заднему колесу.

Неделю спустя, вдоволь налюбовавшись красотами Мадрида, Ма и Па взяли напрокат автомобиль. Устроив велосипеды на верхнем багажнике, мы покатали на север Португалии. Чем меньше оставалось до границы, тем больше я беспокоилась: что, если жители Центральной и Северной Португалии окажутся не столь дружелюбны, как их соотечественники-южане.

Мне не пришлось долго волноваться. После того как на границе Ма посетила туристическое справочное бюро в поисках проспектов, она вернулась не просто с горой литературы, но и двумя розами. Одна из служащих так расположилась к Ма, что преподнесла ей розы в качестве презента и в знак дружбы. На другой день в Визеу, за завтраком в кафе, Ма и Па разговорились с одной португалкой, секретаршей, которая хорошо говорила по-английски. К концу завтрака она заявила, что берёт выходной и покажет нам город и горы. Где бы мы ни останавливались, будь то городок или деревня, португальцы сразу тянулись к моим родителям, прежде всего потому, что Ма и Па путешествовали не в туристическом автобусе, одевались просто и проявляли неподдельный интерес к увиденному и к тем, с кем встречались.

Португальские пансионы и рестораны преподнесли нам настоящий сюрприз. Мы с Ларри продолжали вести палаточную жизнь. Па и Ма останавливались в пансионатах или отелях, в десятидолларовых двухкомнатных номерах с ванной. Что же касается еды, то в португальских ресторанах точно знали, как угодить

на наш внушительный аппетит. За два доллара с носа каждому подавали огромное серебряное плоское сервировочное блюдо, содержимого которого вполне хватало, чтобы дважды горой наполнить тарелки отварным или жареным мясом, рисом и салатом. Ещё за двадцать центов нам «нагружали» по полной тарелке тушёных овощей.

— Вот это страна, где умеют от души поесть! — объявил Ларри в первый раз, когда мы обедали в ресторане.— Я на седьмом небе! Жаль только, не знал об этом объединении раньше. Чтоб я так ел всю дорогу, пока мы ехали по югу Португалии. Неудивительно, что в здешних лавках вечно пустые полки, всё — в ресторанах!

На самом севере Португалии, у испанской границы, мы наткнулись на прилепившийся к скалам средневековый городок Валенсья-ду-Миньо с узкими мощёными улочками и старинными домами, возвышающийся над утопавшей в густой зелени долиной реки Миньо. До наших дней сохранились высокие серые каменные стены, некогда защищавшие Валенсью от вражеских нападений. За крепостными стенами простирались виноградники. Лоза высотой до семи футов приносила плоды для знаменитого «Вино верде бранко» — терпкого белого вина, производимого лишь на севере Португалии. Валенсья — безмятежное и живописное место, и мы вчетвером провели последние дни в Португалии, обследуя её виноградники и фермы, наслаждаясь едой и вином.

Мы с Ларри поставили палатку ниже городка, на поросших травой берегах Миньо, широкой реки со спокойным течением. Тихий и мирный уголок — даже шум с отдалённых ферм не проникал в эту глушь. Разве что лодка, шлёпая вёслами, медленно проплывала мимо посередине реки да птицы, опускающиеся на землю неподалёку от нас, нарушали безмолвие. По утрам мы

завтракали на берегу, болтая ногами в холодной речной воде. На севере Португалии было значительно прохладнее, и мы с удовольствием расправлялись с яичницей, тостами и горячим чаем на бодрящем росистом воздухе. После завтрака, перед тем как присоединиться к Ма и Па, мы обычно пробегали трусцой по булыжным тропинкам, прорезавшим виноградники, мимо ферм и огородов, иногда наталкиваясь на стадо коров или овец.

Как и всё в Португалии, Валенсья-ду-Миньо был совершенно особенным местом. Местом, где я, наверное, могла бы жить бесконечно долго.

Двадцать третьего июня 1979 года, в испанском аэропорту Сантьяго-де-Компостела, в сотне миль к северу от Валенсья-ду-Миньо, мы с Ларри попрощались с Ма и Па. Мы не увидимся с ними до самого нашего возвращения в Калифорнию где-нибудь в следующем году, и до этого особого момента было ещё ох как далеко. Он маячил где-то там, в отдалённом будущем, за Египтом, Непалом и Новой Зеландией, которые сами казались такими далёкими.

Завтра Ма и Па вернутся в Калифорнию — домой, к друзьям,— в то время как мы с Ларри одолеем не более шестидесяти миль пути — первые шестьдесят из одиннадцати тысяч пятисот миль, которые нам осталось проехать до конца путешествия. В аэропорту, когда я смотрела на родителей, меня вдруг охватило новое, непривычное чувство; я испугалась, что могу больше никогда не увидеть сияющую лысинку Па и крохотную, пятифуртовую фигурку мамы.

Я слышала: Ма и Па говорили Ларри, как они волнуются за нас, просили быть осторожными, часто писать и не беспокоиться, они обязательно переведут телеграфом три тысячи долларов в Лондон, в главное отделение банка «Барклай». (Этой суммы, по моим

расчётам, должно будет с лихвой хватить до «Банк оф Америка» в Куала-Лумпур, последнего места, где мы снимем деньги со счёта.)

Слышать-то я слышала, но мне никак не удавалось сосредоточиться на том, о чём они говорили. Вновь навалились старые страхи: я боялась погибнуть под колёсами, быть убитой разбойниками, укушенной ядовитой змеей или подхватить какую-нибудь неизвестную науке, смертельную болезнь. Боялась, как бы во время моего путешествия чего не случилось с Па или с Ма. Глядя, как они исчезают в самолёте, я гадала, увижу ли их когда-нибудь, и чувствовала себя очень одиноко.

Однако уже к обеду, после того как мы с Ларри отмахали сорок миль по ухабистой грунтовке, ведущей на северо-восток от аэропорта к Сантандеру, сильная боль в пояснице и коленях затмила тоску и тревогу по поводу гипотетических опасностей. Это было жестокое наказание, которое наложили на нас наши тела через четыре часа интенсивной нагрузки после месяца ленивого бездействия. Пристрастившись к сладкой жизни, они горько жаловались на то, что мы опять заставляем их трудиться.

К несчастью, у нас осталось только четыре с половиной дня на дорогу до Сантандера, портового города на побережье Атлантики, где-то в трёхстах сорока милях от Сантьяго-де-Компостела: нам хотелось морем добраться до южного побережья Англии, пока не вступили в силу летние расценки на билеты. Итак, нам нужно было ежедневно делать семьдесят миль по грунтовой дороге, изрытой колеями и усеянной выбоинами, борясь при этом с прибрежными кручами. Наши изнеженные колени и зады изрядно претерпели за эти четыре с половиной дня. Временами я сомневалась, доберёмся ли мы до Сантандера вообще. Но вот мы достигли цели, тютелька в тютельку,— за сорок пять

минут до взлёта цен мы вкатили в здание морского вокзала и взяли два билета до Плимута.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ БРИТАНСКИЕ ОСТРОВА

В голосе Кэри слышались какие-то странные нотки, выдававшие нечто большее, чем просто недоумение или недовольство. Точнее было бы сказать, он цедил слова с интонацией: «поверить-не-могу-что-я-ввязался-в-это-дело». Так было на следующее утро после первого дня его велосипедного путешествия по Шотландии, который к тому же оказался для Кэри первым днём путешествия где бы то ни было. Он уселся возле палатки в чистом поле в Калроссе, под Эдинбургом, и собирался отведать свой первый дорожный завтрак.

«Так, в чае — муха. В яичнице — комарики. В тарелку с тостами заползает слизень. Кругом коровий навоз и овечий помёт!»

Спустя двенадцать часов, добравшись до Лох-Ломонда, мы втроём ставили палатки под проливным дождём. А до того, в часе езды до кемпинга, с первыми каплями дождя Кэри уже спешил к обочине дороги.

— Ребята, на меня вроде бы капнуло. Дождь начинается, поэтому нам бы лучше разбить лагерь прямо сейчас.

— Кэри, до кемпинга осталось каких-нибудь пять миль,— возразил Ларри своему лучшему другу.

— Ага, но ведь идёт дождь! Мы же не можем ехать под ливнем! — Кэри взглянул на нас так, будто мы оба ополоумели.

Бедный, неискушённый Кэри, подумала я, когда, оглянувшись назад, увидела, как он стоит и дрожит у дороги. Он-то и не подозревал, что ему уготовано. Разумеется, мы предупреждали его о дождях, когда звонили ему из Ирландии, чтобы окончательно договориться о встрече в Шотландии. Но, как и мы сами,

Кэри был истинным южным калифорнийцем; он, право же, не поверил, что придётся немало проехать под проливным дождём. «Я буду в Шотландии в августе, в самом конце лета; какие там дожди»,— успокаивал он себя. Словом, Кэри смотрел на Шотландию с её осадками точно так же, как я некогда на Орегон...

В тот день, когда Кэри на всех парах нёсся в Сан-Франциско, чтобы поспеть к самолёту, в его родном городке Пасо-Роблес стояла стопятиградусная жара. Он прилетел в Эдинбург с пятидолларовым пластиковым «курточно-брючным ансамблем от Вульворта», который был ему явно маловат, и нейлоновой палаткой без непромокаемого откидного полога. Он и не думал, что на восемнадцать дней его пребывания в Шотландии придётся тринадцать дождливых.

— Кэри, возможно, в Шотландии частенько будут поливать дожди. Но если мы станем всякий раз останавливаться и бросаться ставить лагерь, то мы никогда никуда не попадём. Понимаю, тебе никогда раньше не приходилось ездить под дождём, но через некоторое время ты привыкнешь. Думаешь, зачем мы рвёмся в кемпинг? Да чтобы в конце дня постоять под горячим душем,— объяснял Ларри, надеясь уломать Кэри.

Наш друг было забурчал что-то, но затем с неохотой кивнул. Он натянул свою пластиковую курточку без капюшона, с рукавчиками «три четверти», к тому же не сходявшуюся на нём в талии по меньшей мере на пару дюймов, обмотал штанины полиэтиленовыми мусорными пакетами, которыми мы его снабдили, и наострил свой велосипед обратно на дорогу.

Думаю, в этот момент он от души считал нас просто чокнутыми.

В десять вечера, когда мы въехали в кемпинг в Лох-Ломонде, Кэри вконец вымотался. В тот день мы одолели всего-то миль сорок, так как большую часть

времени осматривали достопримечательности Калросса и Стерлинга. Но для Кэри, новичка в велотуризме, сорок миль, причём пять из них под дождём и в гору,— путь немалый. А ведь нам ещё предстояло разбить палатки, приготовить и съесть ужин, помыть посуду и принять душ.

Мы с Ларри тотчас же принялись рыскать в поисках подходящего места для лагеря, в то время как Кэри без дела слонялся у нас за спиной. Поставив палатку, мы разбили и его «шатёр» под кронами сосен, которые должны были отчасти заменить бедняге дождевой полог. После этого мы собрались в его палатке отужинать отбивной с салатом. Тут Кэри разобрал смех.

— Круто! А вы и вправду несгибаемые ребята. Я на ходу помираю, а вы делаете милю в минуту. Наши там, в старом добром Пасо-Роблес, никогда этому не поверят.— Кэри одобрил протяжную речь южанина довольным кудактаньем.— Я думал, самое трудное в вашем предприятии — привыкнуть к езде на дальние расстояния. Чёрта с два, это только полдела! Вам пришлось притерпеться к букашкам в еде, к ночёвкам среди навозных куч, к походам за едой трижды на дню. А затем, ближе к ночи, когда вы протягиваете ноги от усталости и голода, приходится ещё искать клочок земли для ночёвки и пыхтеть над ужином у этого керогаза, а после вас ждёт, нет, не сон, а немытые ложки-плошки... А сколько раз вы отправлялись на боковую не мывшись. Вдобавок ко всему вы шлёпаете по лужам под дождём, мокрые и несчастные. Словом, это и есть — круто!

Странно было слышать, как Кэри рассуждает об азах велотуризма, словно о непреодолимых трудностях. Мы с Ларри давно уже считали всё это рутиной и наверняка бы не заметили тех несчастных заплутавших жучков, если бы Кэри не ткнул нас носом. Пока Кэри вдохновенно распинаялся о том, как мы здесь все вместе

смиряться с жестокими лишениями, я мысленно вернулась в тот день, когда мы с Ларри только что прибыли на Британские острова.

После полугода странствий по Испании, Марокко и Португалии цивилизованные, тихие и опрятные Британские острова повергли нас в настоящий шок. За какие-то день-два мы поняли, что путешествие покажется нам лёгкой прогулкой. Сойдя с парома в Плимуте, мы первым делом кинулись в ближайшую прачечную самообслуживания, где впервые за полгода постирали все наши вещи в по-настоящему горячей воде. Затем мы двинулись по магазинам пополнить свой гардероб, а также за запчастями к плитке, которых мы не могли днём с огнём отыскать в Испании и Португалии. Мы оба остро нуждались в паре новых кроссовок. У старой обуви Ларри подошвы отжили своё ещё после Кадагеса, мои же кроссовки, с тех пор как окончательно развалились на южном побережье Испании, держались только за счёт изоленты.

В тот вечер мы решили шикануть и остановились в Плимуте в частном доме, гостеприимно предлагавшем ночлег и завтрак, где поутру миссис Грант кроме беседы предложила нам кукурузные хлопья, бекон, колбасу, яичницу, тосты и мармелад под нескончаемый поток чая с молоком и сахаром.

В течение следующих нескольких дней, по мере того как мы продвигались на север через Дартмур и на восток к Стоунхенджу, мы с радостью обнаружили, что на дорогах Англии нет ни камней, ни гигантских рытвин, ни гравия, ни щебёнки. Впервые за много месяцев мы больше любовались пейзажем, чем разглядывали дорогу. Мы также обнаружили, что в Англии походы по магазинам требуют вчетверо меньше времени, чем в Испании и Португалии. На прилавках английских супермаркетов было выставлено всё, что душе угодно. Нам больше не нужно было обегать четыре лавочки,

чтобы купить фрукты, овощи, йогурт и хлеб. Да и ежедневные поиски питьевой бутылочной воды теперь оказались ни к чему — воду из водопровода можно было пить без опаски. К тому же и сами походы за покупками в Англии больше походили на отдых, не то что в Испании, где вечно приходилось протискиваться и проталкиваться к прилавку. Англичане — твёрдые сторонники искусства вежливо выстраиваться в очередь и спокойно стоять в ней — «заплетать косу», как говорят они. Если два англичанина подходят к очереди одновременно, каждый из них настаивает, что другой опередил его.

Первые недели нашего пребывания в Англии мы с Ларри часами поглощали «деликатесы», которые редко (если вообще) попадали на наш стол в последние шесть месяцев: английское крупитчатое арахисовое масло, чисто пшеничный хлеб, мюсли и хрустящие новозеландские яблоки. Поскольку, в отличие от запада Штатов и Канады, в Англии нет бесконечных, безлюдных равнин, нам больше не приходилось беспокоиться о запасах воды и провизии. В обеденное время мы заезжали в какой-нибудь маленький городок, делали покупки и обедали либо в безупречно ухоженном парке, либо на скамейках на главных улицах, перед милыми своей стариной магазинчиками. После обеда мы прогуливались мимо белых оштукатуренных коттеджей под бурыми черепичными крышами, окружённых цветниками и огородами.

Отлаженная система английских общественных туалетов ещё более способствовала успеху нашего велопробега по Великобритании. При въезде в каждый городок перед нами представляли два знака: один направлял к центру города, другой указывал на общественные туалеты. Миниатюрный символ британской чистоплотности, уборные даже предоставляли туалетную бумагу — правда, иногда

вощёную — и бумажные полотенца. Мы и думать забыли о выискивании укромных местечек у обочины дороги... Теперь, когда можно было вдоволь поплескаться, помыть посуду и постирать в раковинах, мы наконец распрощались с обременительной пятилитровой пластиковой бутылкой.

В Великобритании не составляло труда найти место для стоянки. Фермеры всегда любезно пускали нас на свои поля, и даже охранник Стоунхенджа, добрый старина Фред, как мог помог нам, когда мы в сумерках прикатили туда.

— Стало быть, вам приспичило сей момент стать здесь лагерем, не так ли? — подсмеивался над нами Фред.— Что ж, если вы разобьёте палатку на этой зелёной лужайке, то завтра поутру сможете любоваться чудесным видом восхода над трехтысячепятисотлетними глыбами. И не обращайтесь внимания на запрещающий знак. Он здесь только для того, чтобы не подпускать близко всяких там нежелательных личностей. Располагайтесь, но обещайте мне не сигать среди ночи через ограду и не рыскать среди камней. Знаете, находятся охотники. И зарубите себе на носу: я дежурю здесь всю ночь и терпеть не могу, когда меня беспокоят. Если поймаю за ограждением, то вам, двум несчастным янки, не поздоровится. Поэтому ведите себя как следует, договорились?

— Ладно, Фред,— ответил Ларри.

— О, чуть не забыл,— подмигнул Фред.— Когда часов в десять услышите такие звуки, ну, вроде как пули свистят, не беспокойтесь. Это просто английские вояки проводят тренировочные стрельбы. Они проделывают это каждую ночь. Да ещё и манёвры. Обычно вся канитель длится часа три. Хотя ничего страшного. Танки обойдут вашу палатку.

— Да будет, Фред,— посмеялась я.— Если вы думаете, что мы, янки, так наивны, что поверим, будто английская армия проводит манёвры и стрельбы вокруг Стоунхенджа, то вы ошибаетесь. Не на тех напали.

Загадочно улыбнувшись, Фред пожелал нам удачи. Ближе к ночи он пришёл к нашей палатке поведать нам историю Стоунхенджа и рассказал, как в годы Второй мировой войны ВВС США, официально расквартированные в Англии, предложили англичанам скрыть камни и использовать место под взлётно-посадочную полосу. Вскоре после того, как Фред ушёл, мы забрались в палатку и уснули.

И только я погрузилась в мир сновидений, как ночь взорвалась оглушительным, ошеломляющим и ужасающим шквалом огня. Я подскочила в своём «коконе», мысленно сию минуту определяя, где я нахожусь. Со всех сторон слышались залпы артиллерийского огня и громоподобное гудение танков.

— Мы на войне! — завопила я.

Но где? Почему? Как мы здесь оказались? Я хотела сказать: Господи, почему мы ночуем в самом центре поля брани? Мы что, полные безумцы?

— А Фред-то не шутил! — прокричал Ларри сквозь рёв взрывов и лязг механизмов. Он долго копошился в одном из пакетов, пока наконец не извлёк из него свой фонарик и мои часы.

— Знаешь, а они что-то припозднились. Уже десять двадцать.

Из Стоунхенджа мы направились через Бат и Бристоль в Уэльс, где нас ожидали наидобрейшие люди, великолепнейшие пейзажи, самые опрятные и привлекательные своей стариной городки — хотя мы и столкнулись с некоторыми трудностями в произношении названий нескольких поселений, таких, как Лланфэйрпуиллгджинджилл на острове Англси. Мы пересекли Уэльс, проехав от Ньюпорта на север через

национальные парки Брекон-Биконс и Сноудония до самого острова Англси.

Именно на Англси в местном пабе мы познакомились с примером сдержанного нрава валлийцев. Мы с Ларри завернули в паб съесть чего-нибудь горяченького, выпить пива и немного поболтать, а следом за нами в дверь тяжело ввалились два дюжих валлийца, таща на себе целую выхлопную систему автомобиля. Орудую локтями, они протолкались мимо игры в дарты, мимо столов и табуретов, при этом никто, кроме нас, не обратил на них ни малейшего внимания. За несколько секунд до того, как исчезнуть за дверью женской уборной, один из мужчин заметил недоумение на моём лице. «Неполадки по слесарной части», — подмигнул он, а затем затворил за собой дверь.

Склоны в Шотландии были невероятно крутые, подъём в двадцать пять градусов считался делом обычным, и нам оченьгодились наши самые низкие передачи. Мы катили по берегам рек, ручьёв и озёр, мимо средневековых замков и холмистых изумрудных полей, усеянных вездесущими гуртами белых овец и разделённых на клеточки серыми каменными изгородями. В городках Уэльса улочки узкие, окаймлённые с обеих сторон рядами плотно примыкающих друг к другу каменных домов с яркими тентами и цветочными горшками. Так же как и в Англии, там было безукоризненно чисто и тихо.

В Уэльсе фермеры спешили пригласить нас поставить палатку рядом с их постройками. Родственники многих из них эмигрировали в Соединённые Штаты, и фермерам нравилось слушать рассказы об Америке. Стоило нам поставить палатку у них во дворе, как нас обязательно зазывали в дом с холода и мелкого дождика, который, казалось, преследовал нас по всему Уэльсу, и усаживали в пухлые кресла в гостиной у камина. Затем кто-нибудь

непрерывно протягивал нам чашку горячего чая, и всё семейство собиралось вокруг послушать наши истории, подзадоривая нас вопросами. Их интересовало всё. Всем ли богато живётся в Америке? Что, у каждого есть лимузин? И всё кругом современное? Правда ли, что политики в кулаке у мафии? Всегда ли жарко и солнечно в Калифорнии? Неужели фермер из захолустья может стать президентом? Мы отвечали на их расспросы, а они, в свою очередь, делились с нами опытом, как пахать и сеять на крутых горных склонах и как выращивать овец и коров.

В Уэльсе нам были рады не только фермеры, горожане были столь же гостеприимны. В Сирфилли, городе в Южном Уэльсе, мы притормозили возле излюбленного места Ларри, неизменного, где бы он ни был,— возле бакалейной лавки. Средних лет пара остановилась посмотреть наши велосипеды и поболтать с нами. Когда мы спросили, как добраться до ближайшего кемпинга с горячим душем — наш нюх уже подсказывал: пора бы устроить банный день,— Фред и Грейс Буль живо пригласили нас к себе в посёлок Машен, в нескольких милях по дороге, на ленч из лососины и сандвичей с пикулями и в горячую ванну — на долгое, благословенное и успокаивающее «отмокание».

Фред и Грейс относились к тому самому типу людей, с которыми, как мне кажется, можно дружески болтать вечно и бесконечно. Подъезжая к их дому, мы рассчитывали пробыть в гостях часа два, а затем двинуться в Брекн-Биконс. Но прошло уже пять часов, а мы по-прежнему уютно сидели в гостиной, обсуждая политику, всю свою «подноготную», путешествие и уйму других тем. Когда кто-то наконец вспомнил о времени, Фред и Грейс немедленно намекнули, что «выпустят» нас не раньше, чем завтра после завтрака. После мясного обеда и ещё более продолжительной беседы

все мы уселись в машину Булей и двинулись по узкой дороге, обрамлённой серыми каменными изгородями, в их любимый паб пропустить несколько кружек эля.

На следующий день мы выехали не раньше полудня. Сцена нашего прощания, возможно, потрясла соседей Булей: обе пары, которые ещё вчера были совершенно незнакомы, сегодня стискивали друг друга в объятиях и лобызались, как давние друзья. Уже после нашего отъезда Грейс сделала удивительную вещь. Она позвонила моим родителям в Калифорнию и, уверив их, что у нас всё хорошо, пригласила погостить в Машен.

Единственное, что не способствовало путешествию по Уэльсу, так это погода. Летние денёчки отличались холодом и сыростью. Почти каждый день моросил надоедливый мелкий дождь, когда же мы по пути в Ирландию пересекали Ирландское море, погода совсем раскисла. Нам ничего не оставалось делать, как рассекать лужи под проливными дождями. К несчастью, дождевик «Гортекс», что привезли мне родители, при сильном дожде вовсе пропускал воду. По замыслу, водонепроницаемая ткань должна была «дышать», то есть выпускать наружу мои испарения, не позволяя при этом воде проникать внутрь. Принцип дыхания срабатывал лишь при слабеньком дождичке и особенно на подъёмах, когда я обильно потела. Тогда дождевик действительно «выдыхал» пот, в отличие от моей нейлоновой куртки. Однако «Гортекс» был бессилён перед ирландскими ливнями, и к концу дня я вбирала не меньше воды, чем Ларри в своей протекающей, старенькой нейлоновой курточке.

Чтобы не возиться под ливнем с готовкой и палаткой и в сухости развесить промокшую одежду, мы приспособились прятаться в недостроенных домах вдоль дорог. По утрам, впопыхах собрав пожитки, мы срывались с места ещё до прихода строителей. Днём мы проводили добрую часть времени в сухих, тёплых

ирландских тавернах, борясь с тёплым «Гиннесом» и перекидываясь шутками с местными. Беда только, что гостеприимные ирландцы вливали в нас слишком много пива, поэтому, изрядно окосев и покинув наконец заведение, мы ещё часа два выписывали на дороге кренделя. И всё-таки «внутренний обогрев» позволял хотя бы на время забыть о вечном холоде и сырости.

К дождям-то мы подготовились. Но что стало для нас полной неожиданностью, так это непомерно высокие цены на продукты — такой дороговизны, как в Ирландии, мы не видели ни в одной из стран. Теперь только на провиант уходило более десяти долларов в сутки.

Из Ирландии мы перебрались в Северную Ирландию — единственное место на островах, где нас подстерегали настоящие трудности. На границе нас встретил усиленный блокпост с колючей проволокой, пулемётами и солдатами-англичанами в камуфляжной форме и бронежилетах. Один из них фотографировал водителей и пассажиров, пересекающих границу. Он пропустил нас, но нам пришлось на себе перетаскивать велосипеды через натянутую поперёк дороги шиповатую проволоку.

Миновав блок-пост, на пути в Лондондерри мы умудрились заблудиться возле моста через Фойл. Очень скоро мы обнаружили, что местность, куда мы заехали, более всего напоминает зону военных действий. Всё в округе было разнесено в куски и облизано огнём. Местами чудом уцелели отдельные строения в завалах обугленного камня. Угрюмые лица мужчин и женщин, сидевших на крыльце полуразрушенного дома, не выражали ничего, кроме ненависти и жажды мщения. Нам бы остановиться и спросить дорогу, но вместо этого мы продолжали двигаться вперёд, пока не наткнулись на мост.

За рекой, в деловом центре Лондондерри, на каждом углу дежурили вооружённые солдаты, в то время как по улицам разъезжали патрульные грузовики, где солдат было ещё больше. Тишина, царившая в городе этим тёплым субботним днём, при всём обилии оружия вокруг казалась затишьем перед бурей. Проезжая по патрулируемым пустынным улицам, я чувствовала себя незащищённой и уязвимой, порой мне казалось, будто я слышу пулемётную очередь и чувствую, как пули «вспахивают» мне спину. Из центра города мы двинулись на север вдоль пологого берега реки и оказались в фешенебельном жилом районе. Его обитатели забаррикадировались в своих домах-крепостях. По верху защитных стен и оград была пропущена колючая проволока или вцементированы острые неровные осколки битого стекла, во дворах грозно рыкали доберманы.

Нам потребовалось два дня на то, чтобы вихрем пронестись через Северную Ирландию от Лондондерри до Ларна, портового города, расположенного строго на север от Белфаста. Многие города на нашем пути были покрыты «шрамами» граффити, краткими выражениями ненависти, выплеснутой в краске на улицы и стены зданий: «АНГЛИЧАНЕ, ВОН!» или «СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯМ». В Северной Ирландии нам встретилось лишь несколько автотуристов, все они, как и мы, двигались в сторону шотландской переправы в Ларн или обратно.

В последний июльский день паром доставил нас в Странрар, что на юге Шотландии, а через три дня мы въехали в Эдинбург встретить Кэри, спешившего к нам из Америки.

Пока дождь обильно орошал Лох-Ломонд, Кэри на протяжении всего обеда жаловался на холод и сырость, усталые, ноющие мышцы и на наше неустроенное, полное невзгод и лишений житьё.

Мы же пытались донести до нашего друга мысль, что путешествовать по островам одно удовольствие: ни бесконечных миль разбитого асфальта, ни грунтовок, кругом — братья по языку, обилие еды и воды, пригодной для питья, белое царство чистых сортиров и раковин с проточной водой. Но Кэри был слишком потрясён двумя днями похода, чтобы обратить на наши увещевания хоть чуточку внимания.

Кэри Хольст родился и вырос в Калифорнии, в Пасо-Роблес — маленьком провинциальном городишке с двенадцатью тысячами населения, где едва ли не каждый житель ездит в пикапе со штативом для «пушки», установленным в заднем окне. За год до нашего путешествия Кэри махнул за сотни миль к югу, в Санта-Барбару, где устроился в качестве инженера в ту же компанию, что и Ларри. Ларри подкупили простота, честность и этакая «провинциальность» Кэри, и они быстро сдружились. Незадолго до начала нашего путешествия Кэри вдруг стукнуло в голову, что Санта-Барбара для него «чересчур велика» — «слишком большое движение, и люди говорят и снуют тоже слишком быстро», — и он рванул обратно в Пасо-Роблес. Через четыре месяца наш «деревенщина», который никогда нигде не бывал, не выезжал за пределы Штатов и уж точно не увлекался велотуризмом, вдруг загорелся идеей присоединиться к нам в Шотландии, чтобы самому отведать, почём фунт лиха.

Первые три дня в Шотландии Кэри был огорошен выпавшими на его долю испытаниями, но к середине четвёртого дня пути парень оживился. С огромным трудом и со скоростью улитки мы взбирались на крутой долгий подъём, начинавшийся сразу же за деревушкой Киллин, северо-восточнее Лох-Ломонда. Тучи беспрестанно опрокидывали на нас потоки воды. Кэри ехал первым (он задавал нам темп), и я испытывала к нему бесконечную жалость. И вправду, нам вряд ли

можно было позавидовать. Одежда насквозь промокла, ноги и руки заоченели. Я понимала, что Кэри сейчас ничуть не легче. «Наверное, уже не чаёт дожить до дня отлёта,— думала я.— Держу пари, он на чём свет стоит клянёт себя, нас и Шотландию и готов пойти на попятную в любую минуту». Мои размышления были прерваны воплем Кэри, прорвавшимся сквозь рёв ливня.

— Как делишки, вса-а-адники? — Его голос захлёбывался от чистого восторга.

От удивления мы с Ларри потеряли дар речи.

— Эй вы, там, сзади! Я спрашиваю, как дела, вса-а-адники? — прокричал он ещё раз.

— Что значит, «как делишки»? Льёт как из ведра, откачиваю воду из кроссовок. Такие вот дела. А ты как? — прогорланил Ларри.

— Эй, слушайте, вот это здорово, всадники! Если бы наши могли видеть меня сейчас! Я на самом деле «пашу» эту гору под проливным дождём. Вот он, старина Кэри, катит по Шотландии. Значит, несмотря ни на что, я одолею этот шотландский поход. У меня получится! Мне самому едва верится. Это замечательно!

Потом Кэри запел — сколь промокший-продрогший, столь же и счастливый. Когда нас обогнал туравтобус, наш приятель опять разразился речью:

— Взгляните-ка на всех этих увальней в автобусе. Наши в Пасо-Роблес думают, будто и я вот так путешествую по Шотландии. Как же, если б они меня только видели! Они-то думали, я слабак какой-нибудь. Но, эй, что нам дождь и кручи. У меня такое чувство, будто я совершаю нечто такое, особенное. Доказываю самому себе, что я крепче, чем думал. А кроме того, кому охота лезть в автобус и всю дорогу мучиться рвотой вместе с тридцатью остальными бедолагами? Только не мне! Я за велосипед. Вот это здорово!

Я хочу сказать: взгляните на эти прекрасные зелёные горы, на реки и озёра. Подумать только, будь я

сейчас там, в Пасо-Роблес, шелестел бы себе бумажками в конторе. Но здесь я на свободе, на воле, в окружении всех этих фантастических пейзажей. Плевать на дождь! Я чувствую себя великолепно!.

Итак, не прошло и четырёх дней, как Кэри преодолел главные походные трудности. Его мышцы перестали «стенать», он закалил свою выдержку и даже в дождь смотрел на жизнь с большим оптимизмом.

Вечером мы остановились в Киллине в одном из тех домов, где постояльцам предлагается ночлег и завтрак. Это был настоящий шотландский деревенский коттедж, словно с картинки: беленький деревянный двухэтажный «пряничный» домик с ярко-жёлтыми карнизами и ставнями, окружённый ухоженной лужайкой и цветниками. Согревшись и соскоблив с себя пласты грязи, мы присоединились к вдовствующей миссис Джонс в её уютной гостиной, заставленной старинной мебелью. Хрупкая шотландка внесла необъятный поднос с чайником и печеньем, и мы вчетвером устроились у камина, глядя на пляшущие отблески огня на стенах и слушая стук дождевых капель по крыше.

— Вот это житуха, приятель,— расцвёл Кэри.

С того дня энтузиазм Кэри никогда не ослабевал. Его желание испытать все прелести походной жизни, страсть к зарядке, тренировкам и закалке ещё больше укрепили в нас стремление продолжать путешествие, заставив иначе взглянуть на вещи, которые мы уже привыкли считать само собой разумеющимися.

Кэри удивительно хорошо приспособился к своему новому житью, а особенно — к ручейкам воды в палатке, когда дождь, случалось, лил всю ночь. Способ защиты от потопа, по Хольсту, был довольно прост — небольшая бутылочка шотландского виски перед сном делала его полностью невосприимчивым к ощущению сырости и холода. Всякий раз средство действовало безотказно. Не важно, сколько бы воды ни протекало через палатку,

Кэри всегда всю ночь напролёт спал как убитый. Однако одной из «премудростей», а именно умением приноровиться к частому отсутствию душа, Кэри поначалу никак не мог овладеть. Через какое-то время езда рядом с ним превратилась в самоистязание.

— Слушай, Хольст,— однажды не вытерпел Ларри, когда «бедствие» перешло всякие границы.— Знаешь, если честно, от тебя уже разит. Разве ты не ходил в душ в кемпинге?

— Не-а.

— Шутишь. Почему нет? Один раз за четыре дня нам посчастливилось постоять под душем, и кто знает, когда повезёт опять.

— Знаю, но у меня не осталось ничего чистого из одежды, поэтому я рассудил так: к чему душ, если я всё равно влезу в то же самое грязное, вонючее барахло.

— Ну а почему у тебя нет ничего чистого? — допытывался Ларри.— Ты что же, не удосужился постирать впрок?

— Не-а.

Ларри быстро наставил нашего друга на путь истинный.

«Один простой урок: как держать под контролем «ЗТ» во время похода, по Ларри Сэвиджу,— приступил он.— Если у вас пара шорт и футболок, ежедневно до «помывки» вы носите один комплект. Затем облачаетесь в чистый и стираете заношенный. Утром развешиваете постиранные шмотки на заднем багажнике и сушите их на ветерке, далее всё повторяется... Дело нехитрое — порядок прост, и у вас всегда есть что надеть после душа».

В тот же день Кэри купил баллончик дезодоранта и внушительный флакон одеколона, добрую дозу которого он с тех пор добросовестно выливал на себя по утрам.

Недели три мы колесили мимо озёр, рек и речушек Шотландии, по покрытым зеленью горам, крохотным

ухоженным городкам и живописным рыбацким деревушкам, рассыпанным по изрезанному, омываемому штормами побережью. Мы обследовали замки и посещали полевые испытания овчарок. Мы выдержали дожди и грозы с градом, встречные ветры и спущенные шины, сломанные спицы и тормоза и рои кровожадного гнуса. Когда же изредка проглядывало солнце, мы просто дружно грелись.

Потом пришла пора расставаться с Кэри, и в который раз за время путешествия к нам вернулась гнетущая боль одиночества. На этот раз она стала ещё глубже, чем обычно,— теперь нам предстояло действовать только на свой страх и риск до самого конца путешествия. Ни родители, ни друзья не волеются в нашу компанию на самом последнем и самом трудном этапе путешествия. Глядя вслед такой знакомой, быстро сжимающейся в точку фигурке Кэри, удаляющегося от нас по дороге, мы снова почувствовали, как становимся ещё ближе друг другу.

Мы взяли курс на Лондон, через Йоркшир и национальный парк Йоркшир-Дейлс, самое чудное место на островах за пределами Уэльса. Старинные каменные изгороди, фермы и деревушки лоскутками пестрели на холмистой равнине, речушки искрились на солнце. Мы находились в двух днях езды от Лондона, в двадцати милях южнее Линкольна, в местечке с названием Силк-бай-Уиллоубай, когда произошло одно удивительнейшее совпадение. Мы приехали в Силк-бай-Уиллоубай уже затемно. В городке, похоже, все спали. Бегло осмотревшись вокруг, мы выбрали для ночёвки притвор старинной церкви тринадцатого века. Мы расстелили маты на каменном полу и уснули. Наутро старый церковный привратник появился в тот самый момент, когда мы заканчивали свою трапезу. Он пригласил нас пройти внутрь. Ларри разглядывал чугунные доски, украшавшие одну из продольных стен.

— Барб, иди-ка сюда и посмотри,— позвал он.— Ты глазам своим не поверишь. Взгляни на эти доски. Смотри же. Здесь сплошь и рядом имена твоих родственников — Митчеллы и Холдены,— тут сказано, что церковные колокола пожертвованы Митчеллами.

Митчелл была моя девичья фамилия. Согласно семейной истории, прочитанной мною у дядюшки Кларенса, Митчелл и Холден венчались где-то недалеко от Йоркшира. Я нашла своё собственное имя, Барбара Джейн Митчелл, трижды упомянутое в церковной метрической книге, наряду с Кларенсом Митчеллом и Джоном Митчеллом — так звали моего дедушку. Ну не чудо ли — в единственной приютившей нас церкви встретить своё имя и имена близких в метрической книге, на стенах, колоколах и надгробьях.

Первого сентября 1979 года мы въехали в Лондон и направились в кемпинг «Кристал Палас», в пятнадцати милях от города. Мы торопились закончить дела в Лондоне и поскорее двинуться в Австрию, чтобы пересечь Альпы до прихода ненастья. Девять дней в Лондоне ушли на подготовку броска на Восток. Нужно было снять со счёта в «Барклай» три тысячи долларов и перевести их в дорожные чеки, сделать прививки против холеры, столбняка и полиомиелита и получить запас противомаларийных пилюль. Два дня безвозвратно кануло на добывание виз в Египет, ещё два ушло на «стыковку» с посольствами Непала, Индии, Таиланда и Малайзии. Индийцы и малайцы заверили нас, что мы получим визы по прибытии в их страны, нам посоветовали обратиться за визой в Непал в Нью-Дели, за визой в Таиланд — в Катманду. Сотрудник непальского посольства вручил нам брошюрку о своей стране, из которой мы почерпнули, что в Непале целых две асфальтированные дороги, в том числе трасса Катманду — Покхара.

Потом, закупив запасные сальники и форсунки для «нашей кормилицы», приведя в божеский вид спальники, куртки и прочую амуницию, мы развернули бурную кампанию по снижению веса и объёма наших тюков. Банные полотенца были вытеснены ручными, ножи и вилки выброшены за ненадобностью (ложка — вот орудие на все случаи жизни, а её черенок будет отныне играть роль ножа; для особо «трудных» случаев мы держали швейцарский армейский нож). Та же участь постигла всё лишнее и поношенное. Журналы, карты и брошюры, собранные нами за восемь месяцев, отправились почтой домой, в Штаты. На мою долю пришлась большая часть общего веса, в том числе инструментов и запчастей, поскольку дно у багажных корзинок Ларри совсем прохудилось.

Другим нашим проектом было восстановить и модифицировать эти самые корзинки, с тем чтобы они наверняка прослужили нам до самого конца путешествия. Замотав днища изолентой, Ларри для пущей надёжности закрепил их на багажнике зажимными скобами, восстановив утерянные шурупы и гайки. Нужно заметить, что лондонский дистрибьютор компании «Блэкбёрн'с» бесплатно снабдил нас новыми багажниками.

Перед самым отъездом из Лондона мы учинили крупный и тщательный техосмотр своим машинам — последний до конца путешествия.

Последнее, что задерживало нас в Лондоне, так это почта: в ожидании писем мы ежедневно наведывались в контору «Америкэн экспресс». С особой надеждой мы ожидали получить весточку от Грега и Кристин, тех самых американцев, с которыми путешествовали по Испании. Из открытки, присланной из Италии и заставшей нас в Эдинбурге, мы узнали об их планах умерить темп своего пробега, из чего следовало, что у нас появился шанс встретиться с ними в Индии.

За день до отъезда из Лондона мы в последний раз заглянули в «Америкэн экспресс». Шагнув к стойке, я вдруг услышала чей-то удивлённый возглас. Рядом стояла Кристин.

— Чёрт возьми, что ты здесь делаешь? — верещала я, пока мы бурно обнимались.— Ты же должна быть в Египте. А где Грег?

— Грега здесь нет.

— Ну так где же он? Остался на турбазе? Вы ведь, ребята, там остановились?

— Нет. Нет здесь никакого Грега. Он в Египте.

— Ох. Ладно, тогда почему ты здесь?

— Раскол произошёл в Греции. Я прилетела сюда из Афин. Собираюсь назад в Калифорнию.— Кристин потрянула головой и пожала плечами.

— Кризис назрел пару недель тому назад, в Греции, как раз перед тем, как мы было собрались лететь в Египет. К тому времени мы уже год колесили бок о бок, причём большую часть времени варились в собственном соку. Знаешь, после двенадцати месяцев совместной возни, день за днём без передышки, я в конце концов дошла до той самой точки, когда заранее знаешь, что скажет или сделает он в той или иной ситуации, и от этого мне хотелось лезть на стену.

Едва ли не весь прошлый год, просыпаясь по утрам, я видела одну и ту же физиономию Грега, и мне не оставалось ничего иного, как таращиться на неё весь день напролёт. И мы снова и снова затевали одни и те же споры. Как бы то ни было, полагаю, всё свелось к тому, что мне осточертело беспрестанно лицезреть и выслушивать одного и того же типа. Ну а вы-то как? Тоже, наверное, приустали друг от друга?

Кристин не дала нам времени ответить, но от её слов мне стало немного не по себе, ведь и мы с Ларри старались соблюдать как можно более почтительную

дистанцию, когда нам становилось тошно спорить или видеть друг друга.

— К тому же была ещё одна причина,— продолжала Кристин.— Но сперва следует сказать, что я всегда буду тепло вспоминать наше путешествие по Северной Африке. Я бы его ни на что не променяла. Люди были добры к нам. В Алжире мы не просто сэкономили деньги, но даже чуток «разбогатели» — водители останавливались и угощали нас сладостями или совали деньги, сельские жители тащили нас к себе в гости — каждый вечер нам был готов ужин. Никогда не забуду, как мы, взяв такси, направились в пустыню и любовались, как утренняя заря окрашивает бескрайние мили песка такими красками, какие только доступны воображению. Но — баста: грязь, зеваки, нищета и отвратительные условия жизни — всё это заставило меня спуститься на землю. Я была согласна распрощаться с Северной Африкой в любой момент. Пару раз мы останавливались в гостиницах, только ради того чтобы помыться и скрыться от этих вечно глазеющих рож. В номерах всегда было грязно до неприличия, что приводило нас в ещё большее уныние. Как бы мы ни старались, нам так и не удалось выбраться из непролазного свинства.

Во всяком случае, в Греции я призадумалась о том, что нас ждёт в Египте и Кении. Грегу хотелось доехать до Момбасы, а оттуда попытаться теплоходом добраться до Индии. Знаете, чем больше я размышляла, тем больше понимала, что у меня нет охоты продолжать. Бесконечные месяцы грязи, шумных людских толп, нищеты и мерзости... Да ещё жара. Грег, как ни странно, с удовольствием крутил педали в этом пекле, но меня — увольте.

За две недели у меня созрело решение рвануть обратно домой. Как бы то ни было, мы с Грегом расстались друзьями. Всё к лучшему. То есть, не

отступись я от этой затеи, тяготы путешествия по странам Третьего мира камня на камне не оставили бы от наших отношений.

Пока Кристин говорила, мы с Ларри раздумывали: как знать, не то ли самое ожидает и нас. Мы не сомневались, что на остаток путешествия у нас останется физических сил. Ну а как насчёт крепости духа? Будем ли мы по-прежнему держаться друг за друга, когда в Египте или в Юго-Восточной Азии условия путешествия в самом деле станут невыносимыми? Сейчас, с гораздо большей уверенностью, чем в начале пробега, я бы сказала «да», но исповедь Кристин задела меня за живое. «Придётся поднатужиться,— сказала я себе.— Чуть-чуть удачи, и у нас всё получится».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ СЛОМАННАЯ РАМА

Потребовалось пятнадцать дней, чтобы преодолеть расстояние от Лондона до Альп, до германо-австрийской границы. За эти две недели мы дважды оказывались на волосок от аварии. В день приезда в Париж мы проделали свыше сотни миль по пологим холмам, последние сорок миль прошли в спокойном темпе, на скорости семнадцать миль в час, без остановок. Оказавшись в черте города, мы ещё миль десять проскакали и протарахтели по брусчатке к городскому кемпингу в Буа-де-Булонь. Часы показывали девять, когда мы, совершенно разбитые, приковыляли в кемпинг.

Перед тем как уснуть, я опять заикнулась об этом странном влиянии из стороны в сторону. Не видя лица Ларри, я представила себе, как он в негодовании закатывает глаза. Он закатывал их всякий раз, когда я жаловалась на загадочное «вихляние» и сопровождающий его скрежет. Почти целый месяц я чувствовала: что-то неладное творится с рулём. Передний конец рамы, казалось, всё время вибрировал, своеобразно поскрипывая. Ежедневно, стоило мне только затянуть песню о «гуляющем» руле, как Ларри тут же утверждал, что мне примерещилось. Его реакция отличалась завидным постоянством.

— Слушай,— ворчливо бубнил он,— ты или выдумываешь это «вихляние», или сама его добиваешься благодаря своей особой манере вертеть рулём и молотить ногами по педалям. В порядке твоя рама. Мы же проверяли. Да и с передней вилкой тоже всё нормально. Не обращай внимания.

Но я-то была уверена: с моей рамой что-то не так — и очень расстраивалась, не находя причину неполадки. Сегодня «шаткий» руль как никогда выводил меня из себя, особенно когда я съезжала с холмов на скорости сорок миль в час.

— Знаешь,— робко заикнулась я, едва мы залегли.— Сегодня я опять чувствовала, как велосипед «ведёт», по моему, стало ещё хуже.

Ларри всхрипнул, нарочито протяжно и ворчливо, я поняла намёк и отступилась.

Утром, вскочив «по коням», мы покатали в центр Парижа полюбоваться его достопримечательностями. Очень скоро мы обнаружили, что в Париже, конечном пункте «Тур де Франс», велосипедистов едва ли не боготворят. Восседающему на лощёной гоночной конструкции, облачённому в цветное джерси, гонщику дозволено мчаться на знаки «стоп» и красный свет, мотоциклисты и пешеходы станут заботливо и грациозно уступать ему дорогу. Мы с Ларри, в своих линялых шортах и футболках, походили на гонщиков, как гвоздь на панихиду, но раз уж передвигались «на двух колёсах», то и этого было достаточно. Все уступали нам право проезда — даже у знаменитой Триумфальной арки, там, где невообразимые двенадцать полос движения вливаются в один круговой объезд, чтобы затем вновь разбежаться в разные стороны, и где машины на всей скорости как бы кидаются врассыпную, разлетаясь, как огни фейерверка.

Нам удалось пережить объездную трассу, но едва мы, пулей вылетев с неё, свернули на широкий, мощённый брусчаткой бульвар, как мой велосипед вдруг занесло влево и я едва не столкнулась с ближайшим автомобилем. Я резко дёрнула руль вправо, но велосипед не слушался. Его несло прямо. Я в ужасе воззрилась на руль, указывающий одно направление, и на переднее колесо, избравшее свой собственный путь.

Ударив по тормозам, я соскочила с велосипеда. Ларри уже спешил ко мне на тротуар.

— Что стряслось? — спросил он.

— Эта передняя вилка, она...

— О нет! Только не это! Конечно, переднее колесо будет вилять, Митчелл. Мы же едем по брусчатке. Даже мой велосипед дрожит на такой мостовой.— (Ларри называл меня Митчелл тогда, когда, на его взгляд, я действовала исключительно бестолково, и он предпочитал от меня хоть как-то отмежеваться.)

— Ясно, что по брусчатке. Но ведь я говорю не просто о тряске. Речь о том, что руль поворачивается вправо, а колесо уходит влево! Это уже серьёзно! Брусчатка тут ни при чём. Похоже, полетела передняя вилка.

На мгновение мне подумалось: возможно, закатившиеся глаза Ларри так больше никогда и не вернутся в своё естественное положение. Всё, что мне было видно, так это нижние краешки радужек и одни сплошные белки. Его губы были поджаты так плотно, что рот полностью потонул в усах и бороде. Передо мной был как бы уже не Ларри, а некая человеческая особь, явно доведённая до белого каления.

— Передние вилки не ломаются! Дай сюда велосипед, и я докажу тебе раз и навсегда! Я продемонстрирую тебе, что всё цело. Повторяю, велосипед в порядке, всё дело лишь в твоей технике.

Ларри схватил велосипед, вскочил на него и нажал на педаль. Но не успел он надавить на вторую, как велосипед, отклонившись от прямого пути, уже свернул на многолюдный тротуар. Футax в пятнадцати от места старта каркас обрушился, швырнув моего мужа на стену спешащих мимо пешеходов.

Совершив сокрушительное приземление на цементный тротуар, он отделался обширными ссадинами на руках и ногах, все кости остались целы.

Ларри осторожно поднялся, затем поднял с тротуара мой велосипед. Переднее колесо и вилка болтались отдельно от всего остального, соединённые с рамой лишь гибким тормозным тросиком. Рулевая колонка переломилась в месте соединения с передним концом рамы, и Ларри в изумлении таращился на края разрыва. Я не могла удержаться от искушения:

— Слушай-ка, то, что ты сейчас проделал,— самый что ни на есть высший пилотаж. Красиво сработано!

Мы оба рассмеялись, но смех вышел какой-то нервный. Мы прекрасно понимали, что я была на волосок от трагедии. Сломайся вилка чуть раньше, на объездной дороге, или вчера на спуске с холма, итог мог бы получиться крайне мрачным. Один вид колеса, болтающегося на конце троса, как чёртик на ниточке, вызывал у меня тошноту.

— Ладно, уж если ей суждено было сломаться, то нам повезло, что она сломалась в Париже,— заметил Ларри.— На Елисейских полях должно быть предостаточно велосипедных магазинов. Нам не составит большого труда найти вилку, раз уж это французская рама. Я съезжу по магазинам, а ты дотащишь своего калеку до «Америкэн экспресс», возьмёшь почту и дождёшься меня там.

Я прождала Ларри около двух с половиной часов. За это время я дважды успела получить предложение от американских туристов купить мою развалюху. Оба они намеревались совершить путешествие по Европе во взятых напрокат авто, но заоблачные цены на бензин быстро подточили их ресурсы. Вслед за ними две гостиничные горничные подошли поглазеть на моё несчастье. Одна из них говорила по-итальянски. Призвав на помощь все свои более чем скромные познания в итальянском, который я учила в колледже, я, как могла, объяснила ей свою проблему. Когда я закончила, женщина выскочила на улицу и остановила первого же

полицейского. Вернувшись, она порадовала меня адресом велосипедной мастерской «Си-Эн-Си», расположенной в полутора милях отсюда. Поблагодарив её, я осталась томиться в ожидании. Наконец, ещё через час, явился Ларри с самыми удивительными новостями.

— Я так и не разжился вилкой, потому что во всех этих лавочках не нашлось ни души, кто ответил бы мне на приветствие, не говоря уже о новых вилках. Стоило мне заговорить по-английски, как их всех словно ветром сдувало. Они категорически отказывались признать сам факт моего существования. Когда же, в конце концов, в седьмой или восьмой по счёту мастерской я нашёл-таки парня, который выслушал меня, то опять же зря потратил время, поскольку он как заведённый твердил мне, что вилки не ломаются.

— Ладно, ладно, может, кто и говорил, что они не ломаются. Как бы то ни было, чудак в последней мастерской, куда я зашёл, отказался поверить, что твоя рама сделана во Франции. Знаешь почему? Да потому, что я обратился к нему по-английски! Раз говорю по-английски, значит, и рама английская. Проще простого. Да, весёленькие два с половиной часа, ничего не скажешь! Что же нам теперь делать? Полночи уйдёт на то, чтобы перетащить велосипед в кемпинг.

— Полиция дала мне название и адрес ещё одной мастерской неподалёку отсюда. Давай попытаем счастья,— предложила я.— Как знать, вдруг здесь люди не станут задирать нос, как на этих кичливых Елисейских полях? На сей раз в подтверждение того, что рама французская, а вилка действительно сломана, мы принесём с собой велосипед как вещественное доказательство.

Я медленно, но упрямо пробиралась вперёд, сквозь уличную суету часа пик, толкая перед собой заднее колесо велосипеда и вскинув на плечи переднее со свободно болтающейся вилкой. Мы прибрали в «Си-Эн-

Си» за пятнадцать минут до закрытия, и нам повезло. Приёмщик не только говорил по-английски, но и охотно общался с нами. Он притащил из подвального склада два комплекта вилок. Первая была из тех же легковесных трубок «Рейнольдс-531», что и моя рама, и стоила девяносто долларов. Вторая, стальная, весила как вся рама целиком, к тому же она, никогда не знавшая краски, была чертовски страшна; зато цена оказалась приемлемой — двенадцать долларов. Поскольку мы, как могли, старались урезать наши расходы, дабы компенсировать издержки двух последних месяцев, мы остановились на той, что пострашнее. Меня не волновала перспектива утяжеления моей рамы, зато согревала мысль о спуске с альпийских круч с надёжной стальной вилкой.

Приёмщик предупредил нас, что за подгонку деталей мастерская возьмётся не раньше следующей пятницы, то есть через полторы недели. Мы же собирались пробыть в Париже только четыре дня. Мы стремились как можно скорее приступить к переходу через Альпы, неделя задержки, по существу, гарантировала нам жалкую возню в снегах.

Было уже шесть, когда хозяин мастерской, изъяснявшийся только по-французски, жестами объявил нам о закрытии. Возившийся с нами приёмщик перекинулся парой слов с хозяином, и не успели мы опомниться, как тот сгрёб мою раму и вилку и исчез с ними в подсобке.

— Он установит вилку и соберёт велосипед,— пояснил его помощник.— Хотите — погуляйте, загляните через часок. Мы закрываемся. Вернётесь — постучите, и я впущу вас.

Теперь, когда мы поняли, что вилка, похоже, будет всё-таки установлена, нам полегчало. Ларри вдруг вспомнил, что не ел с самого утра, и заговорил о состоянии «острого истощения», которое обычно

наступало всякий раз, когда ему приходилось более четырёх часов обходиться без «заправки».

— Сиди здесь, вдруг возникнут трудности и им потребуется твой совет,— быстро забормотал он.— Я же сбегаю куплю чего-нибудь пожевать. Одна нога здесь — другая там.

Через четверть часа моя рама была готова, владелец мастерской протянул мне счёт в двадцать франков за работу. Пять долларов за час сверхурочных. Это был настоящий подарок, и я с благодарностью пожала руку хозяину. Пожав плечами, он расплылся в улыбке и пожелал мне, как говорят французы, «бон вояж».

Прошло ещё минут двадцать, прежде чем Ларри в конце концов явился к мастерской. На его физиономии блуждало какое-то странное выражение.

— Что случилось? — спросила я.— Я уже начала беспокоиться.

— Что случилось, говоришь? — пробормотал он.— Понимаешь, влип в одно дело, ну и, словом, даже забыл о еде.

— Это ты-то?

— Знаешь, иду я по этой улице, ищу магазин и, когда я прошагал уже четверть мили, прямиком попадаю в самый что ни на есть «стопроцентный» район «красных фонарей», который тянется квартал за кварталом. Во всех дверных проёмах, переулках, на всех углах стоят путанки, а все тротуары запружены пасущими их «котами», готовыми начать торг.

Вот я и призадумался, не снять ли мне пару колоритных кадров для «приправы» нашей коллекции слайдов. Вытаскиваю аппарат и как можно незаметнее стараюсь быстро щёлкнуть затвором, пока никто не обращает на меня внимания. Всё же одна дамочка засекла меня, принялась вопить и во всю прыть понеслась за мной. Вслед за ней в погоню ринулись её «коллеги». Последнее, что помню, как одна из них

повисла у меня на руке и силилась выхватить аппарат. К счастью, я крепко вцепился в него и унёс ноги раньше, чем меня настигли другие.

Я сломя голову понёсся в противоположную сторону и немало отмахал, прежде чем остановился и решил, что лучше будет вернуться. Но обратно я был вынужден добираться окольным путём, на что ушла целая вечность!

Вот так, впервые в жизни, Ларри забыл позаботиться о своём пустом желудке.

Шестнадцатого сентября мы покинули Париж и устремились к немецкой границе, в Страсбург. Дорога заняла у нас четыре дня, и каждый из них встречал нас теплом и солнцем. Единственная неприятность произошла, когда у Ларри ослабел блок и большая часть шарикоподшипников раскатилась по обочине дороги. Часа полтора мы провели где-то под Нанси, просеивая трехфутовый клочок пыли и гравия, собирая рассыпавшиеся подшипники, переупаковывая и приколачивая блок на его законное место.

В то утро, когда мы пересекали границу с Германией, небо заволокли тучи. Часам к шести вечера, когда мы уже мерили мили в горах Шварцвальда, полил холодный дождь. Следующие три дня до самого Фюссена, городка близ австрийской границы, мы прорывались сквозь беспрестанный леденящий ливень. Это были самые плачевные дни нашего путешествия, и они настигали нас один за другим, как автоматные выстрелы.

В первый же вечер в Южной Германии мы расположились на ночлег в сосновом бору под Хайгерлохом. Несмотря на темень и дождь, мы уговорами пытались пробудить к жизни нашу плитку в надежде запечь сыр на сандвичах из грубого чёрного немецкого хлеба. В тот день, вопреки нашим худшим

ожиданиям, мы обнаружили, что цены на съестное в Германии вполне разумные. Уже первый гастрономический кутёж показал, что наши ежедневные расходы на провизию составят где-то семь долларов, а то и меньше, если умело расходовать семидесятицентовую банку чечевицы, которыми завалены все немецкие бакалейные лавки.

Дождь поливал всю ночь. Наутро всё ещё дождило, и в палатке собрались две небольшие лужицы, там, где на плесневеющем полу начала сходить водоотталкивающая пропитка. Натянув фуфайки и непромокаемые куртки, мы выползли наружу соорудить и «уговорить» завтрак под ледяным ливнем.

Как всегда, больше всего досталось курткам, кроссовкам и перчаткам. Менее чем через час после старта вода, хлеставшая так, как будто кто-то открыл небесные шлюзы, наплатала каждый слой нашей амуниции. Вода летела не только из туч, но и из-под колёс пронесившихся мимо грузовиков. От этих монстров торговых грузоперевозок в Германии просто не было спасения даже на самых глухих дорогах, и каждый окатывал нас могучими широкими волнами грязной воды.

В тот день мы изрядно поколесили вверх-вниз по горам, холодный ветер и дождь превратили в ледышки насквозь промокшие руки и ноги. Когда подошло время обедать, мы постелили туристический коврик под прикрытием сосен и, усевшись на сухом пластике, сгорбились над едой, стараясь хоть как-то сохранить её в сухости. Как оказалось, мы слишком замёрзли, чтобы нагулять аппетит.

К концу дня, после шестичасового барахтанья в потоке, я окончательно скисла. Ноги и руки так сильно жгло сырым ледяным холодом, что хотелось вопить. Меня поташнивало от вонючих дизельных выхлопов, извергаемых грузовиками мне в ноздри и в рот, а

лязгающий звук механизмов бомбардировал мои уши. Из носа рекой лилась слезь, я была мокрой — хоть выжимай, и не могла сдержать дрожи; ко всему прочему, за два оставшихся часа пути моё тело сочло возможным нанести последний удар — понос.

— Ох, нет. Бедняжка,— вздыхал Ларри, когда я в очередной раз соскакивала с велосипеда, на три четверти осилив долгий подъём, и со всех ног бросалась к ближайшим кустикам.

Раз от раза я остывала всё больше, и холод глубже вгрызался в моё тело. Вскоре я начала останавливаться через каждые четверть часа, когда спазмы усилились настолько, что всё моё нутро, похоже, готово было взорваться. Рулон туалетной бумаги, лежащий в кармане куртки, напился водой едва ли не до полного растворения.

Я разревелась и прорыдала весь остаток дня. Плач послужил «отдушиной» в моих страданиях и разочарованиях. Захлёбываясь плачем, я не переставала работать педалями — я должна была превозмочь стихию и боль.

К счастью, лесная тропа, на которую Ларри свернул в поисках ровного, незатопленного местечка для ночлега, вывела нас к пустующей однокомнатной коробке из бетонных блоков. На полу валялась куча сена. В окнах не было стёкол, зато мы наглухо закрыли деревянные ставни. От единственной двери в комнату тянулась крытая веранда с одиноким расшатанным деревянным столом. Настоящий «Хилтон интернешнл» для нас с Ларри. Нырнув в холодную комнатушку, мы содрали с себя мокрые вещи, насухо вытерлись и натянули на себя всё, что было с собой. Даже под наслоениями тёплой одежды кожа саднила, как отмороженная, и ещё долго не удавалось унять озноб. Только забившись в спальник, разостланный на матрасе из сена, я почувствовала, как моё тело начинает постепенно отходить. Час спустя,

когда холод потихоньку отпустил мои ноги, меня начало клонить в сон.

С наступлением утра я заставила себя проделать процедуру, отнявшую у меня всю, до последней унции, силу воли, которую с грехом пополам удалось собрать: я влезла в свою вчерашнюю непросохшую амуницию. Сухие спортивные брюки и кофту с длинными рукавами мне хотелось приберечь на конец дня. Снаружи по-прежнему хлестал дождь, и, что ни надень, всё непременно промокнет до нитки, не пройдёт и часа.

Пока я боролась с мокрой одеждой, Ларри встал и высунул нос наружу.

— Тревога! — завопил он.— Земля ушла под воду. Похоже, скоро зальёт и нашу нору. Лучше бы нам поторопиться!

По этому сигналу мы нырнули в мокрую одежонку, побросали всё во вьючники и, взвалив велосипеды на плечи, зашагали на своих двоих, шлёпая через воду и грязь к асфальтовой дороге. Шерстяные носки, длинные трикотажные спортивные брюки, свитер и надетые одна на другую футболки, повисев на холоде всю ночь, теперь ледяной корочкой облегали моё тело. Озноб начался ещё до того, как я оседлала велосипед и покатила сквозь дождь и студёный ветер. И тотчас же мучительный холод добрался до ступней и кистей рук, причиняя ужасную боль, как будто разом были содраны все ногти.

Накануне я решила: во что бы то ни стало буду продолжать работать педалями, а для поддержки духа стану мысленно рисовать себе самую радужную перспективу путешествия на фоне живописной красоты Австрийских Альп. Но наутро разочарование от встречи с ещё одним пакостным деньком затмило всякое чувство решимости и светлого ожидания. Слишком уж я продрогла, чтобы мечтать о лучших временах. Теперь меня грызло беспокойство: что, если буре не будет

конца и нам придётся перебираться через Альпы в такое ненастье? Все мои надежды рушились. Всё утро я проревела, не переставая при этом налегать на педали.

Когда мы остановились перекусить, холод опять одержал победу над голодом, хотя я и понимала, как важно хорошенько заправиться — езда на пустой желудок всегда вызывает сплошное уныние, озноб и страхи, и уж тогда дела идут из рук вон плохо.

— Что это с тобой? — любопытствовал Ларри, наблюдавший за мной краешком глаза, пока сидел на пне, кромсая хлеб и сыр.

Дождь перестал как раз перед тем, как мы свернули с дороги в лесок, восточнее города Бад-Вальдзее. Конец ливня, сам по себе, несколько облегчил задачу приёма пищи, но, к несчастью, температура упала ещё ниже.

— Всего лишь пытаюсь согреться, иначе кусок в горло не идёт.

— А, ясно. Я-то думал, ты пыталась согреться, когда натянула треники и фуфайку и начала скакать взад-вперёд. Ты вроде как затащила меня в это место, а потом бросила и принялась лягать деревья.

Выходит, я лягаю деревья, ладно — пусть лягаю, лягаю их что есть мочи, едва не отбивая себе при этом ноги. Довольно необычное «лекарство» для окоченевших ступней, но оно помогало. Вот я и подскакивала вверх-вниз, нанося сокрушительные удары пятками по любой твёрдой поверхности. Трудилась до тех пор, пока не почувствовала, как кровь опять начала циркулировать в конечностях, тогда я присела и принялась за еду.

После ленча мы продолжили путь на юго-восток, через леса, луга и пашни в городок Исни. К тому времени, когда мы, достигнув Исни, начали штурмовать гору между ним и расположенным в пятнадцати милях Кемптенем, тучи спустились так низко, что совсем скрыли из виду обступившие нас горы. Пять часов пополудни — и дикий холод. В миле от Исни нас со всех

сторон обложили тучи и повалил снег. Снежные хлопья роились в воздухе, оседая на ветвях помрачневших высоких сосен. За каких-нибудь десять минут земля полностью скрылась под белым пушистым одеялом. Теперь мы едва различали предметы, расположенные более чем в двадцати футах в округе. Дорога без обочины была узкой и скользкой.

— Торчать на дороге слишком опасно! — крикнул мне Ларри.— Грузовики не заметят нас, пока не накроют. Давай остановимся на ближайшей ферме и попросимся переночевать в сарае.

Не проехав и мили, мы заметили небольшой сельский домик и подкатили к его входу. Навстречу нам, из-за угла пристроенного к дому амбара, вышел здоровенный баварец, на вид ему было сильно за сорок. На очень скудном немецком Ларри объяснил хозяину наше положение и спросил, нельзя ли переночевать в амбаре или хотя бы поставить палатку под навесом, который мог бы защитить нас от бурана. Баварец, не раздумывая, замотал головой и скрылся в доме. Нам не оставалось ничего другого, как продолжать осторожно форсировать гору.

На следующей ферме на подобную просьбу последовал тот же самый ответ. За все шестнадцать месяцев и почти шестнадцать тысяч миль пути до сих пор ни один фермер не отказал нам в местечке для привала или ночлега на своей земле. Теперь же, впервые за всё путешествие, нам дали от ворот поворот — дважды за десять минут и к тому же в пургу. Всё это сильно выбило нас из колеи, и мы зареклись проситься на фермы. Вместо этого мы упрямо ползли вперёд. Грузовозы и легковушки чудом обходили нас, прорываясь сквозь сплошную белую завесу.

Убежищем для ночлега нам послужил недостроенный дом, замеченный мной у дороги. Теперь у нас была крыша над головой, цементные стены и пол,

но, увы, неостекленные окна без ставень. Мы «стали лагерем» в самой крохотной комнатухе, занавесив туристским ковриком её единственное окошко. В ней было холодно, как в холодильнике, зато она укрыла нас, измотанных бесконечной дорожной нервотрёпкой, от снега. Когда мы вполне устроились, Ларри, уткнувшись носом в карту, выяснил, что мы находимся всего в тридцати милях от Австрии.

— Не представляю, как подступиться к Альпам в такой буря,— прошелестел он губами.— Надеюсь, конечно, что завтра погода прояснится.

К утру снег кончился, но земля всё ещё была в снежных заносах. Я так озябла, что натянула две пары носков. После недельной тоски по душе вся моя одежда была до омерзения грязной и буквально проквашенной от сырости.

От холода сводило руки и ноги, тучи нависли так низко, что спрятали Альпы к югу от нас. Дорога в Фюссен бежала по холмам, через крохотные баварские деревушки, мимо лавочек и шале^[*], украшенных пёстрыми цветочными ящиками. Перед самым Фюссеном снова зарядил дождь, вымочив остаток нашей сухой одежды.

Дошёл до ворот одного из фюссенских кемпингов, мы пробежали глазами вывешенный у входа прейскурант. Семь долларов за горячий душ и клочок земли для палатки — это уж слишком.

— Цвай лицо, айн палатка, тринадцать марок,— объявил суровый баварец, владелец кемпинга.

Помолчав немного, он улыбнулся и произнёс:

— Но длья цвай лицо, кто путешествует по Бавария на велосипед в такой плёхой погод, платить только четыре марок. Йа, ви имейть смелость.

— Ну, то ли это смелость, то ли просто глупость,— проворчал мой насквозь промокший и дрожащий супруг.

— Завтра мы двинемся через Австрию. Вы не знаете прогноз погоды?

— Австрия не карашо. Много снег и отшень колодно ин дер Альп. Они есть пре-крас-ный.

Пока мы ставили палатку, ливень зарядил с новой силой, и мы, вняв совету владельца кемпинга, решили пересидеть ненастье. Два дня мы ёжились, слушая, как водяные струи долбят полог протекающей палатки.

Зато на третий день, проснувшись и впервые за неделю увидев почти чистые небеса, мы воспрянули духом. Выбравшись из палатки, я, задрав голову, смотрела прямо перед собой, на покрытые снегом Альпы, вздымавшиеся всего в пяти милях от кемпинга. Небесная лазурь, мили зелёных предгорий с озёрами, фермами и шале и заснеженные горы — это было внушительное зрелище. В последние недели тучи, проливные дожди и снег урезали наше поле зрения до серенького замкнутого мирка, простиравшегося не выше макушек деревьев, не далее мили вокруг. Потребовалось немало времени, чтобы мысленно охватить все краски, сияние света, простор и высоту, неожиданно представшие перед нами. Свернув лагерь, мы покатили в Австрию глубокой зелёной долиной.

Австрийская «глубинка» поражала своей почти идеальной опрятностью. Казалось, даже травка здесь была везде подстрижена одинаково ровно, и поверх этого гладкого ковра уютно устроились аккуратные маленькие сельские домики, окружённые садами. Ковёр простирался выше, по самому покату подножию гор. Ещё выше начинался лес, затем он уступал место суровым заснеженным вершинам, разительно выделяющимся на фоне ярко-голубого неба.

Мы катили чередой длинных узких долин к нашему первому альпийскому перевалу, к югу от Лермоса. В конце последней долины дорога круто взмыла к небу, влившись в чехарду «американских горок» вдоль по

склону горы. Мы въехали в снег, затем, обогнув вершину, спустились вниз и принялись штурмовать следующий перевал. На вершине второго перевала мы сделали привал. Стоя рядышком, мы казались сами себе ещё меньше из-за окружавшего нас мачтового леса и величественных пиков, тогда как наши души наполняло восхитительное чувство, ради которого стоило претерпеть все невзгоды и разочарования прошедшей недели. Я ликовала — ведь я не сошла с трассы в Баварии, я победила временами почти нестерпимое желание прыгнуть в поезд, который умчал бы меня в сухую и солнечную Италию.

Теперь небо совершенно прояснилось. Полнолуние. Высоко над нашими головами в лунном свете мерцают ледники. Мы победили. Альпы... Наконец-то мы здесь. Обнявшись, мы упивались каждым мгновением этого вечера.

Ночью, свернувшись клубком в спальнике, я долго смотрела сквозь окно над головой на наши велосипеды, прислонённые к толстой сосне. Рамы страшно поцарапаны, некрашеная вилка заржавела. В тела наших верных друзей прочно въелась грязь. Перекатившись на спину, я поднялась взглядом по стволу дерева, до самой его макушки. Там, над ней, острыми гранями мерцала и искрилась закованная в лёд альпийская вершина. Конец сентября, подумалось мне, холодная, кристально ясная ночь в Австрийских Альпах. Не пройдёт и месяца, как мой усталый потрепанный «конь» понесёт меня по раскалённым пустынным дорогам Египта.

До поры, пока мы катили на восток от Фолиньо, через горы к побережью близ Чивитанова, наша прогулка по Италии была легка и приятна. Перевалив через перевал Бреннер недалеко от Инсбрука, мы двинулись на юг, через скалистые Долomitовые Альпы

(продолжение Альп на северо-востоке Италии), в Венецию, а затем во Флоренцию. В Венеции и Флоренции мы влились в табунки туристов, галопирующих по музеям, соборам, дворцам и концертным залам. Из Флоренции мы двинулись на юго-запад, через Ареццо, Перуджу и Ассизи в Фолиньо. итальянцы, в целом хотя и не столь зажиточные, как австрийцы, немцы, французы и англичане, отличались особой, присущей латинянам, щедростью и горячностью. Несмотря на то, что итальянские водители постоянно держали руку на кнопке сигнала, они приветливо махали нам, уступая полосу.

К северу от Венеции, на третий вечер нашего пребывания в Италии, памятуя о горьком и обидном опыте общения с баварскими фермерами, мы нехотя подъехали к дому среди виноградников и попросили разрешения разбить палатку среди лоз. Стоявшим возле дома сеньору Тонон и его морщинистой мамочке потребовалось несколько минут на расшифровку моего итальянского. Подавшись вперёд и приблизившись к самому моему носу, они внимательно изучали каждое слово, срывавшееся с губ. Когда же до хозяев дошёл смысл просьбы, их лица расцвели в улыбках. Они принялись трясти нам руки в сердечном рукопожатии и хлопать нас по спине со всей живостью искренних в своём восторге итальянцев.

Мы ещё не успели разбить палатку среди хитросплетения лозы и кроваво-красных гроздьев, как всё семейство Тонон, от мала до велика, высыпало из дома пригласить нас к обеду. Бруно работал на заводе газовых плит, его жена Мария трудилась на мебельной фабрике, бабушка Витория домовничала и ходила за коровами, курами и детьми. Двое детей-подростков Теодоро и Сабрина только начали изучать английский в школе. Мария немного говорила по-английски и по-испански, научившись этому, когда работала в

Швейцарии официанткой, ещё до замужества. И всё же мы с Ларри общались со всеми преимущественно по-итальянски.

Хозяева потащили нас в дом, прямым за стол. Небольшая столовая едва вмещала длинный прямоугольный стол, семь стульев и буфет, полный всяких безделушек. Стену украшала фотография Папы Римского.

Бабуля жестами усадила Ларри рядом с собой, потом, чуть подавшись вперёд, стиснула его в «медвежьих» объятиях, одарив широкой, озорной беззубой улыбкой. Бабуля оказалась блестящей чаровницей. Она была смешлива и обожала вино.

Мария, хорошенькая смуглолицая толстушка, увешенная множеством культовых украшений, хлопотала вокруг стола, стараясь ублажить каждого. К обеду был подан суп-минестрон, салат, тунец, салями и фрукты. На Бруно лежала обязанность следить за тем, чтобы в бокалах не иссякало семейное тёмно-красное вино.

Три часа подряд мы пили-ели, болтали, смеялись и кричали, размахивая руками и притопывая под столом в истинно итальянской манере. Ну а потом мы выпили ещё и ещё, когда Бруно вынес к столу своё знаменитое домашнее «граппа».

— Оставайтесь у нас. Располагайтесь в комнате Теодоро и живите себе хоть месяц, хоть больше,— горячился Бруно. Пропустив несколько стаканчиков бруновского «граппа», всякий переходил на крик.

Идея пришлась по душе бабуле, она захлопала в ладоши, захихикала и бурно закивала головой. Как выяснилось, её покойный супруг погиб в аварии, поэтому её не слишком увлекала наша затея с велопробегом по Италии. Лучше бы мы остались и помогли ей ухаживать за домашней живностью и убрать урожай винограда.

Поблагодарив Бруно за предложение, мы провозгласили ещё один тост за нашу новую семью; но мы не могли задержаться. Пора двигаться дальше, иначе мы рискуем оказаться в Гималаях уже после ноября — декабря, упустив благоприятные месяцы ясной погоды, в Таиланде угодим в сезон муссонных дождей и в результате доберёмся до Новой Зеландии зимой вместо лета.

Наутро, отъезжая от гостеприимного дома, мы с трудом справлялись с велосипедами. Мария с бабулей привязали к ним по паре пластиковых пакетов с литровыми бутылками домашнего вина в каждом.

— Чем ближе к Венеции, тем хуже вино,— пояснила Мария.— Этого вам должно хватить на несколько дней.

На самом деле вина достало до самой Греции, и всю дорогу оно облегчало наши боли и страдания.

Все итальянцы, от австрийской границы до Фолиньо, были похожи на семейство Тонон. Где бы мы ни разбивали свой маленький лагерь — на берегу озера или в поле, люди, живущие или работающие неподалёку, непременно приносили нам то корзину помидоров, то кувшин воды или просто кусок картона в качестве подстилки под палатку, если земля была слишком каменистой. Если мы останавливались в деревнях, они спешили к нам с расспросами, откуда мы и куда едем, на выезде из городков они выстраивались вдоль шоссе и тепло напутствовали нас. Так было везде, за исключением одного посёлка, в восьми милях восточнее портового города Чивитанова. Там мы попали в настоящую переделку.

Вечером мы завернули в посёлок попросить воды. До этого нам отказали на бензоколонке, не разрешив воспользоваться туалетом. Затем нас выпроводила ни с чем столь же недружелюбная селянка с ближайшей фермы. Правда, на следующей ферме типично щедрое итальянское семейство наполнило наши фляги водой со

льдом. К тому времени стемнело и, похоже, собрался дождь. Не успев засветло добраться до кемпинга в Чивитанова, оказавшись в сплошном окружении фермерских угодий, мы покатали по дороге в обратном направлении, к недостроенному двухэтажному дому между бензоколонкой и фермой, где жила мегера, отказавшая нам в глотке воды.

Мы затащили велосипеды наверх. Разостлав коврики, я «накрыла стол» на полу, Ларри зажёл плитку. Как приятно было расслабиться после изнурительного дня карабканья по крутым горным склонам и вдыхать аромат готовящейся пищи. Пока Ларри тушил рис и овощи, я, растянувшись на коврике, принялась строчить в путевом дневнике. Нам было тепло, уютно и спокойно, и полиция наверняка застала бы нас врасплох, если бы не автокатастрофа. Именно грохот столкнувшихся машин и заставил нас прильнуть к окну.

Первое, что я увидела, были две полицейские машины с включёнными «мигалками», остановившиеся перед домом. Два полисмена, минуту назад бывшие на полпути между шоссе и домом, спешили обратно к дороге, где только что «поцеловались» два «фиата». Полицейские были вооружены автоматами и мощными электрическими фонариками. По шоссе, до предела замедлив ход, тащились автомобили, водители глазели на аварию и на дом.

— Ох, замечательно,— простонал Ларри.— Кто-то навёл на нас полицию, и бьюсь об заклад: не кто иной, как эта ведьма фермерша.

Нетрудно было представить себе, что случилось каких-нибудь пять минут назад. Подъехав к дому, полицейские припарковали машины, не выключая синеватых «мигалок». Взяв автоматы на изготовку, они крались к нам, когда двое заглядевшихся на них остолопов сыграли на дороге в «кучу малу».

— Как только они разберутся в происшествии — похоже, это дело минутное,— они будут здесь разыскивать нас,— сказал Ларри.— Глядя на эти автоматы, можно подумать, будто их предупредили, что здесь засела парочка из «Красных бригад». Слушай-ка, мы не успеем собрать манатки и тихо смыться. Давай потушим плиту и оттащим всё барахло в угол, может быть, они не найдут нас.

Мы знали: они нас всё равно обнаружат. Но поскольку срываться с места не хотелось, мы решили рискнуть — чем чёрт не шутит.

Минут десять пучки света тщательно обшаривали стену прямо за нашей спиной. Я затаила дыхание. Какое-то время лучи метались по цементу над самой моей головой, и вдруг ослепительно-яркая белизна ударила мне в глаза — нас накрыли.

Полисмены приказали нам спуститься вниз, они ждали у подножия лестницы, направив вверх дула автоматов. Оба высокие, темноволосые и смуглолицые, эти ребята в военной униформе выглядели весьма внушительно. Я начала спускаться первой. Когда блюстители порядка увидели мои шорты и светлые волосы, их лица вытянулись в крайнем недоумении.

— Что вы здесь делаете? — спросил один из них по-итальянски.

— Путешествуем на велосипедах,— по-итальянски ответила я. Мой ответ, очевидно, ещё больше озадачил их, поэтому я указала наверх.

Пока один полисмен держал нас на мушке, второй полез осмотреть второй этаж. Спустившись обратно, он перечислил напарнику все свои находки — два велосипеда, два спальника и плитка. Тот тотчас хлопнул себя по голове и прорычал накипевшее «Мама миа!», словно бы говоря: «Чёртова авария и вся эта суета-маета с автоматами из-за каких-то малахольных иностранцев с велосипедами». Затем они оба опустили оружие.

Проверив паспорта, полисмены выслушали наши объяснения. После этого один из них пошёл на соседнюю ферму объяснить её владелице, что мы никому не причиним никакого вреда, если переночуем здесь, а восемь миль в темноте до ближайшего кемпинга — дело нешуточное... Нам же велели не беспокоиться. Но нам-то лучше знать. Ведь это была та самая фермерша, которая пожалела воды, набывчившись при одном только нашем появлении. Мы понимали, она ни за что не согласится на такое «сомнительное» соседство. Так и вышло.

Даже на расстоянии пятидесяти ярдов от фермы мы отчётливо слышали всё, от слова до слова. Только пара истинных горячих итальянцев могла так распалиться, как они. Она вопила на него, он орал на неё, оба они, каждый на свой манер, размахивали руками и молотили воздух кулаками.

— Нет! — гремела она.— Не хватало ещё этих придурков велосипедистов в нашей округе. Только посмотрите, что за видок у них. Я хочу, чтобы они вымелись вон, вон, вон!!!

Вздорная бабёнка взбесила офицера. Обозвав фермершу идиоткой, он замахнулся на неё автоматом. Увы, ситуация была безнадёжной. Вихрем влетев в дом, скандалистка с грохотом захлопнула за собой дверь. «Вон! Вон! Вон!» — продолжала горланить она в своей крепости.

Полисмен притопал обратно. Обсуждая с напарником, как быть дальше, он то и дело хлопал себя по лбу.

— Бензоколонка! — наконец завопил один из них так, будто только что сделал великое открытие.— Точно, бензоколонка! Можно разбить палатку за ней.

— Боже,— простонала я.— Вылезай, приехали. Та самая станция, где для нас пожалели воды. С чего начали, тем и кончили.

Но делать нечего...

— Собирайте вещи. Едем на бензоколонку,— победоносно объявили офицеры.

— Извините, сеньоры, но мы не можем ехать по шоссе ночью. Слишком рискованно. У нас нет сигнальных фар,— объяснила я.

— Об этом не беспокойтесь. Собирайтесь. Быстро, а мы вам поможем.

Пока я сваливала недоваренный обед в пластиковый пакет, а они скатывали маты и запихивали спальники во вьючники, Ларри спустил вниз велосипеда.

— Хорошо, до станции всего полкилометра. Поезжайте вперёд, а мы вас проводим,— пояснил один, включая сирену и «мигалку».

Мы тронулись в путь. Проезжавшие мимо мотоциклисты сворачивали с дороги, недоуменно глаза на двух, мягко говоря, не щегольского вида велосипедистов-иностранцев, летящих на всех парах вперёд в сопровождении личного эскорта итальянской полиции.

Я не ошиблась: «королю» бензоколонки было глубоко плевать на нас вместе с нашими велосипедами и палаткой. Однако полисмены, по горло насытившись проблемами янки, принялись бурлить и кипеть, наседавая на «короля», который, будучи столь же пылким латинянином, точно так же рвал и метал им в ответ.

— Снова-здорово,— в который раз простонала я.— И так — всю ночь.

Однако на этот раз нам улыбнулась удача. На выручку пришёл водитель грузовика, каждую ночь оставлявший у бензоколонки свой фургон. Он только что припарковал машину и торопился узнать, из-за чего весь сыр-бор.

— Можно переночевать у меня в кабине,— предложил он, как только уловил суть дела.

Между тем полисмены и «король» были слишком поглощены словесной перепалкой, чтобы обратить на его слова сколько-нибудь внимания.

— Я сказал, что они могут переночевать у меня в кабине,— снова вмешался шофёр, теперь уже он орал во всю мочь.

Руки застыли в воздухе, слова застряли на губах, и все взгляды скрестились на шофёре. Минутой позже Ларри и меня, вместе с узлами, так шустро впихнули в кабину, что мы не успели пристегнуть велосипеды к переднему бамперу грузовика. Позади сидений в кабине был расстелен узкий тюфяк, и мы порешили, что один из нас устроится на тюфяке, другой — на сиденье. Полисмены, у которых гора с плеч свалилась после того, как они наконец хоть куда-то нас пристроили, пожелали нам поменьше приключений, «король» закрыл свои владения, и тут полил дождь. Распихав узлы, куда только было возможно, мы с Ларри уселись по-турецки на длинном сиденье. Включив фонарик, я вытащила на свет мокрое, липкое, полусырое месиво — за последние восемь часов во рту у нас не было и маковой росинки.

— Похоже, меня кто-то куснул,— заметил Ларри, принявшись за «кашу».

— И меня тоже. Включи-ка верхний свет, я вытяну руку, и мы посмотрим, что там такое.

Я внимательно осмотрела освещённую руку.

— Блохи,— взвыла я.— Кабина кишит блохами.

Теперь уже дождь лил как из ведра. По колеям, оставленным колёсами грузовика, как по желобам, струилась жидкая грязь. Махнув рукой на обед, мы вывалились в слякоть и дождь и принялись ставить палатку.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ НА ГРАНИ СРЫВА

Была уже середина октября, когда мы въехали в отравленные смогом, суетные Афины. После недели пути по восточному побережью Италии мы оказались в портовом городе Брундизи, откуда морем добрались до Патраса. В Афинах мы провели последние приготовления к «исходу» из западного цивилизованного мира. Из всей Европы столица Греции приятно выделялась самыми низкими ценами на авиабилеты и самой новейшей информацией о путешествиях на Восток, а её магазины изобиловали запчастями и инструментами для английских, французских и итальянских спортивно-туристских велосипедов — десяти- и пятнадцатискоростников. От Афин до Бангкока днём с огнём не сыщешь не то что деталей, но даже незатейливых наборов для латания шин. Мы основательно запаслись подшипниками, спицами, ниппелями и незаменимыми заплатками, закупив четыре запасных камеры и шесть шин, а также ещё один велосипедный насос — на случай безвозвратной утраты в пути первого и единственного.

К этому времени из-за политического хаоса и антиамериканских демонстраций путешествовать по маршрутам, пролегающим через Иран и Афганистан, стало слишком опасно. В молодёжных турагентствах, протянувшихся вдоль улиц, примыкавших к афинской площади Синтагма, нам посоветовали перемахнуть через враждебный и гибельный Средний Восток и продолжить путешествие в Индии. Все агентства предлагали едва ли не ежедневные авиарейсы до Нью-Дели с билетами по льготному тарифу.

— Как насчёт рейса из Каира в Нью-Дели? — поинтересовался Ларри в одном из агентств.— Мы направляемся в Египет, поэтому мы можем с таким же успехом лететь в Индию из Каира, вместо того чтобы возвращаться сюда.

— Как раз сейчас между Египтом и Индией нет никакого авиасообщения,— объяснила миловидная женщина.— Эти страны не ладят друг с другом, а значит, и те и другие авиадиспетчеры, взаимно, не дают посадку самолётам. Вам всё же придётся вернуться, если хотите добраться до Индии. За сто сорок долларов сделаю вам два билета до Каира и обратно. Это дешевле, чем морем. А потом могу заказать два билета на рейс «Биман Эрлайнс» отсюда до Нью-Дели ещё за сто сорок восемь долларов. Хотя, чтобы взять льготные билеты до Каира, от вас потребуются международные студенческие карточки.

— Похоже, не повезло нам с билетами. Мы уже не студенты, а Ларри и вовсе вышел из студенческого возраста,— сказала я.— Думаю, нам придётся оплатить полную стоимость.

— Полную стоимость? Вы смеётесь? Туда, куда вам нужно, ни один иностранец не берёт полный билет. На Востоке все путешествуют по «липовым» студенческим карточкам. Стоит вам только выйти побродить по улицам в Нью-Дели или в Калькутте, как за вами почти наверняка увяжется какой-нибудь сомнительный тип и предложит купить льготный авиабилет обратно в Европу, в Таиланд или на Дальний Восток. Он же продаст вам и студенческую карточку в придачу. Это происходит постоянно. Но таким образом вы можете поиметь крупные неприятности! Поэтому, если хотите, скажем, за два доллара с каждого, я выправлю вам карточки, а Ларри скажет, что ему двадцать девять вместо тридцати. Нет проблем. По рукам?

Мы оба с подозрением уставились на кассиршу. Она захихикала, сверкнув широкой лукавой улыбкой.

— Добро пожаловать на Восток или, по крайней мере, в ворота на Восток. Не волнуйтесь. Довольно скоро вы будете знать все ходы и выходы.

Мы купили билеты и карточки, и уже на выходе Ларри догадался спросить, какой стране принадлежит «Биман Эрлайнс».

— Бангладеш,— ухмыльнулось «личико фирмы».

Бангладеш? Моё сердце бешено заколотилось. Не та ли это страна, где люди повально мрут от голода? Мне расхотелось лететь. Я не переносу полётов. Я их смертельно боюсь. Страшная мысль о путешествии на борту самолёта, принадлежащего одной из беднейших стран мира, повергла меня в панику. В моём мозгу мелькнула картинка древнего турбовинтового «воздушного извозчика» на спущенных шинах, с помятыми пропеллерами и едва различимыми из-за облупившейся краски на боку заморскими каракулями: «БИМАН ЭРЛАЙНС». В кабине восседал худосочный пилот в тюрбане.

— «Биман» — всемирно известная авиакомпания,— опять блеснуло зубками «личико».

Хотелось бы знать — чем, но я не осмелилась спросить, поскольку на все сто ожидала услышать в ответ: «Да тем, что всякий раз её самолёты теряют крылышки на лету». Ну а затем «личико» включило бы всё ту же слащавую, лживую улыбочку, а мне не оставалось бы ничего другого, как мысленно тысячу раз умереть. Нет, я не спросила. Вместо этого я предпочла напрочь забыть о «Биман Эрлайнс» — в конце-то концов, не завтра же мне лететь.

Прежде чем расстаться с Афинами, мы купили запасную флягу и четыре катушки фотоплёнки, рассчитывая, что её хватит до Бангкока. Мы снова облегчили свои вьючники, отослав домой посылку с

картами и журналами и уже отснятой плёнкой. За день до отлёта в Египет мы приняли первую порцию противомалерийных таблеток. С момента прибытия в Каир нам предстояло провести сто десять дней в районах, где можно подцепить малярию.

«Олимпик Эрлайнс» согласилась транспортировать наши велосипеды без коробок после того, как Ларри объяснил, что носильщикам легче будет управиться, если они смогут просто перекачивать их с места на место.

Двадцатого октября, в одиннадцать вечера, мы с Ларри приземлились в Каирском международном аэропорту. Секьюрити в аэропорту служила живым примером высокого уровня напряжённости на Среднем Востоке, и в Египте в частности. Лига арабских государств уже не первый месяц осыпала Египет угрозами из-за мирных переговоров Садата с Израилем, вот почему в Каирском аэропорту кишели сотни вооружённых солдат, бдительно следя за всеми без разбору. После того как нас около часа продержали в очереди на таможне и в эмиграционной службе, мы с Ларри побрели к багажному транспортёру. Мы подошли как раз вовремя, чтобы воочию пронаблюдать, как переднее колесо велосипеда Ларри заскользило по скату. Причём скользило-то оно «в одиночестве», отделившись от всего остального. Самого же велосипеда не было.

Схватив колесо, Ларри понёсся с ним в багажное отделение, охраняемое четырьмя солдатами, вооружёнными винтовками со штык-ножами. Ни один из солдат не говорил по-английски, и Ларри, привычно принявшись гримасничать и жестикулировать, распалялся до тех пор, пока его не прервал один из охранников. Жестом приказав Ларри следовать за ним, солдат ринулся в атаку на камеру хранения. Весь

персонал её успешно спасся бегством через чёрный ход, солдат же обнаружил наши велосипеды, громоздящиеся один на другом возле «горки» транспортёра. Они долетели без потерь, не считая соскочившего и «загулявшего» переднего колеса.

Пока мы грузились, нас толпой обступили работники аэропорта, пришедшие поглазеть на велосипеды, снаряжение, да и на нас самих. Они поинтересовались, не собираемся ли мы совершить велопробег по Египту, и, получив утвердительный ответ, воззрились на нас в ужасе и неверии. Разглядывая ряды обращённых ко мне напряжённых лиц, я вдруг подумала, что никогда раньше не слышала, чтобы кто-нибудь объехал Египет на велосипеде.

У самого выхода из аэропорта нас остановили двое египтян в широких брюках и узких приталенных рубашках. Один из них обратился прямо ко мне. Он хорошо говорил по-английски.

— Простите, но, если мы правильно поняли, вы собираетесь совершить велопробег по Египту,— улыбнулся он.

Я согласно кивнула.

— Значит, да. Знаете ли, слух о вас разошёлся довольно быстро, а всё потому, что женщины-велосипедистки здесь в диковинку. Египтянки не ездят на велосипедах. Поэтому на улице собралась толпа желающих посмотреть, как вы будете это делать. Мы хотели бы попросить вас выехать к ним первой. Можно, я легонько подтолкну вас, как бы дам старт?

Зачем? Выходит, они и вправду не верят, что женщине вполне по плечу «обуздать» велосипед, подумалось мне. Я начала было отнекиваться, но — слишком поздно — предупредительный египтянин уже сообщал мне ускорение, выталкивая вперёд, в то время как его приятель распахивал двойные двери выхода. Где-то за моей спиной к выходу продирался Ларри.

Я пробкой вылетела из дверей — и вот они. Их сотни. Сотни умолкших, вытаращившихся на меня египтян, щеголяющих в чём угодно, от белых тюрбанов и длиннополых галабей — хлопчатобумажных туник с длинными свободными рукавами — до деловых костюмов-троек. Ни одной женщины в толпе, и никто не проронил ни слова. Слегка расступившись, они оставили мне узенький коридорчик в самой гуще толпы, и, пока я катила по нему, множество жгучих, острых глаз разглядывали мой велосипед, мою нехитрую кладь и одежду — закатанные до колен джинсы и футболку. Они вбуравливались взглядом в мои глаза до самого дна, словно пытаюсь разгадать мои намерения. Работая педалями, я то и дело в изумлении озиралась назад, на угрюмые фигуры смуглых и темноволосых людей из поглотившей меня толпы. И только потом, когда я наконец достигла её края, тишину прорезал громкий крик:

«Я люблю Джимми Картера!»

Дёрнувшись от испуга, я завертела головой, оглядываясь на собравшихся. Теперь люди улыбались, дружно скандируя в унисон: «Добро пожаловать в Египет! Я люблю Джимми Картера!»

Ну и дела. Времени — час ночи, и вот мы стоим возле Каирского международного аэропорта в раздумье, куда податься. Поблизости — ни одного кемпинга. До деловой части города и дешёвых отелей отсюда миль двадцать, а у нас нет даже карты.

— Давай двинем на бензоколонку, прямиком через автостоянку, и посмотрим, нельзя ли поставить палатку за ней, на площадке,— предложил Ларри.— Я слишком устал, чтобы с места в карьер ехать в Каир. Выспимся и отправимся утром.

С разрешения заправщика мы расположились на облюбованной нами площадке, вне досягаемости вездесущих прожекторов аэропорта.

Минут через пять после того, как мы скрылись в палатке, кто-то вцепился в её стенку и принялся трясти с таким остервенением, что едва не порвал. Какой-то мужчина снова и снова истерически кричал: «Полиция! Пулемёты! Нет! Нет!»

Расстегнув дверную молнию, я нос к носу столкнулась с безумным, беззубым босяком в грязных *галабеях*^[*]. Захлёбываясь арабским, там и сям вкрапляя в него отдельные английские слова, египтянин добивался от нас, чтобы мы убрались с площадки. Нам так и не удалось понять, чем мы ему помешали, однако было очевидно, что спорить бесполезно. Попытайся мы остаться, он непременно разнёс бы палатку в клочья. Валясь с ног от усталости, мы снялись с места и двинулись в Каир.

Было уже два часа ночи, но воздух в Каире всё ещё дышал сухим зноем. Дороги без каких бы то ни было дорожных знаков тонули во тьме или в лучшем случае были лишь тускло освещены, изобилуя выбоинами, всяческим ломом и мусором, легковушками, грузовиками, велосипедами и ишаками. Несмотря на то что через каждые десять минут нам приходилось тормозить и спрашивать дорогу, мы, хотя и медленно, продвигались вперёд.

Ближе к центру в городе повсюду кипела жизнь. Строители спешно возводили новые высотки, работали закусочные, на тротуарах толкались и суетились пешеходы.

Нам потребовалось два часа, чтобы добраться до «знаменитого» «Голден-отеля» в центре Каира, в двух шагах от Нила и Музея Египта. Знаменит он был своей невероятной дешевизной — всего за пять долларов сорок центов ночной портье отвёл нас в номер с уборной и душем. Он вспрыснул воздух смертоносно воняющим ДДТ, не оставив надежды клопам, и сделал нам ручкой.

Распластав на кровати свои измученные, запылённые тела, мы отключились...

Каир, как оказалось, полностью соответствовал тому, что я прочла о нём в многочисленных газетных статьях ещё до начала путешествия: грязный, полуразрушенный, погрязший в смоге и нищете. В Каире, куда ни глянь, на всём лежал свой собственный слой грязи и битого камня. Даже полы второго этажа государственного универмага были погребены под полудюймовым пластом грязи. А окна нашего пятиэтажного отеля смотрели сверху вниз на крыши, заваленные обломками штукатурки, дерева, стекла и цемента. Ютясь среди обломков, развалины обживали многочисленные семейства столичных жителей.

За исключением фешенебельных пятизвёздочных отелей, всё в Каире: здания, музеи, легковые автомобили и грузовики, автобусы и автостоянки — пребывало в состоянии крайней ветхости и запустения. Целые районы города были объявлены непригодными для жилья из-за отсутствия канализации и загрязнения водопровода. На окраине города, вдоль дороги, ведущей к пирамидам, на глазах рушились недавно построенные жилые дома.

Большинство автобусов выглядело так, будто они повидали немало боёв на фронтах последней войны с Израилем. Огромные куски их покорёженных корпусов были оторваны и болтались на честном слове или снесены напрочь. В окнах недоставало стёкол, что облегчало пассажирам возможность вывешиваться наружу из битком набитых салонов, а также входить и выходить из автобуса при заторе в дверях. Если же мотор страдальца приказывал долго жить, водитель и пассажиры быстро покидали автобус. Брошенный всеми, он ещё с недельку торчал на проезжей части, затрудняя

уличное движение, пока кто-нибудь наконец не буксировал его с глаз долой.

Днём и ближе к вечеру Каир превращался в одну сплошную гигантскую, оглушительно ревущую дорожную пробку — тогда большая часть города исчезала под тёмным покровом смога. Тот факт, что телефоны в Каире почти никогда не работали, лишь усугублял перегруженность уличного движения: для того чтобы передать сообщение или просто потрепаться с друзьями, горожане запрыгивали в автомобиль и неслись по городу. Никто не обращал ни малейшего внимания на редкие светофоры или дорожные знаки. Протискиваться сквозь бреши в сплошном потоке машин, обдирая при этом себе бока, или лететь сломя голову, не отнимая рук от сигнального гудка, было делом обычным и привычным. Автобусы, изрыгающие тучи серых выхлопов, казалось, особенно поднаторели по части внедрения в такие «расщелины».

В большинстве районов Каира выхлопы и пыль достигали в воздухе такой густоты, что ничем не отличались от дыма с металлическим привкусом и запахом гари, нещадно разъедавшего глаза. Во время нашей первой и последней попытки проехаться по городу на велосипеде нам всё время приходилось щуриться, но несмотря на это, в глаза напорошило столько мелкого сора, что мы едва могли видеть. После часа езды наши глаза, превратившиеся в «кроличьи глазки», нестерпимо жгло, лица и руки почернели, а волосы поседели от пыли. Взглянув в зеркало в гостиничном номере, мы еле узнали себя и тут же решили, что прогулка пешком — единственный способ познакомиться с городом.

Каирские бедняки были невообразимо бедны. Бывало, семейство из тринадцати человек теснилось в грязной, ветхой, кишасей крысами комнатухе футов девять на двенадцать, изо всех сил стараясь свести

концы с концами на те сорок семь центов, что ежедневно получал отец, работая вокзальным носильщиком. Еда была до смешного дешёвой: буханка хлеба стоила полтора цента, йогурт — четырнадцать центов, а стакан шипучего лимонада — пятнадцать центов,— но всё же недостаточно дёшево для обнищавших масс, и для многих семейств подаяние служило подспорьем к заработку. И даже в Музее Египта, где размещалась богатейшая выставка сокровищ гробницы фараона Тутанхамона, охранники кланчили милостыню — бакшиш.

В Каире нам с Ларри посчастливилось отыскать молодую египетскую пару, Мохсена и Самиру, свободно владевшую английским (это были друзья итальянца, с которым мы познакомились, путешествуя по Шотландии). В выходной они устроили нам экскурсию по городу: пирамиды, цитадель и мечеть Мохаммеда Али. Мохсен и Самира жили в Маади — престижном жилом районе на окраине Каира. После экскурсии они пригласили нас в ресторан в Маади, на берегу Нила, где мы сидели, наблюдая, как скользят по окаймлённой пальмами реке древние *фелуки*^[*]. За обедом Самира рассказала, что все сотрудники американского посольства живут в Маади, а жёны многих из них так и не осмелились посетить деловой центр города, находя его слишком грязным. Тем не менее даже Маади был запылён песком и более мелкими частичками грунта.

Если Мохсен и Самира были знатоками истории своего города, то Фареса можно считать «инструктором», который непосредственно подготовил нас к велопробегу по стране. В свои восемьдесят Фарес Сарофим владел и управлял «Голден-отелем». Выпускник Оксфорда и Сорбонны, он владел дюжиной языков, знал тысячи полезных советов путешественникам, любил велоспорт и обладал

добрейшей душой на свете. Фарес мог бы считать себя отцом всех путешественников-иностранцев, останавливающихся в «Отеле». Он помогал выправлять визы, паспорта и авиабилеты, равно как и разыскивать пропавший багаж. Он направлял всех желающих в самые недорогие магазины Каира, снабжал списком дешёвых отелей в других городах Египта и брал с нашего брата за жильё гораздо меньше ожидаемого, никогда не включая налоги, плату за услуги и регистрационные издержки в стоимость номера.

Прежде чем мы выехали в Луксор, местонахождение гробницы фараона Тутанхамона, и древний Тебес, город на берегах Нила, где-то в четырёхстах пятидесяти милях южнее Каира, Фарес усадил нас с Ларри около себя, чтобы снабдить в дорогу мудрым напутствием.

— В Египте можно без опаски пить водопроводную воду. Но никогда не пейте сырой воды в небольших селениях, ведь там её набирают из колодцев и каналов.

Как вы уже успели выяснить в первую же ночь в Египте, со времени последней войны с Израилем иностранным туристам запрещается ночевать под открытым небом, за исключением специально отведённых для этого мест. Значит, по дороге в Луксор вам придётся останавливаться только в отелях и *локандах*, пансионах для египетских люмпенов. Я отмечу на вашей карте все города отсюда до Луксора, где есть гостиницы.

Вам же, Барбара, следует в любом случае постоянно закрывать плечи и забыть о шортах. Это очень важно. Нынешним летом в Эль-Минья, в одном из городов, где вам придётся заночевать, кучка правоверных забросала камнями туристический автобус только потому, что дамы были в открытых кофточках без рукавов. Ну а в Луксоре можно вспомнить о шортах и топиках. Там столько туристов, что местные уже ко всему привыкли. Знаю, Самира говорила вам о своих сомнениях насчёт

того, как отреагируют феллахи^[*] в Верхнем Египте на появление женщины на велосипеде. Я бы сказал, вам нечего опасаться, если вы последуете моему предыдущему совету.

Я заготовлю вам краткий словарь тех слов, которые вам потребуется знать на арабском, скажем, числа от одного до десяти и названия продуктов.

Не стоит даже пытаться искать в магазинах запчасти к вашим велосипедам. Египтяне ездят на устаревших однокоростниках, поэтому я надеюсь, вы прибыли сюда во всеоружии. Местами дорога до Луксора — не сахар. И вашим машинам придётся ох как не сладко. Что касается деревень Верхнего Египта, то помните одно: там никогда не ступала нога иностранца, поэтому приготовьтесь к толпам любопытных феллахов. Двое иностранцев (а особенно женщина-иностранка) на велосипедах с необъятными вьючками — для них невиданное чудо. Может быть, в этих селениях в будущем этот год станут вспоминать как год появления белокожих иностранцев, прикативших на диковинных велосипедах.

Надеюсь, вы справитесь с дорогой, выдержите зной и сушь. Чем дальше на юг, тем жарче. В окрестностях Луксора температура круглые сутки не опускается ниже ста по Фаренгейту.

А напоследок — ещё один маленький совет: не забудьте взять с собой противомалерийные пилюли.

Поскольку о шортах в Египте не могло быть и речи, а в трикотажных трениках или в закатанных голубых джинсах крутить педали будет невыносимо жарко, я провела последний день в Каире, рыща по базарам в поисках идеальных «чисто египетских велосипедных штанов». Я заметила их, свисающих с крыши деревянного киоска, такого крохотного, что едва вмещал своего владельца вместе с ворохом насквозь пропылённых галабей. Такие белые хлопчатобумажные

штанишки. Да и цвет вполне подходящий для жаркой погоды, подумала я. По бокам их тянулись ярко-голубые лампасы. Правда, штаны больше походили на шаровары, чем на спортивные брюки. Они были такими мешковатыми, что «промежность» отвисла до середины штанин, собранных на резинки у лодыжек.

Я выторговала свою находку за два египетских фунта — два доллара семьдесят центов. В отеле я обкорнала штанины чуть ниже колен, в надежде сделать их более лёгкими и продуваемыми. Затем с той же целью я стащила одну из футболок Ларри, более чем просторную и доходившую мне едва ли не до колен.

— Вы выглядите сногшибательно, моя дорогая Барбара. Я бы сказал, просто обольстительно,— посмеивался Фарес, когда мы на следующее утро отъезжали от гостиницы.

Пока мы катили по Каиру, мои трепещущие шаровары надулись воздухом, придавая мне вид стодесятифунтовой матроны с наипышнейшими в мире бёдрами. Всю дорогу до Луксора я каждый день облачалась в свою новую амуницию, шаровары прослужили мне до самого Непала. Ларри же как мужчине посчастливилось проехать Египет налегке, в одних спортивных трусах.

Нам потребовалось пять с половиной дней, чтобы добраться до Луксора. Это была тяжёлая дорога, самая тяжёлая за всё наше путешествие. Египет устроил нам испытание на выносливость, проверив нашу способность справляться с самыми тяжёлыми ситуациями. Он выставил нам обширный спектр самых неожиданных препятствий и подготовил нас к велотуру по Востоку — Индии, Непалу, Юго-Восточной Азии, где нам то и дело приходилось действовать вопреки всякому здравому смыслу и где мы почти, а то и вовсе не имели возможности передохнуть и расслабиться.

Дорога из Каира на юг бежала вдоль берега Нила, по узкой полосе плодородной возделанной речной долины (здесь росли пальмы, пшеница, хлопок и сахарный тростник). С обеих сторон к долине подступали кажущиеся бесконечными мили песка. С дороги нам почти всегда был виден край пустыни и караваны верблюдов вдали. Так как это был единственный путь на юг, движение на шоссе было интенсивным, а значит, мы днями напролёт работали педалями под аккомпанемент автомобильных гудков. На пыльной обочине шоссе также всюду кипело движение — кто брёл на своих двоих, кто пришпоривал ишака, мотоцикл или верблюда.

Через каждые пять миль, как из-под земли, вырастали крохотные деревушки из маленьких глинобитных домиков, крытых сухим тростником. Сквозь илистую грязь или заросли тростника пробивались узкие неровные тропы, кишасшие людьми, животными, мухами и экскрементами. В деревнях мужчины носили галабеи, ходили босиком или в пластиковых сандалиях, почти всегда в белых чалмах, защищающих их от палящего солнца. Мальчишки одевались в галабеи или хлопчатобумажные пижамы. Женщины и девочки носили блузы с длинными рукавами и глубокой горловиной и многослойные юбки до земли. Они одевались в основном в чёрное, нацепляя на себя гирлянды ожерелий и массивные ножные браслеты.

Как и огромное большинство египетских мусульманок, уроженки Верхнего Египта не носили чадру.

Параллельно дороге тянулся широкий ирригационный канал. Вода в канале была грязной, порой нам случалось видеть в нём плывущие раздувшиеся трупы буйволов. Но несмотря ни на что, канал служил местным источником воды, водопоем, прачечной, кухонной мойкой для посуды и ванной одновременно — женщины стирали одежду, мыли ноги,

споласкивали тарелки, предварительно «очистив» их комком глины, мужчины и мальчишки плавали и плескались нагишом, невзирая на проплывающие мимо трупы павшей скотины.

Всё, что мы видели в первый день пути на юг, очаровало нас. Мы воочию наблюдали, как верблюды тянут за собой по полю грубые деревянные плуги. Озираясь назад, мы во все глаза таращились на только что отрубленные коровьи головы, которые местные парни прикручивали к рулям мотоциклов и развозили так по соседним деревням. Мы познакомились с египетским методом использования лопаты, при котором на одно орудие требовалось четверо работающих: в месте стыка черенка и совка привязывалась верёвка, за которую тянули трое, тогда как четвёртый направлял саму лопату. А ещё нам встретились на пути импровизированные придорожные мясные лавки, которые при ближайшем рассмотрении представляли собой треножник с прикреплёнными к нему крючьями. Мясники звонко отрубали от туши толстые куски мяса, ещё покрытые пучками жёсткой, как проволока, шерсти, и подвешивали, на мгновение прорвав сплошную завесу из мух, на крючья. Проезжавшие мимо грузовики обдавали выставленную на продажу мясную мякоть волнами пыли и выхлопов.

Наша первая неожиданная встреча с толпами любопытных, о которых предупреждал Фарес, произошла в маленьком городке в тридцати милях южнее Каира. Мы остановились купить апельсинов и пару бутылок прохладительного к цыплёнку и маслинам, что приготовила нам в дорогу мать Самиры. Съехав с проезжей части улицы, Ларри пешком зашагал в центр города, я же осталась караулить велосипеды. За каких-то пару секунд вокруг меня сгрудилась по меньшей мере сотня мужчин. Одни улыбались и приветливо кивали мне, другие пристально смотрели исподлобья, но ни

один не произнёс ни слова. Наконец я сделала первый шаг, сообщив всем, куда мы с Ларри направляемся.

— Луксор,— выпалила я.

— А-а, Луксор,— понимающе закивали все разом.

— Бени-Суэйф? — поинтересовался один из любознательных, склонившись щекой на сложенные вместе ладони.

Да, закивала я в знак согласия, сегодня нам предстоит заночевать в Бени-Суэйф. Затем я перечислила названия всех городов, где мы собирались останавливаться на ночлег на всём пути до Луксора: «Эль-Минья, Асьют, Сохаг, Кена».

Египтянин закивал и одобрительно улыбнулся. Больше сказать мне было вроде нечего, поэтому я терпеливо стояла на месте, изучая все эти галабеи, тюрбаны и улыбающиеся лица, которые, в свою очередь, тоже внимательно разглядывали меня. После четырёх дней, проведённых в Каире, где через каждые десять минут кто-нибудь обязательно принимался кланяться, меня поразило, что ни один из собравшихся не просил подаяния. К не меньшему своему удивлению, я вдруг почувствовала, что не испытываю никакой неловкости, стоя в самой гуще толпы незнакомых людей, да к тому же такого чудного вида. Когда Ларри вернулся назад с апельсинами, меня вместе с велосипедами полностью скрыло в гуще тел.

— Барб, где ты? — истошно вопил он за пределами толпы.

— Да здесь я,— прокричала я в ответ. Так мы перекликались до тех пор, пока Ларри не добрался до меня сквозь плотное кольцо зевак.

— Чуть до смерти не перепугался, вернулся, а тебя и след простыл! Тебя же не видно за всеми этими чудаками. Слушай, мне что-то не хочется затевать обед прямо здесь, на виду у сотен пытливых глаз. Давай

уедем из города и сделаем привал где-нибудь в поле, где не так много народа.

Жестами я дала понять ближайшим из нашего окружения, что мы хотим вернуться на дорогу. Отскочив назад и развернувшись, они криком оповестили остальных, и море расступилось. Когда мы покатали восвояси, все они замахали нам на прощание и принялись выкрикивать одну-единственную английскую фразу, похоже, известную едва ли не каждому египтянину: «Добро пожаловать в Египет!» Даже те египтяне, которые утверждали, будто говорят по-английски, на все наши вопросы: «Далеко ли до Бени-Суэйф? Почём апельсины? Нет ли здесь ещё кого-нибудь, кто говорил бы по-английски?» — неизменно радостно отвечали: «Добро пожаловать в Египет!»

В полумиле к югу от города нам приглянулась группка пальм у подножия дорожной насыпи, и мы решили утолить голод там, в тени и пыли. Даже в долине Нила можно было только мечтать посидеть на зелёной траве — кругом лишь пыль да песок. Вытащив апельсин, я растянулась на земле. Но едва я взялась его чистить, как моё зрение уловило какое-то неожиданное движение. Подняв глаза, я взглядом обшаривала противоположный берег канала: он буквально кишел крысами. Это были огромные крысы, размером почти с белку. Я поспешно огляделась; повсюду, куда ни глянь, копошились крысы, десятки крыс. К счастью, они, видимо, нас опасались и держались на почтительном расстоянии. Ни один зверёк не отважился приблизиться к нашей стоянке ближе пяти футов.

Я была порядком наслышана о египетских крысах. Когда во время войны с Израилем египтяне покинули города, расположенные на берегу Суэцкого канала, их заняло племя гигантских крыс и принялось там плодиться. Оттуда крысы веером рассыпались по дельте Нила, заполонив Нижний Египет, к северу от Каира.

Многие из них достигали размеров некрупной кошки, и каждый год земледельцы дельты теряли из-за серых тварей добрую часть урожая. По сообщениям, которые я читала в Каире, гигантские крысы нередко убивали насылаемых на них кошек. Существовало по меньшей мере одно подтверждённое сообщение о том, как крысы напали на новорождённого крестьянского младенца и загрызли его. По счастью, гигантские крысы ещё не дошли до Каира. И хотя Верхний Египет был наводнён крысами, они всё же были мельче, чем те, что сновали в пыли и кустах вокруг нас.

Решив, что крысы нас не побеспокоят, я переключила внимание на мух. К этому времени мушиный батальон сплошной чёрной корой покрыл нашу снедь, мухи лезли в рот, в ноздри и в глаза. Мы пытались отмахиваться от них, но стоило только опустить руки, как мухи тотчас налетали снова. Это было безнадёжное сражение. Недолго думая, мы примирились с необходимостью набить желудки в непролазной грязи, в компании с суетившимися вокруг крысами и мухами, «пощипывающими» наши лица и пищу. Едва мы успели покончить с едой, как возле нас с дороги свернул грузовик. Выскочив из кабины с криком: «Добро пожаловать в Египет!» — водитель сунул нам две полных пригоршни сахарного тростника, после чего, не задерживаясь, залез обратно в машину и был таков.

Надо сказать, что до сих пор асфальтовая дорога от Каира до Бени-Суэйф была большей частью ровной и гладкой. Но попадались и незаасфальтированные участки, где мы пробирались через рыхлую грязь, камни и густые клубы дыма и пыли, поднимаемые легковушками, автобусами и грузовиками. Даже над асфальтом в воздухе стояла удушливая пыль. К концу дня, после десяти часов езды в пыльном мареве, наши глаза застилал туман, в горле першило, а из ноздрей

струились потоки чёрной слизи. Мы обливались потом, а потому густая оболочка грязи превращала в драже наши липкие тела. В сумерках воздух заполнили тучи комароподобного гнуса, впивающегося в кожу и в волосы.

К моменту прибытия в Бени-Суэйф, раскинувшийся в восьмидесяти милях от Каира, нас обоих плотно облегал чёрный, клейкий «костюм» из пыли, пота и мошкар. В ушах эхом звучали бьющие по перепонкам гудки грузовиков, после шестичасовой голодовки желудки жаловались на пустоту. Двое изнемогающих от усталости велосипедистов, каковыми мы являлись, добравшись до Бени-Суэйф как раз с наступлением темноты, были не в состоянии выдержать двухчасовую процедуру регистрации, которую уготовила нам местная полиция.

Изваяние, представшее перед нами на повороте в город, при ближайшем рассмотрении оказалось дюжим суровым полисменом. Когда мы остановились и спросили у него дорогу в отель, он окликнул проезжавшего мимо велосипедиста лет двенадцати и велел ему проводить нас. Мальчишка протащил нас по бесконечным грязным, узким, извилистым улочкам к отелю напротив железнодорожного вокзала. Пока мы пробирались по городу, прохожие в галабях предлагали помочь нашему юному проводнику, а мелкая ребятня, пытавшаяся увязаться за нами, получала от отцов звонкие шлепки и ворчливые нравоучения.

«Мест нет. Полиция — штамп — паспорт» — вот всё, что мог сказать нам портье захудалой гостиницы. Мы пожали плечами, мол, не знаем, что делать. На самом деле хотелось только одного: завалиться спать прямо здесь и сейчас. Мы ждали, пока осторожный зануда переговорит с нашим провожатым. Потом мальчуган жестом показал нам следовать за ним. Мы опять побрели на улицу, оседлали велосипеды и потащились

следом за мальчишкой в полицейский участок. Всё объяснив стоящей на входе охране, наш провожатый остался стеречь велосипеда. Нас же охранник завёл в ближайшую от входа комнатушку и оставил одних ждать за барьером.

Комната была пуста, не считая обшарпанного деревянного стола и трёх стульев. Столешница обнажена до неприличия: ни бумаг, ни телефона, ни пишущей машинки. Стены, не знавшие краски, и голый цементный пол. На конце свешивающегося с потолка длинного шнура болталась беззащитная в своей наготе лампочка, но света от неё было на пенс. Усевшись на стулья, мы с Ларри принялись ждать. Непонятно только — чего. «Чудно как-то,— подумала я,— ну и денёк сегодня». Мы протомились в ожидании минут двадцать, прежде чем в комнату ввалилась группка полицейских и солдат, всего их было пятеро. Один из полисменов говорил по-английски.

— Откуда вы? — требовательно спросил он.

— Из Соединённых Штатов.

— А, американцы — добро пожаловать в Египет!

— Спасибо.

— Я — Хелми. Паспорта, пожалуйста.

Сперва Хелми взял мой паспорт и уселся с ним за стол. Только сейчас я заметила, что стол всеми своими ящичками смотрит на нас, а не на Хелми. Хелми с хрустом перелистывал страницы, держа мой паспорт «вниз головой», и только дойдя до фотографии, перевернул его, как нужно. Изучая фото, он то и дело оглядывал меня с головы до пят.

Напряжённую тишину разорвал зов муэдзина к вечерней молитве, один из солдат метнулся в угол, схватил скатанный в трубочку молитвенный коврик и расстелил его на единственном свободном квадратике голого пола в этой комнатушке — у самых моих ног. Рухнув на колени, он принялся класть земные поклоны,

вознося молитву Аллаху. Хелми и остальные не обращали на него ни малейшего внимания, их взгляды были прикованы к нам. Через каждую секунду, когда молящийся солдатик, хлопнувшись лбом об пол, подскакивал вверх, он заслонял меня от Хелми.

— Прежде чем пойти в отель, вы регистрируетесь в полиции,— объяснил Хелми, перестав мусолить наши паспорта.— Таково правило. В центрах туризма — в Каире, Луксоре и Асуане — регистрацию паспортов в полиции берут на себя отели. В таких городках, как Бени-Суэйф, куда туристы не заглядывают, вы сами идёте в полицию и регистрируетесь. Мы проверяем всех, кто путешествует по Египту. Ищем преступников, палестинцев и израильских шпионов. Теперь я несу ваши паспорта начальству. Шеф должен просмотреть ваши документы. Ждите.

Нам ничего не оставалось, как ждать. Мы промыкались более часа. К тому времени я так проголодалась, что готова была начать глодать ножку стула, вместо этого я коротала время, сколупывая с кожи и одежды присохших мошек и нашлёпки грязи. Пока мы томились в ожидании, через комнату непрерывным ручейком текли полисмены. Каждому хотелось поглазеть на двух свежеприбывших чужаков-иностранцев. Несмотря на голод и усталость, мы с Ларри из всех сил старались улыбаться и отвечать на их расспросы об Америке. Однако, поскольку большинство полицейских не знало английского, а наш арабский сводился к горстке самых необходимых слов, коим обучил нас Фарес, то мы только и делали, что улыбались и кивали. Когда же наконец вернулся Хелми, он тоже насел на нас с вопросами о Штатах, и лишь спустя ещё полчаса мы всё-таки получили назад свои паспорта.

Хелми выделил нам двоих сопровождающих — подтвердить управляющему отеля, что мы действительно прошли «процедуру». Мальчуган

проводил нас до отеля и снова встал на караул возле велосипедов, пока мы проходили через ещё одну долгую проволочку — заполнение длиннущего регистрационного бланка, напечатанного арабской вязью. Полицейским, которые с трудом изъяснялись по-английски, пришлось попотеть, растолковывая нам, что и куда вписывать. Когда наконец с делом было покончено, мальчуган помог нам дотащить до номера велосипеда и кладь. В благодарность за помощь я протянула ему пару монет. При виде пиастров его мордашка приняла удивлённо-возмущённый вид. Он помотал головой, словно хотел сказать: «Я помогал вам, потому что хотел помочь, а вовсе не ради денег». Он оттолкнул деньги, пожал нам руки и, гордо улыбаясь, убежал.

В комнате было просторно, но грязно и шумно. Со стен давно облупилась краска. Деревянный пол, неровный и шероховатый, напрочь забыл о лаке. Из-под потолка, сквозь пыльный воздух, просачивался свет от одинокой лампочки без абажура, высвечивая танцующих по всей комнате москитов и мух. Из приёмников в соседнем кафе вырывалось громкое визгливое пение.

Только к полуночи, обегав не один кишачий мухами продуктовый лоток, мы управились с готовкой и обедом-ужином, а также с «принятием ванны» под краном, торчащим из закопчённой стены тёмной, склизкой общественной уборной в конце коридора. Чтобы не допустить пиршества москитов, мы залегли в палатке, разбив её на середине комнаты после того, как отволокли в угол грязные, запятнанные матрасы.

Четыре часа передышки — и вот уже в кафе проснулись радиоприёмники и снова принялись «жарить» во всю мощь. Было всего только шесть утра, когда я проснулась с ощущением ужасных желудочных спазмов и тошноты. Какой там завтрак, один только его запах вызывал у меня позывы к рвоте. Едва я встала с

постели, как на меня напал понос. Весь следующий час, через каждые десять минут, я совершала набег на сортир типа «присядь на корточки» — к дырке в полу, окружённой фаянсом. Изготовившись к седьмой по счёту пробежке, я поняла, что сегодня не смогу крутить педали. Вылетев из комнаты, промчавшись по коридору, я вцепилась в дверь и судорожно дёрнула её на себя. Тщетно, она не поддавалась. Я запаниковала — кто-то засел внутри.

«Попробую-ка этажом выше,— сообразила я,— там тоже должен быть туалет». Пулей взлетев по лестнице, я рывком распахнула дверь, шагнула внутрь и остолбенела. К этому времени в Европе, Марокко и Каире я перевидала не мало грязных до омерзения, зловонных, забрызганных испражнениями сортиров. Но этот — совсем не то. Этот был живой. В переливающимся через край жидком человечьем дерьме копошились тараканы, извивались ящерицы и гигантские волосатые пауки. Вид кишашего мерзкой живностью сортира убил во мне всяческие позывы очистить кишечник. Я медленно спустилась к себе, снарядила велосипед и выкатила его на улицу.

В тот день я всё-таки добралась до Эль-Минья, отмахав на семидесятифунтовом велосипеде семьдесят пять миль по тряской ухабистой дороге под изнуряющим солнцем. Учитывая моё состояние, можно составить мнение о том, как закалили меня последние семнадцать месяцев, добавив выносливости и упорства. Поначалу, где-то через каждый час, я останавливалась присесть и отдохнуть. От слабости я еле держалась на ногах, с трудом стараясь совладать со взбунтовавшимся кишечником. За ленчем я заставила себя проглотить два бутерброда с арахисовым маслом, купленным ещё в Афинах. Всякий раз, когда мы устраивали привал, поглазеть на нас сбегались полчища зевак или крыс. Нас жалили столовавшие с нами мухи.

В тот день мы наблюдали ещё более удивительные картины. Чуть южнее Бени-Суэйф мимо нас прогрохотал третьеразрядный поезд «Каир — Асуан». Его купе едва ли не слились в сплошную массу тел и выюков. Избыток пассажиров ехал снаружи, сидя на крыше, прицепившись сбоку к вагонам или к бамперу локомотива. Пожалуй, эти лучше устроились, подумала я. Поразительно, как бедолаги, втиснувшиеся в раскалённый, душный вагон, до сих пор не отдали концы от теплового удара или удушья.

Вскоре после того, как нас обогнал поезд, мы впервые встретились с верблюжонком. Ларри заметил малыша, стоящего с матерью возле кучки глинобитных хижин, и загорелся заснять обоих с близкого расстояния.

— Может, не стоит подходить к ним так близко,— нерешительно заметила я, в то время как он уже ковылял по песку навстречу верблюдам.— Ты же знаешь, как мамыши трясутся над сосунками.

Привалив велосипеды друг к другу, я осталась стоять на обочине.

— Не беспокойся,— оглянувшись, прокричал он.— Рядом с ней дети, значит, она привыкла к людям.

— К египтянам,— уточнила я.

Я уже не раз замечала: в Египте даже животные, казалось, нюхом чуяли в нас чужаков. Добродушно-спокойный буйвол, смиренно бредущий среди египтян, при нашем приближении сломя голову нёсся прочь — особенно если Ларри держал в руках фотоаппарат. Действительно, странный феномен.

— Гляди-ка. А у неё вполне мягкий характер,— вопил Ларри.

Он присел на корточки перед верблюдами. Малыш присосался к матери, и Ларри спешил навести на резкость. В тот самый момент, когда он собирался щёлкнуть затвором, мамаша ринулась в атаку. Она пригнула голову, вытянула длинную шею и, закатав

губы, показала зловещий оскал огромных, выдающихся вперёд резцов, сопровождая это громким скрежетом. Мамаша не думала шутить, но её зубищи словно загипнотизировали Ларри.

— Беги! — завопила я.

Подстёгнутый криком, Ларри неловко попятился назад, оступаясь и увязая в глубоком песке. Он не мог отвести взгляд от зубов верблюдицы. Когда мамаша ринулась в наступление, он сгрёб пригоршню песка и швырнул ей в морду. Она продолжала надвигаться. Ларри швырнул ещё горсть.

— Помогите! На помощь, скорее! — взвизгивал Ларри.

Удирая задом наперёд, он и шагу не мог ступить, беспомощно трепыхаясь в песке, но тем не менее отказывался повернуться спиной к злобной пасти атакующей верблюдицы.

Нигде не было видно взрослых. Мужчины — в полях, а женщины, вероятно, ушли стирать на канал, рассудила я. Поблизости — только несмышлёные дети, да и те покатывались со смеху над злоключением Ларри. В тот самый момент, когда я уже была готова бросить велосипеды, на крик из одной хижины высунулась женщина. По выражению её лица я поняла, что Ларри попал в настоящий переплёт. Подскочив к стене хижины, она подхватила толстую трёхфутовую дубину. Египтянка удивительно быстро и уверенно «плыла» по глубокому песку. Добравшись до мамы-верблюдицы и взявшись за дубину обеими руками, женщина сплеча обрушила её на голову верблюдицы. Звук удара был хорошо слышен даже с дороги, более всего он напоминал приземление арбуза, грохнувшегося с высоты в десять футов на цементный пол. Мамаша свернула атаку, поджала губки и удручённо понурила голову, тогда как Ларри, развернувшись в нужном направлении, ударился бежать во все лопатки. Верблюжонок,

покачиваясь из стороны в сторону на некрепких ножках, прошагал за ним несколько ярдов, попытавшись напоследок тяпнуть за пятку, а затем потрусил назад к матери, которую на чём свет стоит ругала женщина с дубинкой.

— Телевик,— вот всё, что мог сказать Ларри, влезая на велосипед и отправляясь восвояси.

В тот вечер мы дотащились до Эль-Минья уже затемно. Студент колледжа, говоривший по-английски, проводил нас к «Сити-отелю».

— За номер — по пять фунтов (шесть долларов пятьдесят центов) с каждого, включая обед и завтрак,— объяснил администратор отеля.

Тринадцать долларов — сумма казалась астрономической, поскольку не далее как вчера мы отдали за нашу комнатку каких-то полтора доллара. Но в «Сити-отеле» царила безупречная чистота, что могло пойти моему больному желудку только на пользу. И самое главное — администратор согласился взять на себя хлопоты по регистрации паспортов.

— О столе — не беспокойтесь. Здесь хорошо кормят — здоровая и безопасная пища,— добавил он.— У нас останавливаются тургруппы проездом из Каира в Луксор, и мы имеем богатый опыт по части приготовления блюд, которые по вкусу иностранцам.

Целый час мы тёрли и скребли свои почерневшие от грязи тела, а затем поплелись в столовую. Желудок всё ещё не пришёл в норму, но что касается еды — давненько я не видела ничего подобного. За салатом из латука, помидоров и огурцов последовал отварной рис с куриной печёнкой, муссака, ростбиф с картофелем и морковью, сыр и финики — на десерт. Короче говоря, всё это и близко не лежало к нашей походной стряпне.

К утру я почувствовала себя лучше. Мы торопливо заглотали омлет, хлеб и пару чашек горячего чая и отправились в путь.

Третий день езды от Каира был отмечен началом перемены в поведении египтян. В оба предыдущих дня люди, собиравшиеся толпами вокруг нас, держались степенно, стараясь не теснить нас. Но когда мы остановились купить какой-нибудь лёгкой закуски в деревушке, в двух часах пути к югу от Эль-Минья, всё изменилось. Мужчины и мальчишки буквально набрасывались на нас, стремясь во что бы то ни стало попасть в привилегированное меньшинство «особо приближённых» к только что прибывшим иностранцам. Пихаясь и царапая друг друга, они протискивались вперёд, стараясь добраться до нас, всё больше впадая в неистовство.

Пока старуха торговка из фруктового ларька воплями призывала толпу сдать назад так, чтобы она смогла продать нам свои апельсины, я с ужасом наблюдала, как шестеро босоногих разбойников ломились сквозь громоздившиеся за её спиной хлипкие деревянные полки. В следующую минуту, не выдержав напора наседающих тел, киоск рухнул вместе с тентом и со всем своим содержимым. Торговка завизжала, судорожно цепляясь за раскиданные ящики с фруктами. Масса продолжала свой натиск, и когда мы с Ларри были уже почти на волосок от гибели под ногами беснующихся, чей-то внушительный голос остановил волну.

Голос принадлежал единственному поселковому полицейскому. Это был круглолицый мужчина в годах, на нём были застиранная форменная рубашка и поношенные брюки. Он прокладывал себе дорогу среди всеобщей истерии. Заслышав его громоподобный голос, всяк застывал на месте. Протолкавшись к нам, полисмен жестом приказал всем расступиться. Страж порядка был вооружён узким двухфунтовым стеклом с тремя лентами белой пористой резины на конце. Стоило ему только

хлопнуть этой «плёткой», как буяны съёживались и крадучись, бочком уносили ноги.

Робко пробормотав извинения, мы с Ларри подхватили свои апельсины и расплатились с рыдающей торговкой. Потом, с помощью полисмена и его трёххвостой плётки, расчищающей узкий коридор к дороге, мы вместе с велосипедами протиснулись сквозь человеческую стену и укатили прочь по спасительному шоссе.

Весь день дорога была ухабистой и тряской, это только обострило боли в желудке. Но несмотря ни на что, мы всё же умудрились ещё засветло добраться до Асьюта, города в восьмидесяти пяти милях южнее Эль-Минья. Наученные горьким опытом, мы не остановились купить еды. На привале, по уши в грязи и в пыли, мы наскоро отобедали апельсинами, помидорами и сэндвичами с арахисовым маслом в привычной уже компании крыс, мух и бродячих верблюдов. Питьевую воду мы прикончили раньше, немного не дотянув до Асьюта.

Компания мальчишек, игравших на городских задворках, отвела нас в отель «Омар Хайям». За три доллара нам предоставили крохотный номерок без москитов. Приняв паспорта, хозяин отеля согласился зарегистрировать нас в местной полиции. Ещё в Эль-Минья мы загрузились рисом и цуккини, поэтому нам не пришлось рыскать по магазинам, и мы завалились в постель в половине десятого.

К несчастью, где-то в час ночи коридорные взялись за уборку пустых номеров на этаже. Включив на полную мощность свои портативные радиоприёмники, они громыхали вёдрами и хлопали тряпками по запылившимся столам.

Утром, с велосипедами на плечах, мы осторожно пробрались между телами работников отеля, прикорнувших на полу в тесном холле. Растолкав

мужчину, ближайшего к конторке администратора, Ларри попросил у него наши паспорта.

— Пас-порт? — тупо пробормотал человек.

— Да, паспорта. Мы уезжаем. Нам нужны наши паспорта. Они не у вас? — переспросил Ларри.

Мы перерыли ящики всех конторок в холле, но паспортов нигде не было. Я совершенно пала духом. Наши паспорта исчезли, безвозвратно сгинули, а значит, мы безнадежно застряли в Асьюте. Полиция целую вечность будет ломать голову над тем, как поступить с парочкой беспаспортных иностранцев. Египтянин повторил наши поиски, но тоже ничего не нашёл. Затем он принялся по очереди будить спящих коллег, спрашивая у каждого, не знает ли тот, где могут быть наши паспорта. Седьмой по счёту разбуженный сунул руку в карман галабеи и вытащил оттуда два синих американских паспорта. Он отдал их, расплылся в глуповатой ухмылке, после чего опять растянулся на полу и захрапел.

В тот день поведение местных ещё более изменилось. Нрав их сделался просто гадким. Мужчины и мальчишки больше не улыбались нам с обочины. Никто не кричал: «Добро пожаловать в Египет!» Добрые слова и широкие улыбки, которыми нас встречали в первые два дня пути из Каира, теперь сменились свирепыми взглядами исподлобья и визгливым требованием бакшиша. В городках и грязных деревушках все, даже женщины, кланчили у нас милостыню, когда мы проезжали мимо. Случалось, какой-нибудь подросток запускать в нас камнем. Мы не слышали ничего, кроме надрывных автомобильных гудков и громкой, истерической мольбы о бакшише.

Когда в двадцати милях от Асьюта, около небольшого скопления глинобитных хижин, у Ларри спустила шина, феллахи валом повалили к нам и принялись хватать и трясти всё, что только попадало им

под руку — багажные корзинки, фляги, тормозные тросы и спицы. Пока я возилась со спущенной шиной, Ларри то и дело отпихивал наглецов, не давая им по винтику разнести велосипеды.

К полудню температура поползла до ста пяти, вскоре поднялся встречный ветер. Люди вопили, машины сигналили, пыль забивалась в нос и глаза, и, в первый раз за всё время, мы увидели трупы павших животных, по большей части — ишаков, валявшиеся у дороги. Тощие голодные псы с торопливой жадностью пожирали их туши. Мерзкое зрелище. Порой какое-нибудь животное, еле передвигающее ноги по обочине дороги, вдруг замертво оседало на колени, подкошенное истощением или болезнью. Теперь мы всё чаще видели больных детей — живых скелетиков, с глазёнками, полными гноя.

Во второй половине дня жара, встречный ветер, шум и пыль почти докончили наши нервы и желудки, но мы не решались сделать привал, чтоб хоть немного передохнуть и промочить пересохшее горло. Лучше крутить педали под неумолимым солнцем, чем сражаться с дикими толпами; и мы заставляли себя работать из последних сил.

Было четыре, когда мы доползли до Сохага. Кожа поджарилась на солнце, зной вытянул все силы, при попытке сглотнуть гортань саднило так, словно по ней прошлись наждаком. Кто-то показал нам дорогу в локанду, местную ночлежку. Хозяин отвёл нас в «апартаменты». В комнатухе не было ничего, кроме пары коек. Простыни свалены в угол, на полу — груды мусора и два матраса. Хозяин запросил за эту «конуру» два доллара, а сверх того ещё по четыре с носа — но вперёд, за то, что он сообщит нам, где находится полицейский участок. Когда же мы отказались вознаградить его восьмью баксами, он только пожал плечами.

Пока Ларри спорил и торговался со сквалыгой, я вышла на улицу и попыталась разузнать у прохожих дорогу в участок. Ни один не удостоил меня ответом. В конце концов мы с Ларри решили ехать в Джиргу, ещё в двадцати милях к югу. До темноты оставалось часа полтора, времени достаточно.

Но эти самые двадцать миль припасли для нас по-настоящему бедственный конец и без того неудачного дня. В пяти милях от Сохага асфальт неожиданно кончился, дорога превратилась в пыль и камни. Грузовики теснили нас в кювет; обитатели ближайших хижин драли глотки, требуя бакшиш, и швыряли в нас камнями. Когда же спустилась темнота, мы понятия не имели, сколько ещё миль осталось отмахать. От иссушения на знойном, сухом и пыльном воздухе из носа сочилась кровь, и тут во всю мощь «вступили» москиты. Время от времени мы останавливались и усердно выковыривали из-под век мелких мошек, чтобы избавиться от острого жжения в глазах. Заставляя себя двигаться, я скандировала: «Я буду в Джирге. Я буду в Джирге. Я буду в Джирге».

Страшное место — эта Джирга, раскинувшаяся в километре от дороги. Местные жители отреагировали на наше появление бессмысленной погоней, сопровождаемой неистовым криком. «Водитель такси», а точнее, извозчик, правивший лёгкой двухместной коляской, согласился проводить нас в участок. Когда же на узких, тесных улочках толпы любопытных пытались взять нас в тиски, поминутно теребя за одежду, дёргая за волосы и цепляясь за велосипеды и вьючники, он щёлкал их кнутом.

К семи часам мы доковыляли до участка и ввалились в кабинет начальника полиции, Ларри, как был, только в шортах, я — в шароварах с лампасами и необъятной футболке. Обоих нас с головы до пят покрывала корка

грязи, пота и приставшей к телу мошкары, у меня из носа потоком хлестала кровь.

— Добро пожаловать в Египет.

— Ага,— тяжело вздохнул Ларри.

— Чем могу?

— Можете. Нам нужно в отель. Мы очень, очень устали. Мы ехали сюда на велосипедах целый день, от самого Асьюта.

— Будьте любезны — чайку, и тогда поговорим. Присаживайтесь.

Нам обоим вовсе не улыбалось кружками вливать в опалённое зноем горло обжигающий чай, но — куда там спорить... И мы принуждали себя глотать кипяток, улыбаться и едва ли не дружески болтать со всеми полисменами, заскакивавшими в комнату. Каждый из шкуры вон лез, лишь бы произвести на нас впечатление своим статусом в славном отряде блюстителей порядка, а мы, как могли, подыгрывали им. Невзирая на мой отталкивающий внешний вид, самцы одаривали меня долгими похотливыми взглядами, я же чувствовала себя как проститутка на панели. Как мне хотелось встать и уйти, но я продолжала глупо улыбаться, шёпотом проклиная досадный «пятый угол».

Регистрация тянулась два с половиной часа. Мы отвечали на длинный перечень вопросов о нашем путешествии и об Америке. Точнее, говорил в основном один Ларри, тогда как я затыкала свои кровоточащие ноздри комочками туалетной бумаги. Закончив с нами, полицейские направили нас в локанду, с их слов, «хорошую, но не то чтобы очень». Двое из них эскортировали нас туда, не давая толпе навалиться на нас и вдребезги сокрушить велосипеды.

Наш номер в локанде представлял собой некрашенный изолированный отсек, футов девять на двенадцать, необставленный, если не считать «гарнитура» из двух одинаковых коек, которые

занимали его почти целиком. Цементный пол залегал где-то глубоко под слоем вековой грязи. Под самым потолком виднелось небольшое оконце. Оно было закрыто, и мы чувствовали себя как в духовке.

Сдвинув койки, мы затолкали под них своё барахло. Затем мы втиснули в комнату «коней». После этого на полу совсем не осталось свободного места, и мы передвигались по комнате, переползая по койкам на четвереньках. Чтобы не напустить moskitov, роем толкущихся в коридоре, Ларри плотно прикрыл дверь, по той же причине окно осталось наглухо закрытым. В нашей «духовке» было нечем дышать, жара постепенно доводила наши тела до «запекания».

Я прилегла на одну из коек, по коже ручьями струился пот. Пока я обихаживала мои кровоточащие ноздри, полоскала горло и промывала глаза, чтобы хоть как-то унять жжение и освободить их от грязи и мошек, я хорошенько рассмотрела стены комнаты. Они были испещрены маленькими неровными красными пятнышками. Присев, я внимательно рассмотрела одну из кляксочек. Это был раздавленный москит. Среди кляксочек замерли крохотные тельца живых moskitov. На каждой стене притаилось штук пятьдесят живёхоньких кровососов, примерно столько же, сколько и красных пятнышек.

С полчаса мы с Ларри трудились над увеличением числа кляксочек, затем сделали перерыв и отправились мыться в уборную в конце коридора. Комнатка вмещала мерзкое зловонное «очко», сточную трубу, вода из которой выливалась прямо на пол, и водопроводный кран, расположенный двумя футами выше, как раз над самой уже упомянутой «дыркой в полу». Любую поверхность, куда ни глянь, покрывала жирная, чёрная, глубоко въевшаяся грязь, воздух гудел от moskitov. Чтобы «принять душ», мы поочерёдно приседали на корточки под краном, устроенным так близко к сортиру,

что, когда я подставляла под воду голову, моё лицо оказывалось не более чем в футе от вонючей дыры. Москиты всю дырявили мою голую кожу, от духоты, стоявшей в «кабинете мечтаний», я обливалась потом, несмотря на струившуюся по телу холодную воду. «Освежившись», мы продолжили избиение москитов, а затем отправились купить чего-нибудь на обед и на завтрак.

Нам приходилось с трудом прокладывать себе дорогу по улицам. Толпы людей, и особенно детворы, запрудившие узенькие переулочки, при нашем приближении приходили в настоящее буйство. Каждому хотелось добраться до нас, те же, кому это удавалось, толкали и царапали нас. Они поминутно выкрикивали: «Как тебя зовут?» — с такой истерией, что даже не помышляли сделать паузу и дожидаться ответа. Заслоня лица от цепких рук, мы вслепую продвигались из переулочка в переулок в поисках хлеба и фруктов. Было уже одиннадцать. Голод, усталость и резкий упадок сил усердно подтачивали нам нервы. Мы были затравлены гвалтом и людской толчеей. Но сам вид пищи заставлял нас продолжать отчаянно маневрировать в потоке, даже если торговцы фруктами гнали нас взащей, из опасения, что дикие орды походя снесут их ларьки. Пока мы пробирались к дверям локанды, толпа тянула к нам руки, вцеплялась ногтями, тряся что было сил. Потом на улицу вышел управляющий с длинным шестом в руках и ударами разогнал людей.

Уже внутри, усевшись почти нагишом на кроватях в нашей грязной, унылой и раскалённой «коробке», мы принялись с жадностью поглощать хлеб и сыр, апельсины и помидоры — всё то, что нам чудом удалось купить. И сразу к нашим телам, намазанным кремом от москитов, а потому ещё более липким и клейким, прочно пристала матрасная пыль. Время от времени кто-нибудь из нас подскакивал, чтобы прихлопнуть москита. Теперь

стены были едва ли не полностью покрыты тельцами кровопийц. В комнату с рёвом врывались музыка и гомон из кофейен близ городского центра, и я, почти не слыша собственного голоса, мысленно уговаривала себя: «Осталось всего-то полтора дня пути, сестрёнка. Ещё только одна ночь. Крепись. Ты выдержишь».

В половине шестого комнату пронизал призыв муэдзина к утренней молитве, как будто стены были ему не помеха. Чувствовалась только усталость, страшная усталость. Я неторопливо уминала завтрак; я вовсе не горела желанием высунуть нос наружу, чтобы опять очутиться среди давки и толкотни.

Огромное и шумное людское сборище уже поджидало нас, когда мы выкатили велосипеды из дверей локанды. Проехав сотню ярдов, Ларри остановился щёлкнуть на память поглотившее нас человеческое море. Вытащив из футляра аппарат, он поднёс его к глазам, но стоило ему только взглянуть через видоискатель, как сразу же стало ясно: кадр пропал. Линзы покрывал слой пыли — в Египте пыль проникает повсюду,— а в окружении людей, которые уже теребили нас, трясли велосипеды и хватали саму камеру, об их протирке не могло быть и речи. Когда же кто-то поддал ногой по моему вьючнику, Ларри быстро защёлкнул футляр, и мы двинулись вперёд, наугад выбираясь из города.

В тот день чем ближе к вечеру, тем больше портилась обстановка, равно как наше настроение. К отчаянным воплям о бакшише, ухабистым дорогам, автомобильным сигналам, падали, больным детям, пыли и полуденному стошестиградусному пику жары прибавилось нечто новенькое, с чем необходимо было бороться,— грозный вал НЛО — «низко летающих объектов». Едва ли не каждый встречный на пути между Джиргой и Кеной норовил чем-нибудь запустить в нас. Завидев нас на дороге, люди торопились подхватить с

земли камень или палку, чтобы потом метнуть нам в лицо. За что? Этого мы так и не выяснили. Мы были слишком поглощены увиливанием от свистящих в воздухе предметов, чтобы остановиться и требовать объяснений.

Вдобавок ко всему появились ещё и «злодеи-воздыхатели» — мужчины и мальчишки-подростки, преследовавшие меня на велосипедах. Обычно они старались привлечь к себе внимание тем, что катили рядом со мной, пристроившись как можно ближе, свистели, делали непристойные жесты и вожделенно сопели. Как могли все они находить меня привлекательной в этих уродливых шароварах и футболке, это так и осталось выше моего понимания; тем не менее от «воздыхателей» не было отбоя. Как бы мы ни орали, с каким бы усердием ни отмахивались от них, словно от назойливых мух, они всё равно продолжали пыхтеть и нести чепуху. Наконец Ларри пришла в голову одна идея. Когда же он впервые попробовал её в деле, она прекрасно сработала.

Нашей первой «жертвой» стал долговязый пристава в пластиковых сандалиях и рваных галабеях, чья похотливая улыбка выставила напоказ весь его почти беззубый рот. Пока ухаждёр тащился рядом со мной, Ларри принялся за дело. Прежде всего он вклинился между мной и «воздыхателем», потом начал медленно оттеснять жертву от меня к противоположной стороне дороги. Вместо того чтобы смотреть, куда же его несёт, «воздыхатель», тупо работая педалями, не сводил глаз с моего тела. Ларри продолжал отжимать его к бровке, тот продолжал вожделенно пялиться на меня. И вот наша «жертва» уже целиком и полностью в руках Ларри. В считанные минуты Ларри удалось «выжить» его с дороги и резким ударом свалить на землю, в пыль и колючие кусты.

Всякий раз метод отлично себя оправдывал. Однажды, как раз в тот самый момент, когда Ларри уже изготовился завершающим толчком смести «добычу» с асфальта, откуда-то сзади, сверх программы, вынырнул другой «воздыхатель». Не замечая, что творится вокруг, и видя на дороге только меня, он на полном ходу врезался в первого. Двое вопящих людей взвились в воздух и с высоты плюхнулись в канал, в то время как мимо нас пролетели педали и прочие велосипедные детали.

Ближе к полудню в небольшой пластиковой фляжке, притороченной к раме моего велосипеда, кончилась вода. Когда же я остановилась наполнить её из резервной канистры, которую тащила на заднем багажнике, позади нас остановились трое на мотоцикле. Вместо традиционных галабеев на них были слаксы и рубашки. Незнакомцы сползли с мотоцикла и плотно обступили меня. Мы с Ларри приветливо покивали им, они же только осклабились в ответ. Затем один из египтян знаками велел мне прогуляться с ним до ближайших кустов, но прежде чем слова и жесты этого самца дошли до моего сознания, кулак Ларри уже разнёс ему скулу. Со стороны Ларри удар был чисто рефлекторной реакцией, а потому потряс нас обоих.

— Теперь драки не миновать! — заорала я. — Трое на двое! И эти парни такие здоровые!

Я схватилась за велосипедный насос. Металлический рычаг на его конце, если им умело воспользоваться, мог причинить немалую боль. Я мысленно прикинула, что могу взять на себя одного из парней, Ларри же неминуемо доставались двое. Он уже держал наготове баллончик репеллента от собак. К этому времени тот, кого ударил Ларри, всё ещё ощупывал лицо и медленно пятился назад. Вид у него был ошеломлённый, словно он и представить себе не мог, что Ларри способен столь решительно отреагировать на его предложение. Двое

других пустились наутёк, размахивая поднятыми руками, как бы показывая, что не станут участвовать в драке. Когда же оглушённый ударом нахал наконец собрался с мыслями, он тоже поднял руки вверх. После чего он вскочил на мотоцикл и с рёвом помчался туда, откуда явился, двое его дружков пешком поплелись за ним.

Мы с Ларри постояли на обочине, пока не восстановили некую видимость спокойствия. Затем всё вернулось на круги своя: мы опять крутили педали, увёртывались от посылаемых в нас «снарядов», устраняли «злодеев-воздыхателей» и обедали в компании крыс и мух. И снова — без остановок.

Так поездка из Джирги в Кену обернулась для нас долгим опасным испытанием.

После Джирги Кена, лежащая на самом краю пустыни, в тридцати шести милях к северу от Луксора, принесла нам приятные перемены. Её улицы бурлили народом, но нас никто не трогал, и мы без труда разузнали дорогу в полицейский участок. Полиция направила нас напрямик в небольшой отель, уверив при этом, что его администратор чуть позже, вечером, сам занесёт им для регистрации наши паспорта. «Вам не придётся ждать, пока вас зарегистрируют». Это-то нас как раз и устраивало.

Отель оказался захудалым, но в нашем номере вполне хватило места, чтобы поставить палатку, спасавшую нас от москитов. В соседнем номере квартировал козёл, который блеял всю ночь напролёт.

В тот день в Египте отмечали религиозный праздник, и все продуктовые палатки были закрыты. Промыкавшись час в поисках чего-нибудь съестного, мы вернулись в номер только с двумя маленькими хлебцами и пачкой спагетти. Мы не нашли ничего, чем можно было бы заправить спагетти, даже маргарина.

В десять часов, когда мы как раз садились ужинать, чтобы хоть раз лечь спать пораньше, в дверь постучали. Ларри кинулся открывать, в коридоре стоял молодой администратор отеля в зелёных с белыми полосками галабеях и стоптанных ботинках. В руках он держал наши паспорта, по тону его голоса можно было понять, что дело не терпит отлагательства.

— Немедленно ступайте в участок!

— Ничего подобного. Мы уже там были,— возразил Ларри.— Нам сказали, что вы сами можете передать им наши паспорта. Мне незачем туда идти.

— Нет! Я пойду, и вы пойдёте! — завопил он.

Весь день на нас кто-нибудь орал, вопль этого человека переполнил чашу терпения Ларри.

— Дудки! Никуда я не иду! — прогремел он в ответ.— Я голоден и хочу есть. Устал и хочу спать. Я не пойду! Заполнение этой регистрационной «портянки» — пустая трата времени! Послушайте, я кушать хочу, я хочу в постельку. Уж не запретят ли мне это сделать в этой стране после всего того, что нам пришлось сегодня вынести?

Впервые за всё наше путешествие Ларри был готов расплакаться.

— Нет! Нет! Вы пойдёте! Пойдёте!

Ларри с грохотом захлопнул дверь, но администратор продолжал надрываться. Ларри распахнул дверь и рявкнул:

— Ладно. Твоя взяла. Пошли.

— Сейчас же вернусь,— ворчал он, вываливаясь за дверь.— Когда я разберусь там, в участке, эти парни по гроб жизни будут молиться, чтобы впредь не встречаться с американцами.

В участке, куда молодой человек привёл Ларри, царили совсем другие порядки. Охранники у ворот жестами приказали ему подождать. Но Ларри рвался

внутри, крича, что он желает видеть начальника полиции, и немедленно!

— Я отведу вас,— отозвался из-за забора один из полисменов, и Ларри проследовал за ним в здание и далее по длинному коридору к закрытой двери. Полисмен распахнул дверь. За ней оказался крохотный кабинетик с «очком». Переступив через фаянс, заляпанный нечистотами, полицейский открыл дверь на противоположной стороне уборной и шагнул в комнату, оказавшуюся кабинетом начальника полиции. Ларри протопал за ним. Швырнув на стол наши паспорта, полицейский удалился. Вслед за тем в комнату вошёл сам начальник, но не успел он ещё гостеприимно пригласить Ларри в Египет, как слова полились у того изо рта, словно из рога изобилия.

— Слушайте, в чём дело, а? Мы с женой уже отметились в другом участке, но нам сказали, что не нужно регистрироваться лично; и администрация отеля может это сделать за нас.

— Пожалуйста, посидим, попьем чайку. Я только хочу побеседовать с вами,— просиял начальник.

— Ну а мне всего-навсего хотелось бы покончить с ужином и малость вздремнуть. Взгляните-ка на меня. Похож я на палестинца или израильтянина? Нет. Я — американец, моя жена — тоже, и мы явно не шпионы. Так, ближе к делу. Неужели вы и правда думаете, что ЦРУ взяло моду засылать своих шпионов под видом велосипедистов? Итак, как видите, двухчасовая беседа с глазу на глаз будет для обеих сторон пустой тратой времени. Верно?

Полицейский рассмеялся и, поднявшись с места, пожал Ларри руку.

— Надеюсь, это может стать началом важных взаимоотношений.

— Что-о-о?

— Присядьте, пожалуйста. Как вам нравится путешествовать по Египту?

— Понравилось ли мне в Египте? — Ларри сгрёб паспорта со столешницы.— С шести часов утра я съел только два апельсина и малюсенький хлебец. И всё же я умудрился добраться сюда из Джирги, преодолев на велосипеде шестьдесят миль под палящим солнцем, при невероятной жаре, в то время как все кому не лень швыряли в меня камни и разное прочее дерьмо и с воем требовали бакшиш. Разные наглецы грязно домогались моей жены. Мы не могли остановиться купить еды и воды, потому что вокруг нас немедленно собралась бы толпа и разнесла бы на части наши велосипеды. Нет, мне совсем не понравилось в Египте. Нетрудно понять, что теперь я просто валюсь с ног и зверски хочу жрать. Я возвращаюсь в отель поесть-поспать. Спокойной ночи!

Ларри решительно открыл дверь, перешагнул через фаянс, распахнул следующую дверь, прошагал по коридору, через огороженную территорию участка, выбрался за ворота и возвратился в гостиницу. Потом втянул свою долю спагетти с хлебом и завалился спать.

В комнате с застоялым воздухом было как-то особенно жарко. Нам обоим с трудом удалось заснуть, несмотря на то что мы вымотались до полного изнеможения, как морально, так и физически. Всю ночь напролёт по телу струился пот, москиты ударялись в стенки палатки, и блеял козёл.

На следующее утро я проснулась со странным чувством. Мой резервный «кармашек» энергии, откуда я, бывало, всегда выуживала последнюю монетку воли к победе, опустел. Я чувствовала себя обессиленной, обескровленной и уничтоженной.

— Барб? — прошептал Ларри.

— Со мной творится что-то непонятное.

— Со мной тоже.

Я напрягала ум, анализировала свои чувства в поисках некой скрытой искорки энергии, но так и осталась ни с чем. В последние дни я мало ела и мало спала, вчера же сожгла прорву нервной энергии, боясь быть забитой камнями. Этим утром мой желудок вёл себя вразрез с «приказаниями» всего организма. Мне страшно хотелось есть, но я старалась не думать о еде. На завтрак мы съедим по крутому яйцу; два яйца — это всё, что нам удалось раздобыть вчера вечером. Яйцо и уйма воды — вот на чём мне предстоит продержаться всё тридцать шесть миль до Луксора.

— Тридцать шесть миль. Каких-то несколько часов, и мы в Луксоре. Стоит только подумать об этом, как непонятно откуда у меня набирается вполне достаточно сил на дорогу,— бубнил Ларри, изо всех сил стараясь сидеть прямо.

Между тем эти последние тридцать шесть миль приготовили для нас настоящий удар. Сельские жители от Кены до Луксора отличались задиристым и даже жестоким нравом. Вместо того чтобы, завидев нас, схватить камень или палку и, как это уже не раз бывало, запустить в нас, они набирали груды каменных обломков. Обычно на улочку выскакивала компания мальчишек, мешая нам двигаться на хорошей скорости, тем временем взрослые выпускали весь свой арсенал снарядов, вцеплялись в велосипеды и рвали нас ногтями. Феллахи шли на нас, размахивая ветками. Манёвр с ветками был новым и ужасным изобретением. Мы стремились во что бы то ни стало уклониться от них, а потому обращали меньше внимания на летящие камни, рикошетом отскакивающие от нас и велосипедов.

К счастью, ни один камень не попал в лицо, но когда один местный «умелец» едва не снёс Ларри макушку мастерским взмахом здоровенной палки, мы решили, что пора перейти к самообороне. Перед въездом в следующее селение каждый из нас подыскал себе

«личное оружие» — свою собственную ветку. После этого мы врывались в деревни, нанося ветками ответные удары нападавшим и сметая их с дороги.

Около трёх часов мы буквально с боем прокладывали себе дорогу в Луксор, останавливались только раз, чтобы вооружиться. Страх быть высеченными, избитыми и раздавленными толпой прокачивал через организм непрерывный поток адреналина, заставляя нас что есть мочи жать на педали. Когда же мы, изрядно украшенные боевыми синяками, наконец вкатили в Луксор, нас качало от изнеможения и голода.

Я мечтала о чистеньком гостиничном номере, о еде, двенадцатичасовой отсыпной, которая взбодрила бы нас морально и помогла бы нашим телам восстановить запас силы и стойкости. Но Луксор, как известно,— город туристов, и его отели старались угодить тургруппам лощёных и холёных американцев, австралийцев и европейцев. Они не желали иметь никаких дел с парой оборванных, дурно пахнущих велосипедистов. Всякий раз, когда мы подъезжали к гостинице, на улицу выскакивал клерк-регистратор и отчаянно делал нам знаки убраться с глаз. Даже если мы прятали велосипеды за углом, а сами на своих двоих топали в гостиницу, регистраторы, мельком взглянув на мои пыльные шаровары, на нашу закопчённую кожу и почерневшие зубы, на сальные спутанные волосы, неизменно уверяли нас, что мест в отеле нет и до конца недели не будет. И всякий раз, получив от ворот поворот, я чувствовала, как всё глубже погружаюсь в пучину бессилия и отчаяния. И боролась с желанием врезать по наглой морде какому-нибудь из этих надутых гостиничных клерков.

Потратив больше часа, мы наконец отыскали отель, который согласился нас принять,— «Хоруз-отель», прямо напротив Луксорского храма. Нам достался последний свободный номер. Жаркий, тёмный от сажи и пыли, он

помещался на втором этаже, прямо над шумным проспектом, но это было лучшее, на что можно было рассчитывать в Луксоре при том, как мы выглядели.

В отеле был ресторан, где на обед за два доллара с персоны подавали салат, рис, картофель, зелёные бобы, жаркое и апельсины.

Сразу же после регистрации, скоренько уничтожив по два полных обеда, мы рухнули на кровати и проспали без задних ног остаток дня, прихватив добрую половину следующего. В кладовке нашего этажа Ларри раскопал вентилятор, иначе при изнурительном пустынном зное спать в номере было бы просто невыносимо.

Перед тем как уснуть Ларри выразил словами то, о чём неотступно думали мы оба:

— Этот обратный прорыв в Каир — не по мне. Я за то, чтобы вернуться поездом.

Луксор, с его храмами и гробницами, насчитывающими более трёх тысячелетий, внушал благоговейный трепет. Мы провели там около недели, бродя по Карнаку^[*], древнему городу Тебесу, осматривая Луксорский храм, гробницы Тутанхамона и других фараонов, их родичей и придворных. Великолепие и величие руин Древнего Египта резко контрастировало с нищетой и первобытным убожеством Египта сегодняшнего.

Накануне отъезда из Луксора мы отправили велосипеды в Каир багажным поездом, молясь, чтобы их не изувечили и не увели по дороге. Нам казалось, что шансы наших «коней» не попасть в лапы воров весьма призрачны, тогда как администратор отеля думал иначе: «Египтяне попрошайничают, но не воруют. Ничего не стрясётся с вашими велосипедами».

Благодаря студенческим карточкам мы заплатили всего полцены за купе на вечерний поезд до Каира. Поездка пришлась на ночь четвёртого ноября, того самого дня, когда иранские студенты захватили

американское посольство в Тегеране. Наутро, когда поезд прибыл на каирский вокзал, миновав пути, загромождённые вышедшими из строя локомотивами, пыльными грудями угля и щебня, мы со всех ног кинулись напрямик в багажное отделение. Наши велосипеды были на месте. Для сохранности расстаравшийся служащий запер их в отдельной кладовке, а за лишнюю каплю внимания потребовал с нас выкуп — изрядные чаевые.

С вокзала мы направились в многоэтажный жилой район, расположенный в окрестностях аэропорта. Джим Петт, принадлежащий к той же религиозной группе, что и мой брат, заранее пригласил нас погостить у него, когда мы вернёмся из Луксора. Британский гражданин, добрую половину своей жизни проживший в Египте, он преподавал педагогику в Каирском университете. Его квартира сияла безупречной чистотой, как небо от земли отличаясь от привычных нам локанд и дешёвых отелей. Все три дня до отлёта в Афины, пока мы жили у Джима, я мучительно раздумывала над «почти созревшим» решением вернуться домой.

Днём, когда Джима не было дома, мы с Ларри отсиживались в квартире — оазисе, защищённом от грязи, гвалта и нищеты. Мы проводили время за письмами или слушали записи Джона Денвера. Его ностальгические, горьковато-сладкие песни о Скалистых горах, зелёной траве, деревьях и горных ручьях и о возвращении в родные места пробуждали во мне такую тоску по дому, что всякие попытки удержаться от слёз неизменно оканчивалось неудачей. Все три дня я горестно прохлюпала носом, лишь дважды отважившись выйти на каирские улицы — в «продрейсы» за рисом и хлебом. И все три дня мы с Ларри только и говорили что о поездке в Луксор: о крысиных и мушиных полчищах, о мерзости и полном упадке и о египтянах — о тех, что встречали нас улыбкой, и о тех, что пялили на нас глаза,

попрошайничали, плевались, бросались камнями и палками.

А ещё я много думала о Египте. В Египте я впервые в жизни лицом к лицу столкнулась с крайней нищетой, грязью, болезнями. Теперь я знала об этом не понаслышке, не из книг и журналов, не из теле— и радиопередач. Они стали моей «окружающей средой». В этой среде я ела, спала, двигалась. Я узнавала их по звукам и запахам. Я соприкасалась с ними, и они задевали меня за живое. В деревнях мне приходилось встречаться и говорить с настоящими «живыми мощами»; случалось, фрукты и хлеб, из которых состоял мой обед, я получала из рук желтушных жертв шистосомоза — болезни, которой жители Верхнего Египта заражались через обитающих в канале улиток-переносчиков или через заражённую воду.

Бедняки тянули ко мне руки и теребили мою выдавшую виды «амуницию», которая казалась им чистой и новой, выпрашивали деньги на кусок драгоценного тухлого мяса, чтобы набить голодное брюхо. Интересно знать, догадывались ли они, что в запylённых вьючниках мы с Ларри везли капитал, больший, чем они могли заработать за всю свою жизнь, просто потому, что по счастливой случайности или по воле рока мы по рождению принадлежали к американскому среднему классу, тогда как они появились на свет среди нищеты Третьего мира. Как, вновь спрашивала я, можно разумно объяснить, почему эти несчастные обречены на такое ужасное существование, в то время как большинство американцев — благодаря самому факту своего рождения в Штатах — по сравнению с ними живут как короли? И я не находила объяснения. Я винила себя и за то, что ухнула столько денег на удовлетворение собственной прихоти обогнуть земной шар на

велосипеде, в то время как египтяне изо дня в день с трудом наскребали себе на жизнь.

На второй день нашего житья у Джима Ларри купил почитать английский журнал. В большой сенсационной статье рассказывалось о массовой гибели населения от голода в Камбодже. Я прочла статью, и моё чувство вины обернулось отчаянием. Чем больше я размышляла о пробеге по Египту, тем больше меня пугала Индия. Ведь именно Индия печально славилась массами голодающих, грязью и болезнями, хроническим перенаселением и трупами в сточных канавах Калькутты. Теперь же, когда я поняла, как жестока может быть жизнь, Индия представлялась мне неким видением ада. Меня совсем не тянуло в страну, где нам, вероятно, придётся ещё хуже, чем в Египте. Разумеется, мы не вчера уехали из Санта-Барбары, но тем не менее я очень сомневалась в том, что мне будет по силам «покорить» Индию.

Мне хотелось домой, и это мучило меня ничуть не меньше. Как можно вернуться в Америку и забыть, «похоронить» всё, что ты видела и узнала в Египте? Как можно преспокойно жить в Америке, зная, как живут люди в большинстве стран мира? Как я смогу растить детей, одевать их в последние модели «Найк», покупать им игрушки, игры и всякую всячину, зная, что на деньги, затраченные только на «Найк», можно было бы почти год кормить целое семейство из голодающего Третьего мира?

Но если я и сомневалась насчёт возвращения домой, то ещё больше меня страшила перспектива отправиться в Индию. Что до Ларри, то ему уже хотелось продолжить:

— Барб, я тоже в отчаянии. Египет — первая страна, где я не мог петь в дороге. В других странах я пел от счастья, от скуки, от тоски или от боли, чтобы поднять себе настроение. Я горланил весёлые песенки и такие,

чтобы просто забыться. Но в Египте не пелось. Первые два дня после отъезда из Каира я не пел, потому что был поражён увиденным. Позже, когда наше путешествие превратилось в настоящую, ежедневную и еженощную, борьбу за выживание, я уже не мог петь, потому что был слишком подавлен и измотан. До Египта я просто не представлял себе, что значит быть опустошённым, разбитым и до какой степени можно истощить все свои резервы.

Но всё-таки, каким-то удивительным образом, я в полной мере оценил вызов, брошенный нам Египтом. Египет показал, насколько выносливее мы стали. Я хочу сказать, начни мы наше путешествие с этой страны, мы не продержались бы и двух дней. И знаешь, я думаю, Египет подготовил нас к Индии.

Думаю, чем дольше нас будет окружать нищета и все прочие «прелести» Третьего мира, тем меньше они будут нас огорчать и тем скорее мы придём к необходимости с ними смириться. Конечно, меня пугает Индия, но мне по-прежнему хочется там побывать. Понимаю, это — рискованное предприятие, но я хочу доказать себе, что смогу преодолеть все испытания, которые оно мне подкинет. Есть ещё одна причина, почему мне не хочется отступать. По-моему, ради Карнака, гробниц, Луксорского храма стоило пройти через всё, что нам выпало. А Индия, а Гималаи? Как бы тяжело ни было в Индии, знаю, что, когда наконец доберусь до Непала и своими глазами увижу Эверест, я испытаю ни с чем не сравнимое, бесценное чувство благоговения.

Да, мне хотелось бы продолжить, но без тебя я никуда не поеду. Без тебя у меня ничего не выйдет. Мы так много пережили вместе, что теперь я не смогу продолжить путешествие в одиночку. Слишком сильно буду по тебе скучать. Мне будет одиноко, из рук всё начнёт валиться, и смотреть уже ни на что не захочется.

Я не хочу отступать и понять не могу, почему ты хочешь вернуться. Просто ты воспринимаешь всё гораздо острее, чем я. Что же касается здешних условий жизни, то я не чувствую ни личной ответственности, ни вины. Я просто принимаю их как есть. И они таковы по многим известным тебе причинам — из-за неравномерного распределения природных ресурсов, географического положения страны, климата, политики и рождаемости.

Слушай-ка, я придумал. Давай вечером поговорим с Джимом. Может быть, он что-нибудь нам и посоветует.

И хотя Джим никогда не был в Индии, он принялся уверять нас, что там будет всё же полегче, чем в Египте:

— В Верхнем Египте всего одно асфальтовое шоссе, с севера на юг. Выбора нет, поэтому на нём сосредоточен весь транспорт, и вы держались только этой дороги. Кроме того, вдоль шоссе проживает практически всё население Верхнего Египта. Вот почему вам не удавалось отделаться от назойливых толп. Но в Индии можно воспользоваться периферийными дорогами, избежать потока машин и людской давки. По-моему, вам следует продолжать путешествие.

В конце нашего пребывания у Джима мы с Ларри приняли решение. Мы полетим в Индию, если только не провалится номер с авиабилетами, которые нам назначено было выкупить в студенческом турагентстве в Афинах всего за четыре часа до отлёта.

— Если не получится, значит, будем считать это знаком поворачивать домой,— рассудил Ларри.

Когда 8 ноября мы прилетели обратно в Грецию, меня по-прежнему одолевали сомнения насчёт нашего ближайшего будущего. Индия вселяла в меня панический ужас. Но я знала, что, если мы полетим домой, я буду считать себя последней трусихой.

Во второй раз Афины предстали перед нами совершенно в ином свете. После Египта затянутая

смогом, пыльная, запущенная греческая столица показалась нам безупречно чистой. Я совсем забыла о цветах, сияющей зелени листвы и о пышных изумрудных лужайках. Наверное, египетские кустарники и пальмы тоже были зелёными, но их зелень скрывалась под коричнево-серым слоем песка, пыли и грязи.

Мы остановились в кемпинге неподалёку от аэропорта. Наш маленький лагерь был окружён пиниями и густой зелёной живой изгородью, там день-деньской пели птицы. Как замечательно было вновь расположиться лагерем под открытым небом, пусть даже и в кемпинге. Разбив палатку, мы совершили набег на богатенькую продуктовую лавку в ближайшем квартале и возвратились с добычей в виде двух цыплят-барбекю, банки арахисового масла, крепких зелёных яблок, густого сливочного йогурта, салата-латука, салатной приправы и — грехи наши тяжкие — пачкой печенья, обсыпанного шоколадной крошкой. В ожидании грозящего нам в Индии голода Ларри объявил официальный «праздник желудка».

Турагентство не подвело: в полдень 9 ноября мы держали в руках билеты на четырёхчасовой рейс «Биман Эрлайнс». При регистрации нам было разрешено везти велосипеды как обычный багаж, без доплаты. Нас проинформировали, что билеты на рейс полностью раскуплены, хотя за пятнадцать минут до посадки в зале ожидания, не считая нас, сидело только двадцать три пассажира.

— Ох, не нравится мне всё это,— заметила я, обводя взглядом почти пустой зал.— И в агентстве, и при регистрации уверяли, что все билеты проданы. Надо понимать, самолёт рассчитан всего на двадцать пять мест?

Я запаниковала. Мне и раньше никогда не удавалось сохранять спокойствие в ожидании полёта. Почему-то

всегда казалось, что именно этот, «мой», самолёт непременно рухнет.

— Господи, только не говори мне, что мы летим из Греции в Индию на «Цессне»! — проговорила я, чуть дыша.

— Будет тебе, Барб, не надо истерики. Я знаю, что ты терпеть не можешь летать самолётом, но...

— Истерика? Послушай, давай рассуждать логично. Посчитай-ка их.— Я почти орала, указывая на остальных пассажиров.— Двадцать три да мы с тобой, то есть двадцать пять. Нехитрая арифметика. Теперь, если допустить, что самолёт будет набит битком, а здесь всего только двадцать пять ожидающих, значит, речь идёт о действительно маленьком самолётике, не так ли? Ну? Точно? Вот видишь. Они собираются запихнуть нас в «ответ Бангладеш Боингу-747-му» — в «Резиновый Супер Цессна»!

— А сейчас, Барб, постарайся успокоиться. Мне...

— И вот ещё что,— кипятилась я.— Взгляни-ка, что за народец здесь собрался! Вот девица в каких-то немыслимых, грубых солдатских ботинках, а куртка на ней как у полярных зимовщиков, а ведь тут жарковато, а в Индии будет ещё жарче. А вот и её бритоголовый приятель, тот, что заодно сбрил себе и брови, в жилете на голое тело и в колониальных шортиках. И у обоих на ожерелье из дерева болтается медальон с портретом их любимого фанатика — индийского гуру.

О'кей, теперь взгляни на остальных. Все они такие же чудики, как эти двое. Вот немочка, с ног до головы в чёрном, вот два француза, которые так давно «сели на иглу», что у них глазки свело. А вот ещё и «молчун» в белой блузе, затянутый в джинсы, на голове — шарф, на шее — шарф, и подпоясан — шарфом, тот, что уже битый час только и делает, что смотрит в одну точку у себя в паху и странно чирикает.

Чудилы! Придурки! Опустившиеся наркоманы и парочка чокнутых велосипедистов! У нас нет никаких шансов! Уверена, шансы самолёта на нормальный полёт зависят от того, что за пассажиры на борту. Вот почему всегда бывает приятно узнать, что вместе с тобой летят монахини или дамочка в положении. Рядом с ними чувствуешь себя как-то спокойнее. Бог не даст упасть самолёту, в котором так много хороших, добропорядочных людей. Нет. Но он уж точно не уделит ни на йоту внимания этому рейсу. Из всего «букета» мы с тобой, похоже, самые праведные души, а значит — кричи караул! Никакой надежды! Самолёт, как пить дать, рухнет! Я знаю! Знаю! Я точно это знаю!

— Ради всего святого, Барб, уgomонись! — умолял Ларри.

Из громкоговорителя пробасил голос: «Объявляется посадка на самолёт «Биман Эрлайнс», рейс семьсот четырнадцать, в Дакку, транзитом через Дубай и Бомбей».

— Дубай?! Где это — Дубай? — прокричала я громкоговорителю.

— А, не знаю,— безразлично бросил Ларри.

— Замечательно! Я, Барбара Сэвидж, собираюсь сесть в самолёт, который совершит посадку в некоем месте, о котором я вообще не слыхала! Даже представить себе не могу, в какой это может быть стране! Всё ясно заранее! Крушения не миновать! Мы...

— Смотри-ка, а вот и наш самолёт,— перебил меня Ларри.— Тот, что вырывает из-за ангара. Видишь, это не «Цессна», это — 707-й. Да и на вид — ничего. Новенький. Выглядит неплохо.

— Двадцать пять человек собираются полностью оккупировать 707-й? — ворчливо бормотала я, пробираясь к выходу.— Мне это совсем не нравится.

У входа в самолёт нас встречала молоденькая стюардесса-бенгалка в ярком жёлто-оранжевом сари. У

неё была тёмная кожа, гораздо темнее, чем у египтян; чёрные волосы собраны в огромный пучок на затылке. Обойдя её, я нервно метнула взгляд в кабину. Два пилота-бенгальца — с виду крепкие и здоровые, у меня просто гора упала с плеч, когда я обнаружила, что оба они были в лётной форме и пилотках, а не в тюрбанах и дхоти^[*].

Я оглядела салон. Он уже почти заполнился — европейские хиппи, студенты, альпинисты, направляющиеся в Гималаи, а также бенгальцы, индийцы и пакистанцы, которые, должно быть, жили в Европе и возвращались на родину навестить родственников. Стюардесса сообщила нам, что наш рейс формировался в Амстердаме.

— Дешёвые билеты на Восток,— вслух проговорила я.— Видно, «Биман» специализировалась на перевозке целых отрядов «тронутых».

Это был восьмичасовой перелёт в Бомбей, включая заправку в Дубае. Не зная, чего ожидать от «Биман Эрлайнс», мы с Ларри прихватили с собой немного йогурта, фруктов и хлеба, на случай, если за время полёта нас так ни разу и не покормят. Как оказалось, вскоре после взлёта всем нам разнесли по малюсенькому бумажному стаканчику апельсинового сока и больше ничего — в течение последующих трёх часов. Перед самым приземлением в Дубае нам подали обед: несколько ложечек риса с кусочками курицы, приправленной кэрри, и ничего, чем всё это можно было бы запить. Такой обед только подогрел страх Ларри, обеспокоенного, что его желудку придётся путешествовать по Индии порожняком. Он горько жалел о курице, не доеденной накануне.

Когда самолёт прибыл в Международный аэропорт Дубай, я поинтересовалась у сидящего за мной молодого француза, в какой стране находится Дубай. Он ответил, что в Саудовской Аравии, и люди в современном

аэропорту в их длинных белых одеяниях действительно походили на сауди. И только на следующий день, разговорившись с туристом-англичанином в кемпинге в Нью-Дели, мы выяснили, что побывали в Эмиратах, а вовсе не в Саудовской Аравии. После приземления в Бомбее, получив месячные гостевые визы, мы с Ларри пересели на рейс «Индиан Эрлайнс» до Нью-Дели. Ступив на взлётно-посадочную полосу в Нью-Дели, я сразу почувствовала, как безмерно далеко до дома. И это чувство целиком захватило меня. Мне казалось, будто я заблудилась.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ ПОД КОЛЁСАМИ

Индийские багажные носильщики почтили наши велосипеды особым вниманием: от самолёта до здания аэропорта их транспортировали в собственной тележке, отдельно от багажной вагонетки. Пока мы навьючивали на велосипеды скарб под бдительным оком дружелюбных носильщиков, с нами разговорился наш соотечественник, бизнесмен из Южной Каролины. Звали его Барри Крокер. Мистер Крокер прилетел в Нью-Дели на международную текстильную ярмарку, а также навестить своего друга-миссионера, проповедующего в Северо-Восточной Индии. Его заинтересовали наши велосипеды. Когда же мы рассказали ему о наших дальнейших планах, он нахмурился. (Я бы сказала, его заметно встревожила дальнейшая судьба молодой американки, замыслившей совершить велосипедное путешествие по Индии.) Он залез в свой кейс, вытащил оттуда карманное издание «Нового Завета» и бережно вложил его мне в ладони.

— В Индии держите это всегда при себе. Обязательно. Это — непредсказуемая и очень опасная страна,— тихо и вкрадчиво проговорил он, интонацией голоса давая понять, как велико его беспокойство о моём благополучии.

Я поблагодарила его за подарок, и он было совсем ушёл, но потом вдруг вернулся и опять посмотрел на нас с Ларри каким-то огорчённо-озабоченным взглядом.

— Вы действительно уверены, что вам это нужно? Путешествовать на велосипедах по Индии? — спросил он запинаясь.

Затем, как бы себе самому отвечая, добавил: «Удачи. Да не оставит вас Бог». И зашагал прочь. Пока я глядела

вслед мистеру Крокеру, исчезающему в толпе, среди непрерывного мелькания смуглых лиц, сари, дхоти, тюрбанов и туник, в моём желудке словно бы заплясали беспокойные бабочки. Я боялась.

Стоя в аэропорту с Библией в руке, поражённая и выбитая из колеи словами мистера Крокера, я даже представить себе не могла, что Индия вот-вот совершенно захватит нас с Ларри, причём — почти врасплох. Я говорю «почти», потому что по одному пунктику, пока только единственному, Индия вполне оправдывала свою репутацию: она действительно была заполонена людьми. Однако со всех других сторон она предстала перед нами совсем не такой, как мы ожидали. Первое, что бросилось в глаза,— это её краски. После буровато-серого Египта Индия потрясла нас калейдоскопом сверкающих цветов и оттенков. Женщины носили сари, расцвеченные оттенками оранжевого, жёлтого, красного, голубого, зелёного и изумрудного, а также сверкающие золотые и серебряные украшения. Индусские храмы, окрашенные в мягкие спокойные тона, были окружены тёмно-зелёными лужайками и цветами всевозможных расцветок. Даже фруктово-овощные палатки с помидорами, кабачками, апельсинами, цветной капустой, яблоками и гроздьями бананов, пристроенных сверху аккуратными рядами, добавляли красочных пятен большим и малым городам. Проехав шесть тысяч миль от Нью-Дели до Непала, среди миллионов прохожих нам довелось встретить всего двух нищих попрошайек. Мы не видели ни трупов людей, ни падали. В действительности, несмотря на худобу, люди выглядели сильными и здоровыми. Каждый день тощенькие пареньки катили рядом с нами по дороге на тяжёлых, чёрных, односкоростных велосипедах «Хироу», около часа держась наравне при скорости пятнадцать миль в час, причём часто с нагрузкой в виде кривляющегося на багажнике

приятеля. Всю дорогу они улыбались, смеялись и без умолку трещали. Индийцы оказались крепки, выносливы и... любопытны. А ещё, к радости Ларри, на севере Индии мы не обнаружили недостатка продовольствия. Через какой бы город мы ни проезжали, повсюду киоски, рядами тянущиеся вдоль улиц, ломились от фруктов и овощей.

Перед отъездом из аэропорта в справочном столе нам бесплатно вручили карту столицы, показав на ней городские кемпинги в окрестностях Коннот-сквер, в центре Нью-Дели. Предупредили нас и о том, что в Индии нельзя пить сырую воду.

Из здания аэровокзала, помня о левостороннем движении, мы выехали на четырёхполосный хайвэй, то есть в царство настоящего хаоса. На дорогу до кемпинга ушло минут сорок, за это короткое время мы пришли к печальному и тем не менее неминуемому заключению: наши шансы добраться живыми до Непала, несомненно, очень низки. По хайвэю, перемешиваясь, текли во всевозможных направлениях потоки священных коров, грузовиков, пешеходов, верблюдов, автобусов, повозок, запряжённых волами и буйволами, велорикш и мотороллеров, тоненький ручеёк частных автомобилей и море велосипедов и такси — мотороллеров с коляской.

Ни люди, ни животные не обращали ни малейшего внимания на движение на дороге, вплоть до самого момента возможного столкновения, и лишь тогда одна из сторон уступала дорогу другой. За кем или за чем оставалось право прохода или проезда, зависело от весьма туманных индийских правил. Личные авто, грузовики и автобусы господствовали безраздельно, их водители выкатывали на хайвэй с боковых улиц, даже мельком не взглянув на приближающийся транспорт, вызывая всеобщий безумный переполох, жертвами которого становились немало упавших велосипедистов и сбитых пешеходов. Сначала мой велосипед «поцеловал»

огузок священной коровы, в другой раз нас боком зацепил рикша-камикадзе. И всё же мы с Ларри каким-то удивительным образом умудрились продержаться в седле всё шесть миль до Коннот-сквер.

Кемпинг, обнесённый высокой кирпичной стеной, представлял собой скопище бунгало, палаток, автофургонов и туристических автобусов. Въехав на его территорию, мы ожидали увидеть грязный, перенаселённый пятачок, но вместо этого нас приветливо встретили безупречно чистые уборные, вполне ухоженные лужайки, пение птиц, порхающих среди деревьев, и ресторанчик, где подавали кофе с молоком и сахаром к самому входу вашей палатки.

Нью-Дели можно было бы сравнить с водопоем, куда массово стекались европейские, австралийские, новозеландские, канадские и американские туристы. Сюда, на Восток, устремлялись по суше туристические автобусы с Запада, отсюда же отправлялись те, кто возвращался назад в Европу. Каждый вторник в кемпинг наведывался врач — избавить вновь прибывших иностранцев от всевозможных паразитов или амёб, подцепленных в походах по Пакистану, Индии, Непалу или Индонезии. При входе в кемпинг помещалась так называемая аптечка, и отъезжающие иностранцы швыряли в неё уже не нужные им лекарства. Затем содержимое коробки опять раздавали оставшимся страдальцам.

Гашиш (ганджа) и «волшебные грибочки» в лагере были не в дефиците и вместе с тем в большом спросе. И тем и другим можно было разжиться почти ни за что, и многие иностранцы приезжали в Индию с вполне определённой целью — погрузиться в дешёвый наркотический дурман на месяцы, а то и на годы. В кемпинге по лужайкам были в беспорядке «разбросаны» полуодуревшие, напряжённо застывшие беспутные головы, которые порой либо заходились в приступах

громкого безудержного кашля, либо какое-то время беспокойно шевелились — этого бывало достаточно, чтобы бродивший среди них официант-уборщик без лишних слов тащил «ещё чаю». Когда же деньги иссякали, наркоманы обычно собирали свои пожитки и разбредались по посольствам с просьбой о милости. В зависимости от настроения сотрудников посольства бедолаг либо выпроваживали восвояси, либо снабжали билетом на родину в надежде, что в один прекрасный день те, остепенившись и найдя работу, возместят долг. Поговаривали, будто во французском посольстве не проявляют сострадания к заблудшим согражданам, а потому по Индии скиталось, попрошайничая, много французов с просроченными паспортами, не имевших возможности вернуться домой.

В кемпинге, на этом перекрёстке путей-дорог, распространялись всевозможные слухи и рассказывались разные байки. Поговаривали о туристе-голландце, который отдал концы, проглотив лекарство от дизентерии, выданное ему местным доктором, толковали о *дакойтах*, индийских разбойниках, бродивших в темноте по хайвэям и грабивших мотоциклистов. Ходили истории о водителях международных туравтобусов, контрабандой провозивших и сбывавших на сторону оружие и наркотики, о Радже Нише, известном индийском гуру из Пуны, который проповедовал духовное самосовершенствование и поощрял групповой секс и, как опасались некоторые, вполне мог стать новоявленным Джеймсом Джонсом. А ещё молва утверждала, будто в Тегеране воинствующие иранские студенты силой вытаскивали американцев из гостиниц на улицу и что туристический автобус, принадлежавший английской автобусной компании «Мэджик Бас», якобы бесследно пропал где-то в Афганистане.

День уже клонился к закату, когда мы с Ларри, уплатив за стоянку четырнадцать рупий (один доллар семьдесят пять центов), разбили палатку среди других палаток и групп что-то бессвязно бормотавших любителей травки и заползли внутрь отоспаться после полёта. Периодически нас будил чей-нибудь надсадный кашель, а потом мы снова засыпали под убаюкивающую «воркотню» путешественников.

Вечером мы обедали в ресторане кемпинга, куда ближе к ночи все сходились обменяться рассказами, новостями и походными советами, а также отведать горячих блюд с кэрри. Официанты-индийцы были в длинных белых туниках, надетых поверх отреза хлопковой ткани, который они наматывали на себя наподобие юбки; переднюю часть «юбки» они пропускали между ног и заправляли сзади под пояс над ягодицами.

Мы присели за один из длинных столов для пикника рядом с Говардом и Иэном, англичанами лет двадцати пяти. Они прожили в Индии почти два месяца, причём большую часть времени — на горной станции севернее Нью-Дели. В годы господства в Индии британцы выстроили себе в горах убежища, которые они называли горными станциями. Бывало, они «отступали» туда, спасаясь от невыносимой жары, пыли и змей или когда ослабевали муссоны, влекущие за собой голод и эпидемии.

— Иностранцы, работающие в Индии, и теперь ездят на горные станции. Там чисто, свежо и прекрасно, к тому же сравнительно немногочисленно. Да и индийцы там всю стараются им угодить. В пекарнях продаются пироги, кексы, печенье. В деревушке, где мы жили, одна индианка готовила арахисовое масло и торговала им вразнос,— рассказывал нам Иэн.— Ну и, конечно, на станциях немало миссионеров. Тамошние крупные гостиницы принадлежат церкви, туда миссионеры на

время «удирают» от нищих и калек. Вы не поверите, насколько там всё новое и современное. В некоторых гостиницах чего только нет, например, стиральные машины с сушками — словом, всё, о чём только можно мечтать.

Мы жутко разленились, живя в опрятном маленьком домике, который нам удалось снять почти задаром. Торговцы, продающие вразнос хлеб и овощи, ежедневно доставляли свой товар прямо к нашим дверям, поэтому мы редко утруждали себя посещением лавок. Большую часть времени мы просто отдыхали, читали и совершали множество кратких вылазок в горы.

— Так вы добирались целиком по суше? — спросила я.

— То-то и оно,— отозвался Говард.— На «Мэджик Бас» из Лондона.

— «Мэджик Бас», да что вы? Ну и ну, в сентябре, когда вы должны были пересекать Средний Восток, в Европе ходили слухи, будто «Мэджик Бас» затерялся где-то в Афганистане. Вот и сегодня кто-то рассказывал, что из-за инцидента с «Мэджик Бас» ни один из сухопутных туристских маршрутов больше не проходит через Афганистан. Теперь из Турции сюда можно добраться только через Иран и Пакистан. Как, вы ничего об этом не слышали, а? — удивилась я.

Говард с беспокойством взглянул на Иэна.

— Доводилось, слыхали,— с нарочитым спокойствием в голосе ответил он.— Мы с Иэном ехали в том автобусе.

Он всё так же смотрел на Иэна, и оба они молчали. Судя по выражению их глаз, я бы сказала, что сейчас они мысленно были там, в этом автобусе, где-то в Афганистане.

— Никогда не думаешь, что с тобой может приключиться нечто подобное,— неожиданно выпалил Иэн.— Когда же это случается, ну, потом, позже, тебя

многое перестаёт заботить в этой жизни. Ты просто радуешься, что остался в живых.

Взгляд Говарда просветлел, затем вновь стал сосредоточенным, и он начал свой рассказ:

— Мы выехали из Лондона, автобус вёз нас до Стамбула; всё шло своим чередом. В Стамбуле многие сошли, их места заняли новые туристы — европейцы, австралийцы, канадцы. Нас перевели в турецкий автобус с двумя шофёрами-турками, которые по субдоговору подрядились провести рейс из Стамбула в Нью-Дели. Мы думали, что поедём по маршруту через пустыню на юге Ирана, но, когда добрались до Тегерана, водилы заявили нам, что автобус по пустыне не пройдёт. Видите ли, база колёс слишком длинна, а шины слишком узки. Они сказали нам, что мы будем по-прежнему двигаться на север и пересечём Афганистан.

Понятно, это никому не понравилось. Поэтому в Тегеране все мы обратились в свои посольства, и нас предупредили ни при каких обстоятельствах не ездить через Афганистан, где мятежники устраивают на дорогах засады и нападают на любой движущийся объект.

Но наши водители продолжали стоять на своём, отказываясь вернуть деньги тем, кто хотел бы остаться в Тегеране. Они упорно успокаивали нас, уверяя, будто Афганистан вовсе не так опасен, как все это пытаются представить, и проскочить через него — раз плюнуть. «Зачем повстанцам нападать на туравтобус? Они воюют с войсками правительства, а не с туристами», — твердил один из водителей.

Так вот, как бы то ни было, а большинству из нас осточертело в Тегеране. Кроме нас иностранцев там было не так уж много, зато около нас постоянно крутились иранцы всё с тем же вопросом: как мы относимся к Хомейни? Поэтому, не долго думая, все мы решили рискнуть. Думаю, в душе ни один из нас не

верил, что афганцы станут стрелять по туристам. И все мы заняли эту наплевательскую позицию — «со мной такое случиться не может».

Прежде чем я продолжу, надо сказать, что до самого Тегерана мы с Иэном ехали на передних сиденьях позади шофёра. Но когда мы выехали из Тегерана, двое парней, канадец и швейцарец, которые всю дорогу из Европы просидели в конце автобуса, попросили нас поменяться с ними местами до конца путешествия. Знаете, нас это вполне устроило, и мы согласились.

Добравшись до афганской границы, мы проторчали там три дня, ожидая разрешения на въезд. И за всё это время — ни одного автомобиля, ни одного автобуса, кроме нашего. По территории Афганистана мы путешествовали колонной строго под конвоем: автобусы, грузовики и несколько машин с военной охраной. Что ж, всё шло прекрасно, пока однажды вечером водилам не ударило в голову, будто мы движемся слишком уж медленно, и они уговорили нескольких солдат сопровождать нас в нашем автобусе. Мы оторвались от колонны и без прикрытия устремились вперёд.

Знаете, не прошло и часа, как мы услышали ружейные выстрелы. Солдаты, ехавшие в передней части автобуса, открыли ответный огонь. Они разошлись не на шутку. Позже, уже ночью, я насчитал на полу автобуса сорок стреляных гильз. Как бы то ни было, только солдатня принялась палить, сидевшие в засаде бандиты выпустили по автобусу град пуль. Больше всего досталось его передней части, где сидели солдаты. Все мы, пассажиры, залегли на пол и молились. Мы на чём свет кляли себя за то, что согласились поехать через Афганистан. Признаюсь, это был самый ужасный момент в моей жизни. Господи, как я боялся! Вероятно, стрельба длилась с минуту, но казалось, прошло уже полночи.

Когда солдаты наконец выскочили из автобуса и погнались мятежников, пальба начала удаляться. Но знаете, даже после того, как над нами перестали свистеть пули, все мы ещё долго боялись пошевелиться.

Когда всё было кончено, в передней части автобуса остались лежать двое убитых. Вы уже поняли, кто это был? Канадец и швейцарец, что махнулись с нами местами в Тегеране. Я смотрел на их окровавленные тела и, поверьте, чувствовал жалость и одновременно глубокое раскаяние. Боже, как это было ужасно — видеть их трупы там, где всю дорогу сидели мы.

Так или иначе, шестеро пассажиров были ранены, одному из турок прострелили ногу, другой попросту дезертировал. Нужно было как можно скорее добраться до госпиталя, потому что австралийца превратили просто в кровавое месиво. К счастью, один из шведов умел водить автобус, и он быстро домчал нас до ближайшего городка, что находился в тридцати километрах от страшного места. Слава Богу, там была больница. Когда же мы внесли раненых внутрь, то обнаружили нашего беглого шофёра. Сказать по правде, глядя на него, всем нам хотелось тут же порешить этого поганого ублюдка; прикончить его за всё, во что он нас втравил, и отомстить за убитых парней. Однако, поостыв, передумали: что толку? Несколько дней мы ждали, пока у пострадавших заживут раны, чтобы всем вместе зафрахтовать самолёт до Кабула. Все мы, англичане, ехавшие в том автобусе, пытались уговорить английского репортёра прилететь к нам из Кабула, надеясь, что он в своём репортаже о случившемся расскажет, почему туристам следует держаться подальше от «Мэджик Бас». Однако единственный корреспондент, который здесь объявился, был американец — кажется, из чикагской газеты. Он рассказал нам, как бдительно следит правительство Афганистана за репортёрами и за тем, что они пишут. И

пояснил: если репортёр публикует что-нибудь крамольное и неугодное для правительства, его «пускают в расход», официально сваливая убийство на мятежников.

Потом мы без приключений долетели до Кабула и неделю прождали там рейса в Индию. В Кабуле мы первым делом связались с канадским и швейцарским посольствами, для того чтобы они могли известить о гибели парней их семьи.

Всё то время, пока мы были в Кабуле, повстанцы ежедневно устраивали взрывы по всей столице; но жители Кабула уже к этому привыкли. Знаете, до чего же здорово, чёрт возьми, было выбраться из Афганистана! Хотя четверым ребятам из нас не хватило денег на самолёт, и неизвестно, что с ними стало.

На этом месте Говард умолк, а его взгляд застлало прежнее отсутствующее выражение.

— Вот бы узнать, что с ними,— добавил Иэн.— И ещё хотелось бы знать, как там семьи наших погибших друзей. Каждый день моментами на меня снова накатывает тот же ужас, как и тогда, когда пули вспарывали автобус, пока я беспомощно лежал на полу, и теперь мне всякий раз приходится брать себя в руки, чтобы успокоиться.

Утром нашего второго дня в Нью-Дели мы с Ларри пешком прошагали около мили до Коннот-сквер. Нам нужно было обменять деньги, раздобыть визы в Непал и карту Индии, взять почту и посмотреть город. Едва шагнув за ограду кемпинга на узкий, пыльный тротуар и двинувшись в город, мы были поражены удивительным зрелищем: повсюду вокруг нас сновали люди, много людей. Плотная людская масса потоком лилась по тротуарам, через стоянки автомашин, по улицам. Свободные стоянки были заняты семьями, которые вполне наладили там своё домашнее хозяйство. Они

спали под открытым небом или под брезентовыми тентами и готовили себе еду на крохотных керосинках.

Через людское столпотворение прокладывали себе дорогу нью-делийские подметальщики улиц и сушильщики белья. Женщины-подметальщицы чистили газоны, мели асфальт, сгребали мусор и навоз. Непрерывное подметание наполняло воздух тонкой пылью, если же подчас брызгал случайный мелкий дождик, то пыль въедалась в одежду прохожих. Сушильщики белья, мужчины и женщины, обслуживающие прачечную, захватывали и «застилали» любую свободную поверхность, какую только удавалось. Белые туники, шаровары, целые ярды хлопчатобумажной ткани, из которой сикхи сооружали себе тюрбаны, свисали с кустов и изгородей, покрывали спортивные площадки, лужайки и дворы. Всепроницающее индийское солнце вскоре высушивало влагу, тогда сушильщики молниеносно собирали и складывали одежду, торопясь освободить место для новой груды белья.

В Нью-Дели прохожие торопливо шагали мимо нас, и никто (даже те, что обитали или просто сидели без дела на стоянках), казалось, не замечал двух светловолосых иностранцев. И только одна женщина обратила на нас внимание. Она подбежала к Ларри, протягивая руку за милостыней. Когда же Ларри отрицательно помотал головой, она пожала плечами и ушла своей дорогой.

Коннот-сквер, с её рядами одно- и двухэтажных зданий магазинов, обращённых фасадами на площадь, напоминала «деловой центр» многих американских городков Среднего Запада. И хотя тротуары были запружены людьми, в центре Нью-Дели, по сравнению с Каиром, было чисто и спокойно. Кроме того, к нашей общей радости, мы ни разу не попали в окружение пристающих к туристам попрошаек. В самом деле, в тот день мы вообще не встретили ни одного нищего ни на

Коннот-сквер, ни в её окрестностях. Большую часть дня мы провели, блуждая среди лавок и уличных прилавков с экзотическими батиками, украшениями из серебра и золота, изделиями медников и резчиков по слоновой кости, гирляндами цветов, продуктами, кушаньями и специями на любой вкус. Любимое лакомство Ларри, бананы, продавалось по двадцать четыре цента за дюжину. Единственными, кто пытался «подъехать» к нам, были пройдошливого вида сикхи, сбывавшие дешёвые авиабилеты и Международные студенческие карточки, как и предупреждала нас «цыпочка» в Афинах. Сикхи также приставали к нам с предложением выгодно обменять валюту или купить у нас за американские доллары фотоаппарат, книги, одежду. Один уличный коммерсант, узнав, что мы совершаем велопробег по Индии, загорелся за две тысячи баксов купить оба наши велосипеда. «Я знаю богача, который отвалит мне за пятнадцатискоростники кучу денег. А в Индии ему таких не найти», — пояснил он.

Сикхи и большинство образованных индийцев в Нью-Дели говорили по-английски. А так как Индия славится обилием языков и наречий, мы целиком положились на индийский английский. В небольших городках и деревушках «глубинки», где по-английски не говорил никто, мы пользовались жестами.

Ближе к ночи мы с Ларри разделались со всеми нашими обязательными делами. На следующий день мы намеревались побывать в шкуре «настоящих туристов». В туристическом бюро Нью-Дели предлагалась автобусная экскурсия по городу с англоговорящим экскурсоводом, всего за шесть рупий. Теперь же, обнаружив, что город — отнюдь не бастион нищих, больных и голодающих, как рассказывало большинство туристов-американцев, нам очень захотелось внимательно осмотреть столицу. Как выяснилось, именно экскурсия дала нам простой ответ на вопрос,

почему все туристы, совершающие групповые туры по Индии с проживанием в прекрасных отелях, возвращаются на родину с совершенно иным, чем у нас, мнением об этой стране.

Наша экскурсия по городу началась после полудня и продолжалась три часа. Мы посетили мечеть в Старом Дели, Красный Форт и мемориал Махатмы Ганди. На каждой остановке по маршруту туравтобуса, на автостоянках толклись в ожидании туристов нью-делийские нищие и прокажённые. На несчастных было больно смотреть. Нищие в лохмотьях поражали своей худобой. У некоторых недоставало конечностей.

Как только автобус выгружал пассажиров, каждый попрошайка выбирал себе иностранца, чтобы прицепиться к нему и следовать за ним по пятам. Их умоляющие глаза, их увечья, просительно перевёрнутые ладони, костистые и хваткие, глубоко трогали душу каждого туриста из нашей группы, американца из средних слоёв общества, задевая в нём струну вины, которая становится такой чувствительной перед лицом столь ошеломляющей нищеты и физических уродств.

Особенно старались маленькие дети. Каждая девочка-нищенка, чьи спутанные волосы и жалкие лохмотья посерели от пыли и грязи, таскала на руках голодного младенца. Они подсовывали нам под нос крохотных, несчастных человечков и навзрыд кланчили денег на пропитание умирающим от голода братикам и сестричкам. Вздутые животики, глазёнки навывкате, впалые щёчки, ручонки и ножонки — не более чем просто косточки, обтянутые тонким слоем кожи, являли собой жалкое зрелище, пробуждавшее в нас комплекс вины. Профессиональные нищие, как объяснил нам наш гид, нарочно калечили и морили голодом себя и своих детей, чтобы иметь как можно более жалостный вид.

Не где-нибудь, а именно на автостоянке возле Красного Форта я лицом к лицу столкнулась с

единственным прокажённым, встреченным мной в Индии. При виде его я ужаснулась. У него не было пальцев, нос и губы давно съела болезнь. Прижавшись тем, что осталось у него от лица, к автобусному окну рядом с моим сиденьем, он молотил культиями по стеклу. Я смотрела на него, с трудом сдерживая слёзы. После экскурсии, выйдя из автобуса на Коннот-сквер, я пообещала себе, что в Индии впредь никогда ноги моей не будет ни в одном туристическом автобусе.

На другой день мы с Ларри самостоятельно ещё раз навестили Старый Дели, один из самых густонаселённых районов Индии. Его узкие, тёмные и пыльные улочки были настолько заполнены народом, что туда не пытался внедриться ни один автомобиль. Мы проталкивались сквозь сплошной людской поток, и хотя внешний вид немедленно выдавал в нас иностранцев, за нами не охотились ни нищие, ни прокажённые. Все они «дежурили» у мечети и Красного Форта.

Четырнадцатого ноября, за два дня до начала нашего похода по Северной Индии, Джефф Торп, приехавший в индийскую столицу двумя неделями раньше на туравтобусе из Стамбула, заметил наши велосипеды, «посаженные на цепь» позади палатки. Джефф, новозеландец, уже год как окончивший колледж, полгода назад прилетел в Лондон, откуда на велосипеде «докатился» до Турции. Первоначально он задумал отправиться на велосипеде из Нью-Дели в Непал, но к моменту нашего знакомства почти отказался от этой затеи.

Мы крепко спали, когда он, слишком взволнованный, чтобы дожидаться утра и познакомиться со спящими внутри «парнями», принялся сотрясать стойки нашей палатки. Энтузиазм и мягкий, добрый нрав Джеффа тотчас покорили нас, и мы втроем большую часть ночи скоротали за разговором.

— Уже две недели торчу в Нью-Дели, всё пытаюсь собраться с силами,— начал Джефф.— Поездка автобусом из Стамбула едва меня не доконала. Когда приехал сюда, то уже не мог крутить педали — чертовски ослаб. Потерял фунтов тридцать. В иранских деревушках особо не разъешься. Рис да кусок баранины, вот и всё. Потом в Пакистане я подхватил дизентерию и, по-моему, до сих пор от неё не избавился. Почистил зубы сырой водой в городишке недалеко от Лахора. Ну так вот, парни из нашего автобуса кипятили ту воду для питья, а после наблюдали уйму червей, плавающих по поверхности.

Последние две недели я только и делал, что ел и отдыхал. Думаю, я вполне набрался сил, чтобы снова оседлать «коня», но мне не очень-то хочется выбираться с велосипедом на индийские дороги. Уму непостижимо, как в этой стране люди водят машины. Вы и представить себе не можете, что за аварии я видел по пути сюда из Лахора. Наблюдал, как индийский автобус врезался в повозку, которую тянули два буйвола. Все: повозка, шофёр, буйвол — от толчка взвились в воздух, а автобус едет себе вперёд, как ни в чём не бывало. Видел, как автобусы, грузовики, легковушки и мотоциклы таранили друг друга, как наезжали на рикш и велосипедистов. И знаете ещё что? Большинство грузовиков на дорогах ночью совсем не включает огней. Наш водитель сумел разглядеть грузовик только тогда, когда едва не вцепился. Представляете?

Во всяком случае, к тому времени, когда наш автобус прибыл в Нью-Дели, я решил, что путешествовать по Индии на велосипеде слишком опасно. По крайней мере, думаю, никогда не решусь на это в одиночку. По-моему, больше шансов выжить в этом походе, когда с тобой рядом ещё двое; в том смысле, что за дорогой следили бы все, а не один. А кроме того, грустно ведь путешествовать в одиночку. С радостью поехал бы с

вами, конечно, если вы не против. А если станет невыносимо, ну, ничего, только скажите, и я уйду, без обид.

Мы оба были счастливы, что Джефф составил нам компанию. Мы понятия не имели, как индийцы, жители глинобитных хижин в глухих деревушках, разбросанных вдоль сельских дорог Северной Индии, могут отреагировать на иностранцев, а в памяти всё ещё было свежо предостережение мистера Крокера. Вдобавок после всего пережитого в Египте перспектива появления в наших рядах ещё одного мужчины придавала мне больше спокойствия. Если в Индии нам предстоит встреча с опасностями, то пусть нас будет как можно больше, думала я.

В ночь накануне отъезда из кемпинга мне не спалось — слишком я волновалась; из головы не шли рассказы Джеффа о неосторожных до безрассудства индийских водителях. Заснула я уже почти под утро. Мне снилось, что нас с Ларри переехал грузовик и шофёр оставил наши изуродованные, безжизненные тела валяться в грязи на обочине. С окрестных полей сбежались индийцы поглазеть на трупы; в конце концов, так и не удосужившись сообщить о нашей гибели властям, они отправили нас на погребальный костёр.

Пожалуй, я и в самом деле не чаяла добраться до Индии. Когда мы втроём выезжали из кемпинга, в то время как большинство его обитателей-иностранцев выстроилось у ворот в ожидании увидеть, как нас поглотят волны уличных велосипедистов, внезапно мной овладело предвкушение чего-то удивительного и рассеяло все мои опасения. Казалось, до Тадж-Махала и Эвереста подать рукой. Мы снова в пути, в конце концов, у нас всё получится! Так в душе кричала я себе. Но мой восторг оказался кратковременным.

Минуты за две мы добрались до главного хайвэя южнее Агры, и там, на перекрёстке, были встречены

грудой покорёженного листового металла. Два тяжёлых грузовоза только что «перепахали» друг друга, усыпав асфальт разбитым вдребезги стеклом и всевозможными деталями.

— Вот что я скажу вам, ребята,— прокричал Джефф. — Давайте смотреть в оба!

На протяжении следующих десяти миль мы воочию наблюдали, как из-за неравномерной нагрузки опрокинулся набок переполненный автобус, как «в лоб» столкнулись мотоциклы, и видели дюжину велосипедных аварий, в которых велосипедисты либо крушили друг друга при столкновении, либо летели на обочину, пытаясь увернуться от лихого водителя грузовика. Один парень «нырнул» головой вперёд и плашмя рухнул на асфальт хайвэя, когда его велосипед наскочил на огромную черепаху, лежавшую на дороге.

Мы на скорости проносились сквозь стайки велосипедистов, высматривая на дороге навозные кучи, неспешно трюхающие деревянные повозки, бродячих коров, рикш и мотоциклистов, которых то и дело заносило с прямого пути в сторону заметно раздавшегося потока велосипедистов, теснившихся у бровки хайвэя. Утешало то, что со мной по-прежнему была Библия мистера Крокера, припрятанная в рулевом ранце. В двадцати милях от Нью-Дели мы вырвались из суетной промышленной зоны, кольцом окружившей столицу, и поток дорожного движения сузился до ручейка. На дороге попадалось очень мало частных машин. В стране, где школьный учитель в месяц зарабатывает двадцать пять долларов, автомобиль по карману не многим. Остаток дня прошёл как относительно спокойная, мирная прогулка по ровному асфальту. Время от времени нас обгоняли сикхи на мотороллерах, приветствуя нас по-английски. Порой мы катили бок о бок с крестьянами на велосипедах, с важными мужами, восседавшими на верблюдах или

слонах. По грязной обочине дороги брели пешие: местные крестьяне, группы странствующих кочевников и тощие, кожа да кости, босоногие, бородатые и длинноволосые божьи люди, на которых не было ничего, кроме белых дхоти. Какой-то парнишка шагал на юг в сопровождении взрослого медведя-губача на длинной цепи. Ступни и копыта месили пыль у бровки дороги, вздымая над хайвэем буроватую дымку.

Мы почти не переговаривались друг с другом, старательно вбирая и пытаясь «переварить» всё, что замечал глаз. Мы внимательно разглядывали домики в крохотных деревушках — глинобитные строеньица с дочиста выметенными земляными полами. По сравнению с Египтом и сельские дома, и дорожки, ведущие к ним, были чисты и опрятны. Женщины очищали хайвэй, поля и деревушки от вечных навозных куч, которые после «запекания» на солнце сжигались как топливо. Даже в самых убогих деревушках женщины и девушки носили яркие сари и золотые и серебряные украшения. Они торопливо шагали по пыльным улицам с начищенными до блеска медными кувшинами, поразительным образом сохранявшими равновесие на их покрытых покрывалами головах. Мужчины и мальчишки были одеты в широкие хлопчатобумажные штаны и туники или в рубашки и брюки западного образца. Мне странно было видеть, что часто именно мужчины обстирывали всю семью.

Всякий раз, когда мы останавливались передохнуть, починить спустившую шину, перекусить бананами и мандаринами или облегчиться, будь то близ дороги, деревни или поля, люди всегда останавливались или прекращали работу, чтобы поглазеть на нас. Как выяснится в последующие дни — главной особенностью нашего путешествия по Индии станет то, что мы неизменно, везде будем находиться под прицелом чьих-нибудь любопытных глаз. В Индии нам не видать уединения.

Изо дня в день, куда ни глянь, всюду — люди, пристально следящие за нами и внимательно изучающие каждое наше движение. В Египте хотя бы в промежутках между деревнями попадались безлюдные участки пути. В Индии такого не было.

Если мы останавливались на пустой дороге, то непременно неведь откуда вокруг нас собиралась компания от двух до десяти человек. Если же люди копошились в полях, брели по обочине или проезжали мимо на велосипеде, то, заметив нас, они тотчас же бросали свои дела и со всех ног устремлялись к нам. Затем они подступали к нам вплотную и с любопытством, а зачастую с недоверием, таращились на наши велосипеды и походное снаряжение. Когда же мы останавливались в городках, чтобы купить еды, весть о нашем прибытии распространялась в мгновение ока, и в считанные секунды нас окружали сотни смуглых лиц, мучимых любопытством и глядящих на нас во все глаза. Эти лица принадлежали мужчинам, мальчишкам и девочкам; в городских толпах никогда не было женщин.

В Индии из-за постоянного присутствия людей в течение дня я почти не имела возможности облегчиться без постороннего глаза. У Ларри и Джеффа с этим не было проблем. В Индии «в обычае» справлять большую и малую нужду у дороги — у мужчин, но не у женщин. К несчастью, местность от Нью-Дели до непальской границы оказалась большей частью ровной, занятой под сельскохозяйственные угодья, с редкими деревьями или кустарниками, за которыми можно было бы укрыться — но и возле них непременно торчал индеец, а то и два. Я выбирала пятачок, как можно более удалённый от шоссе и от людей, затем я обматывала вокруг талии полотенце и усаживалась на корточки. Случалось, местные всё-таки подглядывали за мной, но я научилась их игнорировать.

Индийцы сильно отличались от обитателей Верхнего Египта, причём в лучшую сторону, что, принимая во внимание их многочисленность, стало для нас истинным облегчением. Путешествие по стране, «напичканной» людской массой, само по себе изнурительно, однако, будь тысячи индийцев, с которыми нам приходилось сталкиваться, враждебно настроены по отношению к нам, то нам бы просто не поздоровилось. В целом это были добрые, вежливые люди. За редким исключением, никто никогда не орал на нас, не толкался, криком не выпрашивал бакшиш, не делал мне недвусмысленных предложений и не швырял в нас камнями и палками. Если мы устраивали привал на ленч где-нибудь на краю поля, крестьяне усаживались с нами, улыбались и предлагали воду. В городах в большинстве случаев, когда люди, тесня друг дружку, в толпе пробивались к нам как можно ближе, они из всех сил старались не задеть нас.

В Матхуре, родине бога Кришны, где-то в восьмидесяти милях южнее Нью-Дели, мы свернули с главной магистрали на второстепенную дорогу, ведущую в заповедник птиц Бхаратпур, что неподалёку от Агры. У Джеффа не было палатки, поэтому мы провели первую ночь нашего совместного путешествия в Бхаратпуре в государственном туристическом лагере — в «спартанской» гостинице, принимавшей как иностранцев, так и своих, приехавших посетить заповедник. За десять рупий Джеффу предоставили койку в общей спальне, нам же с Ларри за пять рупий было разрешено разбить палатку на лужайке.

Молодой лагерный администратор, Ракеш, лично проследил за тем, чтобы о нас позаботились. Когда же мы в темноте отправились за покупками к фруктовым ларькам, расположенным в миле от лагеря, он выделил нам в провожатые своего помощника на велосипеде, который должен был держать фонарь, освещая нам

дорогу. Помощник не только всю дорогу развлекал нас песнями, но и, мастерски поторговавшись, помог нам дёшево купить фрукты. Утром перед нашим отъездом в Агру, где находится знаменитый Тадж-Махал, он приготовил нам на завтрак омлет, чапати и горячий чай.

Мы приехали в Агру сразу после полудня. Городские узкие улицы были настолько забиты пешеходами, велосипедистами, рикшами, коровами, воловьими упряжками, лавочками, где продавались овощи, фрукты, благовония и специи, мангалами, покрытыми сажей, велосипедными мастерскими, мужчинами и мальчишками, испражнявшимися в сточные канавы, что мы едва не теряли друг друга из виду. В знойном пыльном воздухе смешались запахи цветов, экскрементов, благовоний, кэрри, животного и человеческого пота, обжигая нам ноздри. А над треньканьем велосипедных звонков, гомоном людских голосов и скрипом несмазанных колёс рикш плыли мелодии ситар и флейт.

На высокой кирпичной стене я заметила вывеску: «Кемпинг». Обогнув стену, мы очутились у ворот кемпинга и воззрились внутрь, на роскошный отель со стоящим при входе фасонистым швейцаром в униформе. Отель с бассейном и баней был окружён ухоженными лужайками и цветниками.

— Какой там кемпинг! — заметила я. — Слишком шикарное место.

— Уф, какого чёрта. Давайте-ка пройдем, — буркнул Джефф. Джефф решительно повёл велосипед к вестибюлю, но мы с Ларри колебались. Джефф был весь в грязи и жутко «благоухал», и мы понимали, что сами не лучше. Утром побрызгивал дождь, и запылённое тело Джеффа приобрело характерную грязевую пятнистость. Его голени и руки были вымазаны цепной смазкой, волосы сбились от пота и пыли. Велосипед и вьючники — в грязи, от колёс разило приставшим навозом. Сегодня,

как и всегда, на Джеффе были залоснившиеся синие шорты и побуревшие от смазки и грязи некогда белые кеды — и ничего более. На Ларри — «парадно-полевые» шорты цвета хаки, я же надела спортивную майку, изрешечённую дырами, и свои египетские «велошаровары». Среднему представителю Запада общий видок нашей троицы должен был внушать глубочайшее отвращение.

Первым — Джефф, следом — Ларри, а затем и я тихо просочились в отель «Лори» и робко оглядывали вестибюль, утопавший в старинном убранстве и персидских коврах. На одной из стен висели в рамках фотографии королевы Елизаветы и президента Эйзенхауэра, почётных гостей отеля.

При нашем появлении в холле все разговоры разом смолкли. Хорошо одетые американские и европейские туристы средних лет подозрительно уставились на нас. Затаив дыхание, я ждала, что нас вот-вот вышвырнут вон; швейцар уже помчался звать кого-то. Спустя несколько долгих, мучительных минут холодного молчания в холл влетел администратор.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, мои друзья. Желаете расположиться лагерем? — прогудел его голос.

Администратор принялся энергично трясти нам руки.

— Да, сэр,— ответил Ларри.

— Отлично. Ставьте палатки где вам угодно. Но лучше устроиться на свежескошенной траве. В высокой траве, в дальнем конце лужаек водятся змеи — кобры. Можете пользоваться душевыми и туалетами в бане, не стесняйтесь, к вашим услугам — бассейн. Мы очень рады вас принять. Вы что же, путешествуете по нашей стране на велосипедах?

— Да, из Нью-Дели в Непал.

— Замечательно. А откуда вы?

— Мы — американцы, а вот Джефф — из Новой Зеландии.

— А, американцы.— Тон голоса управляющего несколько поскучнел.

Индийцам было неприятно дружеское отношение Америки к Пакистану, их заклятому врагу.

— А сколько за номер? — поинтересовался Джефф.

— Обычно по восемьдесят рупий, но я могу предложить вам номер на троих за шестьдесят пять. Очень недорого. В американской валюте это восемь долларов.

— Сколько же за стоянку под открытым небом? — спросил Ларри.

— По пять рупий с каждого.

— Годится,— заявил Джефф. А нам шепнул: — Переночую в бане. Никто и не узнает.

Мы выбрали ровную, покрытую травой площадку по соседству с бассейном, швейцар выдал нам стол, три стула и три шезлонга. Потом, вытащив плитку, мы закатили пир из овощного рагу с дюжиной горячих чапати, за которыми Джефф слетал на улицу, к мангалу; официант из гостиничного ресторана вынес нам здоровую бутылку пива. Пока мы наслаждались едой, с улицы заглянул мужчина и предложил почти задаром постирать нашу одежонку, поэтому Джефф связал в узел свои пропылённые вещички и спровадил их с глаз долой. Потом подошёл гостиничный парикмахер, худощавый седой мужчина, таща с собой старый портфель, набитый шампунями и маслами для волос.

— Я хорошо мою волосы,— объявил он мне.

— О нет, спасибо. Я делаю это сама,— улыбнулась я.

— Нэ-шан-эл-лэ-тии? — спросил он, старательно выговаривая заковыристое слово.

— Я американка.

— Хм-м, а-мей-ри-кан. Да, а-мей-ри-кан была. Была! — воскликнул он, перерывая пачку древних пожелтевших бумажек у себя в портфеле.

Он вытащил письмо, адресованное на его имя, датированное 1968 годом, и протянул его мне. Оно было от дамы из Омахи. Дама рассыпалась в похвалах этому человеку за тот огромный труд, вложенный им во все «головомойки», которым она добровольно подвергалась, живя в отеле «Лори» во время визита в Тадж-Махал. Пробежав глазами письмо, я взглянула на парикмахера. Его просто распирало от самомнения, и он постучал по письму длинным смуглым указательным пальцем.

— О-ма-ах, А-мей-ри-ка. Бо-ольшой важный сити. Ей очень нравилась моя работа. Теперь я мою ваши волосы. Будете очень довольны.

— Спасибо, но у меня чистые волосы. Я только что их помыла.

— Может быть, я приду завтра.— Он откланялся и быстро засеменял прочь.

На другой день в шесть утра мы втроём катили на другой конец Агры полюбоваться рассветом над Тадж-Махалом. С недосыпа Джеффа слегка покачивало.

— В этой бане до чёрта москитов и крыс,— жаловался он.— Просто глаз не сомкнуть.

Город только-только просыпался. Никакого движения, все лавки закрыты. Выбравшись из постелей, люди напевали, разбредаясь по лавкам и спеша по тротуарам, всюду проникал аромат горячего чая и чапати. «Ранние пташки» приветливо махали и улыбались нам. Несмотря на то что улицы были усеяны грязью, мусором и навозом, а горожане бедны, в это утро меня наполняли самые тёплые чувства к Агре, к Индии и её людям. Любуясь тем, как солнечные лучи озаряют Тадж-Махал, как его мраморная громадина цвета слоновой кости вдруг на глазах начинает нежно розоветь, я радовалась, что приехала в Индию.

На другой день занемог Джефф.

— Не могу унять понос, а в животе жуткая резь, но всё равно сегодня я еду с вами,— объявил он поутру.

Управляющий отелем «прописал» ему йогурт и массаж, поэтому Джефф опрокинул внутрь пиалу тёплого свернувшегося молока из ларька через улицу, в то время как швейцар вызывал массажиста. После массажа Джефф собрал свои вещички, мы попрощались с персоналом отеля, поблагодарив всех за гостеприимство.

В пятидесятимильном броске из Агры в Майнпури Джеффу пришлось незаслуженно тяжело. Он несколько раз останавливался и садился у дороги, держась за живот и кривясь от боли. Всякий раз, когда он передыхал, с окрестных полей сбегались крестьяне посмотреть на нас. Оказавшись в столь жалком и несчастном положении, люди обычно не любят, когда на них пялят глаза, и Джефф не был исключением. До самого вечера он не мог избавиться от чувства, будто на него таращатся.

— В этой проклятой стране ничего нельзя сделать без того, чтобы на тебя не глазели! — орал он прямо в любопытные лица.— Даже поблевать в одиночестве и то нельзя. Вы что, голубчики, собираетесь торчать здесь и смотреть, как я буду помирать? Пожалуй, я даже не прочь сдохнуть, только бы вы на меня больше не пялились!

Этой ночью в Майнпури, после моей неожиданной встречи с обезьяной на крыше гостиницы, Джефф рухнул на койку и уснул, постанывая от боли. К утру прекратились мучившие его рези, но не понос; и, к несчастью, теперь несло уже всех троих.

Первым за дверь пулей вылетел Ларри и понёсся к бадье на крыше. Проснувшись, Джефф проорал своим взбунтовавшимся кишкам: «О, Господи, пожалуйста, погодите минутку!» — и стремглав ринулся следом за Ларри. К этому времени я тоже уже вполне проснулась, и мне пришлось хуже не бывает. Не ждать же мне было, пока Джефф и Ларри закончат дела на крыше.

Я выскочила из номера и устремила по коридору к душевой. Собственно, душем в этой крохотной комнатухе и не пахло, там просто стояла трехфутовой высоты металлическая бочка, наполненная водой. В бочке плавал банный ковшик для того, чтобы зачерпнуть воды и опрокинуть её на себя. В одной из стен душевой на уровне пола виднелось небольшое отверстие, в которое, вероятно, должна была стекать вода. Из-за подозрительного слоя пены идохлых жучков, затянувшего поверхность буроватой воды в бочке, ни один из нас прошлым вечером не потрудился «принять душ».

Вломившись в душевую, захлопнув и заперев за собой дверь, я только успела пристроиться на корточках возле канализационной дыры, как... Закончив, я зачерпнула ковшем воды из бочки, а затем опрокинула его содержимое на пол, пытаясь смыть то, что я «натворила», в отверстие. Но вместо того чтобы выплеснуться в дыру, вода отхлынула от моей кучки и устремила под дверь, к противоположной стене каморки. Я пристально уставилась на пол: он имел уклон в сторону, явно противоположную «канализации». «Ох, теперь тебе и правда конец, Барб»,— бранила я себя. Я с отвращением и яростью глядела на пол и на то, что я тут натворила. «Прикрою-ка я это,— подумала я.— Прикрою, и мы съедем из гостиницы раньше, чем кто-нибудь обнаружит, что я наделала». Я сгребла полную пригоршню каких-то лоскутьев со стула, стоящего рядом с бочкой, и забросала ими улику; затем поспешила к себе в комнату и принялась паковать как можно быстрее.

Нам не хватило всего каких-нибудь пяти минут до полной готовности к выходу, когда кто-то забарабанил к нам в номер. Ларри широко распахнул дверь, но я упорно продолжала стоять спиной к индийцу,

маячившему в коридоре. Я не осмеливалась взглянуть на выражение его лица.

— Привет,— сказал Ларри.— А в чём дело?

— Пойдём,— потребовал тот.

Хозяин гостиницы повёл Ларри в конец коридора, до нас с Джеффом слова индийца эхом доносились по пустому коридору.

— Душ. Не туалет. Я тебе вчера сказал. Туалет — крыша. Почему здесь?

— Как это всё, чёрт возьми, понимать? — громко недоумевал Джефф.

Изобразив плечиками: «кто знает», я по-прежнему не поворачивалась лицом к двери. Минуты две спустя Ларри с индийцем вернулись обратно в комнату.

— О'кей,— сказал Ларри.— Кто напакостил в душе?

— Да, кто напакостил в душе? — повторил за ним индеец.

— Напакостил в душе? Ты это о чём, приятель? С какой стати... Ох,— Джефф медленно развернулся и воззрился на меня.— Так вот почему с утра тебе не понадобилось тащиться на крышу. Вот это да! Но почему именно в душе?

— Я не могла ждать. Вы оба уже «заседали» на крыше, а мне было невтерпёж,— прошептала я тоном, молящим о понимании.— Хватит гоготать. Ничего смешного. Я действительно растерялась. Я пыталась смыть в канализацию, но пол имеет какой-то совсем неправильный наклон.

— Так это ты навалила в душе? — стонал Джефф.— Люди, не могу поверить. Малютка Барб покакала в душевой! Минут десять — и об этом узнает весь город. Сегодняшний экстренный выпуск майнпурских новостей: «АМЕРИКАНКИ СПРАВЛЯЮТ БОЛЬШУЮ НУЖДУ В ДУШЕВЫХ». Мне это нравится.

Джефф распахнул настежь ставни и высунул голову из окна.

— Теперь давайте разберёмся,— надрывался он, обращаясь к «широким массам населения» внизу.— «Киви», новозеландцы, не пакостят в душевых. Янки — да. Киви — нет. Я-то новозеландец, так что я этого не делал. Я — нет. Они,— он указал рукой назад, в комнату, — да. Все поняли? Берегитесь янки. Янки — не убираются вон,— янки «делают дела» в душевых!

Люди с улицы смотрели на Джеффа, как на буйного заморского идиота, к этому времени до хозяина дошло, кто же из нас провинился, и он уставился на меня с недоверчиво-испуганным видом. Сам по себе поступок был и так достаточно омерзителен, но особенно диким индийцу казалось то, что такое могла совершить женщина.

— Зачем леди напачкала в душе? — недоумевал он.

Я не могла заставить себя повернуться к нему лицом. Джефф продолжал орать, а Ларри сидел, качая головой. Когда же хозяин понял, что ни один из нас не собирается ему отвечать, он вышел из комнаты и заспешил на улицу нанять для уборки неприкасаемого.

— Хорошо ещё, что тебе не удалось смыть это в «канализацию»,— потешался Ларри.— Труба открывается как раз на парадное крыльцо гостиницы.

От Майнпури до ближайшего города с гостиницами и пансионами, Канпура, было сто двадцать миль по узкой захолустной дороге. Несмотря на то что весь наш путь пролегал по ровной местности, мы еле ползли из-за выбоин и ухабов. Когда же дорога пересекала городки, то тут на нашем пути возникал народ. Если толпы пешеходов всё же сдавали в сторону, уступая дорогу грузовикам, автобусам и велосипедистам, то, заметив наше появление, они буквально застывали на месте. Большинству жителей этих городишек никогда прежде не доводилось встречать «белого человека», и вид нашей троицы, катящей на непривычного вида велосипедах, приводил их в замешательство и

оцепенение. Они долго и пристально разглядывали почти белую шевелюру Джеффа. Ни один не двигался. Да они и не могли: в состоянии глубокого потрясения они замирали как вкопанные. Чтобы очистить себе путь, мы были вынуждены физически отстранять «живые преграды».

Из-за плохих, слабых камер у Джеффа дважды спускали шины. А в одной деревушке выбоина, «заглотив» моё переднее колесо, стряхнула меня с велосипеда. При приземлении я ободрала себе ладони и ноги. Кровоточащие ссадины немедленно «обросли» нашлапками грязи и кусачими мухами. Я слышала, будто в Индии раны всегда загнивают и долго не заживают, поэтому, под прицелом около сотни любопытных глаз, я промыла раны кипячёной питьевой водой, а затем щедро смазала антибактериальной мазью. Этим тюбиком снабдил меня Па ещё в Испании. Мухи вязли в липкой мази, мешавшей им заняться кровопийством.

В тот день Джефф чувствовал себя гораздо лучше, и он непрерывно развлекал нас случаями из своей походной жизни. Джефф радовался тому, что теперь ему было с кем поговорить, мы же с Ларри наслаждались его компанией. Своими рассказами Джефф скрашивал долгие утомительные мили пути.

— Так вот, в нашем автобусе ехали две американки, лет двадцати с небольшим,— рассказывал Джефф.— Остальные пассажиры в основном англичане или французы. Мы пересекали Иран сразу после захвата американского посольства, поэтому антиамериканские настроения были в самом расцвете. И все мы чертовски «тряслись» из-за того, что с нами в автобусе едут подружки-янки.

Когда в Южном Иране мы углубились в пустыню, однажды ночью нас остановили на блокпосту, в автобус ввалились двое солдат и принялись проверять паспорта. Мы затаились, ну а солдаты тем временем — всё ближе

и ближе к янки. Когда же девицы протянули им паспорта, слышно было, как муха пролетит, вот какая стояла тишина. Все старались прочесть по лицам солдат, что же будет дальше.

Ладно, патрульные раскрыли паспорта, один из них говорит: «А, американки», девицы закивали, я же, как и все остальные, до смерти перепугался. Солдаты молчат. Они продолжают изучать паспорта. Вот тогда мне действительно стало худо, а затем, ко всеобщей неожиданности, оба вдруг вытянулись по стойке «смирно» и откозыряли американкам. Расцвели парни от уха до уха, вернули паспорта, выскочили из автобуса и «прости-прощай»!

Мне-то янки вполне нравились, но до чего же они доверчивы! Вы думаете, я простак, видели бы вы тех двоих. Не поверите, как на второй день в Пакистане, в Кветте, их облапошил один пройдоха. Мы приехали в Кветту уже ближе к вечеру, всех нас изрядно вымотали пустыни в Восточном Иране и Западном Пакистане, поэтому, когда к нам подскочил пакистанец с предложением почистить уши, все его проигнорировали, за исключением обеих янки. Идея им пришлась по душе, а пакистанец обещает, мол, вычищу уши за пятнадцать центов; но если найду камешки, то — доллар за штуку. Ну, слуханное ли дело, чтобы у кого-нибудь в ушах была галька, верно? Поэтому девицы решили: сделка честная, и согласились.

Итак, малый принялся вычищать серу из уха одной из девиц такой забавной маленькой ложечкой. И только было он взялся, как наружу выскакивает крохотный кусочек гравия, а парень качает головой, словно и правда дело — дрянь. Ну, девица глядит на камень и начинает волноваться, ей хочется знать, как чёртов гравий попал к ней в ухо; а пакистанец «поёт» ей что-то там про пустыню. «Всем в уши камень в пустыня попадает. Камни — ай, плохо», — пуще заливает он,

после чего принимается дальше «выкапывать» кусочки гравия, один за одним.

Теперь уже и пакистанцы, слонявшиеся неподалёку на тротуарах, потянулись через дорогу, поглазеть на гравий и посмеяться. Думаю, они-то знали, как этот малый дурачит иностранцев. Ну а парень, прежде чем закончить с клиенткой, вытащил у неё где-то по восемь-девять камней из каждого уха.

Ну-ка, скажите, мыслимо ли поверить, будто ты таскал в ушах столько гравия, и он тебя при этом ничуть не беспокоил? Так вот эта леди поверила. Она поверила и раскошелилась почти на двадцать долларов. Двадцать долларов! Да это больше, чем получает за месяц большинство пакистанцев, даже на хорошей работе! Вы уже поняли, что мошенник припрятал на себе весь запас гравия, а затем прикинулся, будто извлекает его из дамских ушек. Любой бы его раскусил. Но только не эти двое. Я глазам своим не поверил, когда и другая пожелала, чтобы ей тоже прочистили уши! И, как вы уже догадались, он и из её ушей вычерпал кучу гравия. А я-то думал, только нашего брата «киви» — «кто под нами вверх ногами» — всюду держат за наивных простаков!

Байки Джеффа заполняли весь день, пока мы проталкивались вперёд по жаре и в пыли, лавируя среди пешеходов, велосипедов, грузовиков, буйволов, коров, верблюдов и слонов. До захода солнца нам оставалось проехать миль шесть, и мы работали педалями так быстро, как будто надеялись «победить» темноту. Дорога была наводнена велосипедистами, возвращавшимися домой в Канпур с отдалённых фабрик, но они расступались, пропуская нас вперёд.

В тот самый момент, когда казалось, нам удастся добраться до Канпура до темноты, один из велосипедистов протаранил Ларри сбоку. До сих пор ни один индеец никогда не проявил по отношению к нам агрессивности, и Ларри был совершенно огорошен этим

внезапным нападением. Казалось, велосипедист материализовался из ниоткуда. Он ехал почти наравне с Ларри, затем нацелил велосипед на его задние вьючники и атаковал. Когда Ларри выбросил в сторону правую руку, пытаясь на неё опереться, ему от удара при падении выбило запястье. Затем сверху ему на грудь обрушился велосипед и сломал несколько рёбер.

Прежде чем успела осесть пыль, Ларри вышел из себя: вскочив на ноги, он бросился вдогонку за нападавшим. Он сгрёб обидчика, лихорадочно пытавшегося освободиться, за ворот белой хлопчатобумажной туники и рывком стянул его с велосипеда. Парень рухнул на асфальт и кубарем покатился к бровке дороги. Затем Ларри схватил его гигантский одно-скоростник и швырнул его в кювет. Пока Ларри расправлялся с велосипедом, парень быстро схватил подвернувшийся под руку кирпич и уже занёс руку, намереваясь разнести Ларри затылок. Но прежде чем ему бы это удалось, на него надвинулся Джефф. Лишь взглянув на шестифутовую фигуру Джеффа, низкорослый тщедушный индеец выронил кирпич.

К тому времени, состязаясь друг с другом в скорости, к нам уже устремились человек пятьдесят рабочих с ближайшей фабрики. Я окликнула Ларри и Джеффа, и они ринулись к своим велосипедам. Мы понятия не имели, чью сторону примет толпа, поэтому, не дожидаясь продолжения, вскочили на велосипеды и во весь опор понеслись в Канпур.

Только в полумиле от злополучного места Ларри впервые почувствовал боль в запястье и рёбрах. При падении правый рычаг тормоза обломился и теперь свободно болтался на руле. К счастью, пострадало именно правое запястье, а не левое, которое как раз очень пригодилось Ларри, чтобы пользоваться оставшимся тормозом.

— Правой больно рулить и переключать скорости, но я справлюсь,— заметил он, когда мы «отмолотили» последние две мили до Канпура.— Надо всё-таки попытаться как-то починить рычаг ещё до Непала. Не поеду через Гималаи с одним-единственным исправным тормозом, это уж точно.

— Как твои рёбра? — спросил Джефф.

— Думаю, поболеят несколько недель, а то и месяц. Тут уж ничего не поделаешь. Пусть себе болят, перетерпим. Да, ребята, до гор я ещё восстановлю отличную спортивную форму.

Канпур оказался большим городом, и нескончаемые городские улицы, кишачие пешеходами, велосипедистами и животными, только вытягивали из нас последние силы. «Отскакав» свыше ста двадцати миль по ухабистым дорогам, хотелось в изнеможении забиться в какое-нибудь тихое и спокойное убежище, но нам предстоял ещё не один час работы. Нужно было найти отель или пансион, раздобыть продуктов, «провернуть» готовку и провести последний час бодрствования за кипячением воды. Индийцы так и не поняли, для чего мы тратим столько времени на кипячение воды, если никогда не завариваем чай. Они в полном недоумении наблюдали за тем, как мы кипятим сырую воду, котелок за котелком, лишь затем, чтобы потом залить её в пластиковую флягу и оставить остывать снова. Пока мы стояли на окраине Канпура, отдыхая и собирая последние крохи энергии, которой должно было хватить нам на вечер, возле нас остановился студент колледжа на мотороллере и предложил свою помощь.

— Меня зовут Прадип,— улыбнулся он.— Провожу вас в пансион. Всего в километре отсюда.

Пансион представлял собой трёхэтажный квадрат с цементным внутренним двориком в центре, куда выходили окна всех номеров. Он походил на тюрьму —

тёмный и грязный, со снующими по полу крысами. Об электричестве можно было только мечтать. Из-за удушающей жары двери в номера держали нараспашку. При нашем появлении обитатели верхних этажей свесились через балконные перила поглазеть на нас. Жители нижнего этажа заняли наблюдательные посты в дверных проёмах. Все они были грязные и оборванные, и ни один не улыбался. Хозяин заведения объяснил Прадипу, что все комнаты заняты и нам бы лучше поехать в отель на другом конце города.

— Далеко ли отсюда? — поинтересовался Ларри.

— Восемь километров,— ответил Прадип.

Пять миль. Мы поёжились. В этот момент такое казалось просто невыполнимым. Мы были слишком разбиты, чтобы проделать ещё пять миль, особенно по городским улицам.

— А нет ли чего-нибудь поближе? Мы изрядно устали,— простонал Джефф.

— Нет. Ничего, разве что только дороже. Немного передохните, и поедем дальше.

Прадип переговаривал с владельцем, который окликнул стоявшего неподалёку мальчишку. Мальчишка сбегал за ведром и поднёс его нам. В ведре плавал ковшик, и он жестами предложил нам умыть лицо и руки. После двух дней езды без умывания наша кожа задубела от грязи. Пока мы приводили себя в порядок, хозяин притащил для нас три лёгкие деревянные кровати с верёвочной сеткой и водрузил их в центре двора.

Пока мы восстанавливали силы, Прадип стерёг велосипеды, болтая с хозяином. Кругом галдели игравшие во дворе дети. В воздухе висел приторный запах сандалового фимиама. Пока я отлёживалась, мышцы ещё больше «стянуло», когда же я вскарабкалась на велосипед, они тяжело запротестовали. Ларри, должно быть, переживал агонию, но он ни разу

не пожаловался, так же как и Джефф, который из всех сил крепился, пытаясь совладать с желудком.

Все пять миль мы чудом умудрялись не упустить из виду Прадипа и не потерять друг друга, что можно считать проявлением большой сноровки, учитывая, насколько были переполнены дымные, тускло освещённые улицы. Отель, куда нас привёл Прадип, порадовал большими чистыми номерами с вентиляторами под потолком. После того как мы завели велосипеды в комнату, Прадип повёл Джеффа и Ларри на расположенную вблизи отеля рыночную площадь за продуктами к обеду и запасом продовольствия на завтра.

— А вы подождите здесь,— сказал мне Прадип.— В этой части города женщине не следует выходить по ночам на улицу. Оставайтесь и не забывайте запира́ть двери.

После того как они ушли, воспользовавшись краном в уборной, я соскребла с себя грязь и постирала шаровары и футболку. Пока я плескалась, управляющий гостиницы с помощником барабанили в дверь уборной, трясли её, пытаясь распахнуть; я была рада, что Прадип предупредил меня о необходимости всегда и всюду запира́ться. Я крикнула им, чтобы убирались, в конце концов они так и сделали. Когда через час Ларри и Джефф вернулись с покупками, Прадипа с ними уже не было.

— С рынка он поехал домой. Мы поблагодарили его за помощь, и он обещал заглянуть к нам утром, до отъезда. Какая удача, что он остановился нам помочь,— сказал Ларри.

Джефф кивнул и растянулся на кровати.

— Господи, до чего же здорово выбраться из этих толп,— вздохнул он.— Люди, люди, люди... Вот и всё, что ты здесь видишь. В этой стране к концу дня действительно устаёшь от людей и мечтаешь забиться в

какой-нибудь тихий и укромный уголок, подальше от этих физиономий. Туда, где на тебя никто не глазееет и где не слышно велосипедных звонков. Боже мой, как надоели эти звонки! Понимаю, они нас так приветствуют, но зачем же продолжать трезвонить всю дорогу? По утрам я добренький — выпался, съел прекрасный завтрак и вроде всё нипочём; но ближе к ночи я усталый, голодный и раздражительный, и мне правда нужно спрятаться. Глядите.— Джефф широким жестом обвёл комнату.— Вот что мне нужно. Ничего, кроме четырёх голых стен. Ни рож, ни глаз, ни блестящих белых зубов.

Джефф заполнял свой путевой журнал, я же разожгла плитку и принялась крошить цветную капусту и цуккини. До чего же здорово — вот так оторваться от людей, про себя думала я, когда вдруг кто-то постучал в дверь.

— Да,— отозвался Джефф, не пытаясь подняться с постели.

— Привет, дорогая. Открой, пожалуйста, дорогая.

Это был администратор отеля. Ларри отпер дверь, и в комнату вошли двое — управляющий и его помощник.

— Добрый вечер, дорогая,— приветствовал управляющий Джеффа.— Добрый вечер, сэр,— сказал он, обращаясь ко мне.

— Я вам не «дорогая»,— огрызнулся Джефф, раздражённый внезапным вторжением в его покой и уединение.

В эту минуту Джефф был особенно вспыльчив, потому что его рези и колики опять разошлись не на шутку.

— Спасибо, дорогая,— расцвёл управляющий.

Его познания в английском, как вскоре выяснилось, ограничивались примерно пятнадцатью словами. Просочившись в комнату без приглашения, управляющий и его помощник принялись снова туда-

сюда, обследуя велосипеды, снаряжение и одежду, развешенную сушиться. Управляющий внимательно наблюдал, как я готовлю, в то время как его помощник, стянув путевой журнал с колен Джеффа, перелистывал его страницы.

Проинспектировав всё наше имущество, «гости» заняли оба кресла и принялись кивать и улыбаться. Ларри пытался говорить с ними, но из того, что он сказал, они не поняли ни слова. Отказались они и от угощения. Индийцы довольствовались тем, что наблюдали, как мы готовим и едим, и слушали наш разговор. Когда мы разговаривали, они повторяли каждое движение наших губ. Если мы смеялись, они тоже довольно хихикали, хлопая себя по коленям, и хмурились, качая головами, если им казалось, что мы чем-то озабочены. Эти двое высидели обед и ритуал кипячения воды, затем Джефф попросил их уйти, чтобы мы могли хоть немного поспать. К несчастью, оба они имели массу свободного времени и не помышляли об уходе.

— По-моему, эти двое проторчат здесь всю ночь, если мы им не поможем,— рассудил Джефф.

Ларри согласился, и они с Джеффом подхватили гостей под локотки и отбуксировали за порог. Стоило только индийцам очутиться в коридоре, как они принялись громко протестовать и колотить в запертую дверь.

— Открой, пожалуйста, дорогая!

— Нет. Мы ложимся спать,— отозвался Джефф.

— Открой, пожалуйста, дорогая!

— Сгинь!

— Открой, пожалуйста, дорогая!

— У-у-у, заткнись.

— Открой, пожалуйста, дорогая!

Мы перестали отвечать, но они продолжали ломиться и криком требовать, чтобы их впустили

обратно. Ларри зажёл «змейку» противомоскитного фумигатора, и мы заблокировались от шума, надев наушники, купленные в Афинах после Египта.

Утром, когда мы с Ларри проснулись, Джефф сидел на кровати, бледен и прям. Лицо его кривилось от боли. Его вид напугал меня не на шутку.

— Не мог спать ночью,— слабо прошептал он.

— Снова колики и понос? — спросила я.

— Они. А теперь, право же, болят лёгкие и спина. Похоже, у меня аппендицит. Не рассчитывайте, что я сегодня смогу ехать дальше. Вы поезжайте, а я «оседлаю» поезд до Калькутты. Если по дороге не полегчает, то полечу домой. Ну а если станет лучше, доберусь до Катманду автобусом.

— Послушай, Джефф. Я соображу тебе какой-нибудь завтрак, может быть, поешь — и тебе станет лучше.

К концу завтрака появился Прадип, он настаивал на том, чтобы отвести Джеффа к врачу.

— Поезда в Индии ненадёжные, хуже не бывает. Набиты битком, постоянно опаздывают. Однажды поезд две недели «пилил» отсюда до Калькутты. И это вместо нескольких суток. Вам бы лучше продолжить, чтоб не отстать от друзей. Сейчас я отведу вас к доктору, и он посоветует нам, что делать.

Джефф согласился пойти. Пока его не было, Ларри, как смог, починил свой правый тормоз. Полетела скоба, крепившая тормозной рычажок к рулю. Он разогнул покорёженную рукоятку, придав ей приемлемый вид, затем привязал её к рулю запасным тормозным тросиком.

Минут сорок спустя вернулся Джефф, ещё более бледный и нетвёрдо держащийся на ногах.

— Проклятый рикша едва из меня душу не вытряс! Тряска, какой не видывал. Думал, помру. Всю силу воли собрал, чтобы шорты не испоганить! — кипятился он.—

Больше никогда не буду жаловаться на велосипед как на средство передвижения, это уж точно.

Джефф и Прадип благосклонно приняли чашки горячего чая, протянутые им Ларри, и Джефф вытянулся на кровати. На обратном пути от врача он купил чапати и теперь «поклёвывал» одну, потягивая чай.

— Ну, теперь расскажи нам о визите к доктору,— сказал Ларри.

Джефф швырнул на стол маленький плоский пеньковый мешочек с пилюлями.

— Док велел принимать по три пилюли, по одной каждого цвета, раз в день в течение трёх дней.

— Что же это за пилюли? — поинтересовалась я.

— А, не знаю. И вообще не знаю, что со мной. Док так и не сказал,— пожал он плечами.— Я вошёл к нему, описал все симптомы, а он вытащил эти пилюли из каких-то пузырьков и сыпал в пакет. Сперва он мне давление померил, но — порядок.

Я внимательно осмотрела пилюли. Никаких надписей ни на них, ни на пакете.

— Не уверена, действительно ли не вредно их принимать. Ты же вообще не знаешь, что они содержат, — сказала я.

— Уже проглотил первую тройку, дело сделано.

— Ох. Ну что ж, поглядим. У тебя нет аллергии на какие-нибудь лекарства? — допытывалась я.

— Да нет, во всяком случае — не знаю.

Ещё немного «полюбовавшись» на пакет, Джефф замотал головой:

— После тряски на рикше я решил: если в индийских поездах почти такая же болтанка, то мне не доехать до Калькутты. Пилюли я принял, надеюсь, от них мне станет лучше и я смогу сегодня же крутить педали.

— Ну ладно, лежи и отдыхай, а мы с Ларри всё сложим. А потом посмотрим на твоё самочувствие.

В течение часа Джефф крепко спал. Даже битва управляющего с дверью и вопли «Открой, пожалуйста, дорогая» были ему нипочём. Когда же он проснулся, то чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы попытаться проделать пятьдесят миль до Лакхнау.

Поблагодарив Прадипа за помощь, мы покатали в главный государственный банк в Канпуре, где Джефф собирался обменять дорожные чеки. Но там ни один умник точно не знал, как превратить эти чеки в наличные, поэтому остаток утра кассиры провели в мучительных вычислениях. Тем временем охрана, взявшаяся беречь наши велосипеды от толп зевак, которые следом за нами прорвались за ограду банка, и от банковских служащих, высыпавших на улицу при нашем приближении, решила поиграть и оборвала Джеффу тросики. Мы окончательно выбрались из Канпура уже после полудня. На краю города мы перебрались через Ганг. По его берегам, стоя по колено в мутной воде, в поте лица трудились канпурские прачки, отскребая от грязи туники, дхоти и длинные полотнища тюрбанов, навивая их на торчащие из воды камни.

Дорога до Лакхнау была сравнительно ровной, окаймлявшие её деревья шишам защищали нас от назойливого солнца. Как обычно, компанию нам составили неторопливые воловь упряжки, слоны и верблюды; иногда от деревни к деревне нас сопровождали велосипедисты и рикши. Нагоняя нас, велосипедисты приветливо улыбались и дребезжали звонками, а если мы останавливались облегчиться, то они тоже делали остановку и терпеливо ждали, пока мы закончим и двинемся дальше. Милях в двадцати от Лакхнау солнце прикрылось щитом облаков и закапал слабенький дождик. В полуденный зной дождевые капли дарили приятное ощущение прохлады.

Вскоре после того, как начался дождь, мы подъехали с тыла к перекрывшему дорогу автобусу. Судя по всему, у него «спёкся» мотор. Мы приближались к нему гуськом: сначала — я, за мной впритык — Джефф и следом за ним, футах в двадцати,— Ларри.

Едва я принялась огибать обездвиженного калеку, как обнаружила, что он загораживает мне обзор, мешая вовремя заметить встречный транспорт. Чтобы сбросить скорость, я легонько ударила по тормозам. Откуда мне было знать, что поверхность дороги щедро покрыта грязью, буйволовым навозом и маслом, вылившимся из автобусного двигателя. В ту же минуту, когда я схватилась за тормоза, колёса велосипеда юзом заскользили по асфальту, словно по льду, и мой «конёк» выскочил из-под меня. Подпрыгнув, я неуклюже распростёрлась на дороге. Скользя по грязи, навозу и маслу, я оглянулась и увидела, как следом за мной «плывёт» тело Джеффа. Он тоже сделал попытку воспользоваться тормозами.

Прежде чем по инерции доскользить до полной остановки, я вспомнила, что, перед тем как двинуться в объезд автобуса, я заметила грузовик прямо за спиной Ларри. Я повернула голову поискать его взглядом. Если он применит тормоза, сказала я себе, падения не миновать, а надвигающийся грузовик... У меня не было времени додумывать. Я увидела Ларри в тот самый миг, когда его голову уже давило правое переднее колесо грузовика. Больше я не видела ничего, а только слышала свой собственный истошный крик.

За моей спиной раздался громкий скрежет. Я завертелась кругом и открыла глаза. Грузовик, который занесло при торможении, неудачно «пропустил между колёс» мой велосипед, зацепив его своим шасси. Поднявшись на ноги, я беспомощно наблюдала, как он проволока его со всем скарбом футов двадцать вниз по дороге, прежде чем сокрушительно боднул автобус.

— Хватай велосипед! — надрывался чей-то голос на обочине, поблизости от того места, где погиб Ларри.

Мне показалось, что это голос Джеффа. Не хотелось оглядываться. Я не желала смотреть на безжизненное тело Ларри, лежащее в луже крови. Я не хотела видеть его мёртвым. И всё же что, если он ещё жив? Сможем ли мы с Джеффом его спасти? Ни один из сотен индийцев, хлынувших к месту аварии, наверняка не знает, что делать, ведь здесь, в сельской глуши, нет ни «скорой помощи», ни телефонов. Я через силу заставила себя оглянуться. Ларри, спотыкаясь, поднимался на ноги; голова выглядела целой и невредимой.

— Подбери свой велосипед! Сейчас сюда понаедут! — прокричал он снова, в то время как они с Джеффом уже оттаскивали свои с дороги.

Я поднырнула под грузовик и рывком сдёрнула велосипед с шасси. Вьюки были перемазаны липкой дорожной грязью, велосипед же отделался царапинами. Рулевой ранец отстегнулся и валялся на дороге. Схватив его и велосипед, я вылетела на обочину.

Толпа народу — окрестные крестьяне, проезжавшие мимо велосипедисты и пассажиры автобуса — сгрудилась вокруг Ларри и Джеффа. Я «ввинтилась» в самую её середину. Джефф плакал навзрыд.

— Господи! Я думал, ты погибла! — всхлипывал он.— Думал, погибла!

Я протолкалась к Ларри. Казалось, его ошарашили причитания Джеффа. Я обвила его руками, по моему лицу покатились слёзы.

— Твоя голова! Он же тебе по голове проехал,— стонала я.— Когда я оглянулась, я видела, как он тебя давил, и Джефф тоже видел. Я думала, ты погиб! О, Боже, я подумала, что потеряла тебя навсегда!

Пока собравшиеся индийцы с любопытством разглядывали нас, наши велосипеды и кладь, все они нервно посмеивались, не зная, как реагировать на

«явление» тройки иностранцев, на столкновение Ларри с грузовиком, едва не стоившее ему жизни, и на поразительное зрелище, когда женщина кидается на шею мужчине, полностью игнорируя индийское табу на любое проявление любви к противоположному полу прилюдно.

— О да,— тихо произнёс Ларри,— грузовик.— На мгновение он умолк, чтобы крепче притянуть меня к своей груди.— Такая жуткая передряга, может быть, со временем всё это забудется. Увидев, как вы оба рухнули, я схватился за тормоза и упал. Дорога как ледянка. Меня понесло. Когда же я наконец остановился, у меня было какое-то странное чувство. Как будто кто-то дышит мне в затылок. Головы не повернуть, поэтому не мог видеть, что творится у меня за спиной. Но я чувствовал, там было что-то этакое; поэтому, прежде чем я попытался подняться со спины, я повернул голову. А когда я оглянулся, взглядом упёрся прямо в протектор переднего колеса грузовика. Я резко отдёрнул голову от земли и почувствовал, как щёку задели шина и муфты подвески. Проклятие, до чего же близко! Просто на волосок! Напугал до потери сознания!

Джефф обнял Ларри за плечи, и мы втроём стояли в обнимку и плакали.

— Давайте сматываться отсюда,— наконец сказал Джефф.— Невыносимо, когда все эти люди смеются над нами. Понимаю, они не видят в случившемся ничего смешного. Они хихикают, потому как их вывело из равновесия то, что они сейчас увидели, и то, как мы тут принародно обнимаемся, но я не могу больше слышать их смех. Только не сейчас, после случившегося. Поехали.

Мы протиснулись сквозь толпу и как никогда медленно и неохотно оседлали велосипеды. Сперва мы ехали по грязной обочине, поскольку сейчас ни у одного из нас не осталось смелости вернуться обратно на дорогу. Но из толпы за нами увязалась кучка мальчишек-

велосипедистов. Они трезвонили в звонки, хохоча над нами. Выдержав такое минут десять — пятнадцать, мы снова выехали на асфальт, с тем чтобы набрать скорость и оторваться от надоедливой «свиты». Всякий раз, когда нас нагонял грузовик или автобус, мы жались к бровке, поёживаясь от страха.

Последние двадцать миль пути до Лакхнау казались вечностью, особенно Ларри и Джеффу. Вдобавок к состоянию «лёгкого» шока после того, как он едва не расстался с жизнью, Ларри испытывал сильнейшую физическую боль, «растряся» своё выбитое запястье и покалеченные рёбра. Джеффа попрежнему донимали живот, лёгкие и поясница, сказывалась и вчерашняя бессонная ночь.

К несчастью, город Лакхнау, столица штата Уттар-Прадеш, был действительно огромен, к тому же прибыли мы туда уже затемно. Прадип советовал нам остановиться на базе Уай-Эм-Си-Эй (Ассамблеи молодых евангельских христиан), но мы не имели ни малейшего представления, где она находится. Чтобы разузнать дорогу, решено было остановиться у железнодорожного вокзала. В справочном столе клерк сперва обрадовал нас, сообщив, что база расположена на другом конце города, а затем попросил тщедушного старичка, стоявшего неподалёку возле своего велосипеда, проводить нас туда.

Часа полтора мы следовали за старичком по улицам, до того переполненным людьми, животными, велосипедами, рикшами и автомобилями, что буквально было некуда ступить, когда приходилось останавливаться. Однажды по неосторожности я слишком далеко отставила от педали правую ногу, по ней тут же проехало колесо рикши. Велосипеды и рикши своей массой поглощали те немногие из существующих автомобилей и мотороллеров, вынуждая их двигаться рядом, со скоростью велосипедиста. На перекрёстках в

ожидании смены сигнала светофора всегда толпилось не меньше двухсот велосипедистов, рассеявшихся и растянувшихся по полосам движения.

Путешествие через Лакхнау напоминало дурной сон. Крошка-старичок беспрестанно сбивался с пути, через каждые пять минут он останавливался спросить дорогу. Тусклые уличные фонари почти не рассеивали ни сумерек, ни дымно-пыльной мглы, отравлявшей воздух. Куда ни глянь — повсюду сквозь буроватую дымку на меня молча глазели смуглые мужские лица. Везде — слишком много народу, и мне было грустно сознавать, что этот кошмарный спектакль был жизнью для миллионов индийцев.

Каждый из нас испустил долгий вздох облегчения, когда мы в конце концов въехали в ворота базы и вперились взглядом в лужайки, цветники и аккуратное белое двухэтажное здание. Мы медленно и неловко прошли в офис и рухнули на плетённые из ротанга стулья. В тела и одежду прочно въелись грязь, навоз, пыль и масло. Джефф сидел, схватившись за живот и раскачиваясь взад-вперёд, Ларри держался за рёбра. Мы ещё не отошли после произошедшего, и нервное истощение сломило наши силы. Минут пять спустя в маленький, загромождённый вещами офис явился заместитель директора турбазы и проинформировал нас, что свободных мест нет и лучше бы нам отправиться назад, через весь город, в правительственные бунгало для туристов. На его взгляд, из-за змей, обитающих на лужайках и в цветниках, ставить палатку на территории базы было бы слишком опасно.

— Мы не можем ещё раз тащиться через весь город, — выдохнул Джефф. — Просто не выдержим. Мне совсем худо, а у моего приятеля сломаны рёбра и выбито запястье, к тому же несколько часов назад он едва не погиб.

Джефф рассказал об аварии.

— Сочувствую вашим злоключениям, но вы не можете здесь остаться. Нет мест. Все номера заняты студентами-христианами из Индии и Непала,— ответил заместитель.— Но я позвоню в туристические бунгало узнать, не найдётся ли у них мест для вас.

Минут десять он безуспешно пытался дозвониться до бунгало. Пока он звонил, он не сводил глаз с Джеффа, который раскачивался всем телом и задыхался от боли. За эти десять минут он уже четыре раза срывался в уборную.

— Не могу до них дозвониться,— наконец объявил «сочувствующий».— Но я тут посмотрел на этого паренька,— сказал он, указывая на Джеффа,— похоже, он очень болен. Поэтому разрешаю вам всем переночевать в столовой. Недорого, можете расплатиться завтра. У вас есть чем подкрепиться?

— Негусто. Немного бананов и остатки арахисового масла.

— Тогда скажите, что вам нужно, и я пошлю за покупками одного из здешних мальчиков-сироток.

Ко времени, когда мы уже умылись, распаковали посуду, расстелили маты и спальники в углу столовой, сиротка, на вид лет восьми, вернулся с яйцами, сыром, помидорами, хлебом и маргарином. Не поднимая головы, он протянул Ларри сдачу. Ларри поблагодарил мальчишку, пожал ему руку, но тот слишком оробел, чтобы поднять глаза. Как только в комнату вошли директор с сыном, мальчишка быстро выскользнул в коридор.

Как и его заместитель, директор был толстеньким коротышкой. Он и его сын-подросток в совершенстве владели английским, одевались по-западному в рубашки и слаксы. Они расселись в столовой и беседовали с нами, в то время как мы приканчивали сандвичи с арахисовым

маслом. Ни у одного из нас не было сил заняться готовкой или накипятить воды на завтра.

Недолгое пребывание на базе стало, как оказалось впоследствии, нашим единственным и весьма неприятным знакомством с индийскими христианами. Директор и его сынок с презрением отзывались о своих соотечественниках-индусах, говорили, что считают индуизм безнадежно отжившей и никому не нужной религией. Пока отец вещал, сынок приказывал сиротам дать ему то, подать это. Он орал на них, обзывал тупицами, так ни разу не поблагодарив за услугу и не одарив добрым словом. Страшно представить, какое мнение могут составить себе индусы о христианстве, если их приобщают к нему такие типы, как директор и его отпрыск.

После обеда, будучи из нас троих в лучшей форме, я обстирала всю компанию, перемыла посуду и распаковала одежду. Джефф хлопнулся на мат и заснул. Он слишком вымотался, чтобы обращать внимание на свои болячки. Здесь же, в столовой я установила палатку, которой предстояло защитить нас с Ларри от полчищ moskitov, которые непременно слетятся сюда, когда на улице станет прохладней.

Этой ночью я особенно тесно жалась к Ларри, благодаря Бога за то, что мой муж уцелел в аварии. Уже восемнадцать месяцев мы боролись, смеялись и вместе делили горе и радость в любых жизненных испытаниях, теперь нас связывали узы, которые, я знала, уже никогда не разорвать.

— Ларри,— прошептала я.

— Да?

— Знаешь, какой сегодня день?

— Сегодня-то? Ох, а вот и не знаю. Дай-ка подумать. Четверг, угадал?

— Я имею в виду число.

— Число? Сейчас, сейчас, думаю, двадцать второе. Двадцать второе ноября.

— Знаешь, что это значит?

— Что же?

— Это День благодарения.

Долгое молчание.

— День благодарения. Точно, почему бы нет,— пробормотал он через некоторое время. А затем снова затих.— Барб?

— Да?

— Я люблю тебя. Я тебя очень, очень люблю.

— Я знаю, с Днём благодарения, кавалерист.

Утром меня разбудил резкий раздражающий скрежет. Как будто кто-то царапал ногтями по извёстке. Было ещё темно, фонари не горели. «Должно быть, нет электричества»,— подумала я. Из-за засухи электроэнергию перебрасывали в деревни. Шум повторился. Он звучал где-то совсем рядом. Перекатившись на другой бок, я уставилась на Ларри. Он восседал на своём месте с напильником в руке. Всякий раз, когда нам требовался какой-нибудь специальный рабочий инструмент (отсутствующий в наших вьючниках), мы ладили его из куска металла, доводя с помощью напильника до нужной формы. Но в этот момент Ларри орудовал напильником у себя во рту.

— Что ты делаешь? — сонно спросила я.

— Шлифую зуб,— на секунду прервавшись, ответил он.— Вчера отбил кусок. Наверное, когда упал.

Ларри разинул рот, чтобы продемонстрировать мне зазубренный край одного из коренных зубов.

— У меня от этого занятия мурашки по коже, но придётся потерпеть, иначе край царапает язык.

После того как Ларри покончил со шлифовкой, мы спешным порядком упаковались и очистили помещение. Директор просил нас съехать до восьми утра, так чтобы

не мешать завтраку семинаристов. Поскольку ко времени нашего отъезда директор с чадом ещё почивали, Ларри положил на стол в столовой благодарственную записку вместе с платой за ночлег. Залив фляги сырой водой, мы из предосторожности капнули в каждую по паре капель йода. Выводя велосипед через парадное крыльцо, я вытащила из ранца Библию и оставила её на одном из стульев — для директора. Уверена, мистер Крокер бы это одобрил.

У Ларри немело запястье, рёбра тоже давали о себе знать, зато желудку Джеффа значительно полегчало, а кроме того, ночь беспробудного сна вернула нам силы. В тот день путешествие протекало гладко — ни спущенных шин, ни сломанных спиц. А ещё нам удалось укрыться в крохотной рощице и расправиться с ленчем в относительном уединении; крестьяне, работавшие на соседних полях, или не заметили, или предпочли проигнорировать нас. Так, в первый раз после Греции, мы с Ларри трапезничали у дороги без зевак и крыс. Казалось, я уже не могла ни припомнить, ни представить себе, как это бывает — смотришь на дорогу, а там — ни души. Я закрывала глаза — передо мной по-прежнему маячили люди. Я старалась мысленно нарисовать себе пустынную дорогу, одну из сотен изведанных нами североамериканских дорог, но не могла. Прокладывая себе путь через города, запруженные людьми, натерпевшись от треньканья звонков назойливо преследующих нас велосипедистов и от вечных зевак, будь то фермеры, крестьяне или святые странники, вся наша троица вдохновлялась воспоминаниями о тихой и мирной глуши Новой Зеландии и Северной Америки.

Под вечер мы достигли Айодхая — одного из семи священных индуистских религиозных центров — на берегах реки Гхагхры. На его улицах было так тесно, что нам пришлось пробираться к туристическому лагерю

пешим ходом. Лагерь был обнесён высокой кирпичной стеной. По ней сновали сотни обезьян, специализирующихся на мелкой краже съестного у зазевавшихся гостей. Мы с Ларри разбили палатку на лужайке, Джефф двинулся в дортуар. Администратор лагеря, говоривший по-английски, принёс нам индийскую газету, печатающуюся на английском. Газетные заголовки сообщали о волне антиамериканской деятельности в мусульманском мире. Пакистанцы штурмовали американское посольство в Исламабаде, оставив убитыми двух американцев, они же обстреляли американские культурные центры в Равалпинди и Лахоре. Иранские студенты всё ещё удерживали заложников в американском посольстве, а аятолла Хомейни заявлял, будто захват Большой мечети в Мекке — происки американцев.

— На Среднем Востоке очень опасно,— вздыхал управляющий.— В Индии тоже есть одна опасность — дакойты, вы знаете. Ни в коем случае не ездите в темноте. Дакойты отнимут все ваши деньги. Вы должны быть очень осторожны. Сейчас я иду в город за провизией. Скоро мой помощник подаст ужин. Если вам что-нибудь нужно на завтра, скажите, и я куплю.

Через полчаса два помощника-индийца, почти не говоривших по-английски, установили на лужайке стол и три стула из ротанга и принесли нам рис и овощи с кэрри, чапати и охлаждённый лимонад в бутылках. Запах кэрри обжигал ноздри.

— Кэрри — острая? — спросила я, указывая на тарелку с рисом и овощами.

Оба индийца поспешно замотали головами.

— Не острая! Не острая! — бросились уверять они.

Я с подозрением поглядела на индийцев — на пищу; затем положила в рот небольшой комочек смеси, одобренной кэрри. Наверное, в сотый раз со времени моего приезда в Индию мне приходилось удивляться,

что же именно индийцы подразумевают под словом «острый». Всякий раз, подавая нам блюдо, приправленное кэрри, индиец уверял: «Не острое!» И всегда оно оказывалось настолько жгучим, что во рту у меня становилось так, будто я закусила блюдом из горячих угольев,— меня бросало в пот, а сердце бешено колотилось. И я пришла к выводу: то, что по индийским меркам считается действительно острым, вероятно, сразит меня наповал одним только своим запахом.

Пока мы пытались «уговорить» кэрри-огнемёт, оба индийца стояли возле нас, держа в руках длинные бамбуковые шесты, которыми они лупили обезьян всякий раз, когда те спрыгивали со стены и старались стянуть у нас харч.

После обеда к нашей компании на лужайке присоединился бизнесмен-индиец, остановившийся в одном из бунгало, рядом с дортуаром. Он тоже предупредил нас о дакойтах и долго веселил рассуждениями о незаконных доходах и коррупции, в коих погрязла его страна.

— В Индии спекуляция процветает из-за перенаселённости,— объяснял он.— Взять, к примеру, государственных служащих, продающих железнодорожные билеты. На каждый продаваемый билет — дюжина «стоящих на задних лапках» в надежде его купить. Итак, что же делает служащий? Он продаёт его тому, кто предложит наивысшую цену, «навар» же кладёт себе в карман. И так всегда, везде и всюду, а всё потому, что нас здесь — тьма.

На другое утро, пока мы с Ларри ещё не проснулись, со стены, окружавшей лагерь, на лужайку спустилось обезьянье стадо и занялось выдёргиванием колышков нашей палатки. Солнечный свет только-только пронзил тьму, и все ещё спали. Лёжа на матах, мы прильнули к окошкам палатки, наблюдая, как на лужайке резвятся обезьяны. «Болтовня» обезьян и чирикание маленькой

зелёной похожей на попугая птички, прыгающей по веткам деревьев,— и никаких других звуков. Ни людских голосов, ни трезвона велосипедных звонков, ни трубных гудков грузовиков. И никаких толп «наблюдателей». Это было особенное индийское утро, побуждавшее с желанием нырнуть в новый день.

Я уже предвкушала, как буду любоваться на индианок в сари, в золоте и серебре украшений, несущих на головах медные кувшины; катить бок о бок со слонами, верблюдами и буйволами, мимо обезьян; торговаться с добродушными продавцами; улыбаться в ответ любопытным смеющимся лицам и даже вдыхать острые запахи сандалового фимиама и свежего навоза, запекающегося на знойном солнце.

Мне не терпелось начать этот день, хотя я заранее знала: к вечеру буду точно так же стремиться поскорее его закончить и улизнуть от неотвязной людской суеты. Как и многие иностранцы, «отведавшие» Индии, я поняла, что она как манит, так и отталкивает меня. Она завлекала своих гостей, побуждая любить её, и в то же время заставляла их сомневаться, а стоит ли это делать. И почему-то от этого я любила её всё больше.

Мы провели в Айодхья почти всё утро, бродя по древнеиндийским храмам и по берегу Гхагхры, вдоль которой тянулись изнурённые святые странники. Когда мы закончили осмотр города, было уже одиннадцать часов. Итак, у нас оставалось всего восемь часов на то, чтобы при свете дня преодолеть девяносто миль до Горакхпура, пополнить запасы продовольствия, проглотить ленч и, если возникнет такая неприятность в пути, справиться со спущенными шинами. Мы обсудили, не задержаться ли нам в Айодхья ещё на день и стартовать рано поутру. Но, как известно, в Гималаях стремительно приближалась зима, и нам нужно было продолжать двигаться вперёд.

К обеду, преодолев часть пути от Айодхая до Горакхпура, мы остановились рядом с кучкой из восьми глинобитных домиков на краю поля сахарного тростника. Их обитатели — детвора, женщины и мужчины — высыпали на улицу поглядеть на нас. Поначалу наше появление привело их в некоторое замешательство, однако в ответ на наши приветливые улыбки они тоже разулыбались, жестами приглашая нас чувствовать себя как дома. Открытые улыбки мужчин обнажали зубы и дёсны, оранжевые от жевания бетеля. Мы предложили каждому отведать нашего походного харча, но все как один замотали головами.

К моему удивлению, нас обступили женщины. Раньше обычно они держались на расстоянии. Одна индианка вместе с юной дочерью простояли возле меня всё время, пока я ела, указывая на меня и одобрительно кивая головами. Меня порадовало это отсутствие робости, и, покончив с едой, я шагнула навстречу женщине и протянула ей руку. Она крепко пожала её и долго не отпускала, пока мы смотрели друг другу в глаза. Вот оно — моё первое живое знакомство с индийской крестьянкой. Единственным рукопожатием я старалась передать этой смелой и прекрасной женщине, как дорога мне наша краткая встреча.

К тому времени, когда мы расправились с ленчем, у нас оставалось всего два с половиной часа на то, чтобы до наступления темноты преодолеть сорок четыре мили. Два часа без передыха мы лихорадочно работали педалями. Когда нам осталось пройти каких-нибудь восемь миль, уже смеркалось, у Джеффа лопнула камера заднего колеса. Шина у него спускала уже второй раз за день — такое с ним случалось в среднем дважды в день от самого Нью-Дели — что повергло его в буйный приступ истерии.

— Прокол! Опять проклятая спущенная шина! — вопил он.— Эти проклятые камеры «Мишлин» — куча

гнилья, вот что это такое! Ниппель постоянно спускает. Всякий раз, изо дня в день, и вот дыра возле самого ниппеля! Что ж, на сей раз, очень может быть, именно эти чёртовы камеры нас и угробят! Дакойты явятся сюда с минуты на минуту, и вот они — мы, меняем очередную гнилую камеру. Сидим и ждём, как куры на яйцах, точно. Вот кто мы!

Джефф вытащил все свои запасные камеры, выдернул из них наименее залатанную и впихнул её в шину.

— Если сегодня попадём в лапы к дакойтам, виновата будет только «Мишлин»! — бушевал он.— Тогда я напишу им письмо, ага. Там будет сказано: «Дорогая «Мишлин», из-за Ваших поганных камер, купленных мной в Англии, меня вместе с двумя моими друзьями-американцами начисто ограбили дакойты, и вот теперь мы, лишившись своих велосипедов, отчаявшиеся и разбитые, бредём пешком по дорогам Индии. Искренне Ваш, Джефф Торп, Несчастный Бродяга».

Был ли то и в самом деле дакойт, этого мы так никогда наверняка и не узнаем. Но Джефф по-прежнему клянётся, что был. Он вырос словно из-под земли, когда с шиной было покончено и мы уже успели отмахать несколько миль вверх по дороге. Ни один из нас не проронил ни слова, когда он поравнялся на своём мотоцикле с Джеффом. Был он в слаксах и рубашке; через плечо висела винтовка. Заднее колесо его мотоцикла с обеих сторон «обнимали» два огромных вьюка.

Минут пять незнакомец очень внимательно изучал Джеффа и его велосипед, а затем двинулся вперёд оценить Ларри и меня. Он рта не раскрыл, разглядывая нас, мы же, в состоянии нервозности, напрягая все силы, как можно быстрее крутили педали, продолжая одним глазом высматривать выбоины на дороге и не сводя

другого с нашего неожиданного спутника. До нас доносились голоса с полей, с дороги были видны огоньки глинобитных домиков, стоявших в отдалении. Теперь же с наступлением темноты шоссе обезлюдело. Так будет продолжаться ещё мили три-четыре, покуда мы не доберёмся до предместий Горакхпура. Сознвая угрозу расстаться с фотоаппаратами, всей наличностью, дорожными чеками и паспортами, путешествующими во вьючниках, мы чувствовали себя абсолютно беззащитными.

Именно Ларри наконец нарушил невероятно напряжённое молчание.

— Привет,— бросил он.

Незнакомец не ответил. Джефф, замыкавший цепочку, со стонами что-то бурчал себе под нос. С чего это вдруг, изумлялся он, сбрендившему янки взбрело в голову завязать разговор с вооружённым дакойтом, готовым ограбить и, возможно, перестрелять всех нас?

— Горакхпур,— объявил Ларри.

Разбойник по-прежнему хранил молчание, продолжая оценивающе оглядывать наше «движимое имущество». Больше Ларри сказать было нечего, и мы ещё немного проехали бок о бок в молчании. Из-за темноты мы не видели дальше пятнадцати футов перед собой.

— Эй!

Моё сердце ёкнуло. Этот человек окликал нас.

— Эй! — прокричал он опять.

— О, Господи,— прошептал позади меня Джефф.

Казалось, сейчас меня вывернет.

— Да? — откликнулся Ларри надтреснутым от страха голосом.

Я ещё крепче вцепилась в руль и смотрела только вперёд. Хотелось отчаянно завизжать.

— Скорость — двадцать семь.

Потребовалось какое-то время на то, чтобы вникнуть в его слова. Я-то ожидала чего-нибудь вроде: «Стоять. Выкладывайте все ваши рупии и ценности, а не то прощайтесь с жизнью».

— Мы идём на скорости двадцать семь километров в час? Спасибо, что сказали. Огромное спасибо,— пропищал Ларри.

Парень кивнул и ещё несколько минут продолжал тащиться за нами. Потом он развернулся и умчался в противоположном направлении.

Последние пять миль до Горакхпура показались адом. Дорогу перекрыл затор из автобусов и грузовиков, ожидающих, пока полиция разберётся в аварии, случившейся на повороте к городу. Пришлось весь остаток пути проделать по грязной обочине. Мы убили почти час, медленно прокладывая себе дорогу сквозь полчища рикш, мотороллеров, воловьих упряжек, велосипедистов и пеших путников, заплотнивших обочину. Пыль из-под колёс, ног и копыт вместе с выхлопами работающих вхолостую моторов забивала лёгкие и ела глаза.

Когда же мы наконец добрались до Горакхпура, сам город уже исчез в дымной пелене и пыльном сумраке. Электроэнергию уже перебросили в «глубинку», и улицы были «обозначены» лишь редким пунктиром керосиновых фонарей. Ещё минут сорок ушло на то, чтобы пробиться к центру города сквозь народ, вслепую толпами валивший по улицам, и отыскать гостиницу. Едва ли не волоком затащив велосипеды и скарб в номер на втором этаже первого попавшегося нам отеля, мы просто свалились в изнеможении. Смертельно хотелось есть, воду выпили ещё несколько часов назад, вышли все силы. Во вьючниках не осталось еды; даже купленное ещё в Афинах арахисовое масло — и то кончилось. Из-за отсутствия уличного освещения в Горакхпуре уличные киоски закрывались рано, поэтому

мы направили свои стопы в ресторан отеля поужинать при свечах, служивших единственным источником света.

Я уткнулась в тарелку с цыплёнком под «не острой» кэрри, которую поставил перед моим носом официант. Первый же глоток опалил мне зев. Горло и без того саднило от втянутой пыли, газов и безостановочного двухчасового кашля; поэтому, когда минут десять спустя официант вернулся с охлаждённым лимонадом, меня слишком мучила жажда, а в горле слишком сильно першило, чтобы обращать внимание на подтаявшие кубики льда в бокале. Ясное дело, они заморожены из сырой воды, но мне до отчаяния нужно было промочить горло и загасить «пламя». Жадно заглатывая эту «разбавленную» газировку, я старалась не слишком беспокоиться о резвящихся в ней амёбах и прочих микроскопических паразитах. Допустим, если мне и правда везёт, как шельме, может быть, я и не заболею. Завтра узнаем наверняка.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

КРЫША МИРА

Горы были крутыми и террасированными. Разорванная в клочья завеса густого тумана поднималась к небу, мягко оседая на отвесных скалах. Огромные белые птицы скользили мимо, то появляясь, то исчезая в сгустках тумана. Белые птицы вместе с красноватыми глинобитными хижинами, уютившимися в горах, разительно контрастировали с буйной тёмно-зелёной растительностью.

Это был рассвет в Гималаях. Джефф, Ларри и я лежали на деревянных койках с верёвочной сеткой в глинобитном доме, который, как все строения в крошечной деревушке Уоллинг-Стейшн, Непал, прилепился боком к скале. В нашей комнате окна не имели стёкол, и вместе с леденящей сыростью тумана сюда проникал запах цветов. Вид открывался внушительный, а деревушка выглядела мирной и тихой. Мы достигли Шангри-Ла, мне это представлялось с трудом. Внизу Мама и Папа Панди готовили рис и простоквашу для своего семейного завтрака и варили яйца для нас троих.

Когда предыдущей ночью мы приехали в Уоллинг-Стейшн, в конце своего второго дня в Непале, старший мальчик семейства Панди выбежал на улицу поприветствовать нас и предложить разместиться в их доме. Говорил он с нами на английском, который учил в школе.

Уоллинг-Стейшн состоял из десятка домов и горсточки магазинчиков, торговавших мылом, шарфами, пластиковыми браслетами, чаем, крекерами и хлебом. Дома и лавки стояли в линию стена к стене по обеим сторонам дороги. Параллельно дороге, с одной стороны

тянулась канава глубиной три и шириной два фута; местами она была заполнена человеческими экскрементами.

Дом семейства Панди был самым милым в Уоллинг-Стейшн. Его стены изнутри были выбелены, а земляные полы покрыты плетёными травяными циновками. Дом имел два этажа и соломенную крышу. Питались на первом этаже, который освещался керосиновыми лампами — за пределами немногих городов электричества в Непале не было. В комнате находились два больших стола с длинными лавками и шкаф, где держали огромные тарелки из нержавеющей стали, из которых едят все непальские крестьяне. Тарелки были одного размера и с тремя секциями: в самую большую накладывали рис, меньшие использовали для *дала* — чечевичной похлёбки, и для острой смеси из картофеля и томатов. В большинстве отдалённых деревень Непала рис и дал — это всё, что доступно местному населению.

К первому этажу примыкала крытая кухня с очагом и земляной печкой. Посуду мыли водой из металлической бочки, стоявшей снаружи в грязи, на полпути между домом и дорогой. Мыло считалось предметом роскоши, поэтому дети Панди драили посуду землёй и рисовой шелухой.

Второй этаж состоял из двух спален: в одной находилось четыре кровати, в другой — десять. Нам троим предоставили ту, что поменьше. В большой ночевали непальцы, водители грузовиков, которые останавливались в Уоллинг-Стейшн по дороге из Горакхпура в Покхару, город в сорока милях севернее Уоллинг-Стейшн. Каждый водитель платил семье обычные шесть рупий (пятьдесят центов) за койку и обед из риса и далы.

После того как мы занесли свой груз в комнату, Мама Панди предложила приготовить обед и нам. Но я хорошо усвоила урок непальской готовки, преподанный мне

двумя ночами ранее, когда мы оказались на индийско-непальской границе после пробега на север от Горакхпура. Я тогда пренебрегла советом, который давал нам почти каждый из американцев, путешествовавших по Непалу: «Готовьте сами: непальцы незнакомы с гигиеной».

От Горакхпура до границы мы двигались почти целый день, и к тому времени, когда завершились иммиграционные и таможенные формальности, слишком стемнело, чтобы проехать ещё семнадцать миль до Батвала, первого непальского города. Мы остановились в гостинице, находившейся с непальской стороны. Место было убогое, но выбора не было. За двадцать одну рупию мы попали в закопчённую комнату, где не было ничего, кроме трёх деревянных кроватей, затянутых рваной москитной сеткой. Есть нам было нечего, так как мы рассчитывали добраться до Батвала и купить еду для обеда там. Поблизости не было никаких лавок с продуктами.

— Мне нужно съесть хоть что-нибудь,— пожаловался Ларри, едва мы устроились.— Я поговорил с одним англичанином, который останавливался здесь. Он уезжал утренним автобусом в Индию. Во всяком случае, он сказал, что съел здесь ленч, и, похоже, с едой всё в порядке.

Желудок у меня был слегка расстроен — возможно, от кубиков льда, «принятых» в Горакхпуре,— но я слишком проголодалась, чтобы отказаться от еды, которую нам предложил приготовить молодой служащий гостиницы. Спустя час он появился с тарелками, наполненными горячей пищей. Яичные булочки толщиной в два дюйма были чудесны, а у лапши и овощей был необычный вкус, тибетский хлеб напоминал куски пережаренного теста. Только у Ларри хватило ума отказаться от хлеба.

В полночь меня уже тошнило и начался понос. Остаток ночи каждые полчаса я ковыляла наружу в сортир (который не был проточным, так как вода не текла, если вырубали электричество). Поспать не пришлось. И не только из-за тошноты, но и из-за мышей: они всё время забирались на москитную сетку и падали через дыры прямо на лицо, и мне приходилось вытряхивать их на пол.

К утру мне стало хуже. Пока Ларри и Джефф собирались, я каждые пятнадцать минут посещала туалет. Семья, содержащая отель, во время моего поспешного паломничества в сортир каждый раз бросала на меня тревожные взгляды. Между визитами я в изнеможении валилась на койку, ослабев от приступов рвоты. Она не прекращалась с того момента, как появилась. И пришлось извести остатки лекарства против диареи, купленного ещё в Америке. Прошло полчаса, но никакого улучшения не произошло.

Когда же я решила, что не сяду сегодня на велосипед, Ларри и Джефф огласили свой вердикт.

— Нам нужно выбираться отсюда, Барб,— сказал Ларри.— Это клоака. Джефф спросил, есть ли у них питьевая вода, и одна из женщин показала на бадью с водой, где было полно больших червей. И она использовала эту воду для мытья посуды!

— Трудно поверить,— перебил его Джефф.— Но мы стояли там и всё видели, так что факты налицо. Мы наблюдали, как семья готовит завтрак для гостей, и знаешь, как они это делают? Тесто для хлеба и овощи хранятся за ступеньками переднего крыльца, на ступеньки выбрасывается всё что попало, о них соскребают грязь и навоз. И прямо там среди отбросов они раскатывают тесто и режут овощи! А пока они этим занимаются, всё это чёртово время там резвятся мыши!

— Слушай, Барб,— продолжал Ларри.— Мы должны ехать в Батвал. Там мы сможем купить продуктов,

которые приготовим сами. И найдём такое место, где мыши не будут скакать по тебе всю ночь и ты сможешь поспать. Мы найдём чудесное, чистое и спокойное место, где ты сможешь отдохнуть, а мы — накормить тебя здоровой пищей. Ну как? Сможешь проделать семнадцать миль? Нам потребуется не больше часа, чтобы добраться туда. Говорят, на протяжении всего пути местность ровная.

Я знала, что Ларри прав: нужно уезжать. Они с Джеффом уже прикрепили мои мат и спальник к велосипеду, и всё, что оставалось, так это влезть на него и преодолеть расстояние в семнадцать миль. В моём распоряжении целый день, так что выглядело это довольно просто.

Я осуществила последнюю прогулку до туалета, потом подняла свой велосипед и стала спускаться вниз по четырём ступенькам крыльца. Тогда-то и обнаружилось, как сильно я ослабла. Спина под тяжестью велосипеда согнулась, ноги тоже, а руки стали опускаться. Грохнувшись на землю, я почувствовала, как зубья цепной передачи вонзились сзади в мою правую ногу.

Ларри стащил с меня велосипед, и все, включая непальское семейство и несколько человек гостей, устали на мою ногу. Из четырёх глубоких ран, забитых чёрной, вязкой цепной смазкой, струилась кровь. Ларри обхватил меня за талию и внёс обратно в нашу комнату.

— Здесь нечем вымыть твою ногу,— сказал он.— У нас нет кипячёной воды.

— Тогда придётся воспользоваться слюной,— заключила я.

Мы поплевали и стали оттирать. Но без мыла и горячей воды смазка не поддавалась. Я заложила в раны несколько мазков антибактериальной мази; кровь продолжала сочиться.

Ларри перенёс мой велосипед на дорогу, я взобралась на него и, вилля из стороны в сторону, поехала вниз по улице. Казалось, велосипед весит две сотни фунтов, а я слишком ослабла, чтобы объезжать выбоины и камни на дороге.

Не отъехав и получив от гостиницы, я наткнулась на камень, и передняя шина спустилась. К несчастью, это произошло прямо напротив местной начальной школы, и через несколько секунд около семидесяти чад вместе с кучей учителей высыпали из здания. Они сгрудились около наших велосипедов, пытаясь растащить наши пакеты и пожитки. Я села прямо в грязь, мои мучения удвоились, я отчаянно пыталась сохранить контроль над своими кишками, пока Ларри занимался шиной, а Джефф отгонял детей. Чтобы не чинить пробитую камеру, Ларри установил новую переднюю шину. Резина на старой сносилась, а корд истёрся. Это было четвёртое переднее колесо, которое я меняла с начала нашего путешествия; задних колёс сносилось уже семь.

— Джефф, тебе лучше двигаться дальше,— прокричал Ларри сквозь визг школьников.— Барбара слишком больна и слаба. Неизвестно, сколько времени мы пробудем в Батвале, прежде чем она достаточно окрепнет, чтобы штурмовать горы. Тебе нет смысла терять время, дожидаясь нас. Двигай вперёд. Возможно, после всего мы снова встретимся где-нибудь в Покхаре или Катманду.

— И не подумаю, дружище! — проорал в ответ Джефф.— Я друзей не бросаю. После всего, что мы прошли вместе. Вы оба за мной ухаживали, пока я болел, — покупали всякое такое, поили чаем. Нет, сэр, мы теперь приятели на всю жизнь и связаны друг с другом. Я вас не оставляю. Да и не чувствую себя достаточно приспособленным. И вполне могу отдохнуть в Батвале. К тому же мне надо поработать над своим дневником.

Батвал, как и все остальные города Непала, которые нам предстояло проехать, был значительно беднее и грязнее индийских городов. На его выщербленных улицах лежали гниющие пищевые отбросы, навоз, человеческие фекалии идохлые мыши. Ларьки с едой выглядели тёмными и грязными, посуду там отчищали землёй и ополаскивали в отвратительно вонявшей воде. Сидя у дверей, женщины и дети занимались поисками вшей в головах друг у друга.

Мы нашли в Батвале небольшой отель с тихими комнатами и общей спальней. Принятые пилюли наконец-то начали действовать, днём я дремала, ела фрукты и крекеры. Утром слабость ещё сохранялась, но спазмы и диарея утихли, и я была готова заняться Гималаями.

В противоположность толкам, которые мы слышали ещё до нашего путешествия, дорога через Непал, проходящая на север от индийской границы до Покхары, а потом — на восток до Катманду и Китая (прежнего Тибета), оказалась вымощенной. Часть дороги между индийской границей и Покхарой, построенная индийцами, усеяна выбоинами, камнями и оползнями. Но участок от Покхары до Китая, проложенный китайцами, за исключением перевала, который как раз перед Катманду был закрыт из-за смены покрытия, был ровным.

В день отъезда из Батвала я чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы замечать новизну окружающей обстановки и необычность народа. На протяжении трёх миль от Батвала местность была равнинной, потом пошли горы, тянувшиеся вверх в пыльной мгле долин. Поначалу мы думали, что это облака. Они не были покрыты снегом, высочайшие пики мы заметим позднее. А это были только предгорья. Но после равнин Индии и Египта они казались огромными. Оказавшись в горах, мы разменяли пятьдесят пять миль

по отвесным скалам и совершенно измучились, прежде чем добрались до Уоллинг-Стейшн.

Нас поражало, как по-тропически выглядели горы. Вдоль скал тянулись банановые деревья, папоротники, цветы, водопады, ручьи и посевы риса. Рисовые террасы были даже на самых крутых горах. К этому времени — а стоял поздний ноябрь — уборка риса закончилась и крестьяне вспахивали почву примитивными деревянными плугами на буйволах. Казалось невозможным поверить в то, что эти толстые неуклюжие животные могут преодолевать почти вертикальные подъёмы от одной террасы к другой.

В горах между Батвалом и Уоллинг-Стейшн людей много, но больших городов, запруженных населением, там не было. Мы наконец избавились от толп, характерных для Индии. Деревни были крошечными — всего из восьми или десяти глинобитных домов. Местное население обладало монголоидными чертами: раскосые глаза, приземистая фигура, чёрные волосы и оливкового цвета кожа. Непальские женщины носили сари или длинные юбки с короткими блузками или свитерами, опоясанные шарфами. Они очень сильно отличались от всех женщин, встреченных нами за очень продолжительный отрезок времени. Они курили сигареты и глушили чанг, тибетское пиво, пронзительно кричали и свистели, когда мы проезжали мимо. Эти женщины были настоящими хулиганствующими кухарками, и, не видя много месяцев ничего, кроме молчаливых и раболепных особей женского пола, я подолгу их разглядывала и прислушивалась к их разговорам. Невозможно было припомнить, когда в последний раз я слышала, чтобы женщины хохотали так свободно, как они.

Большинство непальских мужчин носили шорты из хаки, ноги у них были деформированы узловатыми мышцами, развившимися от постоянного лазанья по

горам. Долины и горные склоны были усеяны мужчинами, женщинами и детьми, тащившими огромные корзины с вязанками тростника и пшеницы. Корзины переносились на спине, где удерживались с помощью налобной повязки. Несмотря на отсутствие обуви, передвигались носильщики по каменистым тропам очень быстро. Время от времени они останавливались и массировали лоб и шею.

Проехав часть пути от Батвала до Уоллинг-Стейшн, мы остановились для ленча на вершине длинного перевала у поворота к деревне Тенсен. Конечности болели. Нам с Ларри не приходилось эксплуатировать свои горнолазательные мышцы с Италии, и они бурно протестовали на протяжении всего пути вверх. На замызганных стоянках, где обслуживали водителей грузовиков, нам удалось раздобыть крекеры, мандарины, крутые яйца и хлеб.

Никто на нас не пялился. Люди на стоянках смотрели на нас без особого интереса, женщины и дети продолжали заниматься поисками вшей друг у друга. Было замечательно не находиться в центре внимания. Пока рядом с ларьком мы ели свой ленч, проходившие мимо непальцы останавливались только затем, чтобы улыбнуться нам и сказать привет — *намасте* — и вновь заняться своим делом.

После ленча мы проехали совсем немного — преодолели длинный подъём и начали спускаться, когда Джефф затормозил, съехал на обочину и уставился, задрав голову, на какое-то пятно в небе.

— Что случилось? — спросил Ларри.

— Эти облака. Эти белые облака. По-моему, там не только тучи. Посмотрите туда. Вверх на облака. Что скажете? — Голос Джеффа дрожал от волнения.

Мы с Ларри старательно рассматривали облачное небо; два облака действительно оказались заснеженными пиками.

— Господи Боже, ты прав! — заорал Ларри.— Они и вправду там. Чёрт, мы видим перед собой Гималаи! Мы это сделали! Я не могу поверить, братцы! Наконец мы здесь!

Захватывающее зрелище словно повисших в воздухе вершин приковало нас всех троих к месту. Казалось, они высоки, как звёзды. Через несколько секунд горы скрылись за новой вереницей облаков. Джефф немедленно приступил к празднованию. Он сгрёб меня и Ларри и начал трясти, скакал во всех направлениях, потом обнял ничего не подозревающего непальского мальчугана, проходившего мимо. Перепуганный юнец, едва Джефф его отпустил, отчаянно вопя, умчался по каменистой тропе, тянувшейся вдоль утёса. У меня же, совершенно потрясённой тем, что я в конце концов увидела Гималаи, снова началась диарея. Пришлось срочно ретироваться в группу банановых деревьев, которую мы только что проехали.

Стемнело за час до нашего прибытия в Уоллинг-Стейшн. Батарейки велосипедных фар сели много недель назад, так что оставшиеся десять миль пришлось проделать почти вслепую. Невозможно было разглядеть ни выбоин, ни валунов, ни оползней — время было позднее; но это не самое страшное. Больше всего пугала перспектива съехать влево от дороги. Обочины с той стороны не было, имелся лишь отвесный обрыв глубиной в несколько сот футов со скалами и долиной внизу. На наше счастье, движение на дороге почти отсутствовало. Мы двигались в темноте в сторону Уоллинг-Стейшн, и нам светили лишь звёзды да собственное воодушевление.

Семейство Панди состояло из восьми человек. Старший сын провёл нас в дом и представил своей Ма. Сразу стало ясно, что Ма — главный командир. Она отдавала распоряжения, и все, включая Па, ей подчинялись. Именно Ма нас усадила и расспросила что

и как. На английском она могла произнести только несколько слов и основывалась преимущественно на том, что переводил ей сын. Ма хотела знать, откуда мы, куда направляемся, на что похожи наши страны, как нам понравился Непал и как долго мы пробудем в Уоллинг-Стейшн.

— Мама хочет, чтобы вы остались в Уоллинг-Стейшн, — объяснил её сын. — Здесь хорошо. Катманду большой, много людей. Вам не понравится Катманду. Возвращайтесь, оставайтесь здесь. Живите в нашем доме.

Ма носила множество шарфов и ювелирных украшений, и, как у индийских женщин, одна ноздря у неё была перфорирована, и туда был вставлен круглый золотой штифт. Из отверстий, сделанных в верхней части ушного хряща, свисал изящный ряд серёг. Под их тяжестью хрящ опускался, закрывая ушные отверстия.

Во время разговора Ма курила сигарету за сигаретой. Когда мы объяснили, что хотим приготовить себе обед сами, поскольку не привыкли к непальской кухне и из-за моего плохого самочувствия, вызванного едой на границе, она не обиделась. Напротив, она велела Па выделить нам на обед достаточно риса, помидоров, лука и лока. Последний внешне и на вкус напоминает нечто среднее между цуккини и баклажаном. Мы предложили заплатить за еду шесть рупий; Па выдал продуктов в два раза больше, чем нам было нужно. А потом Ма добавила ещё бутылку с чангом.

Пока мы ели, к Ма зашли две приятельницы посмотреть на нас. Они сели на пол на циновки, курили, болтали и пили чанг. За другим столом Па играл в карты с водителями грузовиков, а старшие дети занимались уроками.

После обеда, когда я спросила, где находится туалет, Ма вывела меня из дома и показала куда-то вверх по улице. Было слишком темно, чтобы разобрать,

куда именно она указывала. Но на краю городка я обнаружила трёх мужчин, сидевших на корточках у дороги. Каждый из них держал в руке булыжник, который использовался в качестве туалетной бумаги. Я вернулась в дом, вытащила своё полотенце и снова отправилась туда, где видела трёх «орлов».

На обратном пути мимо меня проехала машина, и какое-то время я с трудом соображала, где нахожусь. От солидного ряда её ярких огней казалось, что по дороге несётся, подпрыгивая на ухабах, комета. Это был тридцатифутовый прогулочный пикап с номерными знаками Германии. Основное средство передвижения современного мужчины докатилось и до Гималаев!

На следующее утро представшая перед нами картина восходящего солнца вызвала невольное желание остаться в Уоллинг-Стейшн навсегда. Но после полудня стремление снова своими глазами увидеть высочайшие вершины мира взяло верх.

После завтрака мы с Мамой Панди крепко обнялись на прощанье.

— Ты понравилась ей,— сказал её старший сын.— Она хочет, чтобы ты вернулась и осталась с нами.

— Возможно, когда-нибудь вернусь,— ответила я.— Как знать.

Отъезжая от Уоллинг-Стейшн, я смотрела, обернувшись, на семейство Панди. Па стоял у огня и снова готовил простоквашу, младшие дети мыли посуду, а Ма сидела, перебирая рис. Она, как обычно, шутила над чем-то, и её пронзительный смех следовал за мной вниз по дороге.

Тридцать две мили вниз между Уоллинг-Стейшн и Покхарой вились среди глубоких тропических речных долин, взлетая более десятка раз на мучительные для коленок перевалы, усеянные грязевыми оползнями. Женщины, освободившись от корсажа, принимали свои утренние ванны в ручьях и водопадах. Люди, тащившие

на спинах корзины, спешили по тропам, а крестьяне вспахивали свои участки и пасли буйволов на террасах.

В середине дня мы достигли вершины последнего перевала и начали спускаться в долину Покхара. Шёл мелкий дождь, и низкие серые тучи полностью скрыли долину и Гималаи.

Покхара был расползшимся во все стороны городом с более чем десятитысячным населением. На его грязных улицах толпились непальцы, шерпы, тибетцы и индийцы. На краю города рядом с озером Фью находилось большое скопление дешёвых гостиниц, где останавливались иностранные туристы, альпинисты и наркоманы. Ларри выбрал самую симпатичную из них и зашёл спросить комнату.

— Шестьдесят рупий за нас троих. Это пять баксов. Я сказал им, что мы согласны,— сообщил он, вернувшись.

— Шестьдесят рупий! Ты свихнулся? Здесь же это целое состояние! — дружно возмутились мы с Джеффом.

— Конечно, для Непала это многовато, но прежде, чем вы решите отказаться и отправитесь на поиски варианта подешевле, зайдите для начала и осмотритесь, — настаивал Ларри.

Когда владелец отеля провёл нас с Джеффом в одну из комнат, мы не могли поверить в реальность того, что видим. Мне хорошо запомнилась каждая деталь этой комнаты: ковёр от стены до стены, три кровати с матрасами, чистыми покрывалами и одеялами, в номере была отдельная ванная комната с душем и унитазом. И всё это, удивлялась я, всего лишь за доллар и шестьдесят семь центов с человека. Мы немедленно въехали и остановились там на полторы недели.

В своё первое утро в Покхаре мы с Ларри встали до восхода солнца. Натянули на себя что-то из тёплой одежды и поехали назад к перевалу, пройденному в предыдущий день, чтобы поближе взглянуть на

вершины. Едва мы начали подниматься, как с первым проблеском рассвета стал заметен лёгкий туманный покров, стлавшийся на дне долины, и несколько рассеянных плывших по небу облаков. В глинобитных домах, разбросанных по долине Покхара, шло приготовление завтрака, и в белом тумане поднимался бурый дым очагов.

Со смотровой площадки ничего не было видно, пока мы не сообразили посмотреть на север, выше скал, окружавших долину. Впервые мы долго и напряжённо разглядывали высочайшие горы на земле, крышу мира. С нашей зелёной горы, среди травы и банановых деревьев, могло показаться, что вершины Аннапурна и Мачхапушра, 26 500 и 22 950 футов высотой, находятся не далее чем в десяти милях. Их белые пики возвышались над тёмно-зелёными горными цепями, окружавшими долину Покхара, и пронзали ослепительную синеву небес. Ветер уносил с гималайских вершин волны снега и бросал ввысь, закручивая в спирали.

Два часа, пока появившиеся облака не скрыли вершины, мы, обнявшись, сидели в оцепенении на каменной скамье и смотрели на горы, ради которых проехали почти восемнадцать тысяч миль. Они были огромны, величественны и совершенно потрясали. Ещё долго после того, как они исчезли, мы размышляли в тишине о том, как далеко оказались и через что прошли, чтобы попасть сюда. Потом взобрались на свои велосипеды и поехали под уклон с горы.

Полторы недели, проведённые в Покхаре, мы с Ларри бродили, отдыхали, читали, писали письма, а если утро было ясным, ездили на смотровую площадку на перевал. Джефф, вновь мучившийся от диареи и колик, два дня лежал плашмя и постился. На третий день он рискнул отправиться в крошечный гостиничный ресторанчик и вернулся с замечательным сообщением:

— Знаете что! Я выяснил, в чём моя проблема. Заразился солитёром,— сообщил он безо всяких эмоций.

— И как же ты это обнаружил? — задала я вопрос.

— Просто поговорил с американкой в ресторане, и она сказала, что знавала одного путешествовавшего по Пакистану парня, у которого были аналогичные симптомы, включая потерю веса. Так оказалось, что у него солитёр. Вот я и решил больше не поститься, потому что если не ем, то Джингусу ничего не достаётся, и тогда он начинает пережёвывать мои кишки, отчего мне делается ещё хуже.

— Джингусу? — спросила я.

— Верно. Я решил, что его нужно как-то обозвать, и дал ему имя Джингус, которое пришло мне в голову. Джефф и Джингус. Неплохо, а? Я прикинул: мы с ним совместно путешествуем, должно быть, с Пакистана; а может, я заполучил его в Иране. Кто знает? Как бы там ни было, с утра начинаю курс лечения. Женщина сказала, что здесь можно купить в аптеках всё что угодно. Рецепт не нужен. Просто заходишь и сообщаем им, что требуется,— никаких вопросов не зададут. Поэтому утром я приобрёл себе пилули для избавления от старого доброго Джингуса.

Джефф безрезультатно принимал своё «глистогонное» на протяжении нескольких дней. Колики продолжались. И несмотря на основательное трёхразовое питание, он продолжал терять в весе.

— Этот проклятый Джингус,— вздыхал он,— терзает мою пищеварительную систему по любому поводу. Что ни проглочу, он всё сжирает.

В конце концов Джефф решился посетить местную клинику, пока не станет ещё хуже. Там у него определили банальную дизентерию, снабдили банкой таблеток тетрациклина и велели принимать по одной-две ежедневно. Спустя пару дней от тетрациклина у него началось улучшение. К 4 декабря он чувствовал

себя достаточно окрепшим, чтобы ехать дальше, и мы договорились отправиться на следующий день в Катманду, который был в ста двадцати пяти милях на восток. Но утром желудочные колики и понос начались у Ларри, так что пришлось остаться ещё на день. И уехали мы в итоге шестого.

В первый день, покинув Покхару, мы проехали пятьдесят шесть миль до местечка Маглинг. В шести милях от Покхары цементный мост через реку отсутствовал. Пришлось взвалить велосипеды вместе со всем грузом себе на плечи и протащить пятьдесят ярдов по воде, доходившей нам до колен. По обоим берегам тянулись фикусы со стаями гигантских чёрных летучих мышей, которые свисали с веток головой вниз.

Небо было совершенно ясным, и с вершины каждого подъёма по дороге к Маглингу перед нами открывалось потрясающее зрелище гималайских пиков. Дорога всё время шла вдоль речного русла. Временами река текла узкими глубокими ущельями и словно лента струилась водопадами по каменистым утёсам; иногда она растекалась по тихим отлогим долинам с рисовыми чеками и плантациями сахарного тростника. Когда русло стеснялось, дорога прижималась к скалам с одной стороны реки, а деревушки лепились на противоположной стороне. Подвесные мосты из деревянных планок и канатов, натянутые над рекой на высоте трёхсот футов, соединяли деревни с дорогой. У многих мостов канаты были оборваны, и секции пешеходного настила опасно свисали под углом в сорок пять градусов.

Неподалёку от Маглинга нам повстречалась свадебная процессия, неторопливо двигавшаяся по середине дороги. Множество музыкантов играли на барабанах, цимбалах, тамбуринах, впереди шествовали духовые инструменты, а следом за ними шёл жених с членами семьи и гостями. В конце процессии четверо

мужчин несли на плечах громадную корзину с невестой; её лицо было спрятано за вельветовым жакетом. Когда музыканты заметили наше приближение, то заиграли снова, а остальные осыпали нас цветами.

Маглинг, надо сказать, представлял собой не более чем небольшой ряд из двухэтажных деревянных домов, большая часть которых служила ресторанчиками и гостиницами для водителей грузовиков. На первом этаже каждого дома находилась столовая, на втором располагались спальные помещения. Если прибывшие водители занимали все койки на втором этаже, то семья владельца дома спала внизу, на полу в столовой.

Мы выбрали отель с наименее щелястыми стенами, и каждому из нас предоставили кровать на втором этаже — в одной большой комнате, заставленной длинным рядом деревянных кроватей без матрасов. Освободившись от трёх рупий, это цена риса и дала — овощных и фруктовых лавок в Маглинге не было, — мы присоединились к непальским и индийским шофёрам наверху.

Уснуть здесь было трудно. Шофёры не прекращали болтать почти всю ночь, а в четыре утра поднялись снова. Внизу на полную мощь орал приёмник на батарейках, а дым от дровяной плиты, просачиваясь через щели в досках деревянного пола, лез в нос и глаза. Всю ночь собака хозяев прыгала туда-сюда по нашим койкам и лаяла.

К утру Ларри почувствовал себя так плохо, как никогда за всё время путешествия, но хотел двигаться дальше. Дорога от Маглинга к подножию перевала на Катманду изобиловала короткими крутыми подъёмами, от которых переворачивало его изболевшиеся внутренности. Нам с Джеффом приходилось каждый раз останавливаться и поджидать, пока он доползёт наверх.

В первой половине дня мы проехали множество деревень и один городок, но нигде не оказалось

излишков для продажи. Даже в городе удалось достать только крутое яйцо и банан. Поэтому пришлось вынуть наш мешок с рисом и остатки хлопьев, которые мы купили в Покхаре. Когда я бросила рис в котелок с кипящей водой, на поверхность всплыло несколько десятков мелких насекомых. Полюбовавшись недолгое время на их сварившиеся тела, мы заглянули в мешок с рисом. Там кишмя кишели жуки.

— Я съем это в любом случае,— объявил Джефф после продолжительной паузы, возникшей при нашем открытии.— Если мы это выкинем, то, кроме нескольких горсточек хлопьев, есть будет нечего, а я лично не столь силен, чтобы на пустой желудок ехать на велосипеде по горам.

Джефф сварил рис с жуками, и мы съели это варево, игнорируя характерную коричневую пятнистость. К счастью, желудок Ларри оказался устойчив в отношении варёных насекомых. Во второй половине дня дорога пошла через протяжённую долину с плантациями сахарного тростника, и мы слегка закусили тростником, который нам предложили крестьяне.

К концу дня Ларри с большим трудом мог держаться рядом с нами. Каждые пятнадцать минут он тормозил, спрыгивал с велосипеда и бежал в кусты. Опередив его всего на две с половиной мили, мы с Джеффом всё время останавливались и ждали, пока он нас нагонит. Мы смотрели, как медленно, буквально сражаясь с педалями, он проходит поворот и приближается к нам. Мне было больно видеть, как измучен Ларри, у которого, казалось, на протяжении всего пути был неисчерпаемый запас энергии, с каким большим трудом он держится, едва справляясь с велосипедом на ровной местности. Когда он подъехал, то свалился на землю и скорчился на траве.

— Мне нужно несколько минут передышки,— сказал он тихим усталым голосом.

— Не торопись, отдыхай, сколько хочешь. До перекрёстка осталось чуть больше четырёх километров, нам всем за день этого достаточно,— сказала я.

— Слушайте, ребята, не надо оставаться здесь и ждать меня. Не знаю, сколько времени пройдёт, пока я снова смогу влезть на велосипед и ехать дальше; двигайтесь вперёд. Вам лучше поискать, где можно достать еды и остановиться на ночь. А к тому времени, как вы всё это сделаете, я подъеду.

— Ты уверен, что с тобой будет всё в порядке? — спросила я.

— Да, со мной всё будет нормально. Только передохну. А сейчас я чувствую сильную слабость и тошноту. Каждый раз, когда еду вверх, такое ощущение, словно мой желудок завязывают узлом.

— Хорошо, дальше дорога должна быть пологая. Отдыхай столько, сколько нужно, а мы всё подготовим и будем ждать тебя впереди.

Мы проехали по ровной местности не больше километра, а потом дорога пошла круто вверх. Пока мы с Джеффом выжимали педали вверх по склону, нас не оставляла мысль, что будет с Ларри, когда он столкнётся с подъёмом. Мы оба совершенно обессилели к тому времени, как добрались до перекрёстка с дорогой, идущей с востока Индии.

На перекрёстке обе дороги сливались в одну, которая вела вверх через перевал в Катманду. Скопление ветхих, лепившихся друг к другу односторонних построек представляло печальное зрелище. Здесь имелись три гостиницы. Две были деревянными развалюхами, а третья — двухэтажным глинобитным строением с пятью крошечными комнатами без кроватей на верхнем этаже. Управляющий глинобитной гостиницы обременил себя тремя рваными одеялами, которые бросил на пол в одной из комнат, и жестами пригласил войти. Нашу комнату от соседней

отделяло четыре доски от пола до потолка, между которыми были огромные щели.

Через дорогу, там, где стояли навесы, мне удалось пополнить список продуктов, не считая риса и компонентов дала, на четыре пункта: лимонад, крутые яйца, хлеб и мандарины. Купленного хватило бы не только на сегодняшний обед, но и на завтрак с ленчем. Мы рассчитывали попасть в Катманду на следующий день в полдень.

В окружении огромных корзин с навозом мы с Джеффом сидели рядом с гостиницей за столом и закусывали, высматривая-поджидая, когда появится Ларри. Оттуда просматривался один километр дороги. К десяти почти стемнело, а Ларри не появился. Когда мы уже решили отправляться за ним, на дороге обозначился его силуэт. Двигался он с трудом, вихляя из стороны в сторону, и я кинулась на окраину посёлка, чтобы встретить.

Я провела его наверх в нашу комнату, и мы сели вместе на одеяла. Стараясь смотреть не слишком пристально, я видела его дрожащие руки, неловко обращавшиеся с едой и лимонадом, которые перед ним стояли. Всё лицо было равномерно серым. Кожа на ощупь оставалась прохладной, но лоб покрыла испарина, а руки были влажными. Только теперь я заметила, как сильно он исхудал. Он терял вес постепенно, начиная с Нью-Дели; но, похудев за последние три дня ещё на семь фунтов, превратился в скелет. Когда он начал говорить, голос у него то и дело пропадал, как будто ему не хватало дыхания.

— После того как вы с Джеффом уехали, я проспал на траве рядом с велосипедом, ох, не помню точно, минут пятнадцать — двадцать, наверное, прежде чем сел на велосипед снова. Сначала со мной всё было о'кей, а потом я столкнулся с этим жутким склоном. Почти сразу, как я стал подниматься, мой желудок скрутило, а

голова закружилась и начало тошнить. Понятия не имею, сколько я проехал в таком состоянии. Думаю, с километр или около того. Во всяком случае, следующее, что я могу вспомнить с того момента, как почувствовал себя совершенно больным, так это свой подъём из придорожной канавы.

Открыл глаза, рядом мужчина, который меня трясёт, чтобы привести в сознание. Он выглядел по-настоящему перепуганным. Рядом с ним был маленький мальчик, и когда малыш заметил, что я пришёл в себя, закричал: «Хелло! Хелло! Хелло!» Это заставило меня надолго призадуматься над тем, где, чёрт возьми, я оказался. От слабости я с трудом мог сесть. И знаешь, хотя я окоченел, но почувствовал, что взмок как никогда. Мальчишка продолжал кричать «хелло», мужчина всё так же меня тряс, и наконец до меня дошло: я потерял сознание, когда ехал, и свалился в канаву! Ты можешь поверить? Я действительно отрубился! Думаю, я был сегодня гораздо слабее, чем представлял. К тому времени, как очнулся, сильно стемнело, значит, без сознания я пробыл довольно долго. Хорошо, что этот мужчина шёл мимо!

Они помогли мне подняться и жестами показали, что до перекрёстка впереди недалеко. Но скажу тебе одну вещь: я чертовски боялся снова потерять сознание, прежде чем доберусь сюда. Я нажал на педали, всё тело окоченело и дрожало, а слаб я был, как никогда. Невероятно, но я здесь. Всю дорогу я громко пел в надежде, что это поможет мне не потерять сознание, и старался сосредоточиться на том, что осталось проехать один-два километра. Вот кошмар! Хвала Господу и перевалу с мандаринами! Мне казалось, что никогда не доеду!

Ларри попытался поесть ещё немного, потом надел наушники, чтобы не слышать тяжёлого туберкулёзного кашля Дедушки из соседней комнаты, и уснул на десять

часов. Утром руки у него уже не дрожали, но лицо оставалось по-прежнему серым, а на теле появился целый букет зудевших красных пятнышек. У меня они тоже были — от постельных клопов. Их было полно в одеялах, и всю ночь они пировали на наших тёплых невинных телах.

Утром кашель у Дедушки усилился. Пока его семья, Джефф, Ларри и я завтракали за столом на улице, он спустился вниз, завернувшись в одеяло, и вышел в огород для очистки кишечника. Поскольку большинство овощей в Непале удобряются человеческими фекалиями, мы с Ларри убедились, что надо подвергать горячей обработке все купленные овощи и держаться подальше от лука-латука.

После завтрака мы втроём отправились по дороге вверх через перевал — узкой тропе из почвы и грунта, которая с одной стороны обрывалась на глубину в несколько футов. В отдельных местах дорога была перекрыта строительными рабочими: взрослые мужчины и мальчишки убрали камни по одному, вручную, и складывали их в соломенные корзины, стоявшие у края дороги. Из-за дорожного полотна и крутизны подъёма приходилось двигаться медленно и занудно, и, чтобы проехать шесть миль до вершины перевала, нам потребовалось почти два часа. Первые две мили мы боролись с «американскими горками» из глины и камней.

Где-то посередине мы наткнулись на молодого голландца, остановившегося на краю дороги. Он тщательно обследовал свой тяжёлый, однокоростной «хироу», индийского изготовления, который приобрёл в Катманду и на котором надеялся проделать весь путь до Шри-Ланки. К багажнику была прикреплена большая жестяная коробка с его пожитками, а на руле болтались три алюминиевые фляжки.

— Проблемы с машиной? — спросил его Джефф.

— Какие-то неполадки с управлением,— ответил парень. Как большинство голландских туристов, он бегло говорил по-английски.— Чертовски трудно на поворотах.

Ларри спустился с велосипеда, осмотрел и покрутил его передние вилки.

— Дьявол! Похоже, здесь нет ни одного подшипника,— воскликнул он.

Голландец пожал плечами.

— Я тоже так думаю,— сказал он.— Но продавший его мне непалец утверждал, что проверял и нашёл их в отличном состоянии. Но сказать по правде, ехать дальше с такими поворотами — полное самоубийство. Каждый раз, когда наезжаю на ухабы — а их полно на этой дороге,— велосипед меняет направление, тормоза заклинивает, а переднее колесо без конца виляет. Мне страшно спускаться с этой горы. Не помню уж сколько раз я едва не перелетал через край. Но, чёрт побери, если ты переедешь бордюр здесь, в этих горах, то хана, сайонара и так далее!

— Слушай, мне ужасно жаль, но мы не сможем помочь тебе с управлением,— извинился Ларри.

— Да ладно, всё о'кей. Чёрт возьми, понятия не имею, почему я решился купить этот гроб, хотя всё время чувствовал, что с ним что-то не так. Надеюсь, что если доберусь до Индии, то обойдётся. Внизу должна быть равнина, и говорят, там много дорог с покрытием. Во всяком случае, питаю надежду, что в какой-нибудь индийской мастерской найдутся подшипники для фиксации вилок. Мне просто необходимо любым способом отсюда выбраться!

Ему тоже пришлось вблизи столкнуться с мёртвым телом, когда он достиг моста в нижней части «американских горок». В начале подъёма на перевал, когда Джефф, Ларри и я подъезжали к мосту, движение застопорилось на протяжении полукилометра. Мы

пробрались между грузовиками и автобусами в начало колонны и увидели, как пустой автобус медленно движется по мосту. Все пассажиры вышли оттуда до начала переезда и ждали у края моста. У всех на лицах было написано сильное волнение. Группа мужчин направляла автобус, так чтобы левая сторона моста оставалась свободной.

— Левая часть моста, должно быть, обрушилась,— предположил Джефф, осмотревшись.

Сказать точно, что произошло, было трудно, так как из-за стоявшей перед нами толпы левой стороны моста видно не было.

Когда автобус наконец перебрался через мост, регулировщики показали пассажирам, чтобы те переходили, и мы втроём тронулись за ними следом. Я ехала первой. Двигаясь по мосту, я взглянула на то пятно, которое автобус так старательно объезжал, думая, что увижу, насколько повреждён мост. Голова человека лежала в луже его собственной крови. Крови было много, и я поняла, что человек мёртв. Слишком потрясённая, чтобы проехать мимо, я остановилась. Хаотически проносились мысли. Почему никто не убрал тело с моста? Как он погиб? Может, ехал на крыше автобуса и забыл пригнуться, когда автобус въехал на мост, и одна из поддерживающих перекладин разбила ему голову. Но почему его не отправили в госпиталь в Катманду?

Ларри заорал, чтобы я двигалась дальше, и, стараясь не смотреть на тело, я проехала мимо. Только через два дня мы узнали, почему никто не сдвинул тело мужчины. Объяснил нам это непальский бизнесмен, с которым мы встретились в кафе в Катманду.

— Они не хотели подвергать душу мужчины осквернению. Мы верим: если кто-нибудь после твоей смерти, кроме врача или членов семьи, притронется к телу, то душа осквернится,— сказал он.— Поэтому люди

так старались его не касаться. В прошлом существовал также обычай, согласно которому индийские женщины в Непале совершали обряд самосожжения. Когда умирал муж, жена должна была подвергнуть себя кремации вместе с ним и тем самым выразить ему свою преданность.

К тому времени, как мы втроём достигли высшей точки перевала в Катманду, Ларри выглядел таким бледным, словно мог в любой момент упасть. Джефф же, напротив, разве что не летал.

— Честное слово, не припомню, когда ещё я чувствовал себя так чертовски хорошо! — кричал он.— Этот тетрациклин — чудодейственное лекарство, точно. Да-с, сэр, я чувствую себя совершенно прекрасно! Мы здесь и взобрались на перевал. Мы видели грандиозное зрелище Гималаев — все эти заснеженные пики, взметнувшиеся над горными цепями. На почте в Катманду меня дожидается груда писем; а лучше всего то, что, хвала тетрациклину, теперь мне можно с нетерпением дожидаться встречи со всеми этими морковными кексами, энхиладас и филе-миньон!

— Филе-миньон? О чём это ты, чёрт подери, говоришь? — хотелось знать Ларри.

— Я имею в виду пирожные и энхиладас. Очнись, ты забыл, куда попал? Это Непал. Вспомнил? Непал, рис и дал. Если ты воображаешь, что найдёшь всю эту чепуху непонятно где, значит, у тебя начались галлюцинации.

— Скажи, Джефф, откуда ты вообще знаешь, как выглядят энхиладас? — спросила я.— У вас же в Новой Зеландии их нет, не так ли?

— Это верно, никогда не видел. Понятия не имею, как они выглядят. Но, как только окажемся в Катманду, непременно попробую. Там полно всякой всячины вроде пирогов, кексов и пиццы!

— Да? Ладно, если я больной, то ты просто свихнувшийся новозеландец,— проворчал Ларри во

время очередного визита в кусты.— Кексы и мясо!! Парень впал в детство!

— Ну хорошо, раз вы оба думаете, что я чокнулся, посмотрите сюда.

Джефф порылся в своей рулевой сумке и достал тонкий, в бумажной обложке, туристический проспект по Непалу. Он полистал его, пока не нашёл, что хотел, и протянул книжку мне.

— Читай,— сказал он.

Я прочла, и бросившиеся в глаза слова немедленно вызвали у меня выделение желудочного сока: вегетарианская пицца с цветной капустой, горохом, помидорами, луком и сыром; хрустящий яблочный пирог; ореховые кексы; мясо под грибным соусом; рагу из мяса с овощами; шоколадный пудинг и действительно морковный кекс, энхиладас и филе-миньон.

Согласно путеводителю, Катманду, столица одной из беднейших и отсталых стран мира, где большая часть населения существовала почти исключительно за счёт риса и дала, обладал одной из богатейших коллекций кондитерских и ресторанов. В брошюре перечислялись индийский, тибетский, китайский, американский, мексиканский, итальянский и французский рестораны. Там были «К.С. Мистик-бар», ресторан «Домашняя кухня» и магазин «Сладкий пирог».

— Здесь говорится, что многие рестораны и кондитерские возникли, когда в Непале остались, отслужив, некоторые волонтеры Американского Корпуса Мира,— разъяснил Джефф.— У всех иностранцев, побывавших в Катманду, пользуются популярностью дешёвые ганджа и грибы. Иностранные путешественники и альпинисты, прилетающие в Катманду, останавливаются на время в городе для организации подъёма в горы, так что здесь большой спрос на привычную родную пищу. Надо думать, после нескольких недель путешествия на рисе и дале любой

готов прикончить прорву пирогов, кексов, бифштексов, пиццы и всего остального. В книжке сказано, что самые дешёвые кондитерские магазины находятся там на Пиг-аллее и около Фрик-стрит. На Фрик-стрит ганджа вывешивают из окон. Множество дешёвых мест, где можно остановиться, и забегаловок.

Первое, что мы сделали, прикатив в Катманду 7 декабря,— отправились прямиком на почту. Непал был главной базой для почтовой корреспонденции Джеффа, который не получал писем из дома с тех пор, как отбыл из Европы, и он ушёл с толстой пачкой. Мы с Ларри никого не просили писать в Катманду; писем можно было не ждать вплоть до Новой Зеландии.

Увидев груду писем, полученных Джеффом, мы осознали, что проведём рождественские праздники в Непале и Таиланде в одиночестве, в окружении сдержанных индуистов и буддистов, вдали от традиционных семейных встреч, без единого слова от родных и друзей, и почувствовали застарелую тоску по дому. Стоя рядом с почтой в Катманду, мы оба ощутили страстное желание вернуться домой, в особенности Ларри.

Едва мы вышли из здания, я бросилась обратно и спросила клерка на всякий случай, нет ли почты для Ларри и меня. Невысокий смуглый непалец, одетый в широкие брюки, пуловер и цветастую кепку, которые носят многие непальские правительственные служащие, порылся на стеллаже в ячейке на «С», улыбнулся и протянул мне письмо. Оно пришло от Кристины. В Лондоне, когда мы виделись с ней последний раз, она с волнением говорила о прекращении велопробега и возвращении к комфортной жизни в Америке.

«Наверное, уже наступит Рождество, когда моё письмо дойдёт (и если вообще дойдёт) до тебя,— писала она.— И я знаю, ты затоскуешь по дому, поэтому, думаю, важно, чтобы ты знала: я переменила решение насчёт

возвращения домой. Ты должна знать: я собираюсь продолжить. Похоже, все здесь озабочены только приобретением вещей — домов, машин, телевизоров, стереосистем. Каждый говорит о своей работе, о том, сколько зарабатывает и что потом купит, и т.д. Но что меня по-настоящему бесит, так это когда они начинают выражать недовольство по поводу таких вещей, как цена на бензин; а ещё — КАЖДЫЙ ЕЗДИТ НА МАШИНЕ ВЕЗДЕ. Никому не приходит в голову сесть на велосипед и сэкономить бензин, даже если надо проехать всего квартал. После поездки по Алжиру, насмотревшись на бедность большей части тамошнего населения, мне трудно испытывать особую симпатию к людям здесь, когда они жалуются на то, что не могут сэкономить достаточно денег для покупки супершикарного цветного телевизора или микроволновки, которую видели в витрине магазина с месяц назад.

Так вот, заявляю следующее: я не заметила, как проста жизнь в дороге, и завидую вам обоим. Не могу поверить, что упустила возможность проехать через Гималаи только оттого, что устала от жары и грязи. Многие из нас, американцев, по-настоящему испорчены, правда? Продолжайте. Поверьте мне, вы будете счастливы, сделав это!»

От письма Кристины стало полегче, и наша решимость устояла. Я сложила письмо в рулевой ранец, и с почты мы втроём поехали в отель, который нам рекомендовали в Покхаре, отель «Шакти». Свободным там оказался только один номер на двоих, за тридцать две рупии; мы с Ларри его заняли, а Джефф нашёл себе комнату в отеле вверх по улице.

— Держу пари, небось рады от меня избавиться и побыть хоть на время наедине,— ухмыльнулся Джефф.— Следующие два часа я буду заниматься чтением своих писем и перечту их раз по сто. Потом, попозже, я

вернусь сюда, заберу вас обоих, и мы потрясём своим аппетитом ничего не подозревающий Катманду!

Джефф вместе со своим путеводителем оказались совершенно правы в отношении ресторанов Катманду. Во множестве разбросанных по городу ресторанов иностранцы набивали рты и обсуждали свои поездки, восхождения, болезни — оценивали грибы и гандж и говорили о кризисе с заложниками в Иране. Совершенно удивительно, но даже хиппи из Европы, которые обычно с отвращением воспринимают всё, что символизирует американское правительство и американское общество потребления, выступали против иранских террористов.

Посещавшие обычно «К.С. Мистик-бар» иностранцы, в основном американцы, австралийцы, новозеландцы и англичане, были состоятельнее бедных туристов. Потерпевшие крушение — безразличные ко всему и осевшие в Катманду наркоманы — жили в другой части города, группируясь вокруг Фрик-стрит и Пиг-аллеи. Там были очень низкие цены, но в ресторанах можно было заполучить буквально гулявшие среди иностранцев гепатит и амёбную дизентерию. В Катманду на Пиг-аллее, грязной, покрытой навозом,дохлыми крысами и человеческими экскрементами улице, обслуживали тех, кто не брезговал есть и пить из посуды, помытой скверной водой из-под крана после возможного носителя опасной инфекции.

Не переутомляясь и потребляя вегетарианскую пиццу, мясо, рагу, шоколадные кексы и шотландское виски, Ларри, для которого еда всегда была на первом месте, феноменально быстро восстановился за несколько дней. «К.С. Мистик-бар» находился всего в двух кварталах от нашего отеля, и Ларри отправлялся туда по меньшей мере один раз в день, чтобы расправиться за двадцать пять рупий с огромной порцией филе-миньон, картошки и тушёных овощей.

В отличие от Ларри, мне, когда пришло время ресторанов, повезло меньше. Конечно, я знала, что с моим слабым желудком следовало бы их избегать, но устоять было невозможно. Первые четыре дня, проведённые в Катманду, я ела всё, что хотела. Но в одно прекрасное утро пришлось проснуться с воспалённым желудком, режущими болями в животе и поносом. В таком состоянии я провела в Катманду оставшееся время, т.е. всю следующую неделю, а приступы повторялись потом до конца путешествия. Лишь почти год спустя мне удалось наконец от них избавиться.

Первое, что поразило нас в Катманду,— это грязь. Дохлые крысы в навозе, отбросах и экскрементах, лужи из мочи священных коров и дети, плескающиеся прямо на улицах и в переулках. Прогуливаться в ранние часы по городу, когда непальцы выполняют свой утренний ритуал отхаркивания, отплёвываясь и сморкаясь из спален на тротуары под окнами, следовало с осторожностью. Время от времени приходилось увёртываться от рвотных масс.

Но если забыть о грязи, Катманду был экзотическим и пленительным городом, пребывавшим в состоянии постепенного упадка. Вдоль его улиц, где было полно непальцев, индийцев, тибетцев, шерпов, китайцев, светлокожих западных людей, рикш и велосипедов, стояли старинные деревянные здания замысловатого стиля с балконами. Дверные проёмы и оконные карнизы были отделаны фигурками божеств, растительным орнаментом и арабесками. Узкие проходы между зданиями открывались в маленькие тёмные внутренние дворики витиеватых индийских и буддийских храмов, украшенных цветочными гирляндами. Храмы и ступы^[*], а также знамёна переполняли улицы, перекрёстки, внутренние дворы и главные площади. А на вершине холма, всего в нескольких километрах от городского

центра, каждому был виден храм Свайамбу, храм обезьян, царивший над городом, его населением и долиной внизу.

Центральные улицы Катманду заполняли красочные овощные и фруктовые базары. Стоявшие по краям проезжей части лавки были забиты серебряными украшениями ручной работы, набивными шёлковыми тканями, тибетскими коврами ручного изготовления, непальскими ножами кхукури, молитвенными бубнами и традиционной одеждой.

Первые два дня мы с Ларри потратили на получение виз в Таиланд и приобретение билетов на самолёт до Бангкока. Поскольку Бирма и восточные штаты Индии были закрыты для иностранных туристов, мы были вынуждены перебираться из Непала в Таиланд самолётом. Оставшиеся дни мы занимались исследованием Катманду и района до китайской границы.

Когда выдавалось безоблачное утро, мы проезжали на велосипедах двадцать — тридцать миль в сторону Китая, оставляли свои велосипеды в деревне и поднимались на окрестные горы. Если облака не собирались, то зрелище оттуда открывалось потрясающее. С одной из горных вершин нам удалось увидеть Гималаи на протяжении ста пятидесяти миль, включая и внушающую страх Сагарматху — Эверест.

За два дня до того, как мы запланировали покинуть Непал, у меня случился такой сильный приступ тошноты от чего-то съеденного в «К.С. Мистик-баре», что мне было не до велосипеда или пеших прогулок, включая и прогулки по городу. Утро я провела, сидя в зелёном внутреннем дворике. Там-то я и встретила Салли, остановившуюся в отеле англичанку. Салли выглядела на сорок с небольшим, каштановые волосы до плеч, широко расставленные глаза; она была одета в широкие брюки и свитер с длинными рукавами.

До прошлого года Салли жила в Бангкоке вместе с мужем Дикси, который там работал. Потом, в поисках религиозной общины, которая отвечала бы её душевным устремлениям, она отправилась в Индию, чтобы уяснить для себя, что представляют собой разновидности ашрама. В какой-то мере она нашла, что хотела, в ашраме в Южной Индии, которым руководил, сочетая в своём учении католицизм с индуизмом, священник-бенедиктинец Бид Гриффинс. Последние несколько месяцев Салли провела в ашраме Гриффинса. Она приехала в Непал встретиться с мужем, который прилетал из Бангкока через несколько дней, они намеревались недели три попутешествовать по Гималаям, а потом вместе вернуться в Таиланд.

Когда я вошла во внутренний дворик, рядом с Салли сидела Титсен, девушка из Голландии. Титсен, как оказалось, отправлялась посетить те же ашрамы, где побывала Салли.

— Я знаю, ты собираешься в Пуну,— пожала плечами Салли.— Но должна сказать тебе, Титсен, что этот мужчина показался мне ненормальным и очень опасным. Себя он называет Бхагван, что в переводе означает Господь Бог, разъезжает повсюду в «роллс-ройсе», и все при встрече с ним должны кланяться.

Я поняла, что Салли имеет в виду Радж Ниша. Данная ею характеристика подтверждала пересуды, которые я слышала о нём на стоянке в Нью-Дели.

— Конечно,— продолжала она.— Вместе с десятками тысяч других людей из западных стран я тоже побывала в Пуне в поисках идеального гуру. После всего, что я о нём слышала, мне захотелось его увидеть. Ну, скажу откровенно, желания там остаться у меня не появилось. Обилие свободной любви и запугивание вызвали у меня отвращение. Но, понимаешь, я решила остаться там до утра следующего дня, чтобы побывать на собрании, которым должен был руководить Радж Ниш.

Он прибыл на утреннее сборище в своём «роллс-ройсе», и все перед ним склонились. С места в карьер он начал говорить о Матери Терезе. Ему было крайне неприятно, что ей вручили Нобелевскую премию, и, стоя прямо там, он обозвал её сексуальной извращенкой, получающей удовлетворение от прикосновения к прокажённым.

Можешь вообразить себе, милая Титсен, к этому я была совершенно не готова, тем более что услышала сие от человека, считающего себя таким праведником. Слова этого человека не только пугали меня, но и ошеломяли, тем более что никто явно не собирался их оспаривать. Всё это меня совершенно взбесило, и я вскочила, чтобы возразить. Но едва я открыла рот, как один из свиты Ниша схватил и буквально швырнул меня на пол. После этого я так испугалась, что двинуться не могла.

Сидя там, наблюдая этого человека и слушая его бред, я вдруг совершенно отчётливо почувствовала, что он дьявол. Думаю, что так. У меня действительно появилось ощущение, будто я нахожусь в окружении мощных дьявольских сил. Говорю тебе, Радж Ниш — эманация дьявола. Невозможно описать мой ужас. Когда собрание закончилось, я помчалась прочь. Вернулась в комнату в городской гостинице, схватила свои вещи и первым же поездом уехала на юг. Мне хотелось как можно скорее оказаться подальше от Радж Ниша с его дьявольством. Это был самый жуткий опыт в моей жизни, от которого я не сразу оправилась.

Слова Салли, похоже, поразили и смутили Титсен.

— Но столько голландцев, посещавших Пуну, рассказывали о нём как о замечательном человеке,— сказала она.

— Да, знаю, знаю. Я тоже слышала о нём много удивительного. Поэтому можешь отправляться и

убедиться своими глазами. Моё дело предостеречь тебя, — ответила Салли.

Салли проконсультировала Титсен в отношении ряда других ашрамов, потом переключила своё внимание на меня. Узнав, что мы с Ларри отправляемся в Бангкок, Салли настояла, чтобы там мы остановились у неё дома. Ко времени нашего приезда Дикси должен был уже отбыть, так что всё осталось бы в нашем распоряжении.

— Наша экономка, Убон, живёт в задней части дома, и она вас впустит. Я дам вам рекомендательное письмо к домовладельцу. Он живёт рядом,— объяснила Салли.

Я приняла приглашение. Было бы замечательно оказаться в Бангкоке на Рождество в настоящем доме, а не в стерильном, вызывающем тоску номере гостиницы.

За день до нашего отъезда из Катманду Джефф купил себе билет до Рангуна и добыл двухнедельную туристическую визу в посольстве Бирмы. По циркулировавшим среди туристов слухам, можно было во время полёта купить беспошлинно бутылку отличного шотландского виски, продать на чёрном рынке в Рангуне и получить прибыль, достаточную для недельного проживания в Бирме. Джефф очень надеялся, что ему это удастся.

— В посольстве сообщили, что перемещаться по стране на велосипеде мне запрещено. И что, когда я прилечу, мой велосипед будет временно конфискован в аэропорту на всё время пребывания в стране. Так что придётся пользоваться общественным транспортом. Думаю, что, когда прилечу из Рангуна в Бангкок, вы уже отправитесь на юг. Но, кто знает, возможно, ещё снова встретимся где-нибудь на юге Таиланда или в Малайзии. От Бангкока до Сингапура я хочу выложиться по максимуму, чтобы улететь домой в середине января. Но, если не увидимся в Юго-Восточной Азии, буду ждать вас в Новой Зеландии. И вот тогда-то, мои милые, по-настоящему произойдёт великое воссоединение!

В ту ночь мы сидели втроём в нашей комнате в «Шакти» и предавались воспоминаниям о дороге, пройденной от Нью-Дели. Всем нам удалось перенести индийские дороги и непальские желудочные заболевания и вместе достичь Гималаев. Джефф был великолепным другом и товарищем по путешествию, и нам с Ларри было очень жаль с ним расставаться. Казалось непривычным, что дальше мы снова поедём одни.

На следующее утро, 17 декабря, в шесть часов Джефф проводил нас до аэропорта. Небо было ослепительно-синим, а на краю долины над темнеющими горными хребтами вздымались и сияли белые пики Гималаев. Возле крошечной взлётной полосы рядом с буйволом шёл мужчина, босиком, в шортах, с наброшенным на плечи одеялом, которое спасало его от холодного утреннего воздуха. Глядя на них обоих, я подумала о Маме Панди в Уоллинг-Стейшн, и мне захотелось немедленно узнать, вернусь ли я когда-нибудь в это горное королевство.

Грохот самолётного двигателя положил конец моим размышлениям. Итак, снова в путь, сказала я себе; ещё один пугающий перелёт. Как всегда, при входе в аэропорт у меня вспотели ладони и забилось сердце. Я нервничала, ожидая в очереди, пока сотрудник службы безопасности проверит мой багаж. Когда дошло до меня, клерк вынул из моей рулевой сумки жестяную канистру с бензином. Он отвернул пробку, понюхал содержимое и подозрительно посмотрел на меня.

— Это топливо для нашей плиты,— объяснила я.— Я забыла его вылить.

— С бензином запрещено. Я вылью его,— сказал он сухо.

Я была так занята своими страхами по поводу возможной катастрофы нашего самолёта, что не

обратила внимания на то, как мужчина поступает с бензином. Ларри, однако, среагировал вовремя.

— Подождите! Не выливайте это сюда! — услышала я, как закричал Ларри позади.

Оказывается, служащий прошёл в вестибюль и, держа в одной руке открытую канистру, а в другой пробку, приготовился вылить бензин в урну с песком. Услышав Ларри, он отдёрнул канистру и рассерженно посмотрел на него.

— Если вы выльете туда бензин, а кто-нибудь бросит горящую сигарету, будет взрыв,— поспешно объяснил Ларри.

— Да? — тупо ответил клерк.

Затем в его глазах появились проблески понимания. Он вышел наружу, вылил бензин на землю, вернулся в терминал, вручил мне канистру и прокричал номер нашего рейса. Ларри и я были на пути в Юго-Восточную Азию.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ЛЮБОВЬ-НЕНАВИСТЬ

В Таиланде я приземлилась будучи мертвецки пьяной. Отчаянно пытаюсь избавиться от собственного страха перед самолётами, я в полной мере воспользовалась услужливостью «Тайских авиалиний» и безграничностью пива, вина и коньяка. К тому времени, когда надо было предстать перед зловещим представителем официальных властей в Бангкоке, я так опьянела, что была не в состоянии ответить на вопрос о том, в каком отеле собираюсь остановиться в городе. Я была способна только раскачиваться взад-вперёд на пятках, по-дурацки улыбаясь хмурому служащему за стойкой.

— Скажите ему, что остановитесь в отеле «Малайзия»,— прошептала премиленько одетая юная англичанка, стоявшая позади меня.

— Ател «Малисса»,— произнесла я невнятно.

Официальное лицо кивнуло и поставило штамп на мой паспорт. Спустя час такси высадило двух протрезвевших велосипедистов вместе с их велосипедами и пожитками рядом с домом Салли, женщины, с которой я познакомилась в отеле в Катманду.

Мы вернулись в двадцатое столетие. После Египта, Индии и Непала нас потрясло зрелище многорядных эстакад, «мерседесов» и «БМВ», современных зданий, компьютеризованных бензозаправочных станций, шикарных отелей и ресторанов, заполненных товарами магазинов и одетых по последней моде людей. Первые несколько дней мы чувствовали себя сбитыми с толку и растерянными. Здесь не было родных и близких лепёшек свежего навоза на тротуарах, отсутствовали коровы,

буйволы, рикши, а также писающие мужчины и мальчики. Даже дом Салли, располагавшийся в одном из старых районов Бангкока, был современным и просторным. В спальне с кондиционером находилась кровать королевских размеров с подушками, матрасом и выдвижными ящиками. А далее шла ванная комната с ванной и унитазом.

Первые несколько дней в Бангкоке было настоящим мучением делать что-либо за исключением коротких вылазок. Влажность, которая каждый день составляла не менее девяноста процентов, казалась невыносимой. Дышалось тяжело, так как застоявшийся воздух был насыщен влагой. Весь день температура держалась на девяноста градусах, и полчища безжалостных москитов собирались в любой не защищённой сеткой комнате. Я совершенно не представляла, как мы сможем проехать на велосипедах Юго-Восточную Азию в такую жару и при такой влажности, если даже в состоянии покоя наши силы истощались. Мне казалось, мы отсыреем до смерти, если двинемся на юг.

Каждое утро на имя Салли поступала издававшаяся на английском газета «Бангкок пост», которую оставляли у входа. После трёхдневного общения с газетой стало очевидно, что, если не климат нас доконает, то, вероятно, прикончат бандиты на юге Таиланда. Ежедневно в одной, а то и двух статьях сообщалось о нападениях бандитских группировок, вооружённых ручными пулемётами, а иногда и гранатомётами, на туристические автобусы, колонны грузовиков, машины, мотоциклы, о грабежах водителей и пассажиров.

Когда я спросила Убон, экономку Салли, её мнение о нашей поездке на юг Таиланда, она затрясла головой и замахала руками у меня перед лицом, выражая своё неодобрение.

— Нет, нет. Юг — ошен плохо. Много разбойник. Велосипед нет. Много разбойник,— заявила она.

С учётом всего этого мы с Ларри решили совершить визит в американское посольство и прояснить для себя ситуацию с бандитами.

В конце ноября кто-то бросил гранату на территорию посольства, так что служба безопасности действовала весьма строго. После того как на входе нас проверили тайские охранники и американские пехотинцы, чиновник провёл нас в консульство. Ларри объяснил секретаршетаюнке, что мы хотим отметить в посольстве и побеседовать с кем-нибудь относительно велопробега по Малайзии.

— Вы намерены проехать на велосипеде по Южному Таиланду? — воскликнула она.— Но там небезопасно путешествовать даже на машине. То есть я хочу сказать, очень опасно. Ещё хуже — на велосипеде. Подождите здесь. Я позову кого-нибудь обсудить с вами этот вопрос прямо сейчас.

Несколько минут спустя Марша, юная служащая посольства, провела нас в свой офис.

— Я так понимаю, вы собираетесь пересечь Малайзию,— сказала она.

Мы с Ларри кивнули.

— Если вы читали последние газеты,— нахмурилась она,— то вам должно быть известно о ежедневно происходящих на юге Таиланда налётах и о тайских пиратах, которые грабят там рыболовецкие траулеры. Но и это не всё. На юге полно убийц и насильников. Находиться там очень опасно. Тайские бандиты — безжалостные, больные люди. Посмотрите на пиратов, захватывающих суда с вьетнамскими эмигрантами. Они отнимают у них всё, снимая даже золотые пломбы, насилуют женщин и девушек. У нас есть отчёт некоторых иностранных рабочих, занимающихся на дальнем юге перехватом людей на лодках,— одна из

историй была даже опубликована в местной печати: одна из группировок тайских пиратов захватила лодку с беженцами, мужчины там были избиты до смерти, а женщин и девушек загнали на пустынный островок в джунглях, где травили и насиловали. Нет, я не советую вам путешествовать по югу на велосипедах,— закончила она многозначительно.

Мы с Ларри нервно посмотрели друг на друга, потом я обратилась к Марше с вопросом: возможно, бандиты не будут терять время на грабёж пары велосипедистов-оборванцев?

— Слушайте, они задерживают любого,— ответила она.— Лично я не хотела бы оказаться на месте женщины, разъезжающей там на велосипеде.

Сказав это, она посмотрела столь выразительно, что у меня внутри всё перевернулось.

— Послушайте, я понимаю: раз вы уже столько проехали, то маловероятно, что откажетесь ехать дальше в Малайзию, что бы я вам ни говорила. Поэтому я готова дать вам три важных совета и надеюсь, вы будете им неукоснительно следовать. Совет номер один: придерживайтесь основных дорог; никогда и нигде не пользуйтесь заброшенными дорогами. Номер два: что бы ни случилось, ни при каких обстоятельствах не разбивайте лагерь. Всегда останавливайтесь в отелях. И номер три: когда окажетесь в Малайзии, пришлите мне открытку с сообщением, что вы добрались благополучно. Сегодня двадцать первое декабря. Если, скажем, до конца января мне ничего о вас не станет известно, тогда я обращусь к тайским властям и, совершенно честно,— к вашим ближайшим родственникам.

Итак, ко всему прочему, в этой поездке нам предстояло погибнуть, как я и предполагала с самого начала. Мы поблагодарили Маршу за советы, и после ухода из посольства весь остаток дня передо мной рисовалось ужасное зрелище моего собственного тела,

распростёртого поперёк азиатского хайвэя где-нибудь на юге Таиланда.

Прошла ещё одна неделя, прежде чем мы выехали из Бангкока. Часть времени ушла на подготовку очередного этапа нашего путешествия. В Непале у нас иссяк запас шинных заплаток, к тому же наши футболки и шорты превратились в лохмотья. В один из дней, побродив несколько часов по «чайна-тауну» Бангкока, мы обнаружили множество велосипедных магазинов и купили шину за один доллар и пятьдесят центов, комплектик заплат и несколько камер. Следующий день ушёл на покупку одежды, ещё один мы посвятили австралийским визам. В Афинах, в том же агентстве, где покупались билеты в Египет и Индию, мы приобрели два билета на самолёт из Куала-Лумпура, Малайзия, до Сиднея, Австралия, на двадцать третье января. В агентстве нам посоветовали, что если мы будем в Австралии, то сможем в их сиднейском офисе приобрести пару дешёвых билетов до Штатов через Новую Зеландию и Таити.

Как и в случаях посещения посольств Египта, Непала и Таиланда, мы с Ларри приоделись для беседы в посольстве Австралии. Я надела юбку и свою лучшую футболку, а Ларри — единственную пару брюк. К сожалению, наш презентабельный внешний вид не привёл к победе над представителем официальной Австралии, к которому мы обратились со своим прошением. Я это поняла в тот момент, когда при нашем появлении в канцелярии нам отказали в рукопожатии. Вместо этого чиновник прорычал, чтобы мы садились.

— У меня очень мало времени для беседы с вами,— рявкнул он.— Как уже вам сообщил секретарь в приёмной, потребуется почти месяц для оформления виз в нашу страну. Здесь нет исключений. И кроме того, у вас нет обратных билетов из Австралии; так что мы не можем выдать вам визы.

— Если позволите, я постараюсь объяснить, в чём состоит наша проблема,— сказал Ларри.— Во-первых, у нас есть билеты до Австралии на двадцать третье число следующего месяца, и самолёт вылетает из Куала-Лумпура; то есть мы не можем месяц ждать здесь ваших виз. У нас просто не хватит времени проехать отсюда до Малайзии. И во-вторых, мы не можем купить обратных билетов из Австралии к себе домой до того, как попадём в Сидней, поскольку нужных нам билетов здесь в Таиланде не продают. Мы должны купить их в туристическом агентстве в Сиднее. Так что, как вы понимаете, получается замкнутый круг — без обратных билетов мы не можем получить визы в вашу страну, но мы не можем их приобрести, пока не окажемся в вашей стране.

— Вы совершенно правы,— усмехнулось официальное лицо.— Но почему вы собираетесь в нашу страну вдвоём? Насколько я понимаю, учитывая ваш возраст, внешний вид и тот факт, что вы вдвоём путешествуете больше полутора лет, я с высокой долей вероятности могу предположить, что вы направляетесь в Австралию не только для велосипедных прогулок, но чтобы вдвоём подзаработать побольше денег на оставшуюся часть путешествия. Или, возможно, вы в действительности решили осесть в Австралии. Так что, как видите, нам придётся вас обоих тщательно проверить, прежде чем выдать визы. Придётся подождать месяц, в особенности сейчас, с учётом Рождества и новогодних праздников. Вы свободны, я должен заняться своей работой.

— Для велопробега по Австралии — это чересчур! — ворчала я, когда мы покидали посольство.

— И что теперь? — пожал плечами Ларри.— Если мы застрянем здесь на месяц в ожидании своих виз, ещё неизвестно, согласится ли тот парень нам их всё-таки выдать. Мы можем оказаться в Новой Зеландии, когда

там наступит зима. Я так думаю, забыть про Австралию, а вместо этого постараться попасть в Новую Зеландию. Давай первое, что сделаем с утра,— попытаем счастья в посольстве Новой Зеландии.

Днём, на обратном пути к дому Салли, меня одолела подхваченная в Гималаях «медвежья болезнь», и я кинулась к ближайшему туалету. Закончив, я взглянула на содержимое унитаза, прежде чем спустить воду. В то время я уже приучилась проверять свой стул на наличие крови или слизи, сигнализирующее о дизентерии.

«О, Господи! — подумала я, уставившись в унитаз,— я непременно помру, и не от пули или обезвоживания». Мне было дурно от увиденного. Я спустила воду и поспешила наружу.

Сначала я ничего не сказала Ларри, так как сама не могла поверить в то, что недавно увидела. Но перед глазами всё время вставала кошмарная картина. Если мои дни сочтены, и, как это ни ужасно, похоже, так оно и есть, мне придётся немедленно ему об этом сообщить. Я знала, что вряд ли он мне поверит сразу; но когда это повторится, он убедится сам, а потом нам придётся мчаться в больницу. Но, учитывая то, что предстало передо мной в унитазе, скорее всего уже поздно.

— Барб, ты чего притихла? — спросил Ларри, когда мы возвращались домой.— У тебя при выходе из туалета сделался бледный вид. Всё в порядке?

— Да нет... Не совсем,— запинаясь я.

— В чём дело?

— Ну, знаешь... Я зашла в ванную и...

— Ну?

— И я думаю, что непременно умру! — воскликнула я.

— И это новость? Вечно ты думаешь, что умрёшь,— спокойно отреагировал Ларри.

— Конечно, но теперь так и будет!

— Почему это *теперь*!

— Потому что я посмотрела на свой стул, а там были эти огромные черви! Настоящие огромные черви! Ты понимаешь, что это значит?

— Да ладно, тебе показалось.

— Чёрт с ним. Мне не показалось! Они там были. Большие, просто гигантские черви. Я видела их ясно как днём. Это означает, что мои кишки ими набиты, а учитывая их размеры, я непременно сыграю в ящик.

Ларри не отозвался. Он шёл дальше, глядя на меня с хорошо знакомым глупым выражением «всё равно я тебе не верю».

— Барб, невозможно, чтобы у кого-то в кишках поселилось стадо гигантских червей,— заявил он безапелляционно.

— Но я их видела,— отбивалась я.

Ни один из нас больше не проронил ни слова, и предмет спора был исчерпан вплоть до возвращения в дом Салли. В тот вечер мы приготовили спагетти, и как только пища была проглочена, у меня снова появились позывы. Я побежала в ванную комнату с надеждой, что Ларри окажется прав — я не увижу червей, и на этот раз всё будет в норме.

Глянув на свой стул, я снова ощутила слабость. Они там были — точно такие же — черви. Ларри зашёл в ванную, а я отступила, чтобы он посмотрел сам. Входил он с беззаботным видом, что успокаивало. Ларри безусловно сумеет найти этому разумное объяснение, и всё встанет на свои места.

— О'кей, посмотрим на так называемых гигантских червей,— проворчал он с некоторым раздражением в голосе.

Я указала на стул, и наступила долгая неловкая пауза.

— Не может быть,— наконец прошептал Ларри.

Мои надежды не оправдались.

— Этого просто не может быть! Какие огромные черви! Длинной в дюйм и толщиной в полдюйма каждый. Любой бы уже умер! Никто не выживет с подобными существами в желудке. Не верю своим глазам. Однако они здесь, и их полно. Доставай быстро свой паспорт! Мы отправляемся в больницу немедленно!

Мысль о посещении больницы в незнакомой стране вселяла в меня ужас не меньший, чем черви. Я вспомнила о том, как австралийский парень, который останавливался в Катманду в гостинице в соседнем с нашим номере, пошёл в городскую больницу провериться на дизентерию, а вернулся с совершенно испорченным кишечником. Врачи дали ему не то лекарство. После этого случая я поклялась, что ноги моей не будет в зарубежных больницах.

— Барб?

— А? — ответила я нерешительно.

— Барб, подойди сюда на минуту.

Я вернулась в ванную комнату. Ларри сгрёб одного червяка вместе с пробой кала в банку, чтобы взять с собой в больницу. Стоя с банкой, он повернул её к свету и изучающе разглядывал червяков.

— Скажи мне, что ты сегодня утром ела на завтрак,— сказал он.

— Чай, тосты и этот странный грейпфрут, который мне дала Убон.

— И чем же он странный?

— Ну, это трудно описать. Каждая долька состояла из пучка таких длинных тяжёлых и...

— Держу пари, они очень похожи на этих самых червяков,— вздохнул Ларри, и мы оба захохотали.— Ты спасена, крошка! — смеялся с облегчением Ларри.— Только представь себе, что мы являемся в больницу с этим дерьмом. Да они бы смеялись несколько месяцев подряд над чокнутой янки с грейпфрутовыми червями!

На следующий день мы отыскивали дешёвые турагентства, которыми славился Бангкок, и ушли, решив свою дилемму с билетами: полёт от Сингапура до Лос-Анджелеса на самолёте французской авиалинии. Билет действовал в течение года и включал транзит через Новую Зеландию и Таити. В прайс-листах большинства агентств указывалась цена в семьсот долларов, но в Юго-Восточной Азии следует быть готовым к чему угодно, и реальная плата за билет зависела на самом деле от нашей способности торговаться. Мы решили подождать, пока не окажемся в Куала-Лумпуре, где собирались продать свои сиднейские билеты и купить билеты от Сингапура до Лос-Анджелеса в тамошнем офисе французской авиалинии.

Чтобы уладить дело с визами, мы направились в посольство Новой Зеландии. А там очень симпатичный чиновник сообщил нам, что как американцы мы не нуждаемся в визах для въезда в Новую Зеландию — нужен только обратный билет из страны. Когда мы прилетим в Окленд, иммиграционные власти автоматически выдадут нам визу на тридцать дней, которую мы можем продлить в конце месяца.

— Должен сказать, что никаких проблем у вас не возникнет. Желаю приятно провести время в нашей стране,— улыбнулся чиновник, пожав нам руки на прощанье и проводив до дверей.

Остаток недели мы посвятили осмотру достопримечательностей Бангкока и его окрестностей. Пагоды и храмы, переполненные буддийскими монахами в одеяниях шафранового цвета, колоссальная позолоченная статуя Сидящего Будды, Главный Храм с Молельней Изумрудного Будды, экзотическая сиамская архитектура составляли разительный контраст с современными городскими зданиями, бесчисленным множеством массажных кабинетов и ночных клубов.

Вечером, накануне отъезда на юг, мы с Ларри отправились посмотреть пресловутую улицу Патпонг. Мы влились в изливавшийся по тротуарам поток туристов, которые посещали ночные клубы, бары и массажные кабинеты. Один из десятков зазывал уговорил нас зайти в его ночной клуб. Он провёл нас к зданию, находившемуся позади переполненной стоянки супермаркета и постучал в неприметную дверь. Открылась дверная филёнка, и нас осмотрела пара тёмных азиатских глаз; потом филёнка захлопнулась, а дверь открылась. Зазывала втолкнул нас внутрь.

Внутри оказалось большое помещение с баром и «сценическим» пространством, окружённым столиками и кушетками, на которых сидели туристы. Этот ночной клуб, как стало ясно, специализировался на показе непристойных эротических шоу, но, когда мы с Ларри повернулись уйти, наш зазывала схватил меня за руки, умоляя остаться и выпить хотя бы один бокал, чтобы он получил свои комиссионные с клуба. Я освободила руки и, пока мы продвигались к двери, услышала, как кто-то заметил в баре: «Говорю тебе, будь я женат, никогда бы не привёл свою жену в такое место. Как думаешь, сколько они собираются нас здесь продержать?»

Было что-то очень знакомое в голосе этого парня, но кто это, я не вспомнила и продолжала двигаться к двери. И тут до меня дошло, и я, обернувшись, посмотрела туда, где находился бар. Там сидел Джефф. Он, Ларри и я устроили такой шум, вопя от удивления и радости, что встретились вновь, что клубный управляющий в раздражении выставил нас за дверь. Вчетвером — Джефф, Кен из Торонто, Ларри и я — оттуда отправились в кофейню на другом конце улицы Патпонг.

— Чертовски хорошо, что вы зашли и выручили нас оттуда! — объяснил Джефф. — Мы уж думали, что живыми не выберемся! Мы с Кеном прилетели позавчера

в Бангкок из Рангуна одним рейсом. И все, с кем беседовали, толковали про улицу Патпонг, поэтому мы и решили её обследовать. В конечном счёте мы туда попали, и кто-то из зазывал уговорил провести нас в первоклассный клуб, так мы оказались в клубе. Как только вошли, все эти «очаровательные юные леди» столпились вокруг, желая, чтобы им купили выпивки, и пошло. Мы совершили большую ошибку, сразу заявив им, что без денег и интереса не представляем.

А потом рядом с нами очутилась пара этих мощных тайских головорезов, которые потребовали, чтобы мы заплатили девочкам за обслуживание. Когда мы начали с ними объясняться и заявили, что уходим, они сцапали нас своими ручищами и предложили побеседовать в подсобке. Ну, может, я и наивен, но всё же не законченный идиот, чтобы безоглядно отправляться в подсобку с двумя мастерами по каратэ. Так что мы с Кеном согласились посидеть в баре и выпить пару стаканов. Покончив с первым, мы предприняли попытку уйти, но они нас не отпускали, и пришлось приступить ко второму стакану. И как раз в этот момент вы и вошли. Если бы сегодня вечером вы туда не зашли, то, возможно, пришлось бы нам торчать там до утра.

Вот что я вам скажу, эта страна — очаг преступности. Вы уже слышали истории о бандитах на крайнем юге? Не могу понять, как получилось, что до нас ни разу, пока мы не попали сюда, не дошли слухи о местных бандитах. Во всяком случае, я решил снять руль и поместить свои деньги в раму велосипеда. Я не упущу ни одного шанса, нет, сэр. Пока бандиты не заберут целиком мой велосипед, им придётся довольствоваться небольшой суммой, которую я буду держать в своей рулевой сумке.

Джефф и Кен рассказывали нам о Бирме, а ещё Джефф говорил, как он с нами встретится снова далеко на юге. Он планировал один-два дня посвятить

достопримечательностям Бангкока, потом собирался сесть на поезд до города, который находится в ста милях южнее, а дальше ехать велосипедом. Таким способом он намеревался избежать транспортных заторов вокруг Бангкока. Казалось, что мы с ним встретимся вновь через несколько дней.

К тому времени, как покинуть Бангкок, мы с Ларри несколько освоились с жарой и влажностью, но всё равно чем дальше мы продвигались на юг, тем тяжелее становился наш маршрут по Таиланду. Особенно трудно было с одиннадцати утра до четырёх часов дня. Мы ни разу не готовили пищу утром: хотелось оседлать дорогу с утра пораньше, пока в воздухе ещё держалась прохлада. Наши завтраки обычно состояли из сладких рисово-кокосовых шариков, завернутых в банановые листья, которые мы брали в лавках, выезжая из города.

С едой в Таиланде никаких проблем не было, поскольку безостановочный перекус является национальным развлечением. Ларьки с едой, стоявшие впритык друг к другу, бесконечно тянулись вдоль улиц посёлков и городов. В свою очередь, на шоссе по соседству с каждой бензоколонкой располагался ресторанчик на открытом воздухе. Продававшаяся еда была такой опрятной, вкусной и дешёвой, что мы вскоре вообще перестали себе готовить. За пять батов (двадцать пять центов) мы могли попросить любое блюдо из свежих овощей с рубленой курицей, свининой, говядиной или уткой, и симпатичный таец добавлял в составленную по нашему выбору комбинацию специи и травы и готовил всё в казане. При этом всегда добавлялась гора риса, что не требовало дополнительной оплаты. Ещё за три бата мы получали прохладительный напиток со льдом.

Особой проблемой была жажда. Часто она казалась непереносимой. Солнечные лучи вместе с неизменной влажностью выжимали из наших тел целые реки пота. К

двум часам дня жажда мучила так, словно я не пила всю свою жизнь. Казалось, рот забило ватой, надо всем превалировало желание выпить чего-нибудь освежающего. Только газировка со льдом давала какое-то облегчение, но буквально через пять минут после того, как я её проглатывала и была снова в дороге, жажда возвращалась назад, такая же сильная, как и раньше.

Мы последовали совету Марши и останавливались в отелях. Гостиницы были дешёвыми, около пятидесяти батов за ночь, и безупречными, в комнате всегда работал вентилятор, разгонявший москитов и духоту. Перед отъездом из Бангкока Ларри приобрёл несколько проспектов в турагентстве, и мы выучили вполне приемлемое количество слов и фраз по-тайски, чтобы торговаться за номера, еду и немного поболтать с местным населением.

Выехав из Бангкока, в первый день мы проехали пятьдесят миль на юго-запад по болотистой низине до старинной, расположенной в джунглях деревни Даммон-Садук. Её улицы были образованы сплошной сетью мелких речушек. Водные пути загромождали длинные, узкие деревянные лодки, с которых продавали любые фрукты, овощи, рыбу, мясо, домашнюю птицу и готовую еду. Жители деревни стояли у края воды и подзывали те лодки, где продавалось то, что они хотели купить. Владелица одной из лодок, одетая в традиционно длинную хлопчатобумажную юбку и блузку с короткими рукавами, с широкой соломенной шляпой на голове, продавала только поп-корн, который готовила на стоявшей в центре лодки керосинке.

Три дня от Даммон-Садук мы ехали на юг вдоль Сиамского залива до города Чумпхон на крайнем юге Таиланда. Дорога до Чумпхона прошла без всяких приключений, и страхи быть ограбленными или убитыми отодвинулись на задний план. Водители грузовиков

всегда нам сигналили и махали руками, люди вдоль дорог приветливо улыбались, одобрительно показывая большой палец. Даже женщины кричали нам вслед и всегда хохотали, когда мы им отвечали. В посёлках и деревнях все к нам относились дружелюбно и весело, стараясь помочь отыскать необходимое. Те, кто немного говорил по-английски, неизменно сообщали, что в их деревне раньше ни разу не видели путешествующего на велосипеде иностранца.

Мы встретили Новый, 1980 год в двух днях пути от Даммон-Садук, в городе Прачуапкхирикхан. Город вытянулся вдоль широкого песчаного пляжа, с одной стороны окаймлённого высокими пальмами, а с другой — бирюзовыми водами залива, испещрённого множеством зелёных островов. Местная детвора раскалывала для нас съедобные кокосовые орехи, а когда мы помогли им натянуть качели между двумя пальмовыми деревьями, они сбегали домой, вернувшись с шезлонгами и прохладительным для нас. Потом, когда они ушли из залива, рыбаки пригласили присоединиться к ним для встречи Нового года и оказать содействие в уничтожении огромного запаса виски.

На следующий день в состоянии лёгкого похмелья мы покрыли расстояние в сто двадцать миль между Прачуапкхирикханом и Чумпхоном из-за того, что на всём протяжении не было ни одного отеля. Это была убийственная поездка. Привычная равнина сменилась холмами в самую жаркую часть дня, не было ни ветерка, на подъёмах нас заливало потом. Облегчение мы испытали единственный раз, когда мужчина, мывший у дороги свою машину, обдал нас ведром холодной воды. В двадцати милях не доезжая Чумпхона, на закате, мы рухнули рядом с ларьком на целый час, чтобы отдохнули измочаленные мышцы, и выпили восемь бутылок холодной газировки, прежде чем потащились дальше. С последними милями, проходившими по джунглям и

рисовым плантациям, мы сражались уже в полной темноте и так измучились, что и в мыслях не было опасаться каких-нибудь ночных бандитов.

Мы намеревались остановиться в гостинице Чумпхона, но, когда затормозили на окраине города и спросили служителя на бензозаправочной станции, как проехать, он сообщил, что мы можем разбить палатку рядом с полицейским участком. Тайская полиция была чрезвычайно рада устроить пару американских велосипедистов на своей территории.

Территория была обнесена оградой из колючей проволоки высотой в семь футов; видно, полиция опасалась, что к нам ночью заберутся вори. После того как мы поставили палатку в центре зелёной лужайки между полицейским управлением и казармами, из управления вышел офицер сообщить нам, что там недостаточно безопасно.

— Но почему? — спросил Ларри.

— Из-за грабителей. Вы теперь в Южном Таиланде. Южнее Чумпхона гораздо опаснее из-за грабителей. Здесь очень темно. Не освещено. Пойдёмте. Я покажу, где поставить палатку.

Мы пошли за офицером к крошечному газончику прямо перед главным входом в управление.

— Ставьте палатку здесь,— сказал он. А затем включил прожектора на крыше здания.— Освещено хорошо. Ворам не нравится. Но вори приходят. Нужна дополнительная помощь.

Мужчина скрылся в казармах, а мы с Ларри передвинули палатку к фасаду управления и оказались у всех на виду. Я осмотрелась. Казалось невероятным, что за колючей проволокой, под прожекторами и бдительным надзором полицейских из участка нам требуется ещё какая-то защита. Но офицер вскоре вернулся в сопровождении вооружённого охранника.

— Теперь вы в безопасности. Охранник будет следить за палаткой и велосипедами всю ночь. Он будет стрелять в грабителей. Восточный берег южного Чумпхона испорченный. Много, много воров. Воры на горной дороге и на западном берегу тоже есть, но меньше.

Мы с Ларри улыбнулись и пожали руку своему стражу, который ответно улыбнулся из-под своей металлической каски, потом залезли в палатку и застегнули входной клапан. До двух часов ночи три или четыре раза я просыпалась во время своего поверхностного сна. От света прожекторов внутри палатки было светло как днём. Я выглянула из ближайшего окна. Он находился всё там же, наш персональный страж со своим автоматом и двумя гранатами, прикреплёнными резинками к ремню. Я повернулась и попыталась снова уснуть, молясь про себя, чтобы эти резинки не лопнули. Я потела в своём спальнике, и одежда была влажной. В палатке из-за влажности было почти невозможно дышать, и только час спустя я задремала.

Утром мы отправились на западное побережье. Однако, не проехав и пятнадцати миль на запад от Чумпхона, разругались. Понятия не имею, что именно вызвало такой взрыв эмоций. Возможно, сказался предыдущий мучительный день длиной в сто двадцать пять миль в сочетании с недосыпом, навалились усталость, раздражение и обиды. Возможно, следовало учесть, что мы дошли до точки, преодолевая холмы в условиях высокой влажности и зноя. Ко всему прочему, наши нервы были на взводе. Теперь, оказавшись в Южном Таиланде, приходилось не столько следить за дорогой, сколько пристально вглядываться в непроницаемые джунгли, подстерегая любое движение гипотетических бандитов. Мы напрягались, стараясь уловить человеческие голоса. В голове всё время

вертелись слова клерка из банка в Чумпхоне, сказанные нам в то утро, когда мы меняли свои туристические чеки: «Вас ещё не ограбили? Значит, ограбят».

Как бы то ни было, но поводом для ссоры стали сказанные мной в раздражении слова о том, как я измучена и устала от духоты и что от однообразного ежедневного кручения педалей хочется послать всё к чёрту. Ларри затормозил, и пошло-поехало.

— Чёрт подери, Барб! Всё, что ты последнее время делаешь, так это только ноешь, ноешь и ноешь! Вчера ты жаловалась, что чересчур жарко ехать по холмам. А в Бангкоке ты только и твердила о том, как тебе всё ещё плохо после Непала и что, будучи больной, ты испытываешь усталость от путешествия, хочешь всё бросить и уехать домой. Ну, так я сыт по горло твоим недовольством. Если хочешь домой, тогда отправляйся домой! Во всяком случае, я устал вместе с тобой путешествовать и больше не хочу. Хватит с меня! Вот так-то! Совместное путешествие закончилось, так что давай прямо сейчас поделим деньги, ты оставишь мне плиту и кухонные принадлежности, а также запасные части, которые у тебя. Я пойду своим путём, а тебе нужно всего лишь довезти себя обратно до Чумпхона, сесть на обратный поезд до Бангкока и долететь одним из дешёвых рейсов до Штатов!

Ларри вытащил из-под меня велосипед, распахнул мои вьючники и выдернул пожитки, которые хотел забрать с собой. Затем он бросил мне часть денег и чеков, взобрался на свой велосипед и укатил. Я следила за ним, пока он не скрылся за поворотом, тогда я плюхнулась на землю рядом со своим велосипедом и разрыдалась. Снова это случилось — мы разругались, когда оба оказались в состоянии раздражения. Было так трудно, когда у обоих из нас одновременно случался упадок сил, потому что обычно один из нас сохранял выдержку, если другой выходил из себя.

Я слышала теперь, как позади меня в деревьях гонялись друг за другом обезьяны. Сидела и рыдала, потом через какое-то время огляделась. Горы были покрыты плотной зеленью джунглей, рядом бежал обмелевший ручей. Вверху, на холме, находилось скопление домов — деревянных строений на коротких подпорках, с тростниковыми крышами, без стёкол и сеток на окнах. Дома были приподняты над землёй для защиты от затопления во время сезона дождей. Рядом с посёлком стоял маленький *ват*, буддийский храм, и один из монахов в шафрановом облачении спускался вниз с холма по направлению ко мне. Два слона, которых я видела в Таиланде впервые, медленно прошли мимо. Оседлавшие их подростки махали мне руками и кричали. Монах приблизился ко мне на десять футов, потом присел на корточки и уставился на меня с изумлением. Друг другу мы не сказали ни слова.

Совершенно потрясённая, я переживала своё полное одиночество. Всё вокруг: джунгли, слоны, обезьяны, вытаращивший глаза монах — было чуждым и необычным, и я почувствовала себя так, словно попала неизвестно куда. Внутри ощущалась почти полная пустота. Добрая часть меня самой только что упаковалась и уехала вниз по дороге, и мне хотелось, чтобы монах перестал на меня пялиться.

В конце концов монах встал, что-то проворчал и показал на дорогу вниз. Ларри возвращался.

Не помню, чтобы мы вообще говорили. Ларри в значительной мере остыл, но не до конца. Он подъехал ко мне, и в полном молчании мы направились на западное побережье. Где-то в середине дня мы помирились.

Ещё до захода солнца мы прибыли в город Ранонг. Мы дотащились до первой же дешёвой гостиницы и вошли. Там сидел Джефф.

— Здорово, кавалеристы,— ухмыльнулся он,— Добро пожаловать в Ранонг!

Встреча с Джеффом сразу подняла нам настроение. Сев на велосипеды, мы втроем отправились на остров Пхукет. Добирались туда два дня и всю дорогу шутили, болтали, проклинали духоту и водителей западного побережья, которые развлекались тем, что буквально летели нам навстречу, отворачивая в сторону лишь в последнюю секунду.

Джефф ненавидел жару, пожалуй, даже больше меня, и на второй день нашего совместного путешествия, когда во второй половине дня за два часа не встретилось ни одной деревни, можно было подумать, что его хватит удар. Взятая с собой вода нагрелась до такой степени, что пить её было невозможно, и жажду ему было утолить нечем. В киоске, встреченном наконец на обочине, на полках было полно прохладительного, и Джефф отчаянно затормозил и спрыгнул с велосипеда. Он влетел в киоск и схватил первую попавшуюся бутылку у двери. Подержав её всего секунду, он швырнул бутылку обратно на полку.

— Ну, горячее этой чёртовой бутылки я ещё ничего не держал,— прорычал он.— Надеюсь, здесь есть где-нибудь лёд, так как я дошёл до ручки и если не выпью чего-нибудь холодного, то дальше не двинусь.

Он вышел наружу и спросил двух маленьких толстеньких тайских женщин, сидевших развалясь под соломенным навесом, подпёртым четырьмя шестами, имеется ли у них в наличии лёд. Когда они обе, даже не приподнявшись, покачали головами, Джефф навис над ними, застонал и уставился вдаль. Одна из женщин заворчала и снова задремала. Через несколько минут другая, приняв вертикальное положение, неторопливо поплелась через улицу к группе ветхих лачуг и пропала.

— Нам нужно двигаться вперёд, Джефф. Здесь же нет вокруг линий электропередач. А раз нет

электричества, то и лёд в отсутствии, как и прохладительные напитки,— сказал Ларри.

— Да ладно, только дайте мне немножко прийти в себя. Отдохну несколько минут, поднакоплю слюны, и поедем.

Следующие десять минут Джефф остекленевшим взглядом таращился на свои ноги, как вдруг между лачугами через улицу вновь возникла женщина. В левой руке она держала нечто, напоминавшее заварочный чайник. Когда она подошла поближе, можно было разглядеть, что это алюминиевый котелок с двумя кусками льда.

Джефф кинулся к ней, пытаясь схватить лёд, но женщина увернулась и лёгкой походкой двинулась к лежащей на земле камере от грузовика. Она подняла камеру, которая была срезана и заткнута с одного конца, и накидала внутрь лёд. Потом, удерживая открытый конец камеры, она взмахнула ею над головой и ударила по одной из стенок будки. Стекланные бутылки на противоположной стене полетели со своих полок, с глухим стуком приземляясь на грязный пол. Женщина ударила камерой по стене трижды, бросила её на землю и взялась за топор. Обухом топора она принялась колошматить по каждому сантиметру камеры. Закончив, она оставила трубу на земле, пока устанавливала три стакана и три бутылки с питьём на деревянный стол перед киоском. Затем она положила камеру на стол и наполнила каждый стакан смесью колотого льда с грязью.

— Лёд,— объявила она.

Камера свалилась на землю, а женщина, переваливаясь, вернулась в спасительную тень навеса. Вяло кивнув в ответ на наше спасибо, она облегчённо приняла горизонтальное положение и глубоко уснула.

В тот же вечер мы приехали на остров Пхукет. Было слишком поздно отправляться на поиски пляжных

бунгало, так что мы провели ночь в городской гостинице. Пхукет был крупным туристическим центром, поэтому цены на питание в лавках и ресторанах здесь были выше, чем в округе. Разместившись в отеле, мы заказали в ближайшем ресторане свою обычную смесь из стручков гороха, брюссельской и кочанной капусты, водяного кресса и риса со свининой. Мы сторговались за обслуживание до обычной цены в шесть или около того батов — так нам казалось. Когда же обед закончился, хозяин запросил по пятнадцать батов с носа.

— Но мы уже договорились о цене с официантом и рассчитывали заплатить шесть батов,— запротестовал Ларри.

— Нет, пятнадцать батов,— решительно заявил хозяин.

Ларри подозвал официанта и попросил объяснить владельцу, что мы договаривались о шести батах. Официант немного побеседовал со своим хозяином, потом повернулся к нам и сказал:

— Это стоит пятнадцать батов. Я ошибся. За рис высшего сорта и овощи — одиннадцать батов.— С этим он скрылся в задней комнате.

— Пятнадцать батов. Платите.

Явное волнение на лице владельца весьма удивило нас, поскольку у тайцев считается полным неприличием выходить из себя на людях. Мы торговались с ним ещё пять или десять минут и в конце концов сошлись на одиннадцати батах. Но теперь этот человек выглядел откровенно расстроенным, хотя во время торговли мы втроём старались держаться непринуждённо, следуя данному нам с Ларри совету Салли, которого нужно всегда придерживаться в Таиланде.

— Думаю, нам следует быть теперь поосторожнее,— сказал Джефф.— Этот человек выглядит огорчённым, что, по моим сведениям, весьма плохо. В Бангкоке я разговаривал с голландцем, и он рассказал мне, что

бывает, когда таец рассердится. Он рассказал мне, как один таец осерчал на американца. Он говорил, что этот таец вёл небольшой местный автобус через остров Косамуи на восточное побережье, и когда он подъехал к пляжу, где остановилось множество иностранных туристов, там собралась большая группа из местных и иностранцев, ждавших автобуса, чтобы добраться до паромной переправы на другой стороне острова.

Так вот, все набились в автобус, за исключением одного американца, который, по словам голландца, смотрелся типичным регбистом. Во всяком случае, этот американец вместе со своим рюкзаком решил ехать на крыше автобуса; но таец сказал ему, что он там не поедет. Ну, большой американец стал спорить с маленьким тайцем и сказал, что поедет на крыше, поскольку должен успеть на утренний паром. Ну, а дальше, как нетрудно догадаться, американец рухнул лицом в грязь, а его рюкзак оказался в кустах. А таец быстренько вскарабкался в автобус, и все уехали. Определённо этот таец применил к американцу какой-то приём каратэ. Как говорил голландец, руки у тайцев смертельно опасны. Они редко выходят из себя, но если это случается — стоит посмотреть!

Каким-то образом молва об американце облетела весь остров, и никто его так и не подвёз. Пришлось ему протопать до паромной стоянки всё двенадцать миль. Как думаете, расплатимся побыстрее с этим парнем и пойдём отсюда к чёрту. Что-то мне не нравится, как он осерчал.

При упоминании об этом мы с Ларри быстренько отдали хозяину по одиннадцать батов без сдачи. А Джефф вручил ему банкноту в двадцать батов, но получил только пять батов сдачи.

— Ещё четыре бата, пожалуйста,— улыбнулся Джефф владельцу, пересчитав сдачу.

Лицо у того скривилось и стало напряжённым. В глазах засверкало бешенство, и я поняла, что мы находимся в опасности. Мужчина отправился к конторке в задней части ресторана. Оттуда, где мы сидели, лишь я смогла увидеть, как он вытащил нож из ящика. Мне хотелось бежать, но собственное тело не слушалось. Сидя на месте, я следила за ножом. Обедавшие в ресторане тайцы не обращали никакого внимания на владельца или лезвие у него в руках, и у меня мелькнула мысль, неужели, когда до этого дойдёт, он действительно нас зарежет; убьёт троих туристов в собственном ресторане всего лишь за двадцать центов. Но потом я подумала, что этот тайский малыш несомненно с нами расправится.

— Он достал нож,— прошептала я еле слышно.

— Что ты говоришь? Я не слышу,— сказал Джефф.

— Я сказала, что он достал нож. Большой нож с длинным лезвием,— произнесла я отчётливо на этот раз.

В первый момент ни Джефф, ни Ларри не издали ни звука. Глаза у них расширились, и они обалдело уставились на меня. Джефф, сидевший спиной к владельцу, дёрнулся на стуле и так сильно сжал столешницу, что костяшки пальцев у него побелели. Через несколько секунд, тщательно артикулируя каждое слово, Джефф заговорил первым:

— Что-он-делает-с-ножом?

— Держит его. Он держит его в правой руке.

— Он-идёт-к-нам?

— Нет. Он просто стоит там. Ты не поверишь, у него такое выражение лица. Этот парень настоящий псих. Наверное, руки у него сейчас трясутся.

— Думаешь, он собрался нас прикончить? Убить нас за несчастные четыре бата? — спросил Джефф, говоря теперь побыстрее.

— Дело не в деньгах,— сказал Ларри.— Должно быть, он считает, что утратил престиж во время сделки.

Возможно, мы сторговались с ним на слишком низкой цене. А может, еда и на самом деле стоит пятнадцать батов. Дьявол! Он убьёт нас, раз потерял лицо!

— Ну, и что теперь делать? — задал вопрос Джефф.

— Он всё ещё там стоит. Слушайте, давайте отсюда выбираться. Давайте уйдём, пока он не двинулся,— прошептала я.

Очень медленно поднявшись со своего места, я повернулась спиной к ножу и его владельцу. Понукая себя, миновала три столика, стоявших на пути к выходу. На улице я оказалась первой, потом вышел Ларри, следом Джефф.

— Вернусь к себе в комнату и запрусь изнутри,— прошептал Джефф, прежде чем смыться вниз по аллее.

Ларри всё ещё хотел побродить по городу, и я отправилась вместе с ним. Но пока мы гуляли, я всё время нервно озиралась, ожидая увидеть в толпе бешеные глаза владельца ресторана. Когда мы вернулись в гостиницу, Джефф сидел на кровати в комнате, запершись на четыре запора, с бирманским ножом на боку. Лезвие было длиной в восемь дюймов.

— Вот и мы. Возьми,— сказала я, бросая ему пригоршню твёрдых леденцов.— Это тебе на сладкое.

— Где вы это достали?

— Какие-то дети остановили нас на улице и вручили корзинку с леденцами, потом засмеялись и убежали. А знаешь, что ещё произошло? Женщина в одном из магазинов бесплатно дала мне этот козырёк от солнца. Представляешь?

Джефф покачал головой.

— Таиланда мне не понять,— вздохнул он.— То кто-нибудь приставляет тебе нож к горлу, то дарят леденцы и козырьки от солнца. Я совершенно теряюсь от свойственных этой стране отношений любви-ненависти. Мне здесь нравится еда, пляжи, низкие цены, а также сиамская архитектура, храмы и всё такое. Но я ненавижу

испытывать страх перед бандитами и внезапной сменой настроения у людей, а ещё — жару и влажность и этих сумасшедших, плюющих на всё водителей грузовиков. Ладно, как бы там ни было, сегодняшнюю ночь я буду спать с ножом под подушкой, так спокойнее.

Утром 5 января через островные плантации каучуконосов мы проехали до пляжа Карон. Спустя два дня Джефф отбыл в Малайзию и Сингапур. А мы с Ларри остались на побережье ещё на две недели, и, если бы не необходимость сдать билеты на двадцать первое число из Куала-Лумпура до Австралии, мы бы задержались подольше.

Карон оказался раем. Полулунный, чисто песчаный пляж, протянувшийся на полторы мили вдоль изумрудной глади Андаманского моря. Там, где заканчивался песок, начинались пальмы, буйные зелёные джунгли и рисовые плантации. На одном из концов пляжа под прикрытием пальм были сосредоточены дешёвые бунгало. На песке стояло несколько открытых ресторанчиков — ничего, кроме маленькой кухни, деревянных столиков и стульев, — но там готовилось всё: от риса с овощами до блюд из только что выловленной рыбы, молочных коктейлей и чипсов.

Мы сняли бунгало за пятьдесят пять батов (два доллара и двадцать пять центов) в день. Его просторная деревянная веранда открывалась на джунгли, внутри имелась двуспальная кровать, а также ванная комната с душем, примитивный туалет — дырка в полу и умывальник. У бунгало был лишь один недостаток: огромные волосатые пауки — каждый диаметром в восемь дюймов (вместе с ногами) — они появлялись ночью на потолке. Но, как только мы обнаружили, что наш репеллент против собак вынуждал их ретироваться наружу, они больше не создавали проблем.

Свой первый восхитительный день в Кароне мы провели с Ларри, занимаясь сёрфингом и плавая с маской на коралловых рифах. Мягкие набегавшие на пляж волны были созданы для бодисерфинга, а за пять батов нам дали напрокат на целый день маски с трубками. После плавания в прохладной воде и следа не осталось от недавних мучений. Мы купались в море до заката. А вечером, сидя в одном из ресторанчиков, слушали шум волн, наблюдали за танцем лунного света в воде, ели свежеприготовленную рыбу в кисло-сладком соусе и пили молочные коктейли с кокосом.

Утренние часы в Кароне были особенными. Ленивые, идеальные для любви, успокаивающие нервы и мышцы. После того как первые солнечные лучи просачивались сквозь плетёные стены нашего бунгало, мягко пытаюсь разбудить, мы оставались в кровати столько, сколько хотелось. Карон стал местом отдыха, где удалось восстановить тело и внутренности после тяжёлых испытаний Египтом, Индией и Непалом и где мы дали себе наконец столь необходимую в велосипедном путешествии передышку. Замечательно было забыть на время о спустивших шинах, сломанных спицах, тормозных тросах, осмотре достопримечательностей и многочасовом кручении педалей. Целых две недели нас не волновал неотвязный упадок сил, поиски запасных частей или места ночёвки, боязнь пищевого отравления.

На второй день в Кароне, гуляя на противоположном конце пляжа, мы обнаружили небольшую группу бунгало, прилепившуюся к склону возвышавшейся над пляжем горы, лагуну и островок, заросший пальмами. В каждом бунгало имелся стол, два стула и отделанная кафелем ванная комната. Цена для Таиланда была непомерной — сто пятьдесят батов за сутки, но мы решили пошиковать две ночи, а потом вернуться в оставшиеся дни к более дешёвому варианту.

Утром мы вывели свои велосипеды и отправились к бунгалу на склоне. Через джунгли, мимо рисовых плантаций и деревянных домов бежала грунтовая дорога. Люди, мимо которых мы проезжали, ещё освежались в своих водоёмах. Неподалёку от бунгало дорога оборвалась у широкой лагуны, протянувшейся между джунглями и морем. Мы подняли велосипеды на плечи и перешли вброд по мелководью. Супан, молодой таец, владевший бунгалом, поджидал нас в своём ресторанчике на пляже. Его ручная обезьянка взволнованно защебетала, когда заметила нас.

В первый же день мы подружились с местными рыбаками, которые собирались ближе к вечеру в огромном пляжном бараке неподалёку от бунгало. Они пригласили нас в компанию по ритуальному дневному опустошению бесчисленных бутылок виски с горами кокосовых пирожных. Потом мы могли заняться бодисерфингом и прогулочным шагом вернуться вдоль пляжа домой. На закате Супан, поднявшись к нам на гору, устраивал пир не менее сказочный, чем вид с нашей веранды — рыба, приготовленная в соусе из ананаса, помидоров и огурцов, жареный рис с яйцами и овощами, фаршированные ананасы. Казалось, я умерла и попала на небеса.

Когда становилось темно, рыбаки выходили в лагуну и ловили рыбу на свет костров, которые разжигались вдоль берега. Огонь освещал выбрасываемые сети, мерцавшие отражённым светом в ночной тьме. Мы оставались на веранде почти до полуночи, глядя на костры, слушая море и джунгли.

Утром, когда тени с пляжа исчезали, лагуна и песок становились белыми, вода начинала искриться, пальмы на острове покачивались от бриза, рыбаки стаскивали в воду свои выдолбленные деревянные каноэ и выходили в море. А тайский мальчишка, работавший в ресторане под нами, перебирался вброд через лагуну мимо цапель

и буйволов, чтобы сначала притащить огромный кусок льда, а потом, в следующем заходе,— коробку с продуктами, которую оставлял у конца грунтовой дороги приезжавший ранним утром грузовик с заказами.

Прошло четыре дня, прежде чем нам удалось заставить себя покинуть бунгало Супана и вернуться в более дешёвый район на другом конце пляжа Карон. Пребывание там, хотя и не столь восхитительное, как у Супана, тоже было райским. Дни и вечера мы посвящали плаванию с маской, бодисерфингу, чтению и ничегонеделанию, наслаждались рыбой и кокосовыми коктейлями. Мы открыли для себя пляж Ката, лежавший за Кароном. Если не считать единственной хибарки с прохладительными напитками, Ката почти весь день оставался пустынным, а кораллы и закаты там оказались даже более впечатляющими, чем на Кароне.

Когда подошло время садиться на велосипеды и отправляться, чтобы попасть в Куайя-Лумпур к двадцать первому, нам совершенно не хотелось уезжать. Правда, не хотелось и потерять возможность сдать билеты, поэтому мы пошли на компромисс. Останемся на Кароне ещё на неделю, почти до двадцать первого, потом сядем на автобус, идущий из Пхукета до железнодорожной станции в Хатъяй, который находится к юго-востоку от Пхукета, рядом с малайзийской границей, а оттуда — поездом до Куала-Лумпура. Уладив дело с билетами, мы собирались через джунгли Центральной Малайзии вернуться назад, в Южный Таиланд, потом проехать на юг вдоль спокойного восточного побережья Малайзии до Сингапура. Такой маршрут позволял нам избежать перенаселённого индустриального западного побережья Малайзии.

На вторую неделю в Кароне мы обнаружили, что в раю не всё в порядке. Во-первых, Ларри заметил вооружённого охранника, патрулировавшего ночью территорию бунгало. Нам сказали, что его наняли

против воров. Через несколько дней, ночью, двое грабителей попытались вломиться в одно из бунгало. Жившая там женщина завопила «караул!», и воры удрали. После этого происшествия тайцы развязали языки и выложили множество всяких историй о разбойниках, грабящих людей на пляжах среди бела дня, а ещё про бандитов, убивших двух иностранцев на пляже рядом с бунгало. Как и весь остальной Таиланд, Карон имел две стороны, правда, здесь лучшая перевешивала худшую. До конца второй недели нам хотелось сохранить верность нашей разновидности рая, к тому же мы чувствовали облегчение от мысли, что очень скоро нам не придётся больше беспокоиться насчёт тайских бандитов. Но сначала предстояла поездка на автобусе до Хатъяя.

Автобус выезжал из делового центра Пхукета. Мы приехали в город ранним утром и сложили свои велосипеды на крыше вместе с коробками и корзинами. В автобусе было только двое иностранцев, австралийская дама и англичанин. Англичанин нам кое-что посоветовал.

— А теперь, ребята, я дам вам несколько советов, поскольку объездил на этих автобусах весь Таиланд и одну-две вещи усвоил. Прежде всего, всегда садитесь в заднюю часть автобуса, чтобы держать под прицелом дверь багажного отсека, куда ставят наш груз. Поскольку, если вы не будете следить за своими вещами, какой-нибудь малый свистнет на одной из остановок ваши пожитки и вы их больше не увидите никогда. Вам придётся следить за каждой вещью и никому не доверять, никому. Я сидел рядом с помощником водителя, когда ехал сюда из Бангкока, и чёртов ублюдок украл у меня часы, просто снял их с запястья. Сделал он это совершенно спокойно. Я вообще ничего не почувствовал, запомните, ничего.

Я не в восторге от этого маршрута в Хатъяй. Но мне нужно попасть в Малайзию, и я вынужден ехать через Южный Таиланд. Другого пути нет. Говорят, дорога проходит прямо через эти горные районы, в которых полно мятежников-коммунистов. Обычно бунтовщики стреляют в военных, но я слышал, что, если нужны деньги, они и автобусы грабят. Я основательно припрятал свои деньги перед этой поездкой, советую и вам сделать то же самое.

Англичанин и австралийка сели в последнем ряду автобуса, а мы с Ларри заняли места перед ними. Через десять минут наш водитель-таец, одетый в джинсы и чёрную футболку, вспрыгнул на своё сиденье и вдавил по газу. Мы на полной скорости вылетели с автобусной станции. Когда мы проходили первый поворот хайвэя, водитель и не подумал снизить скорость. Я осознала, что у нас почти нулевые шансы остаться в живых после восьмичасовой поездки в Хатъяй. Этот человек вёл машину как маньяк. Каждый поворот автобус проходил с наклоном в пятьдесят пять градусов, и ежеминутно я кляла всё на свете в полной уверенности, что мы никогда не выйдем из пике. Чем больше наклонялся автобус, тем сильнее впивались мои пальцы в подлокотники. Желудок завязало узлом, в горле пересохло. Но каждый раз, едва я теряла всякую надежду, автобус чудесным образом приземлялся на все четыре колеса.

— Не бойтесь! — орал англичанин, перекрикивая рёв мотора.— Они все так ездят. Если вы думаете, что это ужасно, то жаль, вас не было в той поездке из Бангкока. Дело было ночью, а мы всё время выскакивали на встречную полосу, объезжая нёсшиеся в лоб машины, автобусы, грузовики. Не возьму в толк, почему мы ни в кого не врезались. Каждое мгновение перед нами выскакивали фары какого-нибудь грузовика. Я был уверен: нам ни за что не разминуться. Но всё

обходилось; так что, я думаю, эти парни знают, что делают.

Слова англичанина меня вовсе не успокоили, и я продолжала сжиматься от ужаса на каждом повороте. Зато Ларри был обеспокоен тем, как бы нас не ограбили. Тот факт, что мы упрятали все наши деньги, туристические чеки, паспорта и кредитные карточки в рулевые сумки, поставив их в ногах, доставлял ему немало беспокойства. Ко всему прочему, тревожили военные блокпосты на дороге. Каждый был обнесён колючей проволокой в несколько рядов, имел одно или несколько пулемётных гнёзд, а нередко и танк с гранатомётом в придачу. В тех районах, где было много мятежников, шоссе патрулировали танки. На блокпостах солдаты, вооружённые автоматами и гранатами, заходили в автобус в поисках подозрительных субъектов и контрабандного оружия. Часто они спрашивали документы.

— Слушай, Барб,— сказал Ларри где-то на третьем или четвёртом контрольно-пропускном пункте.— Скорей всего где-нибудь между постами в одном из горных районов мы непременно угодим в засаду к мятежникам. Мы с тобой просто кретины. Бандиты и повстанцы наверняка в курсе, когда проходит этот автобус. И кто им помешает, если им вздумается нас грабануть? Думаю, нам следует поделить ценности. Оставим камеру и немного денег в своих вещах, чтобы им было чем поживиться и не возникло подозрений. Остальное я спрячу.

— Делай как хочешь,— пожала я плечами в ответ.— Ты меня знаешь. Старушка Барб, как обычно, больше всего боится отправиться на тот свет. Я молюсь за нас на этих поворотах, поэтому переживания по поводу бандитов можешь взять на себя.

Однако далее Ларри проделал нечто такое, что не могло не привлечь моего внимания. Я глазам своим не

верила. Сначала он вытащил нашу катушку с клейкой лентой, которой мы до этого связывали всё от крыльев и тормозных рычагов с рюкзаками до обуви. Далее он прилепил наши кредитные карточки к ногам, под шортами. Потом открыл книгу, которую читал, и прилепил дубликаты карточек к одной из страниц в середине книги. После этого он поместил наши паспорта и туристические чеки в пластиковый пакет, а пакет сунул вместе с банановой кожурой в мешок для мусора, подвешенный на спинке переднего сиденья. Всё это заняло несколько минут, но, хотя Ларри старался выполнить свои манипуляции максимально скрытно, я не сомневалась, что сидевшие с другой стороны тайцы всё прекрасно видели и теперь мучились вопросом, с какой это стати мужчина прилепил кусочки белого пластика в интимном месте.

Через несколько часов после того, как Ларри завершил операцию и сообщил мне, что всё, кроме небольшой суммы денег, оставленной в рулевой сумке, надёжно спрятано от любых партизан и бандитов, которые могут напасть на автобус, парнишка, занимавшийся погрузкой-разгрузкой багажа на остановках, заметил, что наш мусорный мешок переполнился и решил его нам заменить. Едва мальчик собрался выбросить мешок в открытое окно, Ларри вскочил на ноги и рванул пакет на себя. В результате днище мешка порвалось и всё высыпалось. Мальчик и все сидевшие поблизости уставились в полном изумлении на коллекцию туристических чеков и американских паспортов, вывалившихся на пол вперемешку с обёртками из-под крекеров, банановой кожурой и использованными салфетками. Поглазев на всё это, они посмотрели с любопытством на Ларри.

По роковому совпадению, когда Ларри подпрыгнул, спасая мешок, его шорты задела липкую ленту и один конец отклеился. Едва он нагнулся, чтобы как можно

быстрее и незаметнее собрать наши ценности, кредитные карточки повисли у него из промежности. Я хохотала до слёз.

По прошествии нескольких часов, живые и невредимые, мы высадились с автобуса в Хатъяе со всеми своими пожитками и на следующий день сели на поезд до малайзийской границы.

От границы ночным поездом мы добрались до Куала-Лумпура, перенаселённого, но местами очень современного города. Мы задержались там, чтобы получить деньги, которые мой отец перевёл телеграфом в «Банк оф Америка» и которых бы нам хватило до конца путешествия. Нужно было также провести обмен билетов и купить обратные на самолёт до Америки.

Шикарный офис авиалиний размещался в первом классе отеля по соседству с «Хилтоном» и «Банк оф Америка». Один из служащих пригласил нас в служебное помещение, и мы втроем почти два часа торговались за стоимость перелёта Сингапур — Новая Зеландия — Таити — Лос-Анджелес. Сначала клерк запросил семьсот пятьдесят долларов (пятнадцать сотен малайзийских долларов), а мы предложили шестьсот долларов. К концу торгов нам с Ларри удалось сбросить цену до шестисот шестидесяти восьми долларов. Билеты были зарезервированы на ночной рейс из Сингапура в Окленд на 7 февраля.

В Малайзии жара была даже больше, а влажность такая же, как в Таиланде. Мы не стали спешить и сравнительно легко проехали по центральным джунглям и восточному побережью. Те части велосипедов, которые мы не меняли с Лондона, к тому времени отслужили нам на протяжении почти четырёх тысяч миль, значительная часть которых проходила по грунтовым и каменистым дорогам, так что износ был значительный. Запасных частей почти не оставалось.

Как раз к северу от Куала-Лумпура у Ларри полетела задняя передача, развалившись на две части (попутно сломав ещё несколько спиц), и он вынужден был установить нашу последнюю из запаса. Цепи растянулись и плохо цепляли передачу, зубцы которой сами по себе тоже сильно изнашивались, создавая трудности при переключении. Два зубца в одной из задних шестерёнок велосипеда Ларри были сломаны, и приходилось тормозить на первой передаче. Ещё оставался запас купленных в Афинах спиц, но, к несчастью, в магазине велосипедов нам продали паршивые гайки, поэтому каждый раз при замене спицы приходилось снимать гайки со старых и ставить на новые. Что до спиц, то я побила рекорд. За восемнадцать тысяч миль ухитрилась не сломать ни одной.

От Куала-Лумпура мы поехали на север через холмистые джунгли и плантации каучуконосов до Куала-Липиса, где дорога закончилась и мы сели на поезд до Куала-Керая, который находится на севере Малайзии. Оттуда мы отправились на северо-восток к побережью Южно-Китайского моря. Джунгли между Куала-Лумпуром и Куала-Липисом, как и на участке от Куала-Керая до побережья, изобиловали щебетающими всюду обезьянами, которые часто сидели на краю дороги, сложив свои ладошки на коленях и разглядывая идущий мимо транспорт. В этих джунглях скрывались коммунисты, так что повсюду были и танки, и дорожные посты. Все нас уверяли, что повстанцы никогда не нападают на простых людей, только на военных. Множество дорожных впечатлений в джунглях врезались в память: задавленные проезжавшим транспортом крокодилы и гигантские змеи; висевшие на линиях электропередач чудовищного размера пауки, гораздо крупнее тех, что мы видели на Кароне. К

счастью, при виде змей и пауков мурашек у меня больше не появлялось — я наконец-то привыкла.

Как и во всей остальной Малайзии, малайцы, китайцы и индийцы жили в джунглях, в городах и деревнях. Малайцы напоминали темнокожих полинезийцев и носили саронги^[*] или одежду западного типа. Они исповедовали преимущественно ислам и предпочитали горячую, острую пищу. Энергичными людьми они не были — бизнесом в Малайзии занимались преимущественно китайцы.

Мы ехали по восточному побережью медленно и безопасно. Проезжая через сонные рыбацкие деревушки и по пустынным тропическим пляжам, бандитов мы не опасались. Однако население на восточном побережье не отличалось приветливостью, и приходилось подолгу заниматься поисками еды и питья, оказавшись в малонаселённых районах вдали от крупных городов. Во встречавшихся иногда по пути киосках с едой обычно продавали рис, жареную рыбу и острую смесь из капусты и ананаса, и мы два или три раза с тоской вспоминали, как блаженствовали в Таиланде.

А потом был Сингапур, ультрасовременный центр торговли Юго-Восточной Азии, где, как говорит молва, Макдональдсом продаётся больше биг-маков, чем где-либо ещё в мире. Покинув малайзийские джунгли и взморье с простыми деревянными домами с крышами из тростника, мы попали в шумный, богатый, безупречно чистый Сингапур и сделали то, что было невозможно больше года. Мы зашли в павильон A&W за «рутбиром», шипучкой из корнеплодов, приправленной мускатным маслом. Место было безукоризненным, можно было сидеть на травяной лужайке посреди широкого, обсаженного деревьями бульвара. Жутко вспотев от утренней поездки, мы уселись, приступив к прохладнейшей, дивной на вкус шипучей пенке. Китаец, сидевший неподалёку от нас, увидел выражение

полнейшего экстаза на наших лицах, а потом и наши потрёпанные, грязные велосипеды и вещи, сложенные у здания.

— Откуда вы прибыли? — спросил он, обратившись к нам.

— Из Малайзии.

— Я имею в виду, где вы живёте?

— В Америке.

— О! Вы на велосипеде объехали весь мир, чтобы оттуда попасть сюда? — широко улыбнулся он.

— Кроме Среднего Востока,— ответила я.

— О, конечно, там очень скверно. Теперь полетите домой? — спросил он.

— Нет, сначала мы отправимся в Новую Зеландию и на Таити.

— А в Южную Америку?

— На следующее путешествие нам нужно скопить денег,— сказал Ларри.— Туда, а может, в Центральную и Южную Африку. А теперь наши деньги подходят к концу, мы же почти два года были в дороге. Собираемся вернуться домой и какое-то время переждать. А потом, возможно, снова отправимся, если зуд начнётся.

Мужчина перевёл наш разговор двум своим детям и снова повернулся к нам.

— Мои поздравления вам обоим. Вы прошли длинный, длинный путь.

Я улыбнулась и кивнула мужчине. Да, это был очень долгий путь. Я поднесла покрытый инеем стакан к губам и запрокинула голову, наблюдая, как скользят вниз остатки пенки.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ САМЫЙ ДРУЖЕЛЮБНЫЙ НАРОД В МИРЕ

Было далеко за полночь, когда мы приземлились в Окленде. По совету служащих за информационной стойкой, где нам продали карты Северного и Южного островов, мы провели ночь на довольно мягких кушетках в холле на втором этаже аэропорта. Мы прислонили свои велосипеды к кушеткам, из рубашек сделали подушки и проспали до семи утра, когда появились первые пассажиры.

Выйдя из терминала, я удивилась, как холодно. Почти за два месяца, с самого Катманду, я забыла это ощущение и поспешила натянуть тёплую рубашку и шерстяные носки. Если мы с Ларри от холода почувствовали себя чужаками, то после того, как пересекли автостоянку рядом с аэропортом, наша растерянность ещё больше увеличилась. Мы рассчитывали найти автостраду, соединяющую аэропорт с городом Окленд, но там ничего не было, если не считать двухрядной просёлочной дороги, по которой ползло несколько старомодных автомобилей британского производства. Никакого Окленда в поле зрения не было. В действительности, куда ни глянь, ничего кроме зелёных холмистых пастбищ. Казалось невероятным, но всё это протянулось на мили. Международный аэропорт Окленда был устроен прямо посреди пастбищ для коров и овец. Итак, мы в Новой Зеландии, стране с тремя миллионами человек и шестью миллионами овец.

За следующие два месяца бок о бок мы проехали по спокойным двухрядным дорогам Северный и Южный

острова. Поражало отсутствие помёта, шума и толпы. И поскольку лишь семнадцать процентов населения проживало за пределами городов, в сельской местности, особого движения на дорогах не было. Редко приходилось двигаться гуськом.

Мы были ошеломлены. Неужели мы вернулись к «цивилизованному» велотуризму? Все говорили на нашем языке, и не приходилось прилагать усилий для объяснений, пересыпая мычание и жестикуляцию иностранными словами. Не нужно было кипятить воду и волноваться, не заболеем ли мы от того, что съели. Мы устраивали лагерь где хотели, не думая о кобрах, бандитах, любопытствующих толпах или постановлениях правительства, запрещающих бесплатные стоянки. Кемпинги Новой Зеландии, которые мы посещали, если приходило в голову принять горячий душ, были снабжены стиральными машинами и сушилками; в кухнях имелись плиты, духовки, тостеры, раковины; а в туалетных комнатах — унитазы и душевые с горячей водой.

Открывавшийся пейзаж постоянно менялся. Двадцать два миллиона акров холмистых пастбищ перемежались тропическим побережьем с галечными и песчаными пляжами, вулканами и гейзерами; цепями заснеженных гор с ледниками и кристально чистыми речками; ручьями и озёрами, где лучше всего в мире ловится форель; фьордами и сосновыми борами. Единственное, что отравляло безупречную картину, в особенности когда мы ехали вдоль западного побережья Южного острова, так это кровососы.

В Новой Зеландии мы столкнулись, вероятно, с самыми приемлемыми для велосипедиста вариантами встречного и бокового ветра. Хуже всего пришлось в тот день, когда мы выехали из города Крайстчёрч на Южном острове в самый разгар бури, которая неслась через равнину Кентербери и стремилась сбросить нас с

дороги. Двадцать миль мы сражались, пока яростный порыв ветра не вырвал из-под меня велосипед, а Ларри не отправил вместе с его велосипедом наперерез приближавшейся машине. Я отлетела на обочину; правая часть тела долго и основательно зарывалась в гравий, пока мой велосипед путался в ногах. Кожа на правом бедре жутко ободралась при падении.

Ларри при столкновении не пострадал, и, после того как закончился болезненный процесс по откапыванию моего тела из гравия, мы повели свои велосипеды в надежде, что ветер вскоре прекратится. Поскольку долго топтать по гравию было невозможно, то шли по краю асфальта. Я повернулась спиной к ветру и согнулась так, чтобы меня не швырнуло на велосипед или на обочину. Взявшись за руль правой рукой, левой я зажала седло. Двигаться вперёд, не спотыкаясь, стало настоящим мученьем. Временами порывы ветра достигали такой силы, что подбрасывали в воздух мой семидесятифунтовый велосипед, как картонную коробку. И он взлетал боком, параллельно земле, испытывая надёжность моей хватки. Стремясь удержать равновесие, я дёргала велосипед и ставила колёсами на дорогу, а потом, спотыкаясь, шла дальше, пока новый порыв ветра вновь не подбрасывал мой велосипед к небу.

Мы шли полчаса, а ветер и не собирался стихать. В конце концов хватило мужества снова взобраться на велосипеды. Мотаясь от одной транспортной полосы до другой, мы с чудовищными усилиями продвигались вперёд, пока не оказались под прикрытием речного берега. Там, у реки, мы провели ночь, уповая, что буря не снесёт палатку.

Ветер, крутые подъёмы, щебнистые дороги, которые буквально сжирали шины наших велосипедов, а во время ливней ещё и оползни из грязи с галькой, под

которыми пропадали целые участки дороги,— всё это создавало серьёзные физические трудности во время велотура по Новой Зеландии. Вместе с тем было ещё кое-что, временами вообще не позволявшее двигаться дальше, нечто такое, из-за чего элементарное перемещение из пункта А в пункт Б становилось невозможным на несколько дней, и этим нечто было радушие новозеландцев.

Новозеландцы, в особенности жители сельской местности, были людьми по натуре суровыми и, безо всякого сомнения, самыми дружелюбными и добросердечными из всех, кого нам доводилось встречать. В Таиланде иностранные туристы обычно отмечают бандитов, пляжи, дешевизну продуктов и массажные кабинеты. В разговорах о Непале всё крутится вокруг длительных переходов, наркотиков и пищевых отравлений. Египет — это пирамиды, Луксор и грязь. В свою очередь, музеи, соборы и привлекательные своей стариной городки составляют предмет беседы о Европе. Но в Новой Зеландии путешественники говорят о местных людях. У каждого из встреченных нами туристов, даже если он находился в составе тургруппы, была своя собственная история о дружелюбии новозеландцев. А две студентки из Израиля, остановившиеся, чтобы поболтать с нами, когда мы сели пожевать хлопьев и яблок рядом с продуктовой лавкой где-то на Северном острове, особенно взволнованно и подробно изложили свою.

— Сегодня днём мы голосовали до Веллингтона,— объяснила одна из них,— и среднего возраста пара подобрала нас и, сразу пригласив к себе на чай — так они здесь называют ужин, предложила переночевать у них дома в городе. А утром, когда мы собрались уходить, муж попросил нас присесть, и вы не поверите, что он нам сказал. Он сказал: «Мы тут с женой ночью посоветовались и решили, что, двигаясь, как вы,

автостопом, в нашей стране увидишь немного. Красивейшие места в Новой Зеландии находятся в самых малонаселённых районах, а там, на пустынных дорогах, людей почти нет. Транспорт проходит редко, и вы рискуете застрять неизвестно где на сутки, а то и на двое, прежде чем вас кто-нибудь подвезёт. Поступим так. На ваших картах я отмечу места, которые стоит посмотреть на обоих островах, а вы можете взять одну из наших машин и за оставшееся время увидите всё, что нужно, в Новой Зеландии. Пусть машина будет у вас хоть больше месяца. А когда закончите, то просто пригоните её сюда».

Я серьёзно! Я вам правду говорю! Как раз именно это он нам и предложил и в точности всё исполнил. Одолжил двум совершенно незнакомым иностранкам на полтора месяца свою машину, которая вот здесь рядом с нами и стоит. Вы только мне скажите, где ещё в мире можно найти таких людей! Эти новозеландцы удивительны! В кемпинге, что у вулканов в Шато Тонжарино, мы встретили одну канадскую пару. Они голосовали, и новозеландцы, которые их подвезли, смотались к себе домой в Туранги, а это в тридцати милях, вернулись обратно в кемпинг со своим жилым прицепом и оставили его канадской паре, чтобы те могли там расположиться. Я бы могла продолжать и продолжать! Здесь какие-то небеса гостеприимства!

Если мы с Ларри и ворчали в Новой Зеландии на встречный ветер, холод с дождём и насекомых, правду сказать, нам очень помогало потрясающее радушие новозеландцев, которое заставляло забыть и о погоде, и о насекомых. Из Окленда мы рассчитывали добраться до дома Джеффа в Гисборне, который находился на юго-восток от Окленда, всего за четыре дня. Когда мы наконец появились, опоздав на неделю, Джеффу захотелось узнать, что же нас так задержало.

— Что задержало? — взревел Ларри.— Тебе повезло, что мы вообще здесь! Я уж подумывал, не стоит ли, пока мы ещё окончательно не состарились и не одряхлели, начать передвигаться по ночам! Как только мы вставали перекусить по дороге, каждый раз кто-нибудь подходил, пританцовывая от радости, и либо не меньше часа беседовал с нами, либо приглашал на всё оставшееся время к себе, на чай и с ночёвкой! Первые несколько раз мы радостно принимали приглашения, и нам действительно было у них очень интересно, ведь хочется узнать, как здесь люди живут, послушать про шестьдесят миллионов «шерстяных безобразников» и как они множатся, узнать о коренных маори и их культуре.

Но очень скоро стало ясно: если мы будем принимать все приглашения, то никогда до тебя не доберёмся. Тогда мы стали налево и направо отказываться от приглашений. Но, чёрт подери, иногда они даже подолгу ехали вместе с нами, чтобы пригласить зайти к ним в дом, так что мы могли провести у них несколько дней! А если мы просили разрешения поставить на ночь палатку на чьём-нибудь пастбище, то нас всегда приглашали на чай, что кончалось разговором на всю ночь. Когда мы заходили в продуктовый магазинчик, владелец мог броситься в заднее помещение и быстренько приготовить нам горячего чая с бисквитами!

— Знаешь, сегодня утром шёл дождь, и, когда мы спустились с гор к Гисборну, три водителя предложили подвезти нас или остановиться у них. Говорю тебе, Джефф, в твоей стране собралось невообразимое количество самых дружелюбных, добрых и заботливых людей!

— Правда? — ухмыльнулся Джефф.

Мы с Ларри пробыли с Джеффом и его семейством неделю, сначала в их доме в Гисборне, а потом — на даче на берегу озера недалеко от Роторуа. Осматривали

достопримечательности; угощались жареной ножкой ягнёнка с картофелем, овощами, салатами и галлонами поглощали сливочное новозеландское мороженое; плавали и катались на водных лыжах; и вместе с Джеффом предавались воспоминаниям о совместных приключениях. Побывали в семейном фруктовом саду и провели какое-то время на ферме у братьев-близнецов Джеффа. Близнецы выращивали клейдесдальских лошадей-тяжеловозов, а ещё держали пасеку, собирали и продавали мёд.

В день нашего отъезда Джефф пообещал приехать к нам в Америку. То, что когда-нибудь мы снова соберёмся вместе, было для всех троих необычайно важно. Нас объединяла дружба, спаянная тем, что пришлось вместе пережить.

— Через несколько лет, в один прекрасный день, мы соберёмся вместе и будем кайфовать за пивом, задрав ноги, вспоминать Джингуса и про муфты подвески, пролетевшие рядом с головой Ларри, и как из-за вшивых четырёх батов таец схватился за нож, и вновь будем хохотать, вспоминая то незабвенное утро, когда малютка Барб покакала в душе, и мы почувствуем, что всё началось снова. Слушайте и внимайте, мои милые. Возможно, когда мне будет сорок, а вы подойдёте к пятидесяти, я позвоню вам по телефону и проору: «Эй, супруги! Давайте собирайтесь и снова за дело!» И мы поедем! И кто знает, может, тогда у меня уже будут жена и дети, которых я прихвачу с собой!

Из Гисборна мы отправились на Южный остров. Населения там меньше, чем на Северном, города встречаются редко и разбросаны на больших расстояниях друг от друга. Народ на Южном острове, хотя и такой же дружелюбный, больше занимался своими делами, к себе домой нас приглашали реже.

Мы двигались по спокойным дорогам, разбивая лагерь на взморье, вблизи ледников, а в горах — у озёр

и ручьёв. А если случалось заехать в город во время ленча, то ставили свои велосипеды напротив местного паба, заходили туда со своими яблоками, хлебом и арахисовым маслом и всего за доллар брали себе кувшин замечательного ледяного новозеландского пива. После этого мы шли в местный продуктовый магазинчик за гигантской порцией десятицентового ванильного мороженого.

Южный остров славится своими природными красотами больше, чем Северный, да и транспорта на дорогах здесь очень мало. Поэтому сотни иностранцев, путешествующих на велосипедах по Новой Зеландии с марта по декабрь, когда в Южном полушарии лето, большую часть времени проводят на Южном острове. Было очень непривычно видеть на дороге других велотуристов. За исключением Джеффа и голландского парня, с которым мы познакомились в Непале, нам не довелось ни в Египте, ни в Индии, ни в Юго-Восточной Азии встретить ни одного велосипедиста с багажом. За последние четыре месяца, от Каира до Сингапура, наше появление, как и способ путешествовать, почти у всех, с кем мы пересекались, ошеломляло людей, чем бы они ни занимались, заставляя газеть или удивлённо восклицать от недоумения. Но теперь мы стали просто одними из множества американских велосипедистов, путешествовавших по Южному острову летом 1980 года.

Кроме иностранцев, было довольно много и новозеландских велотуристов. Теперь, когда цены на бензин скакнули до небес, новозеландцы по большей части пользовались велосипедом. В крупных и маленьких городах люди всех возрастов использовали велосипеды, снабжённые проволочными корзинками, как для покупок, так и для мелких разъездов. Было вновь видеть, как вся страна пересела на велосипед в качестве альтернативного средства передвижения. Новозеландцы установили, что могут снизить расходы

на машину и бензин, а заодно и уменьшить загрязнение воздуха, просто чуть чаще влезая на велосипед.

С расцветом увлечения велосипедами спрос начал опережать предложение, а правительственные пошлины на импорт товаров привели к тому, что цены на новые велосипеды стали очень крутыми. Тут-то внимание новозеландцев и привлёк поток велотуристов из Америки. После того как американцы завершали своё путешествие, новозеландцы получали возможность приобрести их велосипеды по значительно более низкой цене, чем в собственных магазинах — правда, по более высокой, чем та, которую платили за свои велосипеды американцы. Продав велосипед в Новой Зеландии, американец получал прибыль, вполне достаточную, чтобы купить себе новый после возвращения домой, да ещё частично компенсировать себе стоимость перелёта. Некоторые американцы, прилетев в Окленд или Крайстчёрч, оставляли в магазинах велосипедов объявление «ПРОДАЁТСЯ», а по завершении туристической поездки по стране они возвращались в магазин, где их дожидался список потенциальных покупателей.

Когда мы с Ларри путешествовали по Южному острову, то имели возможность побеседовать, а иногда и проехать вместе со многими из своих братьев. Как и для всякого объединения, сообществу велотуристов свойствен определённый набор характеров. Например, Джим, семидесятилетний американский джентльмен. Он старательно объехал всю Новую Зеландию на своём верном трёхскоростном велосипеде, к которому привязал три пластиковых мусорных контейнера: два больших — по разные стороны от заднего колеса, а один поменьше — к рулю. Все три были ярко-оранжевого цвета с зелёными крышками и содержали беспорядочную мешанину из одежды, продуктов,

инструментов, книг, мусора, мыла, запасных частей и всего, что Джиму приходило в голову туда запихнуть.

— Я по своей сути убеждённый неряха,— объяснял он нам и всем, с кем беседовал.— Так что эти мусорные баки для меня идеальны. Не представляю, что бы я делал с этими вашими новомодными рюкзаками, со всеми их запутанными карманами и отделениями. Бог его знает, но я никогда не складываю и не распределяю свои вещи. Просто бросаю всё вместе, а когда мне нужно что-нибудь — просто шарю, пока не найду.

Когда мы расставались после совместного ленча, Джим повернулся к Ларри и что-то прошептал.

— Что вы сказали? — переспросил Ларри.— Я не расслышал.

— Я сказал, не заглядывайтесь на Дебби,— сказал Джим громко.

— Какую Дебби?

— Дебби? И почему Дебби...— Джим замолк, и по его взгляду я поняла, что он задумался и ничего не слышит. Несколько мгновений спустя он покачал головой.— Ну, поймёте, когда с ней встретитесь,— хмыкнул он загадочно.

Потом был Роджер, парень из Британии, который нам повстречался, когда мы сидели около продуктовой лавки в маленьком городке южнее Крайстчёрча. Роджер немедленно сообщил нам, что всякий раз, когда ему надоедает крутить педали, он снимает переднее колесо и встаёт на краю дороги, держа его в руке.

— Всегда срабатывает,— сказал он.— Водители сразу останавливаются. Они думают, что у бедняги сломался велосипед, и подвозят куда угодно. Сначала я пытался просто голосовать. Но никто не подбирал голосующего велосипедиста с вьючниками. Но всегда готовы помочь севшему на мель парню с негодным, как они полагают, велосипедом.

Роджер выглядел лет на двадцать пять, и во время разговора он как-то странно на нас поглядывал.

— Скажите,— сказал он, помолчав,— а вы не те двое велосипедистов, что останавливались в «Голден-отеле» в... Дайте подумать. Когда я был в Каире? Должно быть, в ноябре. Нет, я там был в октябре. В октябре, точно, в октябре. Вы были с велосипедами? Я ещё не мог поверить, что у кого-нибудь хватит смелости проехать по такой стране на велосипеде. Только не у меня. Так это были вы?

Теперь мы с Ларри уставились на Роджера, поражённые таким совпадением.

— Отлично, значит, это были вы. Я так и подумал. Мир тесен, как вы знаете. Ладно, я, пожалуй, поеду дальше. Счастливо!

Прежде чем мы успели что-либо сказать, кроме «до свидания», Роджер уехал. Правда, отъехал он не слишком далеко, а затормозил и окликнул нас.

— Скажите, вы в последнее время не видели Дебби? — хотелось ему знать.

Мы отрицательно покачали головами, а он неопределённо пожал плечами и уехал.

На следующий день мы обнаружили Дебби стоящей со своим велосипедом у бордюра автостоянки в Ашбертоне. Никто не говорил нам, что это она. Дебби, судя по многочисленным отзывам стойких и энергичных американских туристов мужского пола, которые нам ещё предстояло услышать, была весьма убедительной причиной для путешествия мужчины на велосипеде летом 1980 года. На Южном острове по количеству созерцателей она безоговорочно возглавляла список. Милфорд-Саунд и национальный парк Маунт-Кук конкуренции не выдерживали.

Комбинация целого ряда факторов делала из Дебби нечто эдакое. Во-первых, и прежде всего, она была высокой блондинкой без возраста с чувственной

внешностью. Правда, вряд ли бы вы это заметили, если бы на ней были некрасивые длинные шорты, велосипедные туфли без каблуков и замызганная рубашка, то есть то, во что одето большинство велосипедистов, но ничего подобного Дебби не носила. Каким-то образом она ухитрялась помещать своё более чем аппетитное тело в обтягивающий свитер с короткими рукавами, который обрисовывал избыток телесных форм, а также в ультракороткие штанишки-кюлоты, производившие неизгладимое впечатление на ехавших позади велосипедистов мужского пола. Линии длинных ног Дебби подчёркивались туфлями на высоком каблуке, в которых она ехала.

По доходившим до нас слухам, за Дебби тянулись толпы бесчисленных обожателей. Как рассказывал один из очевидцев, где-то на Северном острове в пабе ей повстречался американский парень, и она проявила к нему столь явный интерес, что подружка, которая с ним путешествовала, пришла в уныние. Очевидец утверждал, что, когда Дебби, со всей своей беспредельной и неодолимой чувственностью, сфокусировала внимание на парне, все в пабе ощутили, как наэлектризовалась атмосфера. Когда она покончила с парнем, прямым и грубоватым, похожим на лесоруба, он ещё и два дня спустя был способен только жалобно вздыхать и таращиться с отрешённым видом куда-то в пространство. Впоследствии подружка парня держала ухо востро в отношении местонахождения Дебби, стараясь, чтобы он больше не встречался с этой женщиной.

Встретив Дебби в Ашбертоне, мы выяснили, что она из Калифорнии. Когда же она узнала, каким извилистым путём мы попали из Калифорнии в Новую Зеландию, то ей очень захотелось проехаться вместе несколько дней и побольше узнать о наших приключениях. За последующие три дня, что мы двигались вместе, стало

ясно, что Дебби добра и великодушна и к тому же, для новичка, выносливый велосипедист. Она в основном рассказывала, как в прошлом году красила дома в Австралии, а ещё — о своём желании вернуться вскоре в Северную Калифорнию. По окончании проведённого в Новой Зеландии отпуска она намеревалась вернуться в Австралию, поработать там несколько месяцев, а потом отправиться в Штаты. Временами она упоминала своего австралийского бой-френда, но распространялась на эту тему мало. При расставании мы обменялись адресами, и Дебби предложила навестить её в Калифорнии, чтобы вместе сплавиться по реке.

Тот факт, что он провёл вместе с *той самой* Дебби три дня и знал, где в Новой Зеландии она планировала побывать в оставшееся время, сделал Ларри необычайно важной персоной среди мужского населения Южного острова. Один бедняга дошёл до того, что предложил «всё пиво, какое сможешь выпить, оставшийся запас моих хлопьев плюс две мои запасные шины, если всё же надумаешь дать мне адрес этой женщины». Дебби была способна заставить многих мужчин потерять всякую ориентацию.

К тому времени, как, проехав основную часть Южного острова, мы направлялись на север к Уэстпорту, за спиной осталось уже больше двадцати двух тысяч пятисот миль. Но такого количества гроз и ливней невозможно было припомнить с самого начала путешествия. Казалось бы, за двадцать два месяца дороги мы должны были привыкнуть ко всем неприятностям, которые доставляет дождливая погода велосипедисту. Но это предположение ошибочно. Единственное, чего мы опасались больше всего на свете, даже больше встречного ветра, так это ехать под ледяным дождём. Так что, когда обещанный в сводках трёхдневный ливень застал нас недалеко от Уэстпорта и

к концу первого дня мы обнаружили, что наши повидавшие виды дождевые куртки больше не спасают от ледяной воды, Ларри предложил остановиться в мотеле до конца дождя. В первый и единственный раз за всё время путешествия, вместо того чтобы пахать под ливнем, проклиная сырость и холод, мы нашли прибежище в тёплой и сухой комнате мотеля.

Пока два дня подряд снаружи не прекращаясь лупил дождь, мы оставались в своей комнате. Как и повсюду в мотелях Новой Зеландии, в нашем номере была отдельная кухня и ванная. Мы в полной мере насладились хорошо оборудованной кухней и готовили себе то, о чём мечтали по вечерам на лагерной стоянке, когда жарили себе рис с овощами на походной плитке. Мы закатывали себе пиры из печёной картошки в сметане с чесноком, жаркого из барашка и шоколадных кексов. В нашу первую ночь в мотеле, вытянувшись на просторной кушетке в жилой комнате и слушая, как стучит дождь по крыше, Ларри поглощал огромные куски кекса. Было замечательно оказаться не под леденящим дождём, а в тёплой комнате с полами и непротекающим потолком.

— Мы расслабились, Барб,— вздохнул Ларри.— Но знаешь, чертовски славно иногда расслабиться.

Перед тем как покинуть Южный остров, мы решили пройти пешком по национальному парку Абель-Тасман вдоль залива Тасман до северной оконечности острова. Владельцы кемпинга, расположенного в начале тропы, в бухте Санди-Бэй, предложили оставить у себя наши велосипеды и вещи на время похода, сосед по кемпингу из Веллингтона одолжил своё снаряжение со всей присущей новозеландцам доброжелательностью и доверием.

— К тому времени, как вы закончите свой поход, я уже уеду,— объяснил он.— Вот вам мой рабочий адрес в Веллингтоне. Это рядом с паромной переправой с

Южного острова; так что вы можете передать мне снаряжение, когда будете уезжать и поедете через город.

Тропа вдоль залива проходила через густую тропическую растительность, вилась вдоль прибрежных утёсов и пустынных песчаных бухточек. Мы шли три дня. Две ночи провели в хижинах для туристов, находившихся друг от друга на расстоянии дневного перехода. Во вторую ночь дождь начался как раз перед тем, как мы добрались до стоянки. Ворвавшись внутрь, мы обнаружили Робби и Жани Гильермо, своих друзей из Санта-Барбары, которые остановились в хижине перед нами. Им пришла в голову идея навестить своих приятелей из Веллингтона и пройтись с рюкзаками по обоим островам. Мы все четверо завопили, обнимаясь, а мы с Ларри ещё и засыпали их вопросами про друзей и жизнь в Санта-Барбаре. Слушая, как Жани рассказывает про пляжный волейбол, порт, мексиканскую еду, катание на лыжах в Сьеррах, на меня снова навалилась застарелая тоска по дому. Внешний вид и жесты Робби и Жани, их манера говорить и то, о чём они рассказывали, — всё было таким родным. Неожиданно я ощутила себя иностранкой, оказавшейся так далеко. Меня потянуло домой. Мне захотелось знакомого окружения, достаточно с меня путешествовать.

Но поездка из Веллингтона до Окленда помогла избавиться от тоски. Вновь мы перебрались на Северный остров, туда, где люди почти на каждом повороте приглашали к себе домой. Аллен Робинсон, пастух овец в горах к северу от Уонгануи, заметил нас во время отдыха на длинном крутом подъёме к вулканам, где-то на полпути между Веллингтоном и Оклендом. Он пространно изложил своё совершенно неотразимое, в новозеландском духе, приглашение.

— Ну, теперь вы проехали добрых пятнадцать — двадцать миль, а дальше придётся лезть вверх, пока не

достигнете Раэтихи. Сейчас четыре часа, и придётся вам выбирать. Либо вы остаток дня будете пахать под мелким дождём, либо подниметесь ко мне в дом и посмотрите, на что способны мои пастушеские собаки и какова жизнь на овечьем пастбище. Мы, с моей женой Робин, накормим вас отличной домашней едой, вы примете горячий душ и уснёте на чудесных матрасах, а не в холоде и сырости. Что скажете?

Аллен был типичным сильным и крепким, светловолосым и румяным новозеландцем. И, как подавляющее большинство своих соотечественников, носил шорты даже в дождь и холод. Как только мы перенесли свои вещи в дом на ранчо, он повёл нас показать собак и продемонстрировал, как они реагируют на его команды голосом и свистом. Они с Робин рассказали нам о жизни на ферме и предложили пожить у них столько, сколько захочется.

Мы были бы рады задержаться, но уже пообещали двум семьям навестить их перед своим отъездом из Новой Зеландии, назначенным на 4 апреля и до которого оставалось меньше двух недель. С ними мы познакомились на Южном острове, где они проводили отпуск и пригласили нас к себе домой, на Северный остров. Слэттеры, средних лет пара, имели небольшую молочную ферму в Турангаомоане, местечке рядом с Матаматой, на север от Роторуа. Фоксы, пара пенсионеров, жили в Окленде. Господи, думала я, благодаря Робин и Аллена за приглашения, похоже, мы проведём всю жизнь в Новой Зеландии, только отвечая на приглашения.

Ларри и я приехали в Турангаомоану, которая находится в ста милях к югу от Окленда, 31 марта, всего за два дня до подтверждения своей брони в оклендском офисе авиалиний. Мы рассчитывали провести со Слэттерами всего один день, а на следующий — двинуть в Окленд, но у Рэя с Джун были иные планы.

— Послушайте,— настаивал Рэй,— лучше оставайтесь до второго, когда вам нужно отметить билеты, а утром мы отвезём вас в Окленд вместе с вещами и велосипедами. Тогда у нас с Джун будет побольше времени, чтобы показать, как мы тут, в Турангаомоане, живём.

— Всё, сдаюсь! — засмеялся Ларри.— Объехать Новую Зеландию на велосипеде чертовски трудно! Люди здесь чересчур дружелюбны! И ты знаешь это не хуже меня.

— Отлично,— весело ухмыльнулся Рэй, толкая его локтем в бок,— значит, постановили. А теперь давай сходим в местный мужской клуб, выпьем по паре стаканов и сыграем партию в мяч.

Когда они возвратились через полтора часа, Ларри был слегка навеселе. Партию они проиграли, в основном из-за того, что после трёх литров пива Ларри удалось взять всего три мяча. Вечером Джун усадила нас за обед с жарким из баранины с мятой, цветной капустой в сметане, сладким картофелем, а на десерт были персики с мороженым.

На следующее утро Рэй поднялся подоить коров в половине шестого. После этого, пока Джун ходила на собрание городского гольф-клуба, он сводил нас на ранчо своего друга Монти.

— Монти выращивает особых бычков, которых только американцы и покупают,— сказал он со своей широкой ирландской ухмылкой.— У вас при изготовлении гамбургеров обычную говядину смешивают с мясом кастрированных бычков, поэтому начинка гамбургера приобретает красный цвет. Больше нигде в мире не обращают внимание на цвет гамбургера, но в Америке он должен быть по-настоящему красным!

Так или иначе, ему в последнее время не слишком везёт. Цена на бычков последнюю неделю постоянно росла, но брокер Монти не советовал ему продавать. Он

говорил, что лучше подождать и продать подороже на аукционе, так как предполагалось, что за следующую пару недель цена ещё повысится. Ну а цены упали, и Монти уже потерял по сотне долларов с головы!

Ранчо Монти раскинулось на крутых зелёных горах и холмистых пастбищах чуть к востоку от Турангаоманы. Мы застали Монти, когда он собирался вместе с собаками в горы, чтобы перегнать сто пятьдесят бычков на более низкое пастбище для выпаса. Если Рэй был невысоким и коренастым, с шапкой курчавых волос и кустистыми бровями, то Монти был высоким, худым и сдержанным мужчиной. Двигался он слегка прихрамывая и носил зелёный с синим берет.

Рэй остался у джипа Монти, а Ларри и я отправились в горы вместе с Монти и его собаками. Подчиняясь крикам и свисту Монти, его собаки всего за полчаса отогнали бычков на нижнее пастбище. Затем Монти приказал им отделить группу молодых бычков, которых собаки погнали вниз по дороге на другое пастбище. Мы поехали сзади на джипе. Несколько проехавших мимо машин двигались очень осторожно, замедляя ход рядом с собаками и бычками.

— Здесь народ очень внимателен, когда проезжает на машине мимо собак,— объяснял Монти.— В этой стране, если водитель собьёт пастушескую собаку, то окажется в суде. И знаете что? — спросил он с блеском в глазах.— Если кто-то задавит одну из ваших собак, вы всегда будете утверждать, что это была ваша лучшая собака. И получите, таким образом, максимальную сумму.

Покончив с бычками, мы поехали к фермерскому дому. Колин, жена Монти, женщина высокая и живая, ждала нас с ленчем. Пока мы ели, Рэй с Монти постоянно острили. А потом перешли к рассказам об утиной охоте. Скоро, кстати, начинался новый охотничий сезон.

— Накануне открытия сезона мы собрались большой компанией мужчин у Монти и всю ночь напролёт пили пиво и играли в покер,— начал Рэй.— Мы просидели до утра и предприняли слабую попытку поохотиться. Но, знаете ли, некоторые из нас были уже столь чертовски хороши, что едва на ногах держались! Почему-то тем не менее все дружно решили отправиться на то место, где всегда охотились, неподалёку отсюда, ну и пострелять.

Надо сказать, в прошлом году, когда мы туда добрались, попытавшись организовать и хотя бы частично прийти в состояние боевой готовности, как будь я проклят, если этот новый смотритель к нам не подкрался. Никто из нас, понимаете ли, сроду не беспокоился насчёт лицензий, и было большой неожиданностью, когда смотритель проявил к ним интерес. Но мы все сделали вид, что никакого парня и в помине нет. Продолжали болтать между собой, не отвечая на его вопросы.

У нас в округе большинство смотрителей — ребята спокойные и с юмором, и, глянув на нас, любой бы сразу сообразил, что, судя по нашему виду, спорить — только время терять. Я говорю, любой понял бы, оценив наше состояние, что местная утиная популяция — в полнейшей безопасности. Только не этот смотритель. Нет, сэр. Он всё стоял и спрашивал наши лицензии, а мы продолжали его игнорировать. Ну он и начал горячиться. В этот самый момент я и подумал, что пора его охладить.

Тут Рэй замолчал. По его лицу скользнула озорная улыбка, и он глянул на Монти, который уже откровенно смеялся.

— Всё, значит, оставалось по-прежнему,— вмешался Монти,— никто не говорит смотрителю ни слова. И мы даже не смотрим в его сторону. А потом вдруг Рэй залезает в джип и вытаскивает оттуда одну из этих многолитровых бутылок с кока-колой. А смотритель Рэя

в этот момент не видел. Он продолжал передо мной распинаться — я ближе всех к нему стоял. Поэтому, прежде чем до него дошло, что происходит, Рэй успел перевернуть и засунуть открытую бутылку ему в левый сапог!

Тут Рэй и Монти зашлись от хохота и стали хлопать друг друга по спине.

— Знаете, что потом было? — прохрипел Монти.— К тому времени, как бутылка опорожнилась в сапог, наблюдатель пришёл в себя и оставил нас в покое! Элементарно!

На следующее утро я помогла Джин приготовить закуску для ленча, Рэй погрузил наши велосипеды и пожитки в автофургон. Мы вшестером — Рэй с Джун, Монти с Колин, мы с Ларри — отправились в Окленд. Мы намеревались закусить на последней дорожной стоянке, но пошёл дождь, поэтому мы поехали сразу в город. Пикник пришлось организовать в подземной стоянке, расставив еду на задней дверце фургона.

— Таков у нас обычай,— хихикал Рэй, поглощая бутерброды и горячий кофе.— Мы способны прекрасно провести время где угодно, даже на автостоянке.

Вполне подходящее завершение нашего пребывания с друзьями из Турангаомоаны.

После того как мы подтвердили заказ на билеты в конторе авиакомпаний и забрали пакет с почтой в офисе «Америкэн экспресс», нас ожидала радужная встреча в доме Стэна и Кэт Фоксов, живших в северной части Окленда.

— О, вы наконец приехали! — воскликнула Кэт, бросившись к двери, чтобы встретить нас. — Мы получили вашу открытку, где сказано, что будете сегодня. О, Господи, с тех пор как мы вас встретили на Южном острове, так волновались, удастся ли вам нас

навестить! До смерти хочется послушать про ваше путешествие! Мы уже и комнату вам приготовили!

Кэт и Стэн приехали в Новую Зеландию из Англии в 1952 году. В Англии Стэн участвовал в велогонках и спустя какое-то время соорудил двойной велосипед. На своём тандеме они с Кэт объехали всю Британию. И благодаря Кэт Стэн всегда задавал такой темп, что «некогда было высморкаться».

Теперь они жили вдвоём в своей уютной квартире на северном берегу. Все их четверо детей жили в окрестностях Окленда и часто навещали родителей. Уже через десять минут после приезда Фоксы заставили нас чувствовать себя как дома. Таковы все новозеландцы. У них находится время интересоваться другими людьми, они приглашают незнакомцев к себе домой, проявляя по отношению к ней или к нему удивительные заботу и дружелюбие.

В тот вечер, когда Стэн и Кэт отправились спать, мы с Ларри, двое иностранцев, с которыми они поговорили всего лишь пятнадцать минут на одной из дорог Южного острова, сидели теперь в специально приготовленной для нас спальне. Мы распечатали свой пакет с почтой из дома. Он был набит письмами, присланными к Рождеству со всего мира. Несколько писем пришло от наших друзей из Калифорнии, но большая часть — от людей таких же, как Стэн и Кэт,— людей, у которых мы останавливались во время путешествия, иногда на одну ночь, иногда на несколько дней или недель, они заботились и тревожились за нас, отдавая нам частицу себя самих. Это были люди, о которых, наматывая мили, мы вспоминали почти каждый день. Мы старались писать им как можно чаще, и они, так сказать, были вместе с нами на протяжении всего путешествия. Значили они для нас больше, чем жажда приключений и желание посмотреть мир. Это были люди, которые

помогали нам двигаться вперёд, даря нам вдали от собственного дома тепло своего семейного очага.

Сидя на кровати, мы с Ларри снова и снова перечитывали друг другу каждую открытку и плакали от счастья, что встретили так много добрых людей. Написали Були, а также Бруно и Мария — из Италии, Ли с Шейлой и Бонни Вагнер, потом Элцроты из Мичигана, а ещё друзья из Дип-Лагун и Пэт-Риго, женщина из Йоркшира. Когда мы остановились у дома Пат и попросили воды, она настояла, чтобы мы у неё переночевали. Нам была предоставлена её собственная кровать, она спала на кровати сына в детской, а её сынишка — на полу.

Написали и Хоусты, Нед и Кэти. Они встретили нас в горах Катскилл, на дороге недалеко от своего дома, затащили к себе на ночь и накормили грандиозным обедом с запечённым окороком. Была открытка и от миссис Смит, храброй семидесятилетней вдовы из Белмонта, Онтарио. Когда мы прикатили в Белмонт, она стояла на своём газоне, беседуя с соседкой. Мы спросили её, нет ли поблизости кемпинга, и она немедленно распахнула нам двери своего дома.

Пачка писем казалась бесконечной, и, наслаждаясь ими, мы просидели до глубокой ночи.

Через два дня после приезда к Фоксам Ларри и я стояли на причале на северном берегу, неподалёку от их дома, дожидаясь парома, который должен был перевезти нас на другую сторону оклендской гавани. Мы направлялись в аэропорт, чтобы ночным рейсом лететь на Таити. И всего лишь через две недели мы уже будем на американской земле.

Стэн и Кэт со своей дочкой Хелен и внучкой Амандой пришли на пристань проводить нас. Прощанье получилось очень взволнованным. За два дня, проведённых с Фоксами, все мы стали близкими

друзьями. Перед тем как причалил паром, все обнялись и перецеловались друг с другом, по щекам катились слёзы. А когда паром уходил, наши друзья стояли на причале и махали, а мы махали в ответ до тех пор, пока их было видно. Я испытывала горечь пополам с радостью, пока четыре фигурки, постепенно уменьшаясь, исчезали вдаль. словно уезжая из дома, я одновременно возвращалась домой.

Когда мы с Ларри наконец перестали махать, к нам подошёл поболтать молодой американский турист. Он приехал в Новую Зеландию только что и ещё не был знаком с местным населением.

— Вы махали своим родственникам, да? — сказал он вопросительно.— Вы все выглядели такими грустными, пока прощались друг с другом.

— Нет,— возразила я, опередив Ларри,— мы не родственники, просто это новозеландцы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ТАИТИ

Приземляясь в Папэте, мы оба немного нервничали. Во время полёта пассажиры обсуждали баснословно высокие таитянские цены и запреты на бесплатные стоянки. Нам с Ларри, при условии, что мы будем ночевать на пляжах, хватало денег недели на две. Если же полиция вынудит нас останавливаться в курортных отелях, то через несколько дней мы разоримся.

Но к концу первого дня нашего пребывания на острове мы выяснили, что беспокоиться не о чём. Из аэропорта мы приехали на велосипедах в Папэте, приобрели меньше чем за десять долларов двухдневный запас еды, а потом отправились в отдалённую часть острова, что рядом с Таравао, где ни туристов, ни отелей не было, и поставили палатку в пустынной и уединённой части пляжа. Никто нас не трогал, и мы оставались там неделю.

Наша лагерная стоянка обладала всеми характерными для островного рая чертами. Чистые, бирюзового цвета воды Тихого океана. Всего в нескольких сотнях футов от пляжа находились густые джунгли из винограда, бананов, хлебных и пальмовых деревьев и невероятного разнообразия цветущих кустарников. В лесу мы нашли небольшие водопадики, срывавшиеся с вершины чёрной стены из лавы, окаймлённой яркими жёлтыми и красными цветами со сладковатым ароматом. Иногда мы резвились под водопадами; в другие дни забирались на вершину стены, где вода падала каскадом, проходя по пяти овальным бассейнам. Целыми часами мы купались в этих бассейнах, под цветами и хлебными деревьями. Как-то несколько таитянских детишек пришли поплескаться в

водопадах, но никто из них не вскарабкался к бассейнам. Там было наше собственное особое место.

На другой день, после того как мы устроили свой лагерь, из дома с тростниковой крышей, находившегося в двухстах ярдах выше нашего пляжа, в нашу бухточку приплыли пятеро ребятишек. Ларри пригласил их посмотреть, как выглядит изнутри палатка, и дал каждому по горсти печенья, купленного в Таравао в пяти милях вниз по дороге. После этого они навещали нас почти ежедневно. Иногда приплывали. Иногда приходили по дороге, принося цветы, которыми украшали палатку, а ещё кокосовый хлеб, который их мама пекла для нас каждый день. Три девочки носили яркие, набивные парео (заворачивающиеся юбки) и вставляли в свои длинные чёрные волосы белые и жёлтые цветы. Двое мальчишек всегда ходили в плавках.

По вечерам Ларри и я сидели на своём пляже, слушая птиц и океан. Где-то в джунглях с глухим стуком падал на землю кокосовый орех. По мере того как постепенно темнела длинная, в зелени, береговая линия, на кокосовых деревьях и в океане вспыхивали отблески от костра наших соседей.

Проведя неделю в этом раю, мы собрали вещи и поехали вокруг острова обратно в Папаэте, чтобы переправиться на остров Муреа. Во время одной из наших ежедневных поездок за едой в Таравао одна американка рассказала нам об изумительных кораллах Муреа и объяснила, как добраться до дома её американских друзей, у которых на плантации кокосов мы бы могли поставить свою палатку.

На разбитой и повидавшей виды барже мы поплыли к Муреа. Вместе со своими велосипедами мы разместились посреди брёвен, ящиков и мешков с продуктами, и один из симпатичных таитянцеv всю дорогу делился с нами своим пивом. После двухчасовой

качки наша баржа вползла в потрясающе красивую бухту Кука.

Донна и Билл жили поблизости от одного из концов бухты, и, как нас и заверила женщина из Таравао, они с удовольствием разрешили остановиться у них на неделю. Спустя час после нашего прибытия на плантацию палатка была установлена в тени мангового дерева рядом с душевой, а Донна снабдила нас трубками, масками, ластами и послала к деревянному пирсу, где были самые невероятные заросли кораллов, которые мы когда-либо видели. Огромные холмы из кораллов самых невероятных оттенков вырастали из белого песчаного дна. Среди них металась стаи сверкающих всеми красками рыб.

Весь остаток этого дня и каждый из остальных семи мы провели, плавая среди кораллов, гоняясь за рыбами, почти ежеминутно опуская голову в воду, чтобы видеть проплывающие внизу горы и зелёные заросли долин. Неудивительно, что Донна и Билл, возвращаясь в Австралию из Лос-Анджелеса, где пробыли несколько лет, и оказавшись на Таити, приняли решение остаться здесь навсегда. У них и в мыслях не было расставаться со своим кусочком рая на Мурее.

Показав нам все лучшие для плавания с маской места в окрестностях Мурее, Донна также дала нам совет, как сократить расходы на питание.

— В десяти милях отсюда, вверх по дороге, есть «Мед-клуб»,— заметила она, когда в свой первый день мы наконец наплавались и лежали на пирсе, наблюдая, как садится солнце.— И ежедневно с полудня до часу дня там для посетителей клуба работает громадный буфет, где подают всё что угодно. Знаете, думаю, если вы вдвоём туда сходите, то, наверное, заправитесь так, что хватит на весь день. Но нужна одна хитрость. Территория обнесена высокой стеной, а у единственного

входа стоит охранник. Так что нужно придумать, как туда пробраться.

У меня, правда, есть одно соображение, и я вам предлагаю вот что сделать. Возьмите всё своё снаряжение для плавания и отправляйтесь на велосипедах к отелю «Ле Типаньес», он находится рядом с клубом. О'кей, велосипеды оставите там, а потом доплывёте до двух островков, которые недалеко от клуба. А оттуда, от островков, поплывёте к клубному пляжу, и никому не придёт в голову, что вы не из них, так как многие из членов клуба плавают к этим островкам.

Отлично, когда окажетесь там — послоняйтесь по пляжу до двенадцати, а потом вместе с толпой пойдёте в буфет. В любом случае, во время ленча там все заходят в ресторан в купальных костюмах, и никто не проверяет, кто член клуба, а кто нет.

Только учтите. Когда окажетесь там, нужно помнить одну вещь: всё будет в порядке, если вам не вздумается выпить в одном из баров. Потому что они расплачиваются за свою выпивку такими фишками, которые, я думаю, они где-то приобретают — но где, понятия не имею. Во всяком случае, если вы закажете выпивку, а фишек не окажется, они сообразят, что вы посторонние, и выставят вас оттуда. Просто держитесь подальше от баров, и всё будет нормально. Всё усвоили?

— Конечно, не беспокойся,— засмеялся Ларри.— Мы попытаемся.

Следующим утром мы с Ларри поехали к «Ле Типаньес», а потом вплавь отправились к клубу. Ларри, который в своё время входил в студенческую команду по плаванию, был отличным пловцом в отличие от меня, которая плавала ниже среднего. Со мной всё было в порядке до тех пор, пока, проплыв часть расстояния между островками и клубом, мы не оказались в глубоком с сильной волной проливе, который отделял островное

мелководье от пляжа. Оказавшись в проливе, который, как мне казалось, был шириной в триста футов, я почувствовала, как меня потащило течением в открытое море.

Я боролась с ним первые пятьдесят футов, но водой мне захлёстывало дыхательную трубку. Каждый раз, открывая рот, чтобы набрать воздуха, я наглатывалась воды, попадавшей вдобавок и в нос. Сначала я отплёвывалась и продолжала плыть, но прошло немного времени, и от борьбы с течением сбилось дыхание и я начала задыхаться. В общем, я обновилась, отчаянно пытаюсь восстановить дыхание. Но чем больше я пыталась это проделать, тем сильнее задыхалась. В глубине души я с горечью осознала немыслимую иронию ситуации — после всего перенесённого за последние два года, вот сейчас здесь, всего за шесть дней до конца нашего путешествия, я и утону!

Руками я лупила по воде, стараясь удержать голову над водой, но ощущала обречённость. Дышалось с таким трудом, что воздух почти не попадал в лёгкие. Неожиданно я почувствовала, как маску и трубку сорвало с головы. Ларри обхватил меня за плечи и приподнял мне голову над водой. Наверное, прошла целая вечность, прежде чем я наконец перестала задыхаться.

— Я заберу твою маску с трубкой. Постарайся доплыть до лодок,— прокричал он, отпуская меня.

В проливе была вереница стоявших на якоре лодок, и я двинулась к ближайшей из них. Без трубки дышать стало легко. Я плыла от лодки к лодке, каждый раз хватаясь за якорный канат и отдыхая, прежде чем отправиться к следующей. Когда мои ноги наконец коснулись песка, было замечательно почувствовать, что я осталась в живых.

Мы приплыли на пляж незадолго до двенадцати и, после того как я, рухнув на песок, провалялась полчаса,

вместе с членами клубами направились в ресторан. Мы оказались за столом с канадским парнем, который признался, что он тоже здесь нелегально.

— Это просто,— сказал он.— Я часто хожу сюда. Нужно всего лишь пройти по пляжу. Это ужасно, что вы добирались столь опасным способом.

Покинув клуб, мы с Ларри прошли до конца принадлежавшего клубу пляжа. Канадец оказался прав: никакого ограждения, отделявшего клубный пляж от соседнего, не было. Беспрепятственно мы дошли напрямик до «Ле Типаньес». Это была наша единственная экскурсия в «Мед-клуб».

Всё оставшееся на Муреа время мы провели, занимаясь рыбной ловлей со шлюпки Билла, плавая с маской на мелководье, лазая по горам и объезжая на велосипеде островные пляжи. Иногда по вечерам мы поднимались в узкую долину позади плантации, чтобы навестить Джин, художницу из Англии. Она жила в крытой тростником хижине на гребне, откуда открывался потрясающий вид на бухту Кука, горы и Тихий океан. Когда мы приходили, Джин сразу готовила свою замечательную смесь джина с тоником, мы втроём усаживались на деревянный настил, свешивая ноги с обрыва, и смотрели, как садится солнце, небо приобретает малиновый оттенок и расползаются тени. В другие вечера мы устраивали себе пикники на пирсе или ходили в гости к Донне и Биллу. И каждую ночь, как только мы забирались в свою палатку, появлялась пара таитянских юношей с бутылками дешёвого импортного вина — которое обычно поступает на Таити в качестве низкосортного бочкового алжирского — и звала нас разделить с ними выпивку, прежде чем они направятся в бар в Пао-Пао.

Однажды один из них пришёл, запинаясь, глубокой ночью в совершенно пьяном виде и решил позвать Джин. Как нам рассказывала Джин, а это первое, что мы

услышали от неё на следующее утро, молодой человек как раз собрался влезть в одно из её окон, когда она двинула его молотком. К вечеру среди молодого мужского населения Муреа распространилась молва, что рисующей леди с обрыва нужно предоставить широкое спальное место.

Восемнадцатого апреля, за день до отлёта, мы с Ларри с большим сожалением распрощались с Донной и Биллом, с Джин, таитянками и Муреа и сели на обратную баржу на Папаэте. В конце дня мы доехали на велосипедах до пляжа, который в четырёх милях от аэропорта в Папаэте, и разбили там свой последний в путешествии лагерь. Рядом, среди хлебных деревьев, кокосовых пальм и цветущего винограда, бежал широкий ручей. Искупавшись в чистой воде, мы приготовили себе на пляже рыбу и смотрели, как заходящее солнце окрашивает океан и небо в ярко-оранжевый цвет. Вдали виднелись очертания Муреа, с высокими темнеющими утёсами.

Мы просидели в эту ночь на пляже допоздна, обсуждая возвращение домой. В чём-то оно нас тревожило. Конечно, впереди были встречи с родными, друзьями, возможность на какое-то время обосноваться, не перемещаясь с места на место ежедневно или еженедельно. Перспектива обосноваться в доме, который укроет нас от бурь, где будут нормальные постели, туалет с душем и полностью оборудованная кухня,— и всё это под одной крышей,— казалась чертовски замечательной.

Но нас мучили и тревожные предчувствия. За последние два года постоянная физическая нагрузка, приключения и жизнь на свежем воздухе стали нашим образом жизни. И в ней было то, что непременно исчезнет: сон под звуки ручьёв, птичьих голосов, танцующего в ветках ветра, запахи цветов, сосновой хвои или свежего воздуха, бурная радость, которую мы

испытывали всякий раз, проходя, казалось, нескончаемые мили под ледяным дождём, изнемогая от зноя, среди полчищ кровососов и людских толп, чтобы наконец оказаться там, дома, о чём мы так часто мечтали. А потом, пожалуй, больше всего остального мучила мысль о том, что, оставив свой таитянский рай, мы прилетим в Лос-Анджелес и сразу столкнёмся со смогом, автострадами, асфальтом и цементом.

Среди смешанных неясных чувств, навалившихся под конец путешествия, было то единственное, в чём я была совершенно уверена,— будущность нашего союза. В ту ночь я испытывала к Ларри такую близость, как никогда прежде за всё девять с половиной лет, что я его знала. После двух полных лет, проведённых бок о бок, разделяя совместные труды и заботы, перенося вместе несчастья и радость побед, мы стали теперь больше чем частью друг друга, о чём я и мечтать не могла. Путешествие помогло нам узнать друг о друге почти всё, а вместе с пониманием пришли настоящая любовь и уважение.

Уже почти в полночь 18 апреля 1980 года Ларри и я залезли в свою палатку и уснули, размышляя обо всём, что случилось с нами за последние два года, и желая узнать, что почувствуем, когда окажемся дома. Двадцать часов спустя мы протащили свои потрёпанные велосипеды через таможду. Оттуда выкатились к встречающим и обнялись с моими родителями и компанией друзей. Наше путешествие закончилось.

В ПАМЯТЬ

Когда эта книга была уже в печати, автор Барбара Сэвидж погибла от травм головы, полученных в аварии недалеко от своего дома в Санта-Барбаре. Её муж, Ларри, вместе со всей семьёй, друзьями и коллегами надеется, что эта книга станет данью памяти её отважной жизни.

ТАБЛИЦА ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ

	Длина
1 дюйм.....	2,54 мм
1 фут.....	304,8 мм
1 ярд.....	914,4 мм
1 миля сухопутная, США.....	1,60934 км

	Объём
1 галлон.....	4,546 л
1 кварта	1,137 кг

	Масса
1 унция.....	28,35 г
1 фунт.....	0,454 кг

---

notes

*

Ледник. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

*

Магистральная дорога (исп.)

*

Потрясающе! Сказочно! Какая смелость! С Богом!
(исп.)

*

Селение (исп.)

*

Дети (исп.)

*

До свидания (*исп.*)

*

Erhard Seminars Training — система групповой психотерапии.

*

Холодный северный и северо-восточный ветер в Италии и Северной Испании.

*

«Гражданская полиция» (исп.)

*

Здравствуйте! (исп.)

*

Боже мой! *(исп.)*

*

Доброе утро, мадам! Доброе утро, месье! (*фр.*)

*

Сельский домик.

*

Хлопчатобумажные штаны.

*

Небольшое парусное судно.

*

Оседлые крестьяне в Египте, Аравии, Сирии, Палестине.

*

Комплекс храмов, памятник архитектуры Древнего Египта.

*

Набедренная повязка индусов.

*

Буддистское символическое и мемориальное сооружение, хранилище реликвий.

*

Саронг — кусок хлопчатобумажной ткани, обёрнутый вокруг бёдер в виде длинной юбки.